



Светлана Тимина

Алмазная

ГРАНЬ

Я хотела сделать карьеру, повидать мир и создать счастливую семью. Но все планы рухнули в одночасье, когда я очнулась в глухом бункере среди таких же перепуганных девчонок. Теперь я всего лишь вещь без имени и права в руках торговцев живым товаром.

В тот день я поклялась выжить, чего бы мне это ни стоило. Пройти семь кругов ада. Переступить через себя. Разделить трон с самим Сатаной, чтобы однажды свергнуть его с престола...

Очень откровенно. Жестокие сцены. Игры разума. Не для трепетных натур.

Наше время

...Он шёл по длинному коридору больницы, славящейся своими прогрессивными технологиями в излечении онкологических заболеваний. Шёл уверенной походкой мужчины, привыкшего справляться с поставленными задачами и преодолевать любые трудности, будь то ответственное задание, работа под прикрытием, перестрелка или поимка опасного преступника.

Шёл, глядя перед собой. Возможно, суровая печать непримиримости на его волевом лице была всего лишь маской. Только что он увидел, как смерть обнимает костлявыми руками тех, кто заслуживал жизни, как никто другой.

Эти люди с обреченностью в глазах, залегшими тенями и бледными исхудавшими лицами не были преступниками. Жизнь — конченная стерва с непонятным никому кодексом бесчестия — не наказывала убийц, воров и насильников так, как наказала тех, кто не совершил никакого преступления.

На миг что-то дрогнуло в его взгляде. Будто он сам не поверил, что непримиримую броню, выработанную годами, пошатнула гнетущая атмосфера онкологического отделения научного центра...

Медицинская сестра с ярко накрашенными губами и циничным равнодушием на пережаренном в солярии лице заметила отсутствие бахил на ногах посетителя. Спрятала телефон в карман ультракороткого халата и с особым удовольствием поспешила навстречу, открыв было рот, чтобы получить дозу кайфа от ощущения собственной власти в этом крыле больницы, где доживали последние дни пациенты с последней стадией рака.

Едва не споткнулась, запнувшись на полуслове, напоровшись на ледяные сталактиты взгляда визитёра. Отступила в сторону, не понимая, откуда взялся необъяснимый страх и желание тотчас же провалиться сквозь землю. Даже бейдж с известной каждому аббревиатурой из трёх букв — СБУ — не напугал её так сильно, как сталь в глазах мужчины.

— Милевский где?

Нет, он не повысил голос. Но девушке было бы куда спокойнее, если бы визитёр заорал и припечатал её матерным словом.

— С... семьдесят седьмая палата... это люкс... дальше по коридору...

Он мог не задавать этот вопрос. У палаты подозреваемого дежурили ребята из управления. Скорее, это была сила привычки. Позабыв про побледневшую в цвет халата медсестру, мужчина вошёл в туннель люкс-зоны.

Усмехнулся. Смерти всё равно, можешь ты позволить себе райские условия, или же нет. Дни Милевского сочтены.

— Не беспокоить нас, — бросил караулу у палаты и открыл двери, мало беспокоясь о комфорте пациента.

Его палата выглядела, как номер отеля «Хилтон». Только непонятно, зачем была нужна эта роскошь, если пациент уже месяц как утратил способность передвигаться самостоятельно. Метастазы приникли в позвоночник. Словно в отместку, оставив сознание ясным в те моменты, когда морфин нейтрализовал боль.

Милевский не спал.

Максим Каменский, майор СБУ, оглядел палату. Мало что изменилось здесь с его

последнего визита. Разве что букетов стало больше. Подойдя к охапке фиолетовых роз, Каменский поддел ногтем карточку.

«С любовью, Виктория».

Беспощадная улыбка появилась на его плотно сжатых губах. Боковым зрением мужчина отметил, что Милевский повернул голову и внимательно смотрит на него. В сознании. Что ж, отлично.

— Виктория, я погляжу, дождаться не может, когда же ты избавишь мир от своего присутствия. Не представляешь, сколько людей, в особенности молодых женщин, сами того не ведая, с ней солидарны.

В мутных от обезболивающих препаратов глазах Милевского появилось нечто, похожее на упрёк. Когда он заговорил, Каменский с каким-то злобным удовлетворением отметил, что голос стал тише и сдавленнее, по сравнению с прошлым разом.

— Я... не мне... её винить...

— И то верно, Михаил. Так говорят, когда ничего не могут сделать, как в твоём случае. Неожиданный финал для такого как ты, верно?

В криминальных кругах и досье СБУ Михаила Милевского прозвали Работоторговцем. Это как нельзя чётче отражало саму суть этого человека и род его деятельности.

— З...зачем... Ты... Пришел?..

Приступ кашля прервал дальнейшие слова. Каменский со скучающим выражением на лице осмотрел современную аппаратуру, задержав взгляд на экране, где бежала неравномерная кривая сердечного ритма.

— Я открою тебе тайну. Мне нравится наблюдать за тем, как ты умираешь.

— Б... Бог есть... Тебе воздастся... я... знал это...

Каменский расхохотался.

— Бог? Надо же, ты вспомнил о боге. Шестёркам сатаны нечего рассчитывать на рай. Впервые вижу живой пример выражения «карма долбанула». Жаль только, что не при рождении. Без таких тварей мир стал бы чище.

Милевский хотел было ответить, но в горле что-то забулькало, а аппаратура запикала, сигнализируя о состоянии, далёком от нормы.

— В...врача... мне...

Каменский покачал головой, с презрением глядя в почти высохшие глазницы собеседника. На сморщенной бледной коже они казались бездонными провалами. Редкие клочки седых волос, уцелевших после непонятно какой по счёту химической терапии, придавали его облику что-то гротескное.

— О нет, мы пока что не закончили нашу беседу. Я ещё много чего хочу сообщить тебе. Ну, о конфискации имущества и огласке говорить не стоит. И сына твоего не жаль, хотя он не отвечает за отца. Мне мало того, что ты отправишься на могилу и лишишься всего, что построил на костях тех девочек. О нет...

Пролог. Часть 2

Милевский сжал кулаки в бессильной злобе. Максим продолжал, отстранённо глядя в окно. Там бушевала весна. Жизнь. Он знал, что работорговец это тоже видит и понимает.

— Следующей моей целью будет Грань. Я сгною твою суку на зоне. Поверь, жизни ей не дадут. Я позабочусь о том чтобы заключенные узнали, кто она такая, и что творила на пару с тобой. У них тоже есть сёстры и дочери.

И вот эти слова достигли цели. Милевский перестал дышать, а помещение палаты пропиталось ужасом от сказанного и отчаянием.

— Нет... Вику... Нет... Ты не... понимаешь...

— Понимаю. Она дорога тебе? Тем хуже. Поверь, твои последние дни будут раем по сравнению с тем, что я przygotowю для неё.

Со стороны диалог двух мужчин был воплощением аморальности, цинизма и запредельной жестокости. Здоровый, полный сил и жизни Каменский и умирающий Работорговец, похожий на живого мертвеца, лишенный сил дать отпор обидчику. И только они оба знали правду.

Рак стремительно пожирал мафиози, сгубившего тысячи молодых девушек на алтаре торговли живым товаром. Мерзавца, сколотившего огромное состояние на телах чужих дочерей, сестер и жен. Неприкосновенного до поры до времени ублюдка, чьи миллионы затыкали рты и выкалывали глаза представителям слепой фемиды.

Он был тем, к кому Макс искал подходы десять лет. Тем, против кого были собраны неопровержимые улики, и кто смеялся в лицо правоохранительным органам, проворачивая сделки перед их глазами. Человеком, которому не должно было найтись место на земле. Зажравшейся тварью, пустившей карьеру Каменского под откос. Максим стиснул кулаки, вспомнив, как его с полностью подготовленным досье на преступника попросили забыть обо всём и никогда не упоминать имени Милевского всуе. Тогда он отказался. Подставы по работе, понижение до лейтенанта милиции, пропажа улик и табельного оружия, отвернувшиеся коллеги, угрозы, избиение и три ДТП — всё это составляло далеко не полный список того, что Каменский, одержимый повышенным чувством справедливости, пережил за последнее десятилетие. Подобный прессинг сломал бы любого. Но только не его. Продолжая преследовать мерзавца по пятам, несмотря на риск, одержимый жаждой возмездия сталкер шёл к своей цели. Падал, ломал кости, вставал, залечивал раны и снова вступал в неравный бой между меркантильной фемидой и чувством справедливости.

Лишь с приходом к власти новой политической силы приоритеты властимущих сместились. И тогда труд Каменского со всеми наработками был оценён по достоинству. Стремительный карьерный взлёт, известность в правоохранительных кругах и наконец-то чувство удовлетворения обрушились, едва не выбив из колеи. Но Максим, которого прозвали «Безумный Макс», справился с бременем славы. Цель была близка.

Каменский всегда считал, что закон бумеранга придуман слабаками, которые боятся дать отпор и придумывают сказки о судном дне с котлами ада. Но, видимо, Милевского е**нуло сразу несколько бумерангов в один момент.

Когда Лукасом, или Работорговцем, занялись полиция, прокуратура и СБУ, тот потерял большую часть своих доходов. Все ещё надеялся откупиться. Но новая власть не церемонилась. Накладывала арест на все активы бандита, не вступая в торги и переговоры. А

когда было собрано достаточно улик, чтобы арестовать Милевского, тот начал сдавать прямо на глазах.

Рак легких. Четвертая стадия. Доктора недоумевали, как болезнь так стремительно атаковала, буквально миновав операбельные стадии. Милевский следил за своим здоровьем и проверялся по несколько раз в год. То ли стресс активировал онкологическую хворь, то ли бумеранг вырос до размеров огромного астероида, ударив на поражение того, кому десятилетиями всё сходило с рук.

Армия адвокатов убудка добилась освобождения под залог, но лишь для того, чтобы немедленно госпитализировать в онкоцентре. Выезд за границу преступнику запретили, но, по словам ведущих докторов, его бы не спасла даже трансплантация стволовых клеток. Болезнь пожирала Милевского не по дням, а по секундам.

Казалось бы, сильнее этого бумеранга уже ничего не может ударить, но... Максим злорадно усмехнулся. Визит к Милевскому и обещание уничтожить его супругу, продолжающую дело мужа, был не последним «подарком» в мешке Санта-Клауса при погонах. Это лакомое блюдо он прибёрег на десерт.

— Жаль твоего сына, — безразлично проговорил Каменский, открыв барсетку. — Он привык жить на папиных грязных деньгах и ни в чём себе не отказывать, верно? Рисовать, надо признать, довольно занимательные картины. Что ж, придётся с этим завязывать и зарабатывать, как все. На стройке или заводе. Потому как после твоей смерти все закадычные друзья тут же откредятся от вашей грёбаной семейки.

И тут в глазах побледневшего от бессильной злости Милевского появилось выражение превосходства. Будто знал он что-то о собственном сыне, что не было известно другим.

Пролог. Окончание

Каменский отметил это органайзере собственного сознания. Надо будет присмотреться к младшему. Но всё это потом. Что ж, сейчас гордость за собственного сына испарится. Каменский достал несколько фотографий. Обычных, гляцевых, как те, что раньше печатали и вставляли в альбомы с файлами под формат 9*12. В подобных снимках в век развития информационных технологий отпала необходимость, но Максим решил, что такая подача информации будет куда эффектнее демонстрации фото на экране смартфона.

— Ты, наверное, скучаешь по сыну и жене. Им не до тебя, верно? Супруга занята подбором «мохнатого золота» для зажавшихся толстосумов, а Денис пытается дорого продать свою мазню на очередном вернисаже. Вот я решил сфотографировать их для тебя, чтобы ты улыбнулся...

Каменский уже привычным жестом нажал кнопку, чуть приподнимающую изголовье постели, чтобы Милевский мог получше рассмотреть фото. И вот первый снимок лег на египетский хлопок постельного белья.

На фото были запечатлены двое. Красивая женщина с тёмными, как смоль, завитыми локонами, выразительными глазами, и пухлыми губами, вызывающими греховные мысли вкупе с деланием припасть к ним в поцелуе. Красавица улыбалась, сжимая пальцами тонкую ножку бокала с шампанским. Тёмно-вишневое платье с вырезом, не нарушающим грани приличия, красиво подчеркивало ложбинку небольшой груди. Золотой крестик с бриллиантом на шее поймал блик, запечатлев на фото сияние-вспышку.

Женщина с нежностью смотрела на мужчину, сидящего спиной к фотографу, поднявшему бокал навстречу. На фото парня были хорошо заметны абстрактные линии модной стрижки по бокам и тату на шее, изображающая штрих-код.

— Что же они празднуют? — издевательски проговорил Каменский, наблюдая, как лицо Милевского приобретает пепельный оттенок, а исхудавшие руки напрягаются в безотчетном порыве. — Новая партия девушек пополнила ряды секс-рабынь? Или будущий Дали продал свой «Полет пингвина над Монако», чтобы оплатить любимой мачехе шампанское? А может, они пьют за то, чтобы ты как можно скорее сыграл в ящик и дал им возможность делить наследство, не оглядываясь не правила приличия?..

Милевский молчал. Лишь тусклые глаза с красной сосудистой сеточкой расширились, словно желали лопнуть, дабы не видеть подобных фотоснимков.

— Ой, а здесь еще интереснее. Смотри. Как думаешь, мачеха разрешила пасынку прийти домой позже десяти, и он благодарит ее таким незамысловатым образом?

На этой фотографии Денис Милевский был запечатлен в анфас. Он обнимал Викторик Милевскую, получившую в мире торговли живым товаром прозвище Алмазная Грань, за плечи и смотрел на нее взглядом, полным обожания. Если присмотреться, можно было увидеть, что королева работоторговли смотрит на него с таким же теплом и предвкушением.

— Но вот незадача, у нас есть еще один снимок. Никакой интриги. Скучно. "Санта-Барбары" не выйдет, можно сразу снимать короткометражку для взрослых.

Эта фотография окончательно расставила точки над и. Здесь Виктория и Денис целовались. От снимка буквально веяло страстью и похотью. Эти двое вцепились друг в друга, как два изголодавшихся хищника семейства кошачьих. Рука молодого человека зарылась в густых волосах темноволосой красавицы, а она сама сжимала ткань рубашки на

его спине. Напряженные венки на тыльной стороне ладони выдавали нетерпение и накал эмоций.

— Страдают, наверное. Решили утешить друг друга. Только переусердствовали малость, но я полагаю...

Закончить свой издевательский монолог Каменский не успел. Милевский захрипел, поднял руку, отчего наконечник капельницы выскочил из катетера. Тотчас же медицинская аппаратура разразилась противным тревожным писком, а кардиограмма на мониторе запрыгала, напоминая скачки Рихтера. Глаза главы мафиози закатились, на бледных иссохших губах выступила пена. Миг, и пациента начало выгибать в припадке мышечных спазмов.

Каменский нажал кнопку вызова персонала и с арийским спокойствием спрятал фотографии обратно в барсетку. Улыбнулся, без стеснения наслаждаясь агонией мерзавца-душегуба. Представилось, что за каждую загубленную девичью жизнь Милевского прошибает нечеловеческой болью. Эта ассоциация понравилась Максиму, хотя страдания уроды вряд ли покрывали половину того, через что пришлось пройти его жертвам. Большинства из этих девочек уже давно не было в живых.

Когда в палату влетели доктора в сопровождении медицинских сестер, Каменский проигнорировал их осуждающие взгляды.

— Пока, Михаил. Свидимся, если на то воля божья, — равнодушно изрек в пустоту. Наверняка самодовольство и торжество озарили темные глаза мужчины светом. Доктора могли сколько угодно выражать недоумение испепелять взглядами. И не догадываться, как им повезло, что их дочери не попали в лапы этого выблядка.

Максим закрыл двери палаты, оставляя за спиной суесящийся медперсонал и хрипящего, трясущегося в судорогах Милевского. Зрелище было не для слабонервных, но Каменского давно уже нельзя было пронять подобным. Специфика работы сделала его циником.

Кивнул ребятам из управления, несшим вахту у палаты умирающего работаровца. Скоро им некого будет пасти. Если Милевского не прикончит сегодняшней приступ, это сделает следующая химеотерапия. Доктора продолжали тянуть деньги с богатого пациента, хотя, по факту, ему уже ничего не могло помочь.

Во рту пересохло. Вспомнив, что видел в холле онкоцентра кофейные аппараты, Каменский скомкал в руках одноразовый халат, швырнул его в хромированную урну. Душа ликовала. Долгие годы охоты на гребаного шакала наконец-то позади. Теперь и ему, и его чертовой женушке воздастся по заслугам. А сам Макс сможет наконец-то отдохнуть.

Вставил в купюроприёмник двадцать гривен, поморщился от неприятного звука выпавших на сдачу монет. Забирать не стал. Вдохнул аромат корицы и ванили, исходящий от маленького стаканчика эспрессо, и собрался было сделать глоток, как в кармане настойчиво завибрировал телефон.

С легким раздражением отставил стакан на подоконник, посмотрел на экран. Тигибко. Наверняка что-то произошло.

— Слушаю.

— Макс, приветствую. Расклад следующий. Виктория Ильинична покинула страну.

Сердце забило сильнее. Каменский моргнул, с трудом удержав мат, готовый слететь с языка.

— Подробности?

— Арабские Эмираты. Абу-Даби. Чартерный рейс. Шейх Кемаль Азиз прислал за ней свой личный самолет. Департамент прослушки выясняет цель ее визита.

Каменский сощурился, обдумывая ситуацию. Сопровождение новой партии товара? Нет, они не смогли упустить из виду столь важное происшествие. Скорее всего, Милевская отбыла обсуждать детали предстоящей сделки. Значит, в скором времени вновь начнется отбор восторженных дурочек и неосторожных девочек, попавших в силки нечестной на руку полиции. Арабы захотели белого хлеба.

Долбаная бюрократия. Ведь после показаний двух потерпевших Каменский подавал прошение если не на задержание Виктории Милевской, то хотя бы на запрет выезда из страны. Получите теперь. Хотя вышестоящее руководство тоже можно было понять. Пока что улик было недостаточно, чтобы вменить ограничение свободы для Алмазной Грани. Ничего. Всегда остаётся козырь в рукаве.

— Костя, не в службу, а в дружбу. Вызывай отпрыска Милевского в управление. Он точно знает, куда эта тварь наострила лыжи. Коли его, как в старые добрые времена. Мы не можем упустить сделку века.

Эспрессо не успел остыть, и Каменский допил его в два глотка. Задержался холле, стараясь не замечать пациентов этого жуткого места. Вряд и остальные заслужили подобное, в отличие от Михаила Милевского. Чтобы не видеть этих людей, отгородиться от их горя, мужчина щелкнул замком барсетки, достал фотографию, на которой Алмазная Грань держала бокал, улыбаясь пасынку улыбкой соблазнительницы.

Долго смотрел в это выхоленное красивое лицо, чувствуя, как ненависть выжигает все внутри неумолимым напалмом. Провел пальцем по фото, словно пытаясь стереть улыбку с пухлых губ красивой твари. Представил, что с ней сделают сокамерницы с его подачи в первые дни, и испытал чувство, приближенное к эйфории.

Он постарается. Там, куда направят некоронованную королеву работоторговли, находятся трое, пострадавших от рук Синдиката. Перед тем, как убить, ей устроят семь кругов ада.

— Наслаждайся солнцем. Это последнее, что ты видишь, тварь. Твои дни сочтены.

И, вернув фотографию на место, защёлкнул замочек барсетки. А потом резко развернулся, смяв в руке кофейный стакан, и торопливо покинул холл мрачного заведения...

Глава 1. Начало

*I spoke to God today And she said that she's ashamed
What have I become. What have I done.
spoke to the devil today And he swears he's not to blame
And I understood Cause I feel the same...*

*Сегодня я говорила с богиней,
И она сказала, что ей стыдно.
Кем я стала и что я натворила?
Я говорила с дьяволом сегодня,
И он клянется, что не виновен.
Я поняла его,
потому что чувствую то же самое! Five Finger Death Punch*

Виктория. За 12 лет до вышеперечисленных событий

Мне хотелось исчезнуть. Раствориться, чтобы не поддаваться власти панического ужаса, превратившего тело в безвольную, лишенную сил оболочку. Я закрывала глаза, зажималась до боли, кусала губы, чтобы не выть. Но убежать в свой воображаемый мир не удавалось ни на секунду.

Всхлипывания подруг по несчастью, стоны, рыдания, отборные ругательства пробивали неустойчивую блокаду шока и неприятия. Их было около пятнадцати — молодых, испуганных, сжавшихся на бетонном полу бункера. Я боялась смотреть в глаза каждой из них, прекрасно понимая, что увижу в них отражение собственного взгляда: затравленного, потерянного, полного ужаса перед неизвестностью. А то, что ждать хорошего не стоило, каждая из нас прекрасно понимала.

Я прижалась к холодной стене, подтянула к груди ноги и обхватила разбитые колени. Грубая веревка впиалась в запястья от этого движения, в пальцах закололо. Можно было попытаться перегрызть путы, но я, как и прочие товарки по несчастью, дрожала от страха. Каждая из нас прекрасно помнила, чем закончилась инициатива блондинки с татуировкой на спине, осмелившейся кинуться на двух охранниках в балаклавах.

Ее крик все еще звенел у меня в ушах вместе со звуками рвущейся ткани и ударов ногами в грубых гриндерах по ее расписанным вязью татуировки ребрам. Но самое страшное было даже не это. Как вычеркнуть из сознания то, что эти звери сотворили с ней впоследствии прямо на наших глазах?

Нам велели смотреть. Мы были так напуганы, что не посмели послушаться. Жались друг к другу, всхлипывая от ужаса, пока каждый по очереди, намотав ее спутанные волосы на кулак, грубо насиловал в рот. Каждая из нас впервые видела подобную жестокость и не представляла, что такая имеет место существовать в некогда привычном нам мире.

Блондинка задыхалась под напором насильника. Его огромный член, казалось, разрывает ее рот, перекрывая доступ кислорода. От горлового спазма ее буквально трясло, но зверь в балаклаве и не думал останавливаться. Тяжелая мошонка шлепала по ее мокрому

от слюны подбородку, а сам он с особым садизмом отвешивал ей пощёчины. Это продолжалось довольно долго. Под конец несчастная едва могла дышать, буквально повисла, удерживаемая лишь его рукой.

— Да, тварь! — прорычал наконец бугай, дернув бессознательную девчонку за волосы, отстранил от себя, заливая спермой ее бледное лицо в черных потоках от туши. — Получи, соска!

Девушка, похоже, была в полуобморочном состоянии. Но это не спасло ее от дальнейших издевательств. Пока удовлетворивший свою похоть насильник, пнув ее в живот тяжелым носком, застегивал штаны, второй схватил бедняжку за соски и резко потянул, заставляя встать на ноги.

— А как же я? Непорядок, — издевательски прогнусавил он, похлопав ее по щекам, блестящим от спермы предшественника, и попытался вставить пальцы в рот. — Оближи, тварь!

Вряд ли она сейчас понимала, чего от нее хотят, но двум садистам было наплевать на самочувствие жертвы. Не добившись отклика, мужчина с гадким смешком достал из кармана непонятное приспособление, состоящее из кожаных ремней и металлических колец, соединенных между собой в подобие цилиндра. Никто из нас не понял, что это, и зачем оно ему понадобилось. Дрожа от ужаса и не смея отвести глаза, мы молча смотрели, как он резким движением вставил эту конструкцию в рот блондинки, вырвав из ее горла слабый стон, и одним движением руки затянул ремень на ее затылке.

Девушка едва не упала — ноги ее больше не держали, и на помощь пришел приятель. Дернул ее связанные руки, заводя за голову, ударил кулаком по спине, заставляя стать на колени. Второй поспешно расстегивал молнию грубых военных штанов, освобождая член. Провел головкой по губам блондинки, буквально сплюснутым металлом жуткого кляпа.

— Подготовь меня!

Кто-то из девчонок едва не сорвался, когда урод принялся насиловать ее в развороченный кляпом рот, но ее удержала другая — обняла, но не нежно в знак поддержки, а удерживая от фатального поступка. Ни у кого из нас не было иного выхода, кроме как наблюдать за актом беспощадного, варварского изнасилования. А потом оказалось, что это еще было не самым страшным.

Девушку повалили на бетонный пол. Размазав слюну по своему толстому отростку, насильник раздвинул ее упругие ягодицы и, гадко засмеявшись, резким движением вошел в тугое кольцо ануса.

Из горла несчастной вырвался нечеловеческий крик. Увы, это не остановило мразь, который не имел права называться человеком. Кто-то закрыл глаза, но тотчас же второй урод в балаклаве сделал шаг вперед, подняв кулак.

— Смотреть, суки!

И нам пришлось наблюдать этот кошмар до его завершения. Смотреть, не имея возможности и смелости прийти на помощь сестре по несчастью. Фиксировать этот ужас в памяти на всю жизнь, осознавая, что вскоре и нас ожидает подобное. Но внутри каждой была надежда. Надежда на то, что нас найдут, освободят, избавят от столь ужасной участи. Так уж устроен человек. Увы, нашим надеждам суждено было захлебнуться в агонии совсем скоро.

Когда все закончилось, блондинка окончательно потеряла сознание. Ее уволокли прочь, особо не церемонясь — подхватив за связанные руки потащили по грязному бетонному полу.

На ее спине выступили капли пота, а по бедрам струились ручейки крови, смешанной со спермой.

— Скоро продолжим, животные! — бросил самодовольный насильник напоследок, закрывая железную дверь с облупившимися хлопьями масляной краски.

Глава 1. Продолжение

Я и товарки остались смотреть на неприступные двери. Спертый воздух помещения пропах кровью, потом и страхом. А еще спермой. Хотелось зажать нос, чтобы не ощущать этот тошнотворный запах. Потрясение было настолько сильным, что некоторое время в камере стояла гнетущая, мертвая тишина. Никто из нас до сих пор не мог поверить, что все мы заперты здесь — испуганные, голодные, связанные... а теперь и растерявшие все иллюзии по поводу дальнейшего. Где-то капала вода, тишина начала вытесняться перепуганными всхлипами. Девушку, сидевшую рядом, затрясло крупной дрожью. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я подалась к ней, намереваясь утешить, а заодно понизить градус собственного ужаса ощущением единения. Но коротко стриженная брюнетка отшатнулась, недоверчиво втянув голову в плечи.

Наверное, мне надо было сказать, что мы не имеем права раскисать и сдаваться, надо держаться вместе, поодиночке нас быстро переломают... но я не могла выдать ни слова. Сидела и смотрела на собственные запястья, связанные грубой веревкой. Пальцы начинали терять чувствительность, сырость пробирала до костей. Но это было ничто по сравнению с тем, в каком ужасном положении я оказалась.

Кто-то из девушек протяжно взвыл. Увы, после наглядной демонстрации наказания блондинки никто не кинулся ее утешать и гладить по голове. Пленницы бросали на нее неодобрительные взгляды, кто-то велел заткнуться, а высокая рыжеволосая девица, подскочив, схватила ее за волосы и злобно прошипела:

— Под монастырь нас подвести решила? Глохни, пока я тебе челюсть не сломала!

Девушки одобрительно зашумели, а я поспешила отвести взгляд. Схема сработала. Я могла только догадываться, куда мы все попали, но ясно было одно: реалии со зверским изнасилованием этим зверям прокручивать не впервой. Расчет был верен: не дать нам сплотиться, разъединить, заставить в одиночку трястись, опасаясь за собственную шкуру. Теперь любая запросто заложит товарку, чтобы избежать ужасающей участи.

Я непроизвольно удивилась тому, что даже в состоянии шока и испуга могу дать логическое пояснение происходящему и увидеть то, что скрыто от большинства присутствующих. «Стрессоустойчивость, аналитический склад ума, знание психологии, адаптация и умение находить выход в кризисных ситуациях», — вспомнилась мне выдержка из характеристики, которую университет предоставил крупной компании, впоследствии принявшей меня на должность секретаря-референта одного из членов совета директоров. Я огляделась по сторонам и пошевелила пальцами. Адаптация?! Вы серьезно?

Девушки начали шепотом переговариваться. Разговоры сводились к одному — куда же мы все попали, при каких обстоятельствах, и что нас обязательно найдут. Я отползла к стене и закрыла глаза. Присоединиться к ним не было ни малейшего желания: я не разделяла их сахарных иллюзий.

«Не найдут! То, как легко вас всех повязали и похитили, говорит только о том, что работала банда профессионалов! И наивно думать, что они оставили следы. Нас никто не ищет!» — вопил внутренний голос, и от осознания его правоты леденела кровь. Похоже, я одна не строила никаких иллюзий. Паника затягивала в темный омут, угрожая лишить рассудка, сжимала черными щупальцами. Я сжала кулаки — веревка больно впилась в нежную кожу запястий, но эта боль отрезвила. От паники легче не станет. Надо попробовать

сохранить ясный рассудок, если, конечно, это возможно.

Я не заметила, как задремала. В неудобной позе, озябшая от сырости стены, к которой прислонилась. Полноценным сном это нельзя назвать. Звуки проникали сквозь пелену забытья, фиксировались на подкорке сознания. Лязг двери, грубый мат, отрывистый приказ. Снова лязг. Звуки жадных глотков, пререкания девчонок. И снова тишина.

Проснулась оттого, что кто-то бесцеремонно тряс меня за плечо. Настойчиво, но не грубо. Спросонья я не поняла, где нахожусь, принялась искать одеяло. Руки не слушались. И когда я открыла глаза, реальность буквально ударила в лицо.

Бункер или подвал. Тусклый свет, спертый воздух, сырость. К горлу поступил ком, и я сглотнула, опасаясь, что сейчас отчаяние одержит верх, и я расплачусь или, что еще хуже, начну кидаться на стены и вопить во все горло. Скосила глаза на ладонь с ярко-красными ногтями, поморщившись от ударившего в нос амбре пота и сладких, приторных духов, и лишь после этого посмотрела на обладательницу этих характеристик.

Рыжая. Та самая, что в манере гопницы велела плачущей девушке заткнуться и не создавать проблемы. Меня сразу накрыло волной неприятия и отвращения — в моих глазах именно она была предательницей, трясущейся за свою шкуру. Такая продаст ни за грош.

— Чего тебе?

— На, поешь вот. Еле отбила у этих троглодиток. И вода.

Я посмотрела на пластиковую тарелку, сложенную лодочкой в ее связанных руках. Вопреки ожиданию, это был вовсе не черствый хлеб и не тюремная баланда. Гречка, дольки помидоров и огурцов. У ног внезапной благодетельницы валялось яблоко и пластиковая бутылка с водой. Голодом нас явно морить не собирались.

— Витамины, б**дь. Правильно, кому выгодно превращать нас в засохших скелетов с выпадающими зубами? Таких даже извращенец не купит.

Глава 1. Часть 2

Приборов не было. Я подгрребла к себе бутылку с водой. Рыжая, отставив тарелку, проворно скрутила крышку, поморщившись от боли, когда верёвка натянулась. Я принялась пить жадными глотками — надо же, до того и не замечала, насколько сильна жажда. Да и голод давал о себе знать. Отставив бутылку с водой, попыталась зачерпнуть пальцами гречку. Поскольку они едва сгибались, попытка провалилась.

— Сложи ладони, — велела девица, вновь подхватив тарелку за края. — Держи под наклоном, будто пьешь. Иначе не выходит, я пробовала. Кстати, меня Лизкой зовут.

— Вика, — презрение к девице отступило под волной благодарности. Правда, насторожённость никуда не исчезла. Я запрокинула голову, позволяя гречке посыпаться в рот и на колени. Еще теплая, сдобренная сливочным маслом, каша показалась гастрономическим шедевром. Непонятно, сколько времени прошло с тех пор, как меня поволокли в машину и усыпили при помощи вонючей тряпки. С трудом сдержалась, чтобы не набить за обе щеки.

Девушки жались у стен, изредка поглядывая на нас. Никто не разговаривал и не пытался сбиться в группы. Первый этап надлома в действии.

— Где мы? — спросила я, когда вся каша была съедена. Вернее сказать, почти вся, потому что часть упала за пазуху и на платье. Лиза хмыкнула.

— Похоже, что в аду, детка.

Как она умудрялась шутить в таком положении? Для меня это осталось загадкой. Проглотив несколько долек помидора, я ощутила себя сытой. Посмотрела на Лизу пристально, пытаюсь понять, что она из себя представляет. Подсадная утка? Провокатор? Претендент на паханшу в камере заточения? Или, может, бунтующий Монте-Кристо?

Блузка с пошловатым вырезом и обилием люрекса, джинсы со стразами. Вещи не самого лучшего качества, явно с китайского рынка. Синие тени и густой слой туши, осыпавшейся на скулы, на лице след размазанной розовой помады. Обычная простушка с претензией на высокий уровень в понимании большинства приезжих из деревень. Серые глаза смотрят бесхитростно и в то же время как-то колко, испытывающе.

— Да что тут понимать? Продадут нас. Как скот на рынке. Попались мы, Вика...

Мне уже стало понятно без слов, что это не захват заложников и не операция по выявлению преступников. Все девчонки были молоды и хороши собой, стройные, симпатичные, на любой вкус. Внутри похолодело. Я видела подобные сюжеты по телевизору. Видела достаточно, чтобы понять: с подобного вырываются лишь единицы, если повезет...

— Так как ты сюда? Тоже модельный бизнес? Обещали подиумы рядом с Наоми Кемпбелл и обложку журнала?

Я покачала головой. Увы, все было запутано. Работой за границей или в модельной сфере могли заманить только бесхребетных дурочек. Я к таким не относилась.

— Меня вообще не должно было здесь быть.

Лизка толкнула меня в плечо.

— А кто должен, б**дь?

Внезапно хрипло вскрикнула одна из девушек, погасив зародившийся конфликт на корню. Мы синхронно повернули голову в ее сторону, наблюдая, как она — совсем еще

юная, похожая на школьницу, поднесла связанные руки к шее, стремясь остановить приступ удушья. Лицо покраснело, глаза закатились. Девчонка задыхалась. Причем никто не усомнился в том, что это не симуляция, все происходит на самом деле.

— Ин...а... ор... — прохрипела она, падая на колени, не в состоянии удержать равновесие. Но никто ей не помог. Девушки лишь испуганно вжимались в стену и отводили глаза.

— Придурочная, что ли? — пробормотала Лизка.

Я поняла все буквально в первые минуты.

— Астма у нее. Ингалятор нужен. Черт, зови кого-нибудь, умрет же, задохнется!

Лиза посмотрела на меня, как на полоумную, и даже отодвинулась.

— Борзая? Сама зови!

Похоже, повторять участь блондинки с татуировками никто не хотел. Ни одна из девушек не подошла к задыхающейся товарке, каждая отводила взгляд, словно это могло сделать ее следующей жертвой. Если бы у нас остались сумочки, я бы попыталась найти ингалятор, но все личные вещи отобрали. Забыв напрочь про перепуганных куриц, которых так легко было превратить в трусих, я открыла рот и пронзительно закричала:

— На помощь! Девчонке плохо!

Мой вопль произвел эффект разорвавшейся бомбы. Девчата комично поднимали связанные руки, пытаясь зажать уши, отползая подальше от астматички. А я в тот момент не думала, что меня за нарушения спокойствия могут избить и пустить по кругу. Просто понимала: если на моих глазах умрет человек — только потому, что не хватило смелости его спасти, я не смогу с этим жить.

Ждать пришлось недолго. Топот ног, лязг засова, скрип несмазанных петель — в камеру ворвались трое в балаклавах. Девчонки с воплями шархнули к стенам — кто-то отбегая, кто-то ползком. Самый крепкий из церберов подошел к задыхающейся девчонке, замахнулся дубинкой — но его рука замерла. Вовремя рассмотрел побагровевшее лицо и закатившиеся глаза пленницы.

— К Склифе ее. Мигом, уроды! Это на спецзаказе.

Я смотрела, как двое вертухаев поднимают ее — не рывком, а бережно, словно опасаются сломать. Идти сама девочка не могла — хрипела, не в состоянии справиться с приступом удушья. Тогда кто-то просто поднял ее на руки и поспешно вынес прочь. Подобная осторожность сбивала меня с толку, особенно после насилия над блондинкой.

— Кто орал, твари? — почти ласково осведомился горилла, поигрывая дубинкой.

Глава 1. Окончание

Я непроизвольно вздрогнула, испытывая острое желание отползти за спину Лизы. Но десятки пар глаз, словно по команде, уставились на меня. Хорошо еще, что не пальцем указали и не заявили в голос.

Но бугай не спешил идти ко мне. Подошел к девчонке, что буквально в угол вжалась, сиюсь слиться со стеной, и с размаху ударил ногой в живот. Я закрыла глаза, но это не помогло: звуки ударов, плач и стоны девчонок разрывали барабанные перепонки. И когда звук шагов начал неотвратно приближаться, едва не закричала, инстинктивно сжавшись в ожидании удара.

— Ты, что ли, мартышка?

Огромная лапища накрыла мое лицо, сжав щеку, палец надавил на губы, заставляя открыть рот. Цепенея от ужаса и растеряв всю свою смелость, я открыла глаза. Встретилась с безжалостным, цепким взглядом темных глаз в прорезях балаклавы и не смогла унять приступ панической дрожи.

— Типа четкая... дал бы в награду пососать свой леденец, но пусть главный с тобой разбирается.

Я даже не успела понять смысл сказанного, как Лизка, дура провинциальная, метнулась вперед, оттеснив меня, положив связанные ладони в область паха гориллы.

— Хули она, а не я? Ты слепой?

Губы мужчины исказила ухмылка, о которой леденела кровь. Только рыжая, возомнившая себя роковой обольстительницей, либо не заметила ее, либо восприняла как проявление симпатии. Мне хотелось пнуть ее в спину, предостерегая от опрометчивого шага, но я не успела.

Удар отбросил Лизу к стене. Все произошло настолько быстро, что я не успела прийти в себя. Смотрела, как ее избивают, таская за волосы, жмурилась от воплей. К счастью, долго это не продлилось.

— Я сам выбираю, кого натягивать, ты, падаль! — напоследок припечатал горилла и ушел, заставив всех нас вздрогнуть от резкого лязга двери.

Как и в первый раз, никто из нас не мог прийти в себя довольно долго. Лизка стонала и ругалась матом, обещая вырвать обидчику кадык вместе с членом. Меньше всего мне хотелось, чтобы этот мудака вернулся и закрыл ей рот, поэтому я подошла ближе и потянула за ее связанные запястья.

— Хватит, он ушел. Вставай. Чем ты думала вообще?

Охая, Лизка приняла сидячее положение. Внешне она не пострадала. Все верно, никто не собирался портить товар, то есть нас.

— Я бы ствол у него выхватила, всех спасла...

— Да перестань заливать! — мне стало мерзко оттого, что она пытается прикрыть собственную дурость и стремление выслужиться пафосными благородными намерениями. — Скажи уже как есть, решила улучшить свое положение, отсосав у вертухая. Только татуированной минет не помог!

Лизка бросила на меня злой взгляд:

— И да, я бы отсосала! Но он, по ходу, пиндос. А ты благодари, иначе сейчас бы глотала по самые гланды вместо «спасибо»! По ходу, ты решила, что тут голубой огонек? Вика,

просыпайся. Это торгаши мохнатым золотом! Нас всех отправят в бордель, пока мы не передохнем от обилия клиентов!

— Откуда такие познания? — спросила я, стремясь подавить волну ужаса, грозящую унести рассудок. От слов Лизы хотелось взвыть — я понимала, что она права.

— Да меня уже не в первый раз пытаются загрести. То моделью, то няней в Турции. А тут, блин, попала. Подруга, сука, пишет — загремела на больничную койку, слетай вместо меня хостес на вечеринке поработать. Я и прилетела, а мне сразу в раздевалке — мешок на голову, и сюда... если бы я только подумать могла!

Никто из нас не мог подумать о том, где его подстерегает подобная участь. Я хотела было сказать Лизе, что с ее внешностью — яркими рыжими волосами, не знавшими окрашивания, и большими глазами она лакомый кусок для мужиков, но промолчала. Кто из девушек с высокими внешними данными думает не о сотнях разбитых сердец или хотя бы кошечек, а о том, что их обязательно похитят торговцы живым товаром?

— Сколько тебе лет? — сейчас, когда с нее сбили спесь, Лиза казалась почти подростком.

— Двадцать будет в ноябре. А тебе?

Я непроизвольно окинула взглядом девчонок. Остальные выглядели еще младше. Как я, вашу мать, здесь оказалась?!

— Двадцать пять. И не смотри на меня так, сама в шоке.

Где-то с полминуты мы молча смотрели друг на друга. Лиза — недоверчиво, пристально, будто пытаюсь найти на моем лице первые признаки старения, а я с удивлением — в двадцать лет я боялась первая подойти к мужчине, не то, что лезть к нему в брюки! Рыжая казалась опытнее и разбитнее на полжизни по сравнению со мной.

— Да как же тебя? У них после двадцати пяти выходят на пенсию. Но ты не выглядишь на свой возраст. Я думала, ровесницы.

— Я сама не понимаю. Ошиблись, наверное.

— Вик, я так и не отключилась, пока меня везли в этот хренов сарай. Слышала, как они кому-то звонили, много раз. Думала, адрес проскочит или иная зацепка, а может, на заправке где станут, и дам деру... так вот, они знаешь как меня называли? «Рыжий лот». Упоминали заказчика. И не только обо мне говорили. Была еще «Лот для дефлоратора» и «Лот красный свет». Последнее я не поняла, но в ходе разговора догадалась, что они говорят о девчонках. То есть не бывает случайностей, понимаешь? На каждую из нас поступил заказ. Вряд ли ошиблись, скорее, кто-то спецом заказал постарше с твоей внешностью. И знаешь, мы вроде как в лучшем положении.

— В лучшем положении? Как это может быть лучшим?

— Нас не будут подкладывать под всех подряд в дешевом борделе. Для заказчиков берегут.

— А татуированная? Ее не особо пожалели.

— А кто об этом узнает? Ее, может, выходят за это время и прям как новую в койку к тому толстосуму положат. Мы ж не знаем, что и как. Но хрен с ним. Ты как сюда попала? Ладно, меня заманили, еще и подружкой прикрылись.

Я невесело усмехнулась. Наверное, в тот момент, сбросив панику и шок окончательно поняла, кто именно и каким образом помог мне оказаться в этом гнилом месте...

Глава 2. Часть 1

Глава 2

— Виктория, это преступление — так великолепно выглядеть каждый день! — голос босса заставил меня вздрогнуть и промазать мимо кнопки «старт». Принять факс вышло только с третьего раза. Взять себя в руки — вообще с четвертого.

— Доброе утро, Валерий Тарасович, — я подняла голову и ощутила, как в животе порхают сотни бабочек. Бабочки любят цветы. Особенно такие кремовые розы, как в букете. Вот если бы мне подарили подобный...

— Это вам. Сегодня ровно полгода, как вы стали украшением компании и моим личным помощником. С вами приятно работать, Виктория.

Приемная поплыла перед глазами, от удовольствия я едва успела погасить счастливую улыбку восторженной девчонки, удостоившейся внимания прекрасного мужчины. Смотрела в светлые глаза своего босса, не в силах отвести взгляд, и теряла остатки самообладания.

Когда ровно полгода и два дня назад я появилась в кадровом департаменте крупнейшей компании, занимающейся ювелирным бизнесом, не верила, что удача улыбнется и меня возьмут на работу. Мне казалось, что сюда простым смертным путь заказан. Устраиваются либо родственники и друзья начальников, либо те отчаянные, кто готов выложить сумму в размере своей годовой зарплаты за возможность работать в столь крутом месте. Потом я узнала, что здесь с головой хватало и тех, и других. Я же, хоть и в совершенстве владела английским и немецким, знала основы делопроизводства и могла смело претендовать на должность кризис-менеджера, была лишь одной из большинства соискательниц. За эту должность боролись выпускницы более преступных вузов с сотнями бизнес-тренингов за плечами, к тому же с такой внешностью, что проигнорировать их мог только слепой. И я не знаю, как сложились звезды, и что разглядел главный менеджер по подбору персонала, но должность досталась мне.

К слову, это была адская работа. Ненормированный рабочий день, иногда отсутствие возможности пообедать, огромный объем работы, необходимость быстро вникать в курс дела, потому как никто не собирался ждать, пока я разберусь в принципах работы. Но я не зря мечтала о должности кризисного менеджера, поэтому, подчас выбиваясь из сил, делала свою работу и изучала структуру департаментов, их взаимодействия, основные проблемы — все, что должно было пригодиться. Пригодится тогда, когда я предоставлю своему боссу план по ликвидации недочетов и ряд оптимальных решений, касающихся внутреннего уклада компании.

Но даже не это было основным аргументом, чтобы я терпела выматывающий график. Судьба наградила меня шефом, о котором мечтают все без исключения секретарши. Молодым, стильным, симпатичным, даже очень, тактичным и баснословно богатым. Правда, не так давно, но уже безнадежно женатым, но все же...

— Докладывайте, — вывел меня из задумчивости его слегка ироничный, приятный голос. Так ненавязчиво и тактично Валерий Тарасович прервал мой полет в облаках. Я кивнула, прогоняя отголоски смущения.

— Ковалев подтвердил ужин в воскресенье. Иваненко-Стоцкая просит аудиенции в ближайшем месяце. Гурьев хотел обсудить дальнейшее сотрудничество. В десять у вас совещание с руководителями отделов, в 18.00 — селектор с главой правления. Годовщина

брака у заместителя прокурора Литовченко, жену зовут Светлана.

Оттого, как лаконично, четко, без запинки изложила рабочие моменты, на сердце стало тепло. В такие моменты я ощущала себя безупречной деловой леди, забывая о снисходительном ярлыке «секретарша» или «девочка на побегушках». Воображение рисовало стремительный карьерный взлет, восхищение вышестоящего начальства и приятные бонусы от нового положения.

— Отлично. Что еще?

А вот сейчас мне предстояло сыграть ва-банк.

— По недосмотру отдела логистики партия платиновых заготовок отправилась в Донецк вместо Алма-аты...

Губы шефа сложились в жесткую линию. Я поспешила завершить доклад:

— Взяла на себя смелость скоординировать Сергея Павловича с отделом международных соглашений. Покупатель согласился оплатить данный вид товара, таким образом, имела место быть двойная отгрузка. Вопрос решен.

Мой голос слегка дрожал. За полгода работы в компании я знала, что меня могут как и похвалить за проявление инициативы, так и высмеять, отругать, а то и вовсе наказать. Но я была одержима желанием однажды оставить должность помощника руководителя позади и занять более весомую. Того же кризис-менеджера, о котором говорили едва ли не с восторгом, но не знали, где отыскать, так как у нас пока что подобный кадровый резерв отсутствовал напрочь. Хотелось верить, что однажды меня заметят.

Валерий Тарасович улыбнулся. Напряжение ушло из его светлых глаз.

— Вика, вы не референт. Вы — клад.

Кажется, я выдохнула от облегчения. Еще одна ступень, приближающая к повышению, преодолена. Долой опасения. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Приготовьте мне черный кофе и вызовите Иру Гурову. Ни с кем не соединяйте до завершения совещания. И ещё. Вы прекрасно выглядите, Виктория. Мой рабочий день начинается с прекрасного.

Я смотрела, как он исчезает за дверями своего кабинета — темными дубовыми дверями с золотой таблицей: «Ивлеев Валерий Тарасович. Совет директоров». Статная фигура, добротный деловой костюм, улыбка, от которой все внутри трепетало... устоять перед его обаянием не мог никто, да и, по-видимому, не хотел. Не избежала этой участи и я.

Сдерживаясь, чтобы не начать напевать себе под нос, я подошла к кофе-машине, поставила чашку и выбрала режим «эспрессо». Позвонила по внутренней линии в отдел аналитики, вызвав начальницу к Ивлееву. Затем набрала в вазу воды, невольно залюбовавшись, как красиво стали розы в прозрачный стеклянный куб. Вдохнула их аромат, закрыла глаза, представив, как лепестки падают на шелковое постельное белье, а пальцы Валерия развязывают виндзорский узел галстука, чтобы...

Трель телефона не позволила фантазиям унести за точку невозврата. Выслушав собеседника и соединив его с нужным отделом, я невольно задумалась: почему, черт возьми, такая неглупая, амбициозная, инициативная девушка, как я, до сих пор работает автоответчиком?

Снова звонок. Я подавила вздох. Рано, рабочий день только начался.

— Компания «СкайЛюкс», Виктория. Слушаю вас.

В трубке раздался шорох, затем грубый женский голос:

— Это я тебя слушаю. Соедини с Ивлеевым.

Что ж, подобных индивидуумов, как ни прискорбно, большинство — для них секретарь нечто сродни официантке, а то и девочке для битья. Сколько оскорблений, пафосных заявлений, и нравоучений я выслушала за время работы на своём посту! К этому невозможно привыкнуть. Референт — щит своего шефа, она принимает первую волну негатива на себя. Таков закон.

— Прошу прощения, как вас представить?

На миг возникло ощущение, будто телефонная трубка бьёт током от презрения со стороны абонента.

— Что? Представить?! Любимая женщина, Катерина!

Жена Валерия Тарасовича. О его молодой супруге в женском коллективе ходили сплетни, верить которым мне никогда не хотелось. И вот, впервые за все время работы, я слышу ее голос. Манеры, что и говорить, не самые хорошие. И сейчас будет очередной виток пренебрежения...

— Катерина, мне очень жаль, но Валерий Тарасович категорически запретил соединять его с кем бы то ни было. Он свяжется с вами после совещания, либо же вы можете позвонить ему на мобильный...

— Догадаюсь без тебя! — злобно прошипела любимая женщина Ивлеева, бросая трубку. Перед этим я услышала отборный мат.

Настроение грозило скатиться в минор после подобного инцидента, но, если я метила на должность кризис-менеджера, надо было тотчас же нивелировать последствия стрессов. Поэтому я провела пальцами по лепесткам роз, а затем отнесла кофе шефу. Сообщила вскользь, что звонила его жена, и была настойчива, но он лишь кивнул. Я сделала все, от меня зависело — он сам решает, говорить с ней сейчас или вовсе дома.

Глава 2. Часть 2

Когда вернулась в приемную, обнаружила Ирэн Гурову, осматривающую букет в вазе на моем рабочем столе. Заметив меня, она надменно вскинула голову и, сухо кивнув на мое «привет», сделала жест в сторону кабинета.

— У себя?

— Да, конечно. Входи, ждет.

Но Ира задержалась у стола. Сощурила миндалевидные глаза, казавшиеся кошачьими из-за плавных переходов матовых теней, рассматривая розы.

— Красивые. Ну, и кто решил так незамысловато подкатить? Курьер? Или, пока шла на работу, увидела грандиозную распродажу в отделе флористики, и решила ни в чем себе не отказывать?

Что и говорить, у Иры был не самый приятный характер. И мне захотелось поставить ее на место. Сейчас как раз был подходящий случай.

— Я полгода как работаю здесь. И Сам это помнит. Не завидуй.

Тонкие, перманентные по последней моде брови-ниточки Гуровой взметнулись вверх. Я расправила плечи, оглядывая ее худощавую фигуру в стильном костюме цвета изумруда. Ка и прежде, внутри поднялась легкая волна зависти, тут же разнесенная, словно о скалистый берег, о преграду моего оптимизма.

«Однажды я буду зарабатывать столько, что смогу позволить себе покупать костюмы в бутиках и подгонять по фигуре в модных ателье. Может, даже в Италии. Остается идти к своей цели и не упустить шанс, как только он представится».

Ира не спешила к боссу. Посмотрела на меня по-новому — оценивающе, с любопытством. Затем, поиграв бровями, задумчиво изрекла:

— Полгода, значит... хорошо. А знаешь что, приходи к нам обедать в перерыв? Редко кто поднимается на этаж, будет наш отдел и девчонки из бухгалтерии. Надо же отметить очередной экватор, верно, Вика?

Ее предложение поставило меня в тупик.

— Я... ты же знаешь, мне редко удастся пообедать...

— Да Сам тебе не откажет, он все понимает. Просто переведи звонки на ресепшен. Будем ждать, сегодня как раз заказали суши.

Я проводила ее фигуру, исчезающую за дверями кабинета, растерянным взглядом. Букет от босса сделал меня своей в кругу коллег? Или полгода — определенный рубеж, после которого любой сотрудник становится своим в корпоративном кругу? Все это мне предстояло выяснить в скором времени.

Я переживала, что Валерий Тарасович не отпустит на законный перерыв, сославшись на большой объем работы. Он не препятствовал попыткам подконтрольных ему отделов свалить на меня часть работы — набрать договора, составить письма, а иногда и вовсе перепечатать вручную факс, нераспознанный сканером. Но босс отпустил, не задумываясь. Передав входящие звонки девушкам ресепшена и вызвав их бурное негодование, я поднялась в аналитический отдел.

Весь женский коллектив уже расположился в небольшом кафетерии на этом же этаже. Ира раздавала указания и зорко следила, как девчонки сервируют стол, раскладывая роллы и

суши на блюде. Мне сразу пояснили, что я, оказывается, должна выставиться за полгода работы. Что ж, это не составило труда. Правда, пришлось упросить курьера метнуться в ближайший супермаркет за вином и хорошими конфетами.

— Ну, Виктория, добро пожаловать в наш коллектив! — известила Ира. К тому времени компания несколько расширилась — подтянулись девчонки из бухгалтерии и рекламного отдела. — Тебе есть, что сказать по тому поводу?

Наверное, они ждали моих восторгов и благодарности за право быть допущенной в элиту серпентария, и кроме того, есть с ними за одним столом. Я подняла бокал, все еще не в силах сбросить напряжение от большинства испытывающих взглядов, буквально раздевающих и сканирующих.

— Спасибо, Ирочка, спасибо, девочки. Я уже поняла, что попала в прекрасный женский коллектив, и буду рада дружить.

— О, это верно сказано — ты попала! — беззлобно рассмеялась старший референт одного из членов совета, разрядив обстановку. — И дружить с нами просто необходимо. За тебя и твой первый рубеж в компании! Мало кто столько продержался.

Я сделала глоток. Слова Лены неприятно укололи. Никто не задерживался, как это понимать? Хотя, скорее всего, просто не справились с объемом работы, ненормированным графиком и отсутствием стремительного карьерного роста. В отличие от них, у меня хватало терпения.

— Коль босс к тебе пристал — то считай, твой час настал! — заявила бухгалтер Рая. — Делись. Уже получила предложение, от которого невозможно отказаться?

Глупо было надеяться, что меня пригласили поесть суши от доброты душевной или ради возможности выпить за чужой счет — через меня проходили зарплатные ведомости, и при желании эти дамы могли с легкостью пить коллекционные вина едва ли не каждый день. Вот, значит, чем вызвана подобная благосклонность местного женсовета. Ирина увидела букет, сопоставила его с приподнятым настроением Тарасовича и моими блестящими глазами. Сплетни здесь летят со скоростью света.

Я сделала еще глоток, отчасти чтобы укрыться за стеклом бокала от хищного внимания коллег.

— Я не понимаю, о чем вы. Валерий Тарасович ни на что не намекал. Он просто подарил цветы в честь полугодия в компании. Разумно ли видеть в этом другой подтекст?

Тридцатипятилетняя Елена заправила ухо светлую прядь. Остро блеснули, словно перекликаясь, бриллианты в ее перстне и сережках. Эта холеная блондинка без возраста всегда вызывала во мне что-то сродни недоумению. Она работала в компании не менее пяти лет, но за это время так и не продвинулась по карьерной лестнице. Все, чего добилась — помощницы, на которую сваливала всю тяжелую работу. Но, похоже, секс с боссом был потолком ее амбиций.

— Виктория, ты еще так молода. Мой совет, учись разбираться в мужчинах. Ты понимаешь, какие выгоды сулит интерес главного? Мой сын учится в Лондоне вовсе не на мою зарплату референта. Я купила трешку в центре, родители наконец увидели мир, а о том, что я теперь нигде, кроме бутиков, не одеваюсь и отдыхаю на модных курортах, вообще молчу. Валерик выглядит, как конфетка, и думаю, в постели порезвее моего будет. Молодость, она такая.

Наверное, мне стоило покивать, соглашаясь, и убраться восвояси, сославшись на завал по работе. Но наживать себе врагов в коллективе из-за заносчивости тоже не хотелось. Я

попыталась подцепить при помощи хаси ролл, но удалось только с третьей попытки.

— Меня не интересуют отношения на работе. Я хочу добиться повышения своими достижениями и мозгами. Койка с шефом, как правило, редко гарантирует карьеру.

Кто-то засмеялся, и внимание вновь переключилось на Лену. Я густо покраснела, сообразив, что ненароком обидела коллегу, но Елена примирительно улыбнулась, не позволив мне скатиться в извинения и оправдания.

— Да, я все еще секретарь. А вы знаете, сколько у меня было возможностей? Не в обиду, Ирочка, и когда твой департамент напортил с цифрами, Сам всерьез рассматривал вариант оплатить мне тренинги и усадить на твое место. И я отказалась вовсе не потому, что пожалела тебя. Мне просто это не надо! Согласившись с ним спать, я купила себе свободу не гореть на работе. Зачем мне надевать петлю, пусть даже это гордо зовется «директор департамента»? Нет уж, мне проще появляться в приёмной, нагрузить зданием эту блестящую выпускницу, удовлетворить босса и получить материальные выгоды вместе с высоким окладом. Нести ответственность — не мое.

Хоть я и выпила всего пару глотков вина, хмель развязал мне язык. Я склонила голову с набок.

— Я чётко знаю, чего хочу достичь. Секс с боссом все испортит. Мало того, что ему не выгодно будет отказываться от моего постоянного присутствия рядом, так и пересудов не оберешься. Что я думаю вагиной, а не головой, поэтому и получила должность.

— Ой, да не все ли тебе равно, что люди скаут? — подала голос бухгалтер Мария. — Ты пашешь за десятерых, на тебя играючи сваливают рутину все, кому не лень. А о твоей ставке вообще промолчу. Тут «мертвые души», друзья друзей главных, втрое больше околачивают. Та же невестка Иванченко значится «оператором компьютерного набора», а ставка едва ли не как у главного инженера! Амбиции — хорошо, но их на хлеб не намажешь!

Было некомфортно в этом обществе корыстных потребительниц, привыкших решать все свои проблемы через койку с высшим начальством. Но я с горечью признала, что они правы. Наш менталитет неистребим. Высшее руководство привыкло решать свои сексуальные проблемы на работе, и, будь ты хоть в десять раз умнее, в тебе будут видеть, прежде всего, объект, подводящий для спаривания. Вспомнились долгие взгляды, блестящие глаза Валерия Тарасовича, якобы случайные прикосновения. Но негодование быстро исчезло, сменившись приятным покалыванием предвкушения.

Я хотела секса со своим боссом. Фантазии на эту тему посещали с завидной регулярностью. Мне даже не придётся перешагивать через себя, если это произойдет. Стыдно признать, Тарасович был одним из немногих мужчин, сумевших вызвать во мне подобные эмоции. Но перешагнуть через веру в идеалы и строгое родительское воспитание было сложно.

— Он никогда не говорил прямым текстом, что хочет меня. К тому же, он женат...

Молчавшая до этого момента начальница департамента маркетинга поджала тонкие губы.

— А ведь в чем-то Вика права. Вы сейчас толкаете ее в постель к боссу, не посчитав нужным предупредить насчет сиятельной Кати. Я по-прежнему считаю, что она приложила руку к увольнению двух последних секретарш.

— Да и Виктория не дура. Она же понимает, что трахаться — не значит жениться? — глубокомысленно протянула Рая. — Та, что окончила юридический, вообще без царя в голове была, вот и получила. Съездила с Валериком в сауну да в ресторан, думала, теперь он

с Кати разведётся и на ней женится. Вот и заявила Кате, когда та позвонила и в своей манере стала поверхностно общаться с секретаршей — подвинься, тетка, я новая Ивлеева! Полетела с работы быстро, даже из города уехала. На звонки не отвечает. Вот и думай после этого, что с ней случилось!

Ира задумчиво погладила ножку бокала.

— Кати — молодая еще. Не понимает, что Валерик кобель, ничего с этим не сделаешь. Но у Вики хватит извилин не афишировать роман с шефом, верно?

— Какой у нее выбор? — вмешалась Лена. — Жена Ивлеева родилась в семье, где привыкли устранять неудобных. Говорят, ее батя город держал в 90-х, чуть то дорогу перешёл — в утиль, вместе с семейством. Ни жен, ни детей не жалел. Вот дочь по его стопам и идет. И нет бы Валерику конец зашить, чтобы не трахал все, что движется, так она с любовницами борется. Так что, Вик, будь осторожна, конечно. Но и отказываться не спеши. Грымза моего тоже угрожала, раз малого едва не сбила на авто. Потом звонила мне, пьяная, ревела, что я семью разрушаю. Я ей намекнула: не оставит меня в покое, действительно разрушу. Мне особо не хочется связывать себя узами нового брака с ее мужем-занудой, но могу и передумать. Но это крайний случай. Мы года три хранили наши отношения в секрете. Кто-то из компании шепнул, что да как. Узнаю, что эта гадюка среди нас, с лестницы спущу.

Тогда я впервые ощутила холодное дыхание тревоги. До того относилась к Кате, как к избалованной дочке богатого папы, по обычаю заключившей политический брак с Ивлеевым, сыном магната мира драгметаллов. Ее пафосное пренебрежение казалось следствием комплексов и злости на мужа, не более. Просто мы были разными в том плане, что мне никогда бы не пришло в голову винить в изменах мужа его любовниц. Я бы обрушила всю ярость на него. Никто насильно мужчину в кровать не затащит, а если он против, то физически ничего не выйдет.

Все эти дамы, к моему изумлению, не видели ничего предосудительного в сексуальных связях с начальством. Более того, буквально толкали меня в постель к Ивлееву! К концу обеденного перерыва я пожалела, что не осталась на рабочем месте выполнять задания, которыми щедро одарили другие отделы.

— Мне пора, — объявила я, в два глотка допивая горячий кофе. — Спасибо за консультацию, но в мои планы не входит койка с Валериком.

Я лукавила. Меня тянуло к нему. Но, наверное, не так сильно, чтобы приставить на кон свою будущую карьеру.

— Так он как бы не задает вопросов, — хихикнула Рая. Я как раз надкусила конфету и сразу проглотила, бросив на нее вопросительный взгляд.

— Насильно, что ли?

— Боже упаси. Он сделает так, что ты сама захочешь там оказаться. Когда придется сопровождать его в деловой поездке, жди феерического секса.

Я поспешила покинуть кафетерий, чувствуя прожигающие взгляды коллег. Каждая явно делала ставки, как скоро Ивлеев затащит меня в постель. Увы, я и сама не ожидала, что события начнут развиваться с такой скоростью.

Глава 2. Окончание

Едва вошла в приемную, увидела шефа, меряющего шагами помещение. Поспешно закинула в рот две горошинки «тик-так». Ивлеев выглядел раздраженным и суетливым. Если он заметит, что я пила, не пояснишь, что это было всего два глотка.

— Виктория, что вы себе позволяете? Почему оставили рабочее место?

Я оцепенела.

— Но вы же сами отпустили меня на обед... я...

Валерий Тарасович махнул рукой, явно не горя желанием продолжать дискуссию.

— Мы сегодня вечером вылетаем в командировку. Ваш загранпаспорт, пожалуйста. Не забыли, что он всегда должен находиться при вас?

Я еще не отошла от предыдущего наезда. Новая информация не желала укладываться в голову. Командировка? Куда? Так нельзя, у меня планы. Завтра у подруги день рождения, я не могу пропустить... Обошла Ивлеева, открыла ящик рабочего стола, где хранились важные документы и загранпаспорт. Протянула боссу, чувствуя, как растерянность и потрясение от внезапного заявления сменяется уже знакомой волной сладкого покалывания в пальцах ног и затылке. И мысль о том, что я пропущу днюху Окси, сменилась иной, более тревожной. Я непопаду в салон на эпиляцию! Мой педикюр утратил свежесть! Я так и не обзавелась сексуальным боди и чулками с поясом!

Видимо, все это отразилось на моем лице. Ивлеев склонил голову набок и улыбнулся довольной улыбкой расхитителя женских сердец.

— К вечеру будет виза. Летим в Мюнхен. Самолет в 23.45. За два часа за вами заедет автомобиль компании. Багаж — по минимуму. Преимущественно нас ожидают деловые переговоры, дресс-код вам известен. Возьмите также вечернее платье...

— Я... у меня нет... — прошептала я, пряча глаза, чтобы скрыть счастливый блеск. — Вечернего платья.

Ивлеев раздраженно выдохнул. Затем кивнул.

— Перед отъездом к вам приедет личный стилист моей супруги. Привезет пару подходящих вариантов. — Он окинул мою одежду придирчивым взглядом: — И костюмы тоже. Сообщите все, что надо.

Я взяла из его рук телефон и, когда ответил женский голос, продиктовала свой размер. На этом она не ограничилась, и мне пришлось хитрить с линейкой, замеряя окружность предплечий и шеи. Вопреки моему ожиданию, Ивлеев не отпустил домой собирать чемоданы и готовиться к отъезду. Я покинула офис около 20 вечера, уставшая, но горящая от предвкушения. Первый вылет за пределы страны! Да еще в компании такого горячего и сексуального шефа!

Экспресс-курс по наведению красоты был из разряда приятных хлопот. Затем приехала стилист Ивлеевой. Два вечерних платья были настолько великолепны, что я потеряла дар речи, да и костюмы, наверное, стоили мою зарплату за два года. Оглушённая восторгом, я не придавала значения неодобрительному и цепкому взгляду высокий брюнетки со стильной укладкой в виде мокрых ломаных локонов. Списала ее холодность на деловой этикет и вскоре забыла и думать о ней. А потом заехал водитель Валерия Тарасовича, погрузил мой чемодан в багажник, и мы отправились в аэропорт. Регистрация не заняла много времени, и вскоре я опустилась в кресло возле Ивлеева.

Сон как рукой сняло. В крови бурлил адреналин. Я еще ни разу не летала, а потому восхищенно взирала на ряды кресел, пассажиров, стюардесс, темные иллюминаторы. Когда шасси оторвались от взлетной полосы, у меня и вовсе захватило дух настолько, что я, забыв обо всем на свете, сжала ладонь Ивлеева.

Валерий вздрогнул, и наши глаза встретились. Я смотрела в их серую глубину, ощущая, как запутываюсь в паутине все сильнее, е оставив никакой двусмысленности. И когда его пальцы начали гладить внутреннюю сторону моей ладони, пронзило вспышкой острого желаяния. Я поспешно отвела взгляд, понимая, что только что шагнула в пропасть. Но не разбилась. Земля каким-то образом отключила гравитацию.

Это был только наш секрет. Я закрыла глаза, предвкушая продолжение безмолвного диалога. Скоро мы прилетим, и тогда...

Но наследующее утро мне уже было не до сладких фантазий. Работа буквально пинком отправила в водоворот встреч, переговоров, переводов и документации. Разбилась вдребезги мечта прогуляться по штрассен Мюнхена и осмотреть достопримечательности. Под вечер я валилась с ног, едва успела принять душ и смыть макияж, как забылась глубоким сном. А утром все началось заново.

Вечером второго дня мы с боссом были приглашены на светский раут. Забыв про истощение, я облачилась в длинное платье цвета спелой вишни, сделала высокую прическу, выгодно подчеркивающую мою красивую шею. Постучавший в номер Ивлеев на миг утратил дар речи. Смотрел на меня долгим, голодным взглядом, в котором явно читалось предвкушение. Впрочем, в этот момент наши взгляды были частично схожи.

— У меня кое-что для вас есть, Виктория. Вы лицо компании. Странно будет, если на званом вечере вы не появитесь в наших драгоценностях, верно?

У меня перехватило дыхание, когда Валерий коснулся пальцами моей шеи, провел по выступающим пикам позвонков, коснувшись застешки платья. Я ощутила холод, когда сухая ласка прекратилась, но тут же охнула, непроизвольно подавшись навстречу нашему отражению в зеркале. Роскошное кольцо с рубинами грушевидной огранки в окружении бриллиантов заиграло, переливаясь. И когда босс протянул мне серьги из этого гарнитура, я едва подавила дрожь. Из зеркала на меня смотрела роскошная женщина, созданная для красивой жизни, и уж никак не для изматывающей секретарской работы.

— Вы восхитительны, — дыхание Валерия опалило висок. — Вы достойны носить такие украшения. Пусть всего один вечер, но все же...

Я ничем не выдала, что меня задела его слова. В сердце теплилась надежда, что это подарок. Но увы. Пока что мне предстояло лишь появиться в прекрасных рубинах на публике, а затем вернуть владельцу. Но в голосе Ивлеева звучал явный намек. Если я дам ему то, чего он хочет, такие подарки станут реальностью. В тот момент я готова была согласиться с коллегами, утверждающими, что от связи с боссом можно получить кое-что посущественнее карьерного взлёта.

Впервые за все время я чувствовала себя не переводчицей и не секретаршей, а женщиной, принадлежащей к высшему обществу. Мероприятие завершилось поздней ночью, но спать мне совершенно не хотелось. И когда мы оказались в отеле, я уже знала, чем именно все закончится. Знала уже тогда, когда мы поднимались в огромном лифте, пытаюсь делать вид, что держим дистанцию. Но кабина буквально наэлектризовалась флюидами

обоюдного сексуального желания. Едва успели закрыть двери моего номера, как Валерий прижал меня к стене, выставив обе руки, перекрывая пути к отступлению. Но надо было быть полной дурой, чтобы думать о побеге в такой момент. Наши губы встретились. Ритм наших сердец и сбившегося дыхания зазвучал полноценной симфонией. Роскошное платье темно-бордовой лужицей упало к моим ногам перед тем, как его накрыли пиджак и рубашка Валерия.

Он был опытным любовником, впрочем, я в этом ни секунды не сомневалась. Его губы ласкали мои, выпивали остатки робости, смущения, неправильности происходящего. И мое женское естество откликнулось на настойчивый призыв сильного и привлекательного мужчины. Внизу живота зародилось сладкое томление, плоть рвалась к нему, обезумев от страсти. А язык Валерия не знал усталости. Скользил поверх мерцающих в полумраке рубинов коле, запуская по обнаженным нервам невыносимое сладострастие, целовал полушария груди, лаская напряженные соски. Руки гладили мои бедра, пальцы, отодвинув кружево трусиков, проникли внутрь пульсирующей от возбуждения вагины. Я зарычала в губы Валерия, когда пальцы, огладив стеночки, отыскивали самую чувствительную точку и принялись поглаживать ее. Тем временем пальцы второй руки массировали мой клитор под аккомпанемент ускоряющихся толчков.

Я почувствовала, что вот-вот, и сползу по стене. Это было так сладко, греховно, невыносимо прекрасно, что первые вестники оргазма выстрелили в крови алыми искрами. Заметив мое состояние, Ивлеев резко вынул пальцы и поднес к моим губам.

— Не спеши, ненасытная, — прохрипел, вспарывая мои глаза клинками собственного, потемневшего взгляда. — Вся ночь впереди.

Он мог заставить кончить даже не прикасаясь — только глядя так, будто уже стал властителем моего сознания. Не в состоянии спрятать глаза, я взяла губами его пальцы, все ещё хранившие сок моего желания. Все было настолько ново, развратно, захватывающе! Я лишь охнула, когда Валерий рывком стянул мои трусики к щиколоткам, присел на корточки, целуя ногу под тонким капроном чулок. Он явно хотел свести меня с ума, и у него прекрасно получалось.

Я перестала мыслить. Было только вождение. И когда он вновь притянул меня к себе — голый, возбужденный, жаждущий, настойчивый — я со стоном обвила его поясницу ногами, принимая внутрь истекающей влагой вагины твердый член. Он замер во мне на миг, перед тем как вторгнуться ещё глубже, растягивая, пронзая и заполняя собой. Погасли огни на баррикадах рассудка. Мир вокруг всосало в черную дыру страсти и вождения. Гиперсжатие пространства выстрелило на сотни парсек мощью потрясающего оргазма, сотрясшего мое тело в жарких объятиях Ивлеева...

Мы заснули только под утро — счастливые, удовлетворенные. Слишком беззаботные, чтобы омрачать минуту счастья вопросом «А что же будет дальше». Мне было хорошо. Остальное не имело значения.

Последний день в Мюнхене прошел как обычно — переговоры, подписание договоров о сотрудничестве, ужин, на который я была приглашена лишь потому, что заменяла Ивлееву переводчика. Жизнь, еще вчера предоставившая мне демо-версию красивой жизни, сегодня вновь вернула свои позиции. Но подобное больше не удручало. Все еще окрыленная прошедшей ночью, я позволила себе смелые мечты.

Однажды мы посетим этот город не по работе. Вместе. Будем отдыхать и наслаждаться друг другом. Теперь остается выждать время и сказать Валере о своих планах относительно

карьеры. Теперь все получится, и вскоре я не буду девочкой на побегушках в глазах сиятельных господ.

Глава 3. Часть 1

А затем вновь перелет, дьюти-фри, где я с царской руки Валерия выбрала себе хорошие духи и косметику, несколько часов сна, душ, завтрак, общественный транспорт... приемная, офисная рутина. Несколько десятков папок на столе с самоклеющимися стикерами. Толку, что я отсутствовала три дня? Никто из сотрудников не собирался выполнять свою же работу, которую легко можно сбросить на секретаря младшего члена совета директоров. Но больше я не собиралась с этим мириться. Это первое, о чем я попрошу Валерия — снять с себя кандалы рабыни хитрожопых департаментов.

Из-за этого возник общественный резонанс. Я была вежлива, предельно вежлива, когда обзванивала отделы и просила забрать скопища чужих дел. Не отказала лишь парочке — рекламному отделу, так как его сотрудница была беременна, и кадровикам, расположенным ко мне более лояльно. Но мало кто был готов мириться с тем, что теперь им придется самим выполнять свою же работу.

Сарвилов, директор департамента сбыта, ворвался в приёмную, толкнув при этом забежавшую осведомиться о документах бухгалтершу.

— Ты совсем, кукла, охренела? — краснея от бега по лестнице, заорал он. — Это надо было сделать вчера! Ясно тебе? Вчера!

— Прекратите орать! — выдохнула я, задохнувшись от обиды — Вам прекрасно известно, по какой причине я отсутствовала!

— Меня не трахает, по какой! Ртом строчи минет, пальцами — то, что я дал! Ясно?

Появление Ивлеева пресекло его тираду. Велев начальнику департамента пройти в кабинет, он удалился. Минут пять там гудели повышенные голоса, наконец багровый Сарвилов выскочил прочь. А я до вечера отбивала атаку любителей жить за чужой счет. Были и те, кто побежал жаловаться Ивлееву. Забыв о негласной этике, я поспешила первая, пояснив ситуацию. Не пожалела ни Сарвилова, ни ему подобных. Шеф отреагировал быстро: собрал внеплановое совещание и высказал директорам департаментов все, что думает о них. А я... я нажила себе новых врагов. И всю степень их коварства оценила уже спустя два дня.

После того, как груз чужой работы был снят с моих плеч, я успевала справиться с основной. Уход с работы в положенное время, а не тогда, когда решит шеф, стал для меня глотком свободы. Обеденный перерыв тоже стал регулярным. К слову, в кругу девочек я рьяно отрицала нашу связь с боссом, чтобы мне поверили, придумала легенду, согласно которой сама заказывала ему ночных бабочек в номер. Этому охотно поверили, правда, не все. Да и я сама ощущала, что все во мне буквально вопит об истинном положении вещей.

Валерий эти два дня редко появлялся на рабочем месте, и я начала ловить себя на мысли, что скучаю по нему. Скучаю по взгляду, в котором обещание самых развратных удовольствий соперничало с восхищением. По голосу, от которого на губах расцветает улыбка. По запаху мужчины, способного сделать трусики влажными в два счета. Хотелось выглядеть для него как можно красивее, и я спустила часть своей зарплаты на салон красоты. И все мои ухищрения принесли свои плоды.

В обеденный перерыв, когда я собиралась поняться в кафетерий и похвастаться перед девочками изменениями во внешности, босс вызвал меня к себе в кабинет, велев перед этим

повесить на дверь табличку «деловые переговоры». И вот уж честно, лучше бы повесил «не беспокоить».

Слов не понадобилось. Я едва успела положить на стол собранные на подпись документы, как Валерий обнял меня за талию и поцеловал — жадно, не давая опомниться либо возразить. Задрал юбку до талии, спустил трусики вниз и усадил на стол, нетерпеливо расстёгивая ширинку. От прикосновения прохладного мрамора столешницы к ягодицам я непроизвольно охнула. Смочив пальцы слюной, босс вошел в меня сразу двумя, возбуждая, подготавливая, вместе с этим успевая осыпать поцелуями мое лицо и шею.

— Вика, черт. Ты реально сводишь меня с ума! — прорычал, заменяя пальцы членом. Я едва успела выставить руки в качестве опоры, прогнулась, чтобы принять его как можно глубже. Просто поразительно, как быстро я возбудилась доя его поспешного вторжения!

Мои ягодицы скользили по глянцу стола, оргазм настигал, будто цунами — неотвратно и стремительно. Я застонала, срываясь на крик, когда сладкие спазмы унесли к высотам экстаза. Мы напрочь забыли о средствах контрацепции, но в последний момент Валерий отстранился, выпуская семя на черный мрамор стола.

Мы тяжело дышали. Воздух в его кабинете пропах сексом и желанием. Руки не слушались, когда я поспешно приводила себя в порядок и стирала улики нашего соития с поверхности.

— Со следующего месяца ты будешь получать на восемьдесят процентов больше, — застегивая брюки, сказал Ивлеев. — Не потому, что мы переспали. Я умею ценить отдачу.

Я кивнула. Отказываться либо наигранно возмущаться не имело смысла. Меня и так долго продержали на зарплате стажера, при этом завалив работой по уши. Дождавшись, когда босс справится с дрожью в руках и подпишет документы, я поспешила в приемную, надеясь, что там никого нет, и я успею привести в порядок макияж и прическу.

Увы, в приёмной уже ждали. И вовсе не коллеги. Я едва не споткнулась, столкнувшись нос к носу с миловидной девушкой, взвизгивающей на меня с неподдельным потрясением.

Она была в роскошном кожаном костюме красного цвета, с высокой прической, и очень напоминала терминатора Ви-экс в исполнении Кристианы Локен. Пробормотав что-то, похожее на извинения, я буквально побежала к своему рабочему месту, стараясь игнорировать ощущение надвигающейся беды. И когда за мной следом вышел Ивлеев, все стало на свои места.

— Катя, милая? — сирым от потрясения голосом повторил он, неуклюже заправляя рубашку в брюки и не замечая, что вокруг рта розовеет размазанный след от моей помады.

Я готова была провалиться сквозь землю. Но вместе с тем разглядывала Кати Ивлееву с толикой неистребимого женского любопытства. Миловидная. Назвать красавицей сложно, но аура богатой холеной жизни нивелирует отсутствие внешних данных. Наверное, мы примерно одного возраста. Я подняла глаза, пытаюсь дать понять, будто мы с Валерой вовсе не совокуплялись на столе, а читали договор... и непроизвольно вздрогнула.

Эта холеная богатая бездельница знала все о нас. И ее появление не было случайным. А то, как она смотрела на меня... этот взгляд мог заморозить Африку. Заставить заткнуться даже стаю футбольных фанатов. Потому что мне стало физически плохо от ненависти в голубых глазах. Настолько сильной, что я почувствовала, будто мне только что вынесли приговор.

Ассоциация напугала меня. Тревожные звоночки в сознании превратились в колокола. Я попыталась спрятать лицо за зеркалом. Лучше бы я этого не делала: волосы взлохмачены,

а на губах — остатки той самой помады, что щедро размазалась по подбородку Ивлеева...

Я не могла даже пошевелиться. Парализующий, будто могильный, холод проник в душу, вызвав вспышку паники. Смотрела, как Валерий уводит жену в свой кабинет, воспользовавшись ее шоковым состоянием. Когда за ними закрылась дверь, бессильно уронила голову на стол.

Это конец. Можно собирать вещи. Ивлееву ничего не будет, а вот я... вспомнились предупреждения бабсовета, судьба моих предшественниц.

Катя может быть опасна. А у меня не хватило ума быть осторожнее.

Телефоны продолжали разрываться, а я была настолько дезориентирована произошедшим, что попытка ответить превратилась в какие-то провалы в памяти и времени. Перевела звонки на рецепцию, как делала всегда, отправляясь на обед, приложила ладони к пылающим щекам.

Вляпалась. Но чем думал Валера, когда распинаял на столе, не слушая ни возражений, ни здравого смысла... хотя, разве я особо возражала?

Спустя полчаса из кабинета вышла Катя. В ушах зазвенело, мышцы напряглись, подсознание зашлось в крике «опасность!». Глаза миссис Ивлеевой выглядели слегка припухшими, и только это говорило о том, что слезы имели место быть. Правда, криков и звона бьющейся посуды я не слышала. Девчонки говорили, что Кати никогда не предъявляет мужу. У нее виноваты всегда, в любой ситуации, женщины. Спровоцировали, соблазнили, околдовали. Пока муж осыпает бриллиантами и не настаивает на наследниках, Катя терпит его прыжки в гречку. Куда приятнее уничтожить соперницу.

Глаза шатенки сузились, а на губах появилось подобие улыбки. Но это меня не обмануло. Вцепившись пальцами в подлокотники кресла, я смотрела, как она приближается крадущейся походкой. В ней и правда сейчас было нечто хищное и беспощадное.

Тонкие ладони с острыми длинными ногтями, расписанными под хохлому, уперлись в столешницу. Я вцепилась в ее маникюр, как в спасительный круг. Но, рассматривая каждый завиток, все равно не смогла вырваться из стужи смертельного холода женской ненависти.

— Неосмотрительно, Вик-ка, — хоть я и понимала, что за насмешкой Кати кроется обида и боль, презрение исполосовало, будто сотней лезвий, в одну секунду. — У женщин, которые спят с чужими мужьями, начинаются проблемы с яичниками.

«Бригада, реплика жены Белого», — подумала я. Но этот отвлекающий маневр тут же накрыло девятым валом панической атаки. Мне хотелось вскочить, кинуться вслед за стервой в красной коже, поклясться здоровьем самых близких людей, что нечего не было между мной и ее мужем! Умолять не вышвыривать с работы мечты, искренне проклинать тот момент, когда бес попутал и я ответила Валерию взаимностью! Пятое чувство не обманешь и ничем не заглушишь. Оно сейчас вопило во всю глотку, призывая меня исправить ситуацию, только не имело, как и я, ни малейшего понятия, как именно это сделать.

Я так и осталась сидеть в кресле, не в состоянии пошевелиться. Увы, я и подумать не могла, что потеря работы вскоре окажется самой ничтожной из моих пробоев!

Спустя минут сорок вышел Ивлеев. Едва взглянул на меня, нервно дернул галстук. Я к тому времени уже металась по приемной загнанным зверем, не в состоянии справиться с панической атакой. Увы. Валерий не подошел ко мне с намерением успокоить, не бросил стандартную фразу, что все будет хорошо. Он вообще забыл обо мне в тот момент.

— Меня нет. Отмени все встречи! — грубо бросил, не удостоив взглядом.

Как ни странно, это меня почти не задело. Во-первых, безмолвная угроза Кати не оставила места на другие чувства. А во-вторых... я с изумлением осознала, что ничего не чувствую. Ни желания прижаться к его плечу и ощутить защиту, ни боли от предстоящего расставания... ничего! Страсть была подобна вулканическому извержению. После того, как лава сексуального сумасшествия изверглась и застыла, ничто не в силах было вновь раскалить ее.

Мой полет прервали штормовые облака надвигающейся беды.

Прошло несколько дней. На вторые сутки от визита жены босс не явился на работе, что, как ни странно, вызвало вздох облегчения. Были моменты, когда мне хотелось верить, что он промывает жене мозги, требуя оставить меня в покое. Это было самое малое, чем он мог отплатить мне за близость.

В большой компании ничего не утаишь. Слухи выросли до катастрофических размеров. Кто-то говорил, что Катя застала нас прямо в приемной, вырвала мне волосы и ударила мужа. А бабсовет впервые не насмехался и не нападал. Все, включая язвительную Иру Гурову, смотрели на меня с тревогой и сочувствием. Никто больше не пугал отцом Кати Ивлеевой и не пересказывал ужасы о пропавших без вести секретаршах. Даже не задавали набивших оскомину вопросов «было или не было» с Валериком на столе. И это угнетало сильнее прямых угроз.

Я чувствовала приближение чего-то ужасного, но не могла понять, с чем это связано. Никто меня не уволил и даже не перевел в другой отдел, подальше от Ивлеева. Да и обещанная прибавка в размере восьмидесяти процентов была выплачена в качестве премиальных — но в следующем месяце была включена в тарифный оклад. Жена Валерия больше не появлялась в компании и не звонила. Но глупо было полагать, что обо мне забыли. Тучи сгущались. Я не знала, чего ожидать. Подставы на крупную сумму? Нападения? Увольнения с позором? Неизвестность пугала.

Ивлеев же довольно быстро забыл о том, что его жена практически застучала нас друг на друге. Я видела намеки в его глазах, словах, жестах. Но от мысли, что мне придется снова разделить с ним постель, все внутри сжималось. Мне казалось, Катя об этом узнает, и... хотя она и так уже узнала предостаточно.

Больше мы не были близки. Я видела, как замыкается лицо Ивлеева, а в общении с мной появляются раздраженные ноты. Валерий жалел, что повысил мне оклад — он рассчитывал, что я буду спать с ним по первому требованию, а не два жалких раза.

Однажды я принесла документы на подпись. Босс перекрыл мне путь к отступлению уже у двери. Провел пальцами по губам и повелительно, приговаривая что-то типа «малютка, не бойся, уважь меня» надавил на плечи, заставляя опуститься на колени. А я, проклиная себя за столь слабый характер, почти приняла требуемую позу, но тут меня словно ушатом холодной воды окатило.

Катя. Угрозы. Камеры. Ему ничего не будет. А меня может не стать.

Пулей вылетела из кабинета, сдерживая слезы. Валерий, не желая отказываться от секса, нашел меня в пустеющей зале переговоров, почти насильно усадил в машину и увез в один из своих домов на окраине города.

Тело предало меня. Ужас отравил ядом паники. Тогда я решила поговорить с боссом, рассказав ему об угрозах Кати. Увы, он лишь посмеялся над моими страхами, рассказал, что эта бандитская дочка у него под колпаком, а мне следует меньше реагировать на подобное. Куда делась моя стрессоустойчивость? Вот найди, мол, ее, и не теряй больше.

Несмотря на то, что этой ночью я все же смогла получить удовольствие, страх не отпускал. Меня больше не влекло к Валерию так, как раньше. Я чувствовала, что несусь в пропасть, а босс, одержимый лишь собственными хотелками, не делает ничего, чтобы меня удержать. Наверное, после той ночи с моих глаз окончательно спала розовая пелена. Я видела не сексуального босса, богатого, сильного и волнующего. Я видела всего лишь наследника династии ювелиров, избалованного, эгоцентричного, заикленного на себе и своих желаниях. Он просто использовал всех, кто его окружает, откупаясь деньгами и не думая об их дальнейшей судьбе. Нездоровая ревность жены ему льстила, поэтому он не шевелил и пальцем, чтобы обезопасить тех, на кого обрушился гнев Екатерины. И я не была исключением.

Глава 3. Часть 2

Приближался юбилей компании. По этому случаю был зарезервирован один из самых лучших ресторанов столицы, сотрудники, в том числе и я, получили щедрые премиальные. Казалось бы, жизнь налаживается? Возможно. Но моя стремительно летела в бездну. Это чувство не оставляло ни днем, ни ночью. Проникало в сны и мысли, не давая шанса другим эмоциям. Успокоительное стало моим постоянным спутником. Если ранее тревогу можно было сравнить с грозowymi тучами, то сейчас она напоминала каменные глыбы за несколько часов до обвала.

Нет, мне не звонили с угрозами, не подставляли на работе. Я просто это чувствовала. Наверное, стоило прислушаться к интуиции, уволиться прямо сейчас, исчезнуть, залечь на дно, пока Кати обо мне не забудет. Но я этого не сделала. Повышение оклада и перспективы вскружили мне голову.

И вот настал тот самый день. Для большинства — двадцатилетний юбилей со дня основания компании. А для меня — окончательное падение в пропасть.

Настроения не было с самого утра. Вчера мы с приятельницей пробежались по магазинам, и я приобрела это платье — черное, облегающее, с кружевными вставками на коротких рукавах. Я выглядела на миллион, особенно с нитью крупных бус на шее, с завитыми волосами. Но отражение кричало оставаться дома и никуда не идти.

Ощущение беды. Она уже постучала в двери. Я позвонила матери, пообещав приехать на выходные. Мне стало совсем плохо. Но раскисать я не имела права. Прикинуться простуженной не выйдет — даже на корпоративах я всегда формально на работе. Вызвать выпившему боссу такси, не дать ему подписать на брудершaft важный документ не в пользу компании, не позволить упасть лицом в грязь перед коллегами. Надо было просто пережить этот день.

День. Я помнила его в деталях. Такси, легкий дождь, красная ковровая дорожка, ведущая к ресторану. Нарядные коллеги, обычный женский разговор о шмотках. Столы, ломившиеся от яств — на праздники руководство компании денег не жалело.

Ивлеев был вместе с женой. И по одному ее взгляду я поняла: все, что говорили о ней за спиной — истинная правда Кати, как прозвали ее в бабсовете, не была истеричкой и не колотила понты. «Отвечать за базар» для дочери криминального авторитета было чем-то вроде кредо. Я инстинктивно закрыла руками шею, когда высокая фигура Кати, облаченная в вечернее платье кораллового оттенка с расшитым лифом, прошла мимо. Но жена Ивлеева не произнесла ни слова и даже не сделала попытки испепелить взглядом. Замедлила шаг, тонкие губы тронула снисходительная улыбка. Но то, что было в ее глазах... я назвала бы это жаждой крови. Она была похожа на римскую патрицианку, жаждущую гибели гладиатора, опрокинутого на окровавленный песок Колизея.

Когда она удалилась, что меня бросило в холодный пот. Все вокруг кричало об опасности. «Бежать, бежать, бежать!» — вопил внутренний голос, но ноги стали ватными, а сердце глухо колотилось. Улыбка Кати застыла на сетчатке угрожающим оскалом хищницы. Я повернулась к двери. Надо найти Валерия и сослаться на недомогание, уйти. Я не хочу вздрагивать от малейшего шороха на корпоративе.

Увы, я не ушла. Валерий не отходил от жены, а меня сейчас никакая сила не могла заставить вновь попасть в поле зрения Кати. Чтобы унять нервозность, позволила себе

расслабиться за столом. Пара бокалов мартини приглушили тревогу, мир вновь обрел прежние краски. Стараясь держаться подальше от босса, я влилась в компанию женсовета, слушая восторги Лены, которая собиралась лететь на Мальдивы в конце месяца. При этом она недвусмысленно смотрела на меня: мол, учись, Вика. А меня бы сейчас Мальдивы, и те бы не обрадовали. Я начинала жалеть, что поддалась соблазну и стала любовницей своего шефа.

После непродолжительного застолья начались танцы. Вот сейчас бы самое время исчезнуть незамеченной. Стараясь не смотреть на Валерия, кружившего Катю в танце под чувственную мелодию, начала пробираться к выходу, но дорогу преградил широкоплечий, высокий мужчина с длинными волосами, собранными в хвост.

— Вы позволите пригласить вас на танец?

Я бросила тоскливый взгляд в сторону выхода, обдумывая формулировку отказа, но, по-видимому, думала очень долго. Опомнилась уже на танцполе, прижатая к незнакомому мужчине.

— Вы Виктория? — спросил он, плавно двигаясь и увлекая за собой. — Самая красивая секретарь во всей компании.

— А вы? — я не помнила, чтобы когда-либо его видела. Хотя, если задуматься, не так уж часто покидаю пределы приемной.

— Я Руслан. Я занимаюсь, можно так сказать, логистикой... поставкой уникальных драгоценностей под заказ. — Он как-то иронично хохотнул, и, чтобы замять неловкость, поднял мою руку, позволяя выполнить пируэт.

— Впервые вас вижу, если честно.

— Это неудивительно. Вы редко смотрите по сторонам. А ведь я несколько раз приходил к вам.

— У меня хорошая память на лица. Я бы вас запомнила.

От такого топорного флирта мне стадо скучно. А Руслан как будто этого не замечал, продолжал расспрашивать, есть ли у меня парень, не встречается ли он меня после корпоратива, и не заедет ли за мной кто-то из друзей, поскольку он сам хочет меня проводить. Вроде бы вполне себе приятный мужчина, к тому же без обручального кольца, не пытается облапать во время танца и не говорит пошлости — но мне все равно хотелось сбежать, оказаться наедине с собой, подальше от грохота музыки и шума толпы. Только Руслан оказался настойчивым кавалером. Лишь спустя час мне удалось сбежать — прокрасться на пустующую лоджию ресторана. Я вдохнула загазованный воздух мегаполиса, сырой от недавнего дождя, и закрыла глаза. Хватит. Сейчас я просто уйду, и все. Решительно скажу Руслану, что провожать меня не надо, я хочу побыть в одиночестве! Даже такси вызывать не буду, пройдусь несколько кварталов.

Шорох заставил меня сдавленно застонать. Если это Руслан, я сейчас просто сорвусь и пошлю его натри веселых буквы! Я хочу побыть одной, разве непонятно?

Но в тот же миг темная тень со знакомым запахом парфюма перекрыла обзор, сжала в страстных объятиях, обдала кожу горячим дыханием с запахом виски.

— Вика... Чем ты меня опоила, что я только о тебе и думаю?..

Я увернулась от жаждущих губ. Паника погасила кратковременную отдачу в виде сексуального желания.

— Валерий Тарас... Валера, черт... перестань, что ты делаешь? Твоя жена здесь, нас в любой момент...

Его губы накрыли мои, язык жадно вырвался вперед, сминая, подавляя поцелуем. Он не

собирался разводить долгих прелюдий — прервал поцелуй, развернул меня лицом к стене, припечатав ладони над головой своей рукой. Вторая по-хозяйски задрала подол платья до талии, спустила трусики к коленям, стреножив таким образом.

— Много говоришь. Я едва не поехал крышей за все эти дни! — он пресек мою попытку сопротивления. Я закрыла глаза, понимая, что сопротивление только сильнее его раззадорит, а кроме того, привлечет людей. Звук расстегиваемой ширинки вызвал странное, мерзкое ощущение, что меня просто используют. Да так, по сути, и было. Захотели отыметь в углу по-быстрому, чтобы потом уйти к жене и не вспоминать.

— Валера, я не хочу! Понимаешь? Не хочу!

— Вика, врешь. Ты просто устала. Хочешь, отправлю тебя в отпуск на Мальдивы с Ленкой? Только помолчи и оттопырь попку...

— О! А чего это вы тут... — раздался голос в темноте, и, повернувшись, я встретила похабным взглядом Сарвилова. Похоже, директор департамента сбыта перебрал элитного алкоголя. Я едва не упала, забыв, со Валерий стянул мои трусики к икрам, поспешно натянула обратно, одернув платье. Ивлеев ринулся было за мной, но потом передумал. То ли решил провести с подчиненным беседу о вреде излишней болтливости, то ли не хотел, чтобы нас увидела Катя.

Яркий свет зала ударил в глаза, и я не заметила, как налетела на Ирэн. Шампанские чудом не пролилось на лиф ее атласного одеяния.

— Вызови такси... — запинаясь и поправляя волосы, прохрипела я. — У меня давление упало. Надо срочно домой...

Краем глаза я заметила коралловый всполох платья Кати. Ивлеева была похожа на пантеру, крадущуюся по следу ничего не подозревающей дичи.

Ирэн закивала и, достав из клатча последнюю модель телефона-слайдера, принялась набирать номер. Я задыхалась. Шла, не разбирая дороги, движимая одним лишь желанием — вдохнуть чистого воздуха, уйти прочь от яркого света ламп и толпы людей. Лоджия после неудачной попытки босса уединиться мало подходила для этой цели, оставалась улица.

Не запомнила, как оказалась под кронами лип за рестораном. Здесь было безлюдно, и даже свет не резал глаза. Очень хорошо просматривались дорога и фасад. Я не пропущу такси, если останусь здесь.

Ждать долго не пришлось. Правда, машина подъехала не с центральной улицы, а с переулка. Фары выхватили из темноты мой силуэт, ослепив на миг и отбросив тень.

— Такси кому? — раздался мужской голос. Я подняла руку и, подхватив клатч, пошла навстречу ярким ксеноновым фарам. До машины оставалось всего несколько метров, когда чьи-то руки грубо схватили мое запястье и потащили вперед.

От неожиданности я остолбенела. Открыла рот, чтобы закричать, но вышел какой-то неуверенный, испуганный всхлип.

— Тащи ее! — раздался нетерпеливый голос с восточным акцентом, и хватка на моей руке стала тверже.

И тогда я закричала. Даже не ради того, чтобы позвать на помощь — просто начала понимать, что происходит. Меня хотят затащить в машину, и... это был страх в чистом виде. Еще не канули в Лету отголоски 90-х, когда браткам на иномарках все сходило с рук, и не проходило ни дня, чтобы прямо среди бела дня не запихали симпатичную девушку в машину. В лучшем случае они возвращались, в худшем их находили мертвыми в ближайших лесопосадках.

Мой крик должен был всполошить весь район. Из-за яркого света я не видела, есть ли рядом кто-то. Но даже если нас видели, шансов на то, что решатся вмешаться, нет: в подобных ситуациях люди спешат уйти от источника неприятностей.

— Виктория!

Мужской голос заставил моего похитителя разжать хватку. Не помня себя, я вырвалась и побежала на его источник. В глазах плясали черные кляксы от яркого света фар, и я закричала еще сильнее, когда с разбегу уткнулась в чью-то грудь.

— Виктория, это Руслан! Все хорошо!

Облегчение было таким сильным, что я прижалась к его груди и рассмеялась.

До того самого момента, как ноздри условия резкий запах. Ладонь Руслана почти нежно опустилась на мое лицо, накрывая его куском резко пахнущей ткани.

Земля качнулась навстречу. Чьи-то руки подхватили за плечи с обеих сторон и поволокли. Туфля слетела, но я не могла сказать ни слова.

— Пакуйте ее, — раздался насмешливый голос Руслана. — Час зелёного коридора.

Сознание сделало кульбит, перед тем, как погрузиться в глубокий сон. Как меня затащили в машину и повезли, я уже не помнила...

Глава 4. Часть 1

Мы все потеряли счет времени в сыром каменном бункере. Холод проникал под кожу, вызывая озноб. Кто-то тихо плакал, кто-то молчал. Некоторые пытались уснуть, или сделать вид, что спят. Но паника, отчаяние, страх и боль пропитали каждый атом кислорода в этом помещении, лишая шансов на сон.

Жутко хотелось в туалет. Руки онемели. Я старалась не думать о том, что отсутствие ведра может быть очередным этапом ломки. Что нас хотят превратить в животных, сплавляющих нужду где придётся и готовых отдаться кому угодно за возможность принять душ и сходить в туалет как все нормальные люди.

Рядом ерзала рыжеволосая Лиза, матерясь сквозь зубы. Она еще не отошла от впечатлений, вызванных моей исповедью. Все надеялась, что Ивлеев прямо сейчас даст по роже Кати, наденет костюм супергероя и кинется спасти свою секретаршу. Я и сама хотела бы в это поверить, но увиденного было достаточно для того, чтобы понять, что работали профессионалы. Нас не найдут. А Ивлеев уже завтра забудет обо мне. Может, даже вздохнет с облегчением, что не надо будет выяснять отношения с женой. Ради таких, как я, не поднимают ОМОН и вертолеты.

Катя. Теперь я это знала наверняка. Ну почему я была столь беспечна? Почему поверила Руслану, прекрасно понимая, что он не работает в компании и память меня не поводит? Не думала, что такое со мной произойдет? Как там говорят, не зарекайся?

Закрыла глаза, стараясь не шевелиться. Мне было уже не страшно. Все, что я хотела — справиться нужду, не уронив при этом достоинства. Психика полна сюрпризов.

Прошло около получаса, как засовы двери пришли в движение, оглушив противным скрежетом. Испуганный ропот затих на губах девчонок. На миг мы все забыли, что не так давно готовы были заложить друг дружку вертухаям ради спасения собственной шкуры. Неосознанно прижимались друг к другу, как будто эта иллюзия сплочённости могла помочь выстоять в неравном противостоянии с похитителями.

Я досчитала до пяти и смежила веки. Неизвестно, что уготовило нам сегодняшнее открытие двери. Я была намерена выстоять и не сломаться. О том, как выбраться из столь ужасной ситуации, подумаю после. Пока же надо не терять голову, понять, где мы, что будет дальше, и есть ли возможность сбежать. И после этого все хорошо обдумать.

Их было шестеро. Двое мужчин, вполне себе обычные с виду, бритоголовый качок в мятой майке и три цербера в камуфляже и балаклавах. Я опустила ресницы, продолжая незаметно изучать вошедших.

Один из тех, что выглядели поприличнее, смотрел на девчонок, словно на мясо — от одного взгляда прожженного сутенера хотелось отмыться. Качок вышел вперёд, щелкнул ножницами, заставив девчонок дружно охнуть от страха. Кто-то даже попытался прикрыть голову связанными руками. Но подстригать нас в его намерения не входило. Мужчина по очереди разрезал грубые веревки, стягивающие запястья пленниц. Пока очередь дошла до меня, я успела в деталях изучить пятерых, оставшихся стоять и изучать нас.

Вертухаи меня интересовали мало. В одном из них я все же узнала того, кто насильничал светловолосую девушку в зад, и непроизвольно содрогнулась. Переключила внимание на «сутенера», что лез вон из кожи, пытаюсь доказать свою крутость.

— Доброе утро, красавицы. Сейчас будете слушать меня предельно внимательно,

потому как дважды повторять я не буду! — оторвавшись от созерцания пышной груди одной из пленниц, он плотоядно облизал губы. — Прямо сейчас по очереди пойдете на медосмотр. А затем я расскажу, в чем заключаются ваши дальнейшие обязанности!

Он тряхнул рукой, на которой болтались крупные часы. Над его губой и на лбу выступил пот. И в тот момент я поняла, что это не тот человек, который имеет большое влияние в структуре по торговле живым товаром.

Как я это поняла? Наверное, стоило перевести взгляд на второго из мужчин, светлом блейзере и джинсах, с нотами седины в аккуратно уложенных волосах. На вид ему было лет сорок, возможно, больше. Он внимательно разглядывал девушек, но его взгляд был иным. Лишенным плотского интереса, оценивающим и одновременно усталым. Светлые, казавшиеся ледяными глаза смотрели не на грудь и ноги, а на лица девчонок, смотрели подобно радару, будто пытались найти нечто, ведомое только ему.

Вожак стаи. Безоговорочный лидер. Внимательный, умный и опасный.

Тень качка заслонила его, ножницы клацнули, и путы упали на бетонный под у моих ног. Кровь выстрелила по передавленным сосудам, причинив боль, и я непроизвольно зашипела, потерла запястья. А когда вновь подняла глаза, увидела, что объект моего изучения пристально смотрит на меня.

Шут с замашками ужасного босса продолжал вещать о том, что мы теперь никто, и звать нас никак. Безродные шлюхи, от которых требуется всего лишь раздвигать ноги и открывать рот, и тогда, может быть, лет через десять, нас отпустят на свободу и даже наградят. Но вот для этого надо всего лишь ложиться под кого скажут, и не артачиться.

Его слова могли сломить кого угодно. Кто-то из девушек заплакал. Кто-то начал говорить о состоятельных родителях и папиках, готовых заплатить выкуп. Возмущаться и угрожать не решилась даже притихшая Лизка — никто не хотел повторить за татуированной выход на бис.

А я смотрела в глаза того, кто являлся главным режиссером настоящего кошмара. Неприметным с виду, спокойным, хладнокровным и не менее опасным. Обхитрить такого человека вряд ли получится. Попытка будет фатальной.

Я могла отвести взгляд. Он вовсе не гипнотизировал и не подавлял. Но сама не зная почему, я продолжала смотреть на него так же, как это делал он.

В этот момент мы разделили между собой его тайну.

Я признала в нем главного. Я догадалась о том, о чем не догадался никто из присутствующих. Чем это могло мне грозить? Вряд ли чем-то серьезным: я все равно не смогу выбраться из этой ужасной ситуации и рассказать кому-либо.

Когда в его холодных глазах появилось подобие интереса, я испугалась. Опустила взгляд, потирая запястья. Увидела только, как он вышел за дверь, так и не сказав ни слова. А качок под руководством «сутенера» повел двух девчонок прочь из бункера.

— Да, маргышки, — вернул меня к реальности голос подставного главаря. — Если хоть кто-то попытается вскрыться или сбежать, вы у меня пожалеете, что не сдохли при рождении. Если ваш новый владелец останется недовольным, вы у меня роту солдат через себя пропускать будете, пока не сдохнете от разрывов. Это на воле вы были крутые. Здесь у вас не будет даже имени!

Жутко хотелось в туалет. Ждать, когда меня поведут в медблок, становилось все труднее. Да и слова уроды в костюме все же не могли пройти мимо. Били наотмашь, предвещая скорую истерику.

Никто. Просто куски мяса. Звать никак.

Когда меня подхватили ща руки и поволокли к двери, залп сутенера иссяк. Но он нашел себе новое развлечение, заставляя девчонок раздеться и принять развратные позы. Сейчас эта участь миновала, но что же дальше?!

Яркий электрический свет ослеплял. От долгого сидения в одной позе ноги не слушались, холодный бетон охлаждал ступни, острые камешки впивались в кожу. Когда мы поднялись по лестнице и вышли на усыпанную гравием площадку, я даже не сразу поняла, что мы на улице.

Запах земли и хвои показался далеким, циничным, напоминающим о свободе, которую у меня так жестоко отняли. Но после бункера дышать чистым кислородом с примесью озона было приятно. Настолько, что я даже не чувствовала дискомфорта от гравия, впивающегося в ступни.

Это был огромный участок земли, обнесённый плотно сбитым деревянным частоколом. Наполовину его скрывали высокие сосны с пушистыми кронами. Справа за высотными кипарисами проглядывали очертания огромного трёхэтажного строения. Кроме этого, много построек были рассредоточены по периметру территории. К одной из них мы и направлялись.

День был пасмурным. Сколько я провалялась в отключке? Ночь? Вряд ли кто-то ответит на мои вопросы. Да и тут их лучше не задавать, если не хочешь последовать за блондинкой. Подняв глаза и сморгнув слезы от яркого после бункера света, я заметила на стволах сосен белые штативы камер и красные огни датчиков движения. Не сбежать. И без того было понятно, что нас похитили профессионалы, а не гопники.

Меня буквально втолкнули в прохладу ближайшей постройки. Пахло медикаментами и стерильностью. Небольшой коридор вел в обширное помещение медблока.

Высокая женщина в белом халате и очках без оправы кивнула, и я разминулась в дверях с подругой по несчастью — эффектной брюнеткой с глазами, как у лани. Неудивительно, что торговцы живым товаром не могли пройти мимо такой красавицы. Мы обменялись взглядами. Я — вопросительным, она — испуганным.

— Проходи, — женщина в белом говорила мягко, даже увещательно. Я обвела взглядом помещение.

Кушетка, шкафы с медикаментами, ширма, несколько столиков... и гинекологическое кресло, при виде которого у меня пересохло в горле и потемнело в глазах.

— Твое имя? — все в этой женщине было призвано вызывать доверие. В первые секунды и я поддалась этой программе.

— Виктория. Вика.

— Хорошо, Вика. Там санузел, — женщина указала на двери из матового стекла. — Можешь сделать все свои дела и принять душ. Только недолго. Мне необходимо тебя обследовать. Ты же не доставишь нам неприятностей, верно?

В моей прежней жизни эта женщина могла с легкостью стать тем доктором, к которому идут на прием с удовольствием и от чистого сердца несут коньяк и конфеты. Доктором, умеющим найти подход к любому из пациентов. Но здесь ее знание психологии и прирождённая способность располагать к себе играли против меня. Она работала на тех, кто в скором времени превратит мою жизнь в ад.

Я задержалась, глядя на нее с надеждой. Но уже в следующий момент поняла, что эта женщина привыкла к просьбам помочь и отпустить. И словно прочитав мои мысли, она

лишь слегка качнула головой и подняла бровь. Мне не надо было пояснять дважды: кругом камеры. Искать спасения у той, кто работает на эту систему — глупо. Проглотив ком в горле — выдержка испарялась, предвещая скорые слезы, я зашла в аккуратную ванную комнату.

Справив нужду и стянув с себя платье, стала под теплые струи душа. И хоть ощущение чистоты и свежести отстрочило во времени истерику, я только сейчас начала понимать, что моя прежняя жизнь кончена. Что дальше?

Завязала на груди полотенце, обула банные тапочки и вышла в медкабинет. Доктор преисподней встала мне навстречу. Вкрадчивая улыбка так и не сошла с ее губ.

— Сними полотенце, Вика. Мне нужно осмотреть тебя.

Раздеться? Я ощутила протест. Здесь камеры. В любой момент может кто-то войти. Покачала головой, но докторшу это не остановило. Мягко коснувшись моего плеча, она развязала узел на груди, отбросив полотенце в сторону.

— Все хорошо. Запрокинь голову назад.

Я подчинилась. Она всего лишь исследовала область щитовидной железы и лимфоузлы, затем одобрительно кивнула. Велела завести руки за голову и исследовала мою грудь, область ребер и живот. Осмотрела руки, погладив красные следы от веревок на запястье, недовольно покачала головой.

— Я дам тебе гепариновую мазь, используй пять раз в день. Проходи к креслу.

Прошлось смириться. Но меня все равно била крупная дрожь, когда я неловко взбиралась на известную всем девчонкам конструкцию и располагала ноги на мягких держателях. Хоть они и не были железными и не напоминали орудия пытки, выгляди вполне комфортно, я так и не смогла расслабиться до конца во время осмотра, даже понимая, что вскоре меня ожидает что-то посущественнее расширителей и щеточек для соскобов.

— Умница. Теперь слезь и нагнись вперед, постарайся коснуться руками пола.

Внезапно открылись двери, впуская одного из вертухаев. На сей раз он был без балаклавы. По голосу я узнала того, кто насиловал девушку с татуировками.

— Павловна, там расписной херово. Ревет, и чуть рожу себе не расцарапала. Что делать? Заказчик к субботе будет, а шлюха не в себе!

Откуда силы взялись, будто я не была придавлена шоком последних часов! В два прыжка преодолела расстояние до ширмы и спряталась, стараясь вычеркнуть из памяти похабный взгляд вертухая. Сердце колотилось как ненормальное, хоть я и прекрасно понимала: то, что этот урод увидел меня обнаженной, не самое страшное из того, что могло произойти в столь ужасном месте.

— У тебя хватает совести прийти ко мне после того, как вы нарушили правила не трогать лоты? То, что я не доложила Лукасу о вашем своеволии, дает право требовать, чтобы я скрыла следы вашего беспредела?

Цербер замялся. Затем его голос превратился в жалостливый заискивающий.

— Бес попутал, Мария. Вколи ей что-нибудь, поговори по душам. Она нас реально под монастырь подведет!

— Вы хуже кавказской смены, — презрительно процедила доктор. — Те, понятное дело, с гор спустились, но вы! Уйди вон. Так и быть, я поставлю ей капельницу.

Меня затрясло. Итак, Лиза не ошиблась. Нас всех заказали. Заказали, как экзотических игрушек для развлечений. Я непроизвольно подпрыгнула от звука закрывающейся двери.

— Выходи, Вика. Мне надо взять у тебя кровь.

Я послушно снесла все манипуляции — забор крови из пальца и вены, измерение

давления, роста и веса, ответила на вопросы о последней менструации и контрацепции. Все это напоминало осмотр в поликлинике. Но там ко мне так тепло не относились.

Тепло? Я почувствовала, как внутри поднимается волна гнева. Тепло! Я в чёртовом аду, и эта добрая женщина, о которой на воле я бы мечтала как о докторе и благодарилась бы от души конфетами с коньяком — часть ужасной структуры. Да, она пыталась как-то скрасить состояние девочек и унять их страхи. Но она делала все это совсем не ради нас. О нет. Это была такая же тварь, лишенная человечности и морали, как все те, кого мне уже довелось видеть в этом месте. Она мало чем отличалась от охранников-насильников, сутенера с масляным взглядом и прочих. И если однажды мне представится шанс снести этот рассадник разврата с лица земли, она пойдет в расход наравне с остальными.

Но сейчас я понимала, сто спорить, протестовать и оскорблять Марию Павловну себе дороже. Хотела было спросить о состоянии другой девочки, которая едва не задохнулась от приступа астмы, но вовремя прикусила язык.

Камеры. И эта доброжелательная женщина мне не друг. А я этим вопросом раскрою перед ними свою душу. Покажу, что во мне много человеческого, и в будущем это легко используют против меня.

Мария, закончив вносить записи в планшет, отошла в сторону, открыла шкаф, откуда достала синий атласный халат и упаковку с лифчиком и трусиками. Я поспешно оделась, опасаясь, что сейчас снов кто-то зайдет без стука. Белье пришлось впору, словно здесь были все размеры, изготовленные под любые параметры. Обув мягкие тапочки, я присела на кушетку. Внезапно мне вновь захотелось попросить докторшу о помощи. Черт с ним, может, я найду к ней подход, или просто нужные слова...

Мария поняла мои намерения и едва заметно качнула головой, удерживая от опрометчивого поступка. Вместо этого заговорила сама.

— Виктория, позвольте дать вам совет. Вы девушка неглупая, к тому же, старше большинства девочек. Мы поладим, я это уже вижу. Поэтому просто примите к сведению то, что я вам сейчас скажу...

Женщина замялась и продолжила:

— Забудьте все, что было прежде. Отсюда не бегут и не выходят по амнистии. От вас требуется беспрекословное подчинение правилам нашего заведения. Приказы не обсуждаются, выполняются немедленно. Знаю, это будет нелегко, но я помогу вам в силу своих возможностей. Запомните. Не говорить, если вам не позволили, не смотреть в глаза непосредственному руководству, не оспаривать их решений. Не хочу вас пугать, но для тех, кто не принял условия, это ничем хорошим не закончилось. Я насмотрелась многого. Пережила несколько покушений на свою жизнь. Не мне вам пояснять, что произошло с этими девочками.

Глава 4. Часть 2

Я почувствовала, как кровь отливает от лица, а ужас вновь сжимает сердце холодными щупальцами. Умом понимала, что слова докторши — часть программы, но все же...

— Вика, успокойтесь. Я выпишу вам магний. Вот, возьмите. Держите себя в руках, чтобы ни случилось.

Я раскусила пилюлю с противным привкусом валерианы и запила водой. Павловна протянула мне пакетик с тремя белыми таблетками и велела положить в карман. О нас заботятся? Не хотят, чтобы красивые домашние питомцы чахли или бились в истерике? От этого стало еще хуже.

— А теперь идите и сегодня постарайтесь выспаться. Это восстановит силы. Как знать, когда еще представится такая возможность...

Я разминулась в дверях с Лизой. По лицу девчонки было ясно, что ничем хорошим перебивание наедине с сутенером, стремившимся показать себя главным, не закончилось. Она шмыгала носом, глаза были красными и припухшими от слез. А я от увиденного едва не поддавалась панике и не рванула обратно в кабинет Павловны.

Чудом взяла себя в руки. Нельзя. Нельзя! Я никому не покажу своего страха, отчаяния, боли. Ноги сделались ватными от отвращения и ожидания неизбежного, когда меня подхватили под руки двое церберов. Они сняли маски, и на миг мелькнула мысль о том, что свидетели долго не живут. Но я тотчас же отмела ее. Что бы с нами не собирались сделать, убийство явно не входило в их планы.

Меня повели по усыпанной гравием дорожке. Над головой все так же равнодушно серело небо, затянутое пеленой облаков. Когда-то я любила такую погоду. Там, в жизни, что казалась теперь далекой и невозможной.

Порыв ветра, наполненный запахом хвои, ударил в лицо. Не понимая, зачем это делаю, я сбросила тапочек и сообщила об этом конвоирам лишь тогда, когда мы прошли несколько метров.

Это была кратковременная передышка. Пусть один цербер остался держать меня за плечи, мы остановились. И я запрокинула голову, вглядываясь в мрачноватые небеса. Солнце, казалось, не хотело освещать это гиблое место.

Я выживу. Выживу, вашу мать, пройду все, что мне уготовили эти твари, посмевающиеся посягнуть на чужое право быть свободным и никому не подчиняться. Выживу, чего бы мне это ни стоило. Лягу костями, поставлю на кон собственную жизнь, но однажды они все до единого ответят за то, что уготовили мне. Ответят все. Даже Ивлеев и его жена. У меня уже не было сомнений в том, что это она все устроила. Сам же Валерий не станет меня искать. Вздохнет с облегчением, и все.

Я выживу. Эти стены будут содрогаться от одного только имени Виктории. Уже совсем скоро. Но я даже их не пощажу. Разнесу к чертям. Бога нет. Кто бы ты ни был там высоко, дай мне сил.

Меня грубо толкнули в спину, как будто прочитали мысли, которые не могли понравиться по определению. И я вновь пошла. Пошла, разглядывая роскошный сад, фонтаны, скульптуры, архитектуру трехэтажного строения. Если бы я этого не делала, просто разрыдалась бы.

Я знала, что мое бахвальство останется при мне. Помнила то, что сотворили с

блондинкой, и не собиралась гибнуть в первые часы своего местонахождения здесь. И просто непросто было страшно. Я не была бойцом по жизни. Возможно, это было защитной реакцией перед открывшимися перспективами.

Меня повели по длинным коридорам особняка, по лестнице на верхний этаж, и втолкнули в одну из комнат за обычной серой дверью.

— Принимай пополнение! — злобно загоготал один из конвоиров, ущипнув меня за задницу. — Ну что, соски, есть желающие отсосать за пачку сигарет или звонок маме с папой?

Две девушки вскочили с кровати и с затравленным писком попяtilись к окну. Мне стало жутко от увиденного. У них был совершенно пустой взгляд... и такие же халаты с тапочками. Одну из них я узнала по бункеру. Не знаю, что с ними сделали, но в их глазах поселился ужас и тупая покорность судьбе. Неужели такое же ждет меня?

Я пропустила мимо ушей гадкие реплики, изобилующие намеками на то, что всех нас ждет уже в скором времени. Отыскала взглядом кровать с идеально ровным покрывалом у окна и, не сочтя нужным осведомиться у девушек, села, оглядываясь.

На небольшой прикроватной тумбе лежал прозрачный пакет: зубная щетка в футляре, мыло, массажная щетка, полотенце и несколько тюбиков, скорее всего с шампунем и гелем для душа. Полочки пустовали, не считая двух полотенец и упаковки тампонов. В углу стоял кулер с водой, на полке несколько книг.

Конвоиры удалились. Резанул по нервам поворот ключа в замочной скважине. Бросив взгляд на девчонок, которые все так же дались друг дружке, сломленные и напуганные обращением охраны, я подошла к окну.

Рама открывалась только на микропрветривание. Вот почему здесь не было решеток. Я придиричиво осмотрела стеклопакеты, приходя к выводу, что разбить эти стекла вряд ли удастся. За окном виднелась часть территории поместья, высокие шпиль частогокола позволяли рассмотреть то, что лежит за границами периметра.

Поле. Огромное зеленое поле со смазанными в тумане редкими линиями лесопосадок, на сколько хватило взора. Причем вряд ли это были поля ржи или других сельскохозяйственных культур — равномерно зеленые и ровные. Как поле доя гольфа либо посадочная полоса. Мы были отрезаны от окружающего мира. Никто не пройдет мимо и не услышит криков о помощи. А бежать — на этой зелёной глади ты станешь превосходной живой мишенью.

Упоительно чистый воздух, насыщенный запахом хвои, тишина, не нарушаемая сигналами машин и рвом двигателей. Изредка тишину прерывало пение птиц и лай собак. От этого грозного лая у меня похолодело внутри. Я догадалась, что это не любимые домашние питомцы местных обитателей. Это цепные твари, которых в случае побега не задумываясь пустят по нашему следу.

Соседки по комнате не спешили идти на контакт. Что и говорить, похитители постарались на славу, обставив все так, чтобы каждая тряслась за собственную шкуру, отбросив прочь попытки сговориться. Да и я опасалась, что непроизвольно заражусь их ужасом и надломом, если диалог состоится.

Выпила воды, вытряхнула на темное покрывало таблетки. Доктор говорила, что это магний. Я принимала его ранее, чтобы не сгореть от нервного напряжения на работе. Повертела пилюли в руках. Какова вероятность того, что меня пытаются посадить на наркотические препараты? Внешне пилюли похожи, но они ли это? Может, добрая докторша

дала мне их с целью перебить скорый кошмар?

— Не бойся, — подала дрожащий голос одна из девчонок. — Им не выгодно пичкать нас наркотой. Хотят, чтобы все мы были в здравом уме и памяти на аукционе. Только эти успокоительные не помогают.

На аукционе? Похоже, Лиза была права. От мысли, что меня выведут на помост и разденут на глазах у толпы мужиков, к горлу подкатила тошнота. Я поспешила проглотить таблетки и запить водой, рассеянно кивнув девушке в знак благодарности. Ее взгляд, полный обреченного страдания, буквально обжег, и я отвернулась. Больше никто из нас не делал попыток заговорить.

Через несколько часов принесли еду. Гребаные звери не упустили возможности облапать каждую из нас, наградив нелестными эпитетами. Это было мерзко, но я с каменным лицом наполнила тарелку салатом, картофелем и отбивными, старясь не замечать, как грязная лапа одного из вертухаев сжала ягодицы под полой халата, стаскивая трусы. Смерила его холодным взглядом, от которого он гадко загоготал.

— Гордая, б**дь. Ничего, после того, как тебя затрахают до блевотины, будешь зыркать на меня по-другому.

Жалобно закричала темноволосая девчонка, когда бритый горилла прижал ее к стене и развязал ремень халата, ощупывая девичьи прелести. Я отвернулась, понимая, что не смогу остаться в стороне, если продолжу за этим наблюдать. Но охрана, видимо, получила четкие указания не переступать пределы в нашем отношении.

Кусок не лез в горло, но морить себя голодом и терять силы — не лучший выход. Я заставила себя съесть все до последней крошки. Оставалось лишь догадываться, что всех нас ждет в скором времени. Возможно, придется отбиваться. Я не дам насиловать себя, покорно глядя в потолок. А для этого понадобится энергия.

Лишь к вечеру, когда начал накрапывать дождь и сгустились сумерки, тяжелые минуты ожидания неизвестности сыграли свою роль. Блондинка и брюнетка встали и нерешительно подошли к моей кровати.

Я заметила их не сразу, погруженная в безрадостные мысли с оттенком самобичевания. Почему я позволила Ивлееву соблазнить себя? Почему не потребовала защитить от Кати? Отчего не раскусила Руслана, прекрасно понимая, что никак не могла видеть его в штате компании? У меня не было ложных надежд на то, что босс хватится совки секретарши и развернет ее поиски. Стоило взглянуть правде в глаза: ему так было комфортнее. Любовница, ставшая обузой и угрозой семейному благополучию, исчезла без следа. Свято место пусто не бывает. Ведь он не озаботился пропажей моих предшественниц.

Это было больно. Я не успела его полюбить или довериться, но, черт возьми, мне так хотелось, чтобы Валера оказался настоящим мужчиной, а не примитивным кобелем под каблуком у дочки криминального авторитета! И ему все сошло с рук. Кати расправилась со мной, обвинив во всех грехах. Страшнее женской мести не придумаешь.

Я готова была расплакаться, представляя, как Ивлеев все так же целует жену, ведет в танце, как будто не знает о ее проделках. Появление подруг по несчастью было как нельзя кстати.

Брюнетку звали Юлей, русоволосую — Людой. Я смахнула набежавшие слезы и села на кровати. Кто-то зажег свет, неяркий, приглушенный. Он мог бы стать главной составляющей романтического антуража, но здесь, в преисподней, искалечившей жизни сотен молодых девчонок, навевал безрадостные мысли. Непроизвольно поежилась, осознав, сто обе девушки

смотрят на меня, как на лидера. Это неприятно поразило. Чего они от меня ждут? Что я сейчас выдам план побега или беспроектный вариант перерезать глотки обитателям дома? Увы, я не была героиней и близко. Пусть не поддаюсь панике и слезам, была намерена разведать обстановку, любые лазейки, я боялась так же, как и они. Изнасилование блондинки в бункере показало всем, что, несмотря на нашу ценность как живого товара, никто нежничать не станет. Я не знала, через какой ад мне предстоит пройти, и есть ли из него выход. Как и все, я просто ждала, лишённая выбора, свободы, воли, загнанная в угол. Единственное, чего я не собиралась делать — это сдаваться раньше времени.

Наблюдай, анализируй, ищи. Выход есть. Но зачастую ты поранишься до фатальной кровопотери, прежде чем сумеешь до него добраться.

Юля тем временем рассказывала свою историю, и от шокирующего осознания моя душа пылала холодным огнем. Она встретила хорошего, по ее словам, парня из неприлично богатой семьи. Дело шло к предложению руки и сердца, что не могло никак понравиться отцу мажора. Но поначалу он ничем не выдал своего недовольства, пригласил воспитанную и скромную Юлю в круг друзей семьи, где ее и увидел потенциальный покупатель. Но поскольку просто так забрать не угодившую невестку не мог, папа провернул комбинацию с похищением. Деловой человек не собирался терять выгоду: деньги от продажи Юлии должны были поступить на его счет за вычетом процентов организатора.

Люда... ее просто затолкали в машину на глазах у спешащих по своим делам прохожих. Никто не вступился и ладе не сделал вид, будто происходит что-то незаконное.

Мы все были жертвами. Случайными или нет, покажет время. Я узнала, что этих двоих запугали, заставив смотреть на еще одно представление: одну из девушек, находящуюся здесь длительное время, засекли кнутом до потери сознания. Бордель (теперь я была уверена, что это именно он) не практиковал подобные издевательства. Но для тех, кто не подчинился правилам, попытался сбежать, саботировал свою продажу, на аукционе существовала мера под названием «красный код». Они становились буквально мясом для клиентов с извращенными желаниями. Подобное ломало психику со стопроцентной вероятностью, и бордель получал запуганных, готовых на все рабынь, шарахающихся от собственной тени.

Я была близка к срыву. Когда нам принесли ужин, не могла прикоснуться ни к запеченной форели, ни к фруктам. А затем пришли за Людой.

Девушка забилась в угол и начала что-то говорить о том, что до аукциона еще очень далеко. На что бритоголовой урод злорадно ответил, что на нее не нашлось персонального покупателя, поэтому ей придется поработать на благо хозяев дома. Они увели перепуганную девчонку, несмотря на ее слезы.

Люда вернулась только под утро. Измученная, с остеклевшим взглядом, красными от слез и отсутствия сна глазами. Накрылась с головой одеялом, не сказав ни слова никому из нас. Юля кинулась к подруге, но я жестом остановила ее. Мы обе прекрасно поняли, со именно произошло. Час Люда стонала и плакала в подушку, затем уснула. Встала, когда за окнами вновь сгустились дождливые сумерки. Размазывала по тарелке остывший ужин, глядя в одну точку и не реагируя на наше присутствие.

Этот день многое расставил по местам. Если у нас и оставались какие-либо иллюзии, ныне они лопнули, как мыльные пузыри. Всем нам придется пройти через ад. Лечь под того, под кого прикажут. Забыть прежнюю жизнь, где мы были свободны и строили планы на будущее. Нас сделали вещами. Предметами, зависящими лишь от воли хозяина этой

преисподней.

Вечер перетек в ночь. И этой ночью пришли за мной.

Глава 4

Девушка с короткой стрижкой и пренебрежительным взглядом подняла пряди моих волос, скривив губы. Наши глаза в зеркале встретились, и меня опалило презрением. Стилист борделя всеми способами пыталась подчеркнуть разлепляющую нас пропасть. Мы — шлюхи, не люди, тела для удовлетворения сексуальной нужды тех, кто может заплатить. Она же — одна хозяев наших тел и душ, высшая каста. Пусть даже ее миссия заключается в том, чтобы повыгоднее нас презентовать.

— Красивая грива, — издевательски, с оттенком зависти процедила она. — Эх, был тут любитель жечь такие зажигалками.

Мне хотелось ответить, что ей с ее жидкими волосенками никогда не отрастить таких длинных и гладких волос, как у меня. Но я молчала, возведя вымышленную стену между мной и этой выскочкой. К тому же, раздражённая моим молчанием, стилистка говорила. А я обратилась в слух, чтобы почерпнуть информацию, которая сможет мне пригодиться.

— Повезло тебе, шалава. Клиент сегодня, пальчики оближешь. А в твоём случае, не только пальчики.

Несмотря на агрессию, свою работу она выполняла мастерски. Я неотрывно следила за отражением. Мои волосы, неподдающиеся укладке из-за своей непослушности, легли гладкой волной. От бежевых теней и четкой подводки глаза казались огромными. Да на свободе я бы душу дьяволу отдала, чтобы всегда так выглядеть! Это была работа vip-уровня, недостижимого для обычной помощницы руководителя. Какая ирония судьбы — сейчас меня превращали с помощью умелого макияжа в дорогую проститутку, а уж никак не в свободную и независимую женщину. Ту, которая всегда улыбается с глянцевого страниц и дарит нам мотивацию выглядеть так же. Хоть когда-нибудь.

Я отвлеклась от созерцания своей утонченной красоты. Девушка дернула мои волосы, заставив зашипеть от боли. В отражении я заметила, как ее лицо буквально скривилось от брезгливости, словно я была мерзким слизняком, которого предстояло превратить в яркую бабочку. Недоумение сменило мимолетное чувство обиды от несправедливого отношения, а затем холодная ярость, раскручивающаяся с каждой секундой, подобно спирали.

Я не просилась в это гнилое место! Не купилась на деньги, обещания брака с богатым иностранцем или карьеру фотомодели. Мне не предоставили никакого выбора! Просто привели сюда, пару раз скуки ради огрев дубинкой по ребрам, и предупредили: если я не выложусь на полную, меня бросят собакам, охраняющим территорию. Так здесь поступают с непокорными шлюхами. Проверять правдивость этой теории хотелось меньше всего.

И вот сейчас другая женщина, свободная, не загнанная в угол, как я, которой не надо ложиться под незнакомого мужчину, рискуя в обратном случае быть избитой или растерзанной псами, смотрит на меня, как на воплощение мерзости. Я не ожидала сочувствия или фальшивого сюсюканья, как в медкабинете, ждала равнодушия, но это...

«Ты же женщина, б**дь! Как ты можешь так относиться к другой женщине?» — хотелось закричать, но от чувства несправедливости и нелогичности происходящего слова застряли в горле. Я смотрела в перекошенное от ненависти, но по-своему привлекательное лицо девушки, что сейчас буквально являла собой воплощение свободной жизни, которой меня самую грубо лишили. Густые тёмные тени, дерзкая стрижка на коротких иссиня-черных

волосах, кожаный жилет поверх топа. На открытых кубиках пресса — вязь татуировки в виде крадущийся тигрицы или пантеры. Как такая дерзкая сука не стала объектом внимания гребаных работорговцев? И если сама избежала такой участи, почему смотрит на меня так, будто я сама рвалась раздвигать ноги перед незнакомыми мужчинами?

— Смотри, хорошо старайся. Как знать, может, папа наймет очередную б**дскую шкуру для любимого сыночка? — разве что на пол не плюнула от гадливости, которую голос выдал интонацией. — Да только губу закатай. Все вы грязь и падаль, готовые на...

Я почувствовала, как глаза заволакивает темной пеленой. А эта сука в коже продолжала изгаляться.

— Что, правда глаза колет? Плакать захотела? Давай, реви. Есть тут любитель ваших соплей. Кажется, сейчас как раз в особняке. Так что вместо сладкого мальчика пойдешь к этому жирдяю.

Пелена отступила — но лишь для того, чтобы дать мне сфокусироваться на тонкой спице-ручке расчески, которой стилист с мерзким языком делала мне пробор. Спица. Острый наконечник. А сука за спиной будто нарочно запрокинула голову, обнажив шею, продолжая злорадно смеяться.

Она ещё что-то говорила, а я чувствовала, как в груди разгорается огонь, глаза застит кровавой пеленой. Я не соображала в тот момент, что именно делаю, не думала ни о каких последствиях. Просто вскочила, отшвырнув стул в стену, и кинулась на татуированную суку, зажав в руке расческу с ручкой-спицей.

Адреналин захлестнул рассудок, выстрелил багровыми клубами по глазам, удвоив силы за секунды. Звуки долетали как сквозь вату: возмущенный вскрик суки в коже, стук, когда я повалила ее на пол, шипение и маты. Почему она не кричала, я в тот момент не думала. Через проблески красного тумана видела пульсирующую жилку на ее шее и заводила руку со сжатой расческой, целясь в уязвимое место...

Все произошло так же быстро, как и всплеск моей истерики. Кулак брюнетки опустился на мой затылок, резким рывок, излом руки, нещуточная боль... с глухим стуком отлетела к стене расческа. Я лежала, ощущая щекой холодную плитку пола с обрезками чужих волос, сдерживая тошноту от удара, и хныкала от боли. А стилист с замашками спецназовца сидела сверху, продолжая выкручивать мою руку.

«Вот и все, — подумала я. Внутри медленно разливался холод. — Меня убьют. Затравят собаками. Никто не узнает, что со мной приключилось, и где я похоронена»...

Это понимание сделало боль лишь досадным фактором, не заслуживающим внимания.

— Как думаешь, безмозглая шлюха, почему здесь нет камер, и эти дебилы не караулят под дверью? — ласково прошептало мне на ухо исчадие ада в женском обличье. — Потому что у меня черный пояс по карате, первый, мать его, дан. Я обламывала рога не таким истеричкам, как ты, и при случае эти обезьяны, — кивок в сторону двери, — будут курить бамбук. А теперь поясни, какого хера на тебя нашло! Мало заплатили? В выходной сорвали? Траблы дома и жить надоело?

Захват разжался. Не дав опомниться, кожаная стерва схватила меня за волосы, переворачивая на спину, и заставляя посмотреть себе в лицо.

Я шумно выдохнула, все еще не веря, что боль ушла, и встретила взглядом с пронзительно темными, дьявольскими глазами... моей будущей и, забегая вперед, самой верной подруги. Брезгливость, презрение и злорадство уступили место недоумению и чему-то, похожему на потрясение.

Метаморфоза была настолько нереальной и не вписывающейся ни в какой из шаблонов, что я рассеянно заморгала. Девушка отпустила мои волосы, покачав головой. Ловко вскочила на ноги и протянула руку.

— Давай краба. Да не очкуй. Вставай.

Я нерешительно вложила дрожащую ладонь в ее руку. Резкое движение — и я на ногах, напротив сучки-каратистки, превышающей меня ростом наголову.

— Ну ты, блин, даешь. Я уже года три такого не видела.

— Какого? — тупо повторила я, борясь с головокружением.

— Да шлюх, прости, ну... телок, что готовы рвать на куски, вместо подсчета выгод от связи с богатым клиентом. Все наемные неадекватные, а как начинается работа, калькулятор работает, будь здоров. Сколько тут батрачу, тошнит от подобного. Ты тут каким ветром-то?

Я едва поняла, что она говорит. Девушка оглядела мои растрёпанные волосы критическим взглядом.

— Я Вэл. За Леру — нос разобью. Вэл, понятно?

С трудом подавила улыбку. Напряжение отступило быстро, будто и не было его вовсе. Кивнула:

— Вика.

— Вика, каким мать твоего боком ты вообще тут? У тебя на лице отвращение от подобного. Остальные шлюхи едва не подпрыгивают в ожидании, когда их сюда приводят. Но ты-то?

— Меня не спросили.

Вэл склонила голову и сощурилась:

— Не говори, что ты поверила, будто тебя для журналов сниматься приглашают, когда ехала с ними. Ты выглядишь поумнее этого тупого стада шалашовок. И попробуй скажи, что не одна из них, готовая за доллары подставлять дырки и разум.

— Меня не приглашали. И сама я не ехала. Меня похитили.

Вэл, меняющая насадку на фене, недоверчиво уставилась на меня. Было заметно, что не верит. По какой-то непонятной причине происходящее нарушало картину привычного мира.

— Ты не эта... не вольнонаёмная?

Видимо, подобное понятие на местном жаргоне звучало очень грубо, и валькирия в коже подобрала самый литературный эпитет.

— Говорю же, нет. Вырубили и увезли. У меня была вполне престижная работа и своя жизнь, только меня, вашу мать, не спросили!

Мои слова наконец то пробили панцирь железной стервы. Лицо Вэл приобрело потрясенное выражение. Надо же, чем я так удивила служительницу местного Сатаны? Тем, что не тряслась от ужаса и не целовала носки ее ботфорты?

— То есть правильно я поняла, ты из этих... схваченных...

Я хотела съязвить по поводу скорости соображения, но она меня опередила. Сощурилась, глядя на конусную насадку фена.

— Тогда я вообще не понимаю, какого ты здесь, а не на дрессировке! Заказчик слился? Тебя ему показали? Надеюсь, хватило ума не накинуться спилкой для ногтей?

Сбивчивая речь Вэл подтвердила догадки Лизы, и ещё сильнее все запутала. У меня был заказчик? Кто-то настолько богатый и лишенный моральных принципов, что перечеркнул мою жизнь одним лишь своим желанием? Может, меня как раз готовят к встрече с ним и уже продали?

Вэл, впрочем, быстро развеяла мои сомнения.

— Даже не знаю, что за шняга. Схваченных берегут для аукциона за редким исключением. Еба... ну, с воли которые, по согласию, только эти работают с проходящими. Странно, что тебя вот так сразу, без дессуры и в койку. Если ты с сыном Крышуева вычудишь шоу с расческой, тут всех на винегрет покрошат.

— Кого? — повторила я, чувствуя, как деревенеют мышцы.

— Пиздюку авторитета стукнуло 18. Прилетел из Штатов погостить, папа решил подарить своему сынуле встречу с профи. И знаешь, у меня для тебя два варика расклада.

Только жажда собрать как можно больше информации, чтобы использовать ее в качестве материала для анализа и ключа к выходу, не дала мне впасть в панку раньше времени. Пока Вэл говорила, я не имела права на слабость либо растерянность.

— Либо шкет устал от прожженных шалав, захотелось кого-то почище да поумнее... либо ему разрешили делать с тобой то, что с вольными не принято. Ты накосячить не успела? Хотя на «красный код» — никто не стал бы тратить на тебя шпукатурку. Так что не дрейфь раньше времени. Билл тебе все пояснит, когда поведет в номер клиента. Между нами, мразь конченная, но советы дает дельные. Не все слушаются. А ты, я смотрю, не из тупых. Делай выводы, Вика: схватишь его ща яйца — ни под кого другого ложиться не придется.

— Как? — я не стала уточнять, есть ли смысл свести с ума того, кто скоро уедет. Мне просто показалось, что Вэл чего-то не договаривает, и использовала любую возможность не дать беседе закончиться.

Пока еще неразличимые флюиды какой-то обоюдной симпатии, женской солидарности, сопереживания и уважения — Вэл сменила отношение, узнав, что я не шлюха, всупившая в ряды представительниц древней профессии добровольно, — повисли в воздухе. Я еще не знала, что вскоре мы станем подругами, более того, Лера окажется единственной из всех, кому я смогу доверить свою жизнь. Но момент, когда она, подобно флагману, дала мне курс на выживание в новой ужасной реальности, не забуду.

— Ты это... — она понизила голос до шепота. — За тобой наблюдают. Не знаю, откуда пошла инфа, что у тебя мозги, как у Эйнштейна. Поверь, тела здесь давно обесценились, как и внешность с возрастом. Даже выкрутасы в постели мало кого волнуют, этому можно обучить любую. Вот и думай, как использовать свой мозг, чтобы не превратиться в мясо.

Сказанное вовсе не вселило надежду и не воодушевило. Вэл привыкла говорить на мерзком сленге, показав истинное отношение хозяев к девушкам.

— Да я даже... тест на IQ не проходила... откуда? — нервная дрожь, адреналиновый отток и ожидание безрадостных перспектив предстоящей ночи наконец-то обрушились на мое сознание.

— Откуда мне знать? Справки навели. Если говорят, значит, так и есть, ошибаются редко. Эй, ты в норме?

Я повернулась, и кисть прострелила глухая боль. Потерла запястье, бросив на Вэл злой взгляд.

— Слушай, перестань агриться. Я ж не знала, что ты от отчаяния, а не от шизы на меня с расческой кинулась. Главное, не повторяй этого геройства с Биллом, иначе вмиг под извращенца положит. Там обычно все плохо заканчивается.

Я смотрела в отражение. Прическа растрепалась от кратковременной борьбы с Вэл, в глазах застыл натуральный ужас и отвращение. Да каким бы хорошим ни был мой первый клиент — все мое естество противилось необходимости лечь под него! Как Вэл может так спокойно рассуждать? Есть те, кому ничего не стоит отдаться на первом свидании... и есть я.

— Так. Вижу, совсем все хреново. Ладно, пойдем по накатанной схеме, — долетел до меня шепот Вэл. — Сейчас ничего не говори, просто кивай. Ты хочешь трястись от страха на своем испытании, или расслабиться и получить удовольствие?

Я рассеянно кивнула. Брюнетка, достав из кармана жилета матовый флакон с желтоватой жидкостью, приблизилась и, взяв щеку подбородком, поднесла к моему носу.

— Вдыхай, быстро! Да не дергайся, это не кокс, просто попперс. Вот так. Теперь, по крайней мере, измерить в процессе не будешь.

Нас прервал стук в дверь. Вэл, отпустив мое лицо, пошла открывать. Я сморгнула. Непонятная субстанция пахла нероли с иланг-илангом, резкие ноты рассеялись, и я прислушалась к своим ощущениям. Ничего, хотя, похоже, панику вытеснило изумление.

— О, прибыл твой прикид на сегодняшний вечер. И это. Посмотрим... — Вэл вернулась к трюму с тканевым футляром для одежды и черно бархатной коробкой. Дернула молнию, освобождая содержимое, и удивленно свела брови.

— Вечернее платье. Круть, давно такого не было. Все время то сетки, то костюм кошки или школьницы. А это... Слушай, что за хрень вообще?

В футляре оказалась нить жемчуга. Изумление Вэл было вызвано тем, что это не подделка.

— Я хуюеу. П**дюк Крышуеуа, по ходу, сегодня решил отодрать леди. Вик, мотай на ус, короче.

Я могла только понадеяться на то, что меня не задушат этой нитью жемчуга, и не повесят на лоскутах разорванного платья. Вэл же выглядела довольной. Как будто выбор одежды был гарантией того, что я хорошо проведу время.

— Так, что опять с лицом, Вика? Наверное, надо накатить для храбрости? Это экзамен. Сдай его хорошо, второго шанса произвести впечатление не будет! — хозяйка гримерной открыла бар и наполнила бокал темной жидкостью. — Не бойся, с попперсами совместимо. И еще, с клиентом много не пей. Билл по морде съездит за такое. Дай личинке Крышуеуа то, что он хочет, а заодно учись расслабляться и о себе не забывать.

Пока я пила обжигающий виски, Вэл занялась моей прической, поправила макияж. Я надела черное платье. За такую красоту в своей прежней жизни продала бы душу дьяволу, сейчас же длинное великолепие не вызвало нечего, кроме горечи. Товар в супер обёртке. Всего лишь тело. Даже то, что кого-то заинтересовал мой мозг, не радовало. Никто не спросил моего согласия и не оставил выбора.

А затем за мой ярился тот самый мерзкий сутенёр, которого тут называли Биллом, в сопровождении вертухаев, и повел по длинному коридору куда-то вверх. Несколько лестниц, приглушенный полумрак. За это время нам не встретилась ни одного человека.

— Стой, мартышка, — Билл пригладил сальные волосы и извлек из своего кармана нечто, напоминающее кольцо: черное, плотное, с непонятно как завитой проволокой. — Наклони голову.

Я непроизвольно попятилась. Кто-то из горилл больно ударил меня в копчик и заломил руки назад.

— Тише, не повреди мне куклу, — осклабился Билл. — Вэл тебя налысо обреет, если испортишь ей прическу. Я сказал, подними голову, сука!

Черная петля защелкнулась на шее, слегка сдавив. Билл издевательски погладил нить жемчуга поверх странного украшения.

— А теперь мотай на ус. Если клиент окажется недоволен или выставит тебя за дверь раньше полуночи, пойдёшь обслуживать братву в сауне. Одна на семерых мужиков. Уяснила?

Я не ответила. В тот же момент шею пронзило острой болью. Дышать стало трудно, и я захрипела, пятясь к стене и закрывая горло ладонями... В руках у Билла было нечто похожее на брелок с выпуклой кнопкой.

— На мои вопросы отвечают немедленно, животное. Мне повторить?

Я поспешно закивала, соглашаясь с его наставлениями. Выслушала ряд правил: не грузить клиента своими траблами, выполнять все что он захочет, в случае недопустимого воздействия кричать «белый код». Что недопустимо? Увечья, связывание, попытка убить. Все остальное можно.

— Давай, кобылка, не подведи, — хохотнул Билл, открывая двери одной из комнат, при этом больно хлопнув меня пониже спины. — Оставишь мальчика довольным, я тебя не обижу.

Дверь закрылась за моей спиной. Багровый полумрак, окутавший, словно туман, был всего лишь следствием игры черного и бордового цветов. Вместе они создавали довольно загадочный интерьер, но я видела дешевизну борделя, а не изысканную работу дизайнера.

Мой взгляд тотчас же выхватил из полумрака огромную кровать с резвыми столбиками и решеткой. Бра в скрытых нишах производили впечатление пламени преисподней. Такой же эффект достигался из-за тёмно-красного стекла небольшой дверцы, за которой слышался шум воды.

На небольшом журнальном столике стояли бутылки алкоголя, вазочка с конфетами и корзина с фруктами. Мое внимание привлек сотовый телефон и брелок, похожий на тот, который посылал в мой ошейник токовые разряды. Я задохнулась от возможной удачи.

Позвонить. Кому? Мать не переживет того, что со мной случилось. Милиция? Ивлеев? Больше я не помню никаких телефонных номеров. Шагнула к столику, прислушиваясь к шуму воды в ванной, и схватила стильный слайдер. И тут же едва не взвыла от разочарования: он управлялся отпечатком пальца владельца.

Мысли одна безумнее другой заметались в моем сознании, постепенно расслабляющемся от ароматерапии Вэл. Я опустила в кресло у столика, осознав, что перспектива скорой встречи со своим первым клиентом больше не ужасает. Наоборот, вызывает любопытство и легкую дрожь предвкушения, даже азарта. Восемнадцать лет. Молод. Неопытен. Возможно, я уговорю его сообщить моим родным и помочь выбраться отсюда...

Камера в потолке подмигнула, рассеивая иллюзию. Конечно же. Скорее всего, здесь были не только камеры, а и микрофоны. Ничего, я придумаю, как это сделать.

Минуты тянулись медленно. Наконец шум воды прекратился, и я вцепилась руками в подлокотники кресла, сдерживая волнение. Закрыла глаза и досчитала до пяти.

«Сделай все, что он захочет. За тобой наблюдают»...

Дверь медленно открылась, и я увидела высокую фигуру молодого парня, голого по пояс. На бедрах завязано белое махровое полотенце, на коже блестят капли воды. Рассмотреть не удавалось, поскольку свет теперь бил мне в лицо, но я отметила, что у него спортивное телосложение и слегка удлинённые на затылке, влажные после душа волосы.

А дальше произошло что-то странное. Аполлон в полотенце замер на пороге ванной и попятился назад.

— Ой... извините... я не знал, что вы уже здесь... простите!

Я была окончательно сбита с толку. Дверь закрылась, после яркого света комната казалась погружённой багровую тьму. Мой сегодняшний клиент вышел лишь спустя четверть часа — в черных джинсах, рубашке, с уложенными волосами. Я непроизвольно поразилась подобной встрече.

— Ну... и снова здравствуйте, — скрывая смущение, неловко пошутил он. — Меня зовут Саша. А вас?

Все, что от меня требовалось — не смеяться и не теряться так, как это делал он. Несколько минут хватило, чтобы верно оценить ситуацию.

— Меня зовут Виктория, — ожидание игры будоражило кровь. На тот момент я была уверена, что верно поняла, как же действовать дальше. — И мне очень приятно находиться в прекрасной компании.

Парень сел напротив, и я смогла его рассмотреть. Несмотря на модный прикид и стрижку, он не отличался красотой и какой-либо притягательностью. Только спортивное тело как-то спасало ситуацию. Стало понятно, почему отец сделал сыну такой нетрадиционный подарок: наверняка Саша робеет наедине с красивыми девушками.

Чтобы подтвердить собственную догадку, я посмотрела прямо в его глаза, и парень смущенно улыбнулся. Но тут же, чтобы скрыть смущение, взял брелок с той самой кнопкой. Я едва не взвыла от испуга, что он сейчас ее нажмет. Потому что будет одно из двух: или передо мной латентный садист, или произошедшее напугает его до икоты, а мое задание окажется сорвано.

— Александр, я бы хотела выпить вина за наше знакомство. Наполните даме бокал?

Подействовало. Он оживился и принялся неловко орудовать штопором. Помня о предупреждении Вэл, я всего лишь пригубила из бокала, улыбаясь смущённому Казанове теплой и в то же время соблазнительной улыбкой.

— Вы так галантны. Не зря говорят, что манеры — лицо мужчины. Признаться, я польщена вашим вниманием.

И тут я поняла, что попала в цель. Парень заерзал в кресле, дыхание сбилось, а глаза засверкали огнём вождения. С этого момента он стал для меня открытой книгой.

До постели мы добрались спустя пять часов как минимум. Танцы, беседы обо всем, что могло быть интересно сыну авторитета, лишённого деловой хватки отца, шампанское.

Правда, я не могла не испытать удачу. Во время танго, льющегося из стилизованного под старину патефона, склонилась к его уху и прошептала:

— Помоги мне. Можешь сообщить о том, где меня видел, Валерию Ивлееву? Он...

— Нет. Мне говорили, что вы будете просить. Нет.

Настаивать не стала. С трудом заставила себя не думать о последствиях: что, если он

проговорится Биллу или своему отцу о том, что девочка на ночь просила помощи? Тогда мне точно крышка.

Саша напрягся от моей просьбы, и понадобился час, чтобы вновь его расслабить. Действие препарата Вэл почти сошло на нет, но я, тем не менее, постаралась завестись от осторожных, но в то же время уверенных поцелуев.

— Мне можно целовать вас в губы? — спросил Саша. Я едва не рассмеялась.

— Конечно, можно. И пора перейти на ты.

Приглушенный свет не позволил идентифицировать лихорадочный блеск в глазах собеседника. Я списала его на предвкушение. Закрыла глаза, вбирая дрожь его пальцев. Никогда прежде никто со мной не был столь волнительным. Даже мой первый, студент второго курса института. Я была школьницей, и он казался зрелым и умудренным опытом.

Когда платье упало на пол, я на миг растерялась. Как все это напоминало мою прежнюю жизнь, в которой я не была в столь кошмарном положении, наслаждалась свободой и предвкушением долгого романа с Ивлеевым! Это столь сильно резануло по сознанию, что в груди запылал пожар, отдавшийся в горле горьким дымом пылающих руин прошлого.

Я вспомнила слова Вэл. От меня чего-то ждут. И если я оправдаю ожидания, моя жизнь изменится к лучшему. Что в понимании этой дерзкой феминистки означало «лучшее»? Клиенты побогаче или поадекватнее, отсутствие унижений, заработная плата? Я жаждала вырваться из этого места. А для этого пришлось лечь мозгом и телом под того, на кого укажут. Широко раскрыла глаза, чтобы снова зажмуриться.

Я выживу, вашу мать. Однажды я стану для вас недостижимой.

Поцелуи юного Вертера не были робкими. Мальчик изо всех сил стремился испытать на мне базовые приемы обольщения. Гладил шею, обводил пальцем кайму губ, шепча о том, что в латиноамериканских странах это называется «возбуждение женщины», целовал, не осознавая, что попытка выглядеть обольстительным напоминает одержимую спешку. И несмотря на все это, ему удалось меня расслабить.

Первый раз вышел скомканным. Я вообще думала, что он кончит на стадии распаковки презерватива, но сорок секунд фрикции опровергли эту догадку. Я была готова к его вторжению в первую очередь оттого, что поцелуи и ласки произвели легкий расслабляющим эффект, и не напрасно: Саша оказался обладателем довольно большого члена.

Что-то было не так. Или я была не настолько глупа, чтобы поверить, что у такого парня — владельца папочкиных счетов, спортивного тела и мужского достоинства, какие-то проблемы с девушками. Допустим, что он захотел шлюху, но ведь, по словам Вэл, бордель кишел вольнонаемными профи, проверенными и готовыми ублажить клиентов по высшему разряду. Я не только не обладала подобными умениями, но еще не отошла от шока и не смирилась со своей участью. Да сама Вэл не должна была меня пускать к клиенту после того, как я едва ее не убила. Вдруг и с ним решусь повторить? Или руководство этого богом проклятого места уповает лишь на мой страх?

Я постаралась прощупать почву, пока сын Крышуева пытался отдышаться, придавив меня весом своего тела. Прятал глаза, явно чтобы скрыть фиаско. Мне было плевать на его самочувствие. Желание раскусить стала непреодолимым.

— Я тебе понравилась сразу? — проворковала, запустив пальцы во влажные от пота волосы парня. — С той минуты, как ты меня увидел? Поэтому выбрал на сегодняшнюю ночь?

Мой голос звучал кокетливо и расслабляюще. Нас пишут — так пусть думают, что это кокетство и желание каждой женщины убедиться, что она красива и желанна.

— Что? Я вас... тебя, только сейчас и увидел, — прохрипел Саша и, решив, что силы уже восстановились для нового броска, принялся ласкать мою грудь, дергая соски.

«Может, все просто? А я ищу вселенский заговор, где его нет?» — подумала, ощутив, что в этот раз поцелуи Саши заставили толкнуть бедра навстречу. В конце концов, главная цель моего присутствия здесь — секс. И надо считать везением тот факт, что я получаю удовольствие.

Мы уснули довольно поздно. Одержимость юного романтика набирала обороты, но в конце концов извечная мужская привычка — на бок и уснуть — взяла верх. Вскоре я и сама уснула, лишь благосклонно улыбнувшись последним словам Саши: «утром твоя жизнь изменится».

Я считала, он имеет ввиду, что никто не переплюнет его в плане траха. Но утро спутало все карты.

Я проснулась от боли. Настолько сильной, что в первый миг мне показалось, будто выкручивают шейные суставы, и боль распространяется по телу с огромной скоростью, проходя навывлет. Дышать было невозможно. Гортань сжало таким мощным спазмом, что я, окончательно не проснувшись, села на постели, поднеся руки к горлу.

Пальцы нащупали полоску каучука с кольцами металлической проволоки. Едва я успела вспомнить, что это такое и откуда оно взялось на моей шее, новый взрыв адской боли опалил подушечки пальцев, буквально подбросив мое тело на кровати. Отчаявшись сделать глоток воздуха, я заметалась по постели. Тело покрылось испариной, в ушах шумело. Прошла, казалась, целая вечность, прежде чем я смогла набрать в легкие воздуха, а в глазах прояснилось.

Мой вчерашний клиент, мальчик с благородными манерами, абсолютно одетый, стоял, облокотившись о спинку кресла, и как ни в чем не бывало, играл черным брелоком. Как раз собирал нажать на кнопку. Боль и шок, тем не менее, заставили меня соображать со скоростью света.

— Нет, что ты...

— Ой ли? — ухмыльнулся юный Вертер, и новый разряд тока прошел через мое горло.

В его глазах стыло безумие сорвавшегося с катушек психопата. Не могло все быть так гладко, интуиция не обманула. Додумать мысль о том, что меня могли запросто придушить, пока я спала, не позволило вмешательство местной администрации.

Дверь резко распахнулась, комнату залил яркий свет. Никогда не думала, что буду так рада появлению Билла и двух вертухаев.

Кто-то из охраны ненавязчиво, словно у малого дитя, отобрал у Крышуева-младшего брелок. Билл, осмотревшись, нашел мое платье и кинул на постель.

— Одевайся, кукла. Вечеринка окончена.

Во так вот, как будто это я была виновата в том, что ублюдку захотелось поиграть в электрический стул. Ни попытки помочь, ни хотя бы справиться, что со мной. С трудом, делая глубокие вдохи, ослабленная после трех болевых волн, я потянулась к платью. Билл же что-то спокойно втолковывал Сане Крышуеву.

— Да это она, шлюха! Она на меня кидалась, задушить хотела! Это самозащита!

У меня все похолодело внутри при мысли, что сейчас ему поверят. И, словно не было только что удара током, бритоголовый верзила с бычьей шеей и похотливой усмешкой — тот, что насиловал блондинку в бункере — подошел ко мне и с удовольствием ударил дубинкой по спине. Выражение его лица и лица малолетнего психопата были в этот момент похожи.

Эта боль нечего не значила рядом с той, что я только что пережила. Но я как раз пыталась натянуть платье через голову, поэтому потеряла равновесие, добавив себе удар о спинку кровати. Когда раздался отборный мат и крики Билла, инстинктивно сжалась, полагая, что они адресованы мне. И лишь осмелившись продеть голову в пройму вечернего наряда, увидела, что он отвешивает оплеухи тому, кто осмелился меня ударить.

— Я оплатил ночь! Я не закончил дрессировку этой бляди! Не смейте ее забирать! Ты знаешь, кто мой папа?

Вся спесь интеллигентности слетела с сыночка криминального авторитета. Передо мной стоял психопат, а не исключено, что и наркоман в стадии ломки. Глаза выпучены, кровь прилила к лицу, сильная жестикуляция наводит на определенные мысли. Билл, отпустив вертухая, который тотчас подарил мне взгляд, полный обещания расправы, повернулся к клиенту.

— Вам были известны правила. Крейзи-меню имеет совершенно другой прайс и специально обученных сотрудниц. Вы пытались причинить вред девочке, которая стоит недешево. Будьте готовы, что вам придется оплатить неустойку, если ее здоровью нанесен ущерб. Кроме того, я обязан сообщить вашему отцу о нарушении правил. Виктория, жди в коридоре!

Мне не надо было повторять дважды. Кое-как натянув платье на тело, все еще мокрое от пота, я подобрала туфли и выскользнула из комнаты. Мелькнула мысль — попытаться если не сбежать, то хотя бы разведать маршрут, но все тот же бритоголовый вышел следом, недобро усмехаясь.

— Мы не закончили, шалава, — прошептал он, оглядываясь на дверь. — Я тебя в скором времени отымею в хвост и гриву, никто тебе не поможет!

Это была угроза. Я отвела глаза, понимая, что вряд ли в этом гнилом месте кто-то мне поможет избежать насилия со стороны персонала. Все они, включая Билла, смотрели на меня, как на существо третьего сорта, будто я сама выбирала профессию шлюхи! Пожалуй, только Вэл была иного мнения, но чем может помочь стилист против этих отбитых на всю голову волчар?

— Идти можешь? — прервал мои безрадостные мысли слегка насмешливый голос Билла. — За мной, прямо по коридору. И без фокусов, иначе продолжу то, что этот не закончил.

В подтверждении своих слов Билл поиграл брелоком. Я поплелась за ним, забыв обувь туфли. Охрана в этот раз за нами не последовала.

Мы поднялись по ступеням вверх. Я думала, меня ведут в комнату, но оказалось, что нет: мы свернули в другую сторону. Билл открыл ключом двери, за которыми оказался кабинет, и шутливо поклонился, делая приглашающий жест.

— Ну, «леди», — не понял его насмешку относительно формата встречи с психопатом мне не составило труда, — с крещением. Села.

Из его речи пропали оскорбления и уничижительные выражения. Я пока что не знала, радоваться этому, или насторожиться. Села, ожидая, что сейчас меня заставят сесть на пол,

как собаку. Но Билл, захлопнув двери, сделал свет поярче. Щелкнул кнопками кофеварки, открыл бар, заставленный бутылками.

От меня чего-то ждали. Скорее всего, что я выпытаю какую-то информацию у клиента. Но мы почти не говорили...

— На, — стакан с виски проехался по глянцевой столешнице в мою сторону. — Пей. И не переигрывай, я знаю, что Вэл тебя уже успела таким угостить.

Вэл? Я здесь, потому что напала на нее? Она меня сдала?

— Давай, залпом. А потом я жду твою версию того, что произошло ночью. Сможешь пояснить, почему клиент так себя вел — получишь конфетку и спать. Я жду.

Виски оказался крепким. Слезы непроизвольно выступили на глазах. Сам же Билл пить не стал. И я набралась смелости:

— А можно мне тоже кофе?

Думала, осадит, прикрикнет, но нет — передал чашку, оперся руками на краешек стола. Я поняла, что испытывать его терпение чревато. Мне задали вопрос, и лучше ответить как можно скорее.

— Мои соображения? — кофе оказался вкусным. Я даже зажмурилась от удовольствия. — Могу ошибаться, но... мне кажется, у этого клиента своеобразный кинк на тему «леди».

— Продолжай, — повел плечами Билл.

— Он ненавидит все, что связано с неким понятием благородства, высоких манер, чего-то недостижимого. Как будто ему это все навязано, а сбросить и идти своим путем не хватает смелости. Здесь, возможно, влияние авторитарных родных. Он ненавидит все, что имеет общее с подобным образом жизни. Поэтому спроецировал на меня свою ярость.

Я не знаю, вывела бы такую логическую цепь, если бы Вэл не приоткрыла завесу тайны относительно сыночка Крышуева. Следовало быть осторожной и не проговориться.

— Собственно, стремление причинять боль было как акция протеста, что ли... то, что он вряд ли решится сделать.

— Ты психолог? — свел брови Билл. И неосознанно я позволила себе ещё одну вольность.

— Любитель. К тому же, сейчас плохо соображаю.

— Ну, насчёт плохо — спорный вопрос. В состоянии шока соображаешь яснее. Неплохо, Вика. Весьма.

На тот момент мне много чего хотелось ему ответить. Буквально заорать в лицо, что меня могли убить, что я не вещь. Попросить телефон, пообещать выкуп. Но что-то меня остановило. Может, изумительный кофе. Может, то обстоятельство, что мне нравилась наша беседа. Ко мне прислушивались. Не высмеивали и не наказывали за способность мыслить.

— А у тебя, смотрю и правда мозги. Я думал, нас развели.

— Откуда вы узнали? И кто сказал?

— Ты думаешь, для нас проблема навести справки? Когда выбирается лот, вся информация о нем тщательно изучается.

— Лот? Меня... заказали?

— Не бери в голову, отличница, — ухмыльнулся Билл. — Допивай и шуруй в комнату спать. У Лукаса на тебя большие планы...

Когда меня провели в комнату, которую я делила с двумя девчонками, потрясение обрушилось на мои плечи гранитной глыбой.

Юля спала, обняв подушку, свернувшись калачиком. Совсем еще девчонка. Она прямо сейчас должна была наслаждаться жизнью на свободе, флиртовать с красивыми мальчиками, строить планы на будущее. Но эти скоты в один миг отняли у нее все шансы на счастье.

Кровать Люды пустовала. И это отчего-то рассердило одного из вертухаев. А тот, кто угрожал мне в коридоре, гадко захихикал.

— Твою соску на оргию потащили. Дождёшься своих объедков, не сцы.

Я забралась под одеяло прямо в платье — так устала, что готова была спать даже в стальных латах. Кроме того, переодеваться при этих уродах не собиралась. Закрывает глаза и отвернулась к окну.

Разговор с Биллом, вселивший некую надежду на благополучное будущее, сейчас вызвал чувств омерзения. В кого я превратилась? В собаку, готовую терпеть унижения ради косточки и похвалы? И пусть ошейник с меня сняли, мышцы гортани болели при каждом глотке и попытке глубоко вздохнуть. А о маньячном блеске в глазах того ублюдка и говорить нечего. Я была для всех этих людей куском мяса, не более. Вещью. Что им мой интеллект? Наверняка он и нужен для того, чтобы очередной извращенец с кинком на умницу однажды затрахал до смерти...

Я так и уснула, плавая в безрадостных размышлениях. Проснулась оттого, что двое цепных псов втащили в комнату Люду с запрокинутой головой и волочащимися по полу босыми ногами. Белая туника была разорвана, кое-где алели капли крови. Когда горилла толкнул ее на пол, я испуганно охнула. Один глаз девчонки заплыл, губы были разбиты. На шее и руках виднелись следы укусов.

— Эй, не спать! — гаркнул охранник. — Рот открыла!

А бритый между тем завесил камеры черным полиэтиленом, включил какой-то пищавший звук. Я поняла, что они делают. Не оставляют улики.

Я оцепенела. Умом понимала, что надо кинуться на помощь этой девочке, но не могла даже пошевелиться. Смотрела, как мужчина расстегнул ширинку и вывалил свое хозяйство, шлепнув по разбитым губам Люды.

Юля обхватила руками колени и отвернулась. А я... наверное, это был не столько ужас, сколько стремление — не позволить уродам сломать меня, превратить в тупое животное, готовое продать сестру по несчастью ради собственного благополучия. В ушах шумело. Я не думала о последствиях. Поднялась, сжав руки в кулаки.

— Отойди от нее.

Конечно же, меня никто не услышал. Только бритый злорадно потёр руки.

— Кто-то тоже хочет. Становись рядом, овца!

В подтверждение своих намерений он сделал шаг в мою сторону. Ужас, проснувшийся было внутри, тут же капитулировал перед непонятно откуда взявшейся яростью. Я вскинула подбородок.

— Ей нужна помощь врача, уроды!

Тот, что насиловал Люду в рот, содрогнулся и взвизгнул, ослабил хватку на волосах несчастной девушки.

— Кэп, не гони беса! Билл тебя за яйца повесит! Он ясно сказал, не трогать ее?

— Мне п**бать! Она всего лишь дырка в мясе, как и все!

От этих слов меня передернуло. Они вели себя так, будто мы грязь. Даже к надутым женщинам, уверена, относятся помягче. Только вот инстинкты все решили за меня. Игнорируя маты охраны, я подошла к Люде, избегая смотреть на ее истерзанное тело и измазанные спермой губы, помогла встать и повела к кровати, удерживая вес ее тела одной рукой. В тот момент мне было все равно, что бритый в деталях расписывает план моего будущего изнасилования.

Что до Люды, она даже не плакала. Просто мелко дрожала, глядя в пустоту одним глазом — распухшие веки полностью скрыли второй. Я укутала ее одеялом, развязывая остатки туники. Слова были не нужны. Утешения мало помогут, а бред в стиле "все будет хорошо" сейчас выглядел бы кощунством.

— Принеси воды! — велела Юле. Даже не поняла, что вертухаи ушли, и мы одни в комнате. — Хватит трястись!

По-хорошему, надо было отнести Люду в душ, обмыть ее тело, смыть следы надругательств. Но я не была уверена, что она выдержит. Как дать знать докторше, что девочке нужна помощь? Надеюсь, эти уроды сообщат. Хотя бы в корыстных целях — не потерять прибыль от дальнейшего использования тела Люды...

Кое-как мы обтёрли ее лицо, переодели в ночную рубашку. Люда погрузилась в беспмятство. Юля молчала, не в состоянии справиться с шоком, а я не знала, что сказать. Эта участь могла грозить нам с ней в той же мере.

Отчего-то вспомнилась Вэл. Если бы у меня была возможность с ней связаться! Она бы нашла необходимые слова, и смогла бы повлиять на уродов-насильников. Отчего-то я была в этом уверена.

За Людой пришли лишь к обеду. Новая смена. Такое же выражение надменного равнодушия на тупых скотских лицах крепких ребят — их вовсе не удивил плачевный вид узницы. Но никто из них не проявлял к нам плотского интереса, и помимо воли мы с Юлей выдохнули с облегчением. Но, как оказалось, преждевременно.

Нас как и прежде, кормили, и даже вывели на прогулку в сад. Вдалеке я увидела других девчонок. Особенно выделялась рыжая шевелюра Лизы. Их тоже охраняли. Подойти не позволили.

Несмотря на пасмурную погоду, было тепло. Журчали фонтаны, влажный после дождя запах хвои будил воспоминания детства — лес, грибная пора, тихая охота в разгаре... и только жестокая реальность стирала улыбку с губ на стадии ее зарождения.

Мы в плену. Ничего хорошего нас впереди не ждет. Только шок не позволил нам окончательно сойти с ума в этом ужасном месте. Потому что нормальный человек вряд ли выдержит подобное. Сколько сломаются уже к сегодняшнему вечеру? Сколько не доживут до конца месяца? Никогда еще близость смерти не была столь осязаемой и жуткой.

— Людку откачали, — шепнула к вечеру Юля. — Она в лазарете с расписанной. Ту, что отымели в день вашего прибытия.

— Куда ее теперь? — шепотом спросила я, все еще сомневаясь, хочу ли знать ответ.

— Я думаю, продадут. Тех, кого не заказали, отправляют в жаркие страны. Ходят слухи. Лучше здесь, поверь. Там прямая дорога на тот свет. А Люда... она ударила Билла, когда тот решил с ней потолковать. Он такого не прощает...

Юля сдружилась с лотами другой группы. Информация собиралась, что называется, с

миру по нитке. Кто-то что-то услышал, кому-то проговорилась охрана или обслуживающий персонал. Даже здесь, запуганные, униженные и обреченные, девушки умудрялись наладить некое подобие агентурной сети. Как оказалось, самые смелые. Поэтому нас и разъединяли, не давая общаться и плести заговоры. Да и постоянная текучка кадров не позволяла создать коалицию против работорговцев. В тот момент я поняла, что хочу узнать как можно больше. Бороться глупо, мы не воины. Но вот сбежать или дать знать за периметр о нашем местонахождении, вполне вероятно.

На следующее утро Юлю куда-то увели. Вернулась к обеду слегка растерянная, но воодушевлённая. Даже хихикала.

— Нас учили на муляжах прочить пенисы. Прикинь? Смотри, — сложила ладони в виде чаши, — это лотос! А это — брачные игры дельфинов. Все ржали.

Она вряд ли осознавала, что ее дрессируют с целью сделать безотказную шлюшку класса «вип». Но так уж был устроен мир, пусть даже в столь гнилом месте: девушки хотели жить. Уходили от кошмаров реальности в мнимое веселье. И это было необходимо, чтобы не свихнуться.

Меня больше не вызывали в кабинет Билла и не готовили к ночи с клиентами. Создавалось впечатление, что вовсе забыли, и я, кажется, была этому рада. Вот только Люду мы больше не видели. Тревога и ожидание чего-то страшного буквально пронизали собой каждый угол нашей кельи-мансарды. Новая смена вертухаев не позволяла себе оскорбления и плотоядных взглядов. Для них мы были скотом, красивыми игрушками, предназначенным для тех, кто имеет возможность покупать. Каждый визит и равнодушный взгляд этих мужчин гасил в зародыше надежду на то, что вскоре все наладится и нам, возможно, удастся сбежать.

Уже следующим вечером за мной пришли. Не поясняя и холодно велев заткнуться, повели по длинному коридору. Я спиной чувствовала обеспокоенный взгляд все еще неприкосновенной Юльки. За последние трое суток покоя мы почти поверили в то, что нас больше никто не тронет.

Когда я увидела двери комнаты, где Вэл готовила девушек для встречи с клиентами, страх и обреченность отступили. Я с удивлением поняла, что испытываю нечто, похожее на радость. Уму непостижимо. Вряд ли меня вели к ней потрепаться о шмотках и выпить на брудершафт — кошке ясно, что предстоит апгрейд внешности для очередного озабота, который не звёзды со мной считать будет, но я ничего не могла с собой поделать. Улыбка не сходила с моих губ, и когда охрана грубовато втолкнула в гримерную, я даже не заметила этого.

Вэл по-ковбойски восседала на стуле, склонив голову и пристально наблюдая за происходящим. При моем появлении она неохотно поднялась и почесала плечо, задев тату в виде надписи готическим шрифтом.

Я замерла на пороге, чувствуя восхищение и пока еще грустную, бесперспективную зависть. Эта женщина была воплощением свободы и независимости — всего того, чего так жестоко лишили меня саму. Кожаные брюки в облипку, креативно надорванная футболка с эмблемой и лозунгом мотоклуба, кепка с цепью а-ля офицер "СС" делали ее похожей на героиню крутого блокбастера.

Я хотела стать ею в тот момент. Примерить на себя шкуру царевны дерзкого матриархата и феминизма, воплощённого в образе брюнетки-вамп. При всем этом она не выглядела роковой соблазнительницей. Она не носила чулок, облегающих платьев, кружевного белья, а туфлям на шпильке предпочитала грубые гриндерсы. Но я была уверена,

что такая заставит обернуться каждого, мимо кого пройдет.

— Еще рано открывать рот, Вика, — беззлобно поддела меня принцесса независимости, делая приглашающий жест. — Не злись, профессиональный юмор. Как сама?

Я была в тот момент почти уверена, что желание обняться по-дружески было обоюдным. Но воплотить его в жизнь еще было рано. Кивнула, не в состоянии сдержать улыбку, и поймала себя на мысли, что сейчас получила то, что помогает сворачивать горы и не сдаваться. Мотивацию. Знала ли сама Лерка, какие айсберги расколола на куски внутри моей сущности?

— Куда меня? — отражение в трюмо — испуганная девчонка в атласном халате — напомнило об истинном положении вещей. Страх, что вернулся тот самый папенькин сынок, любитель игр с электричеством, парализовал, оглушая своей неотвратимостью.

— Можешь расслабиться. Тебя берегут. Будет небольшая вечеринка, все, что требуется — поддержать беседу с приглашенными. Билл потом отведет тебя в комнату. Схему помнишь, манеры и никакого хабальства. Сдается мне, еще один тест.

— Тест?

Вэл подошла ближе и провела рукой по моей ноге. От внезапности я охнула. Черт, я схожу с ума? Она хочет...

Видимо, это отразилось в моих глазах. Вэл засмеялась.

— Да расслабься ты! Всерьез, что ли, решила, что я — лесби? Эпиляцию пока рано. Так что это хорошая новость. Садись.

Она умела разрядить обстановку одной улыбкой и непринужденностью. Я послушно села в кресло, вглядываясь в свое отражение. Собранные в хвост волосы, бледная кожа, испуганный взгляд. А могло ли быть иначе? Цветы не растут в неволе.

— Сейчас послушай меня внимательно. Я говорю это для того, чтобы ты морально подготовилась к тому, что там будет, и не устроила истерику. Тебя не тронут, но сама вечеринка... это аукцион «красного кода». Тихо! — Вэл склонилась ближе, и я ощутила запах резких, мужских духов вместе с сигаретным дымом. — Когда кто-то выходит из послушания, с ними не церемонятся. Это называется «крэйзи-десерт». Надеюсь, вы не успели с ней тесно подружиться.

Слова приникали в сознание отравляющим токсином. Тысячи бабочек, встрепенувшиеся внутри меня от радости встречи с Вэл, превратились в черных чешуйчатокрылых тварей, царапающих до крови острыми краями крыльев. В тот момент я была бы рада медленнее соображать, но это гиблое место научило тому, что отрицание очевидного — непозволительная роскошь.

— Люда?

Вэл кивнула. Взяла расческу и стянула резинку, удерживающую мои волосы.

— Думаю, крупные локоны будут в самый раз. Да, точно.

— Убьют? — прошептала я, послушно наклоняя голову вперед, позволяя расчесать спутанные пряди.

Вэл не ответила, ограничилась пожатием плеч. И в тот момент я увидела, чего стоит ее маска. В глазах появились боль и ненависть. Она сама не хотела быть частью этого мира.

— Меня тоже, если я?..

Казалось бы, нет ничего страшнее сексуального рабства, потери свободы и необходимости ложиться под каждого, на кого укажут новые хозяева... до этого момента я не задумывалась, что есть вещи куда ужаснее.

— Тебя не тронут до возвращения Лукаса. И то, что Сам положил на тебя глаз, говорит о многом. Он обычно брезгует шлюхами. Да и в бабах недостатка нет. Скорее всего, намерен использовать твой ум в своих целях. Не упусти эту возможность, Вика. Ты сможешь не просто вырваться из этого дерьма, если пойдёшь на его условия. Это деньги и возможности. Поэтому мой совет — забывай прежние принципы. Пусть останутся на воле, здесь выживает сильнейший. Никто не поможет тебе выбраться. Даже я. А если ты разочаруешь Лукаса...

Она резко дернула мои волосы, не сумев совладать с эмоциями. Наши взгляды встретились в отражении. Лицо Вэл замкнулось, а в черных глазах пылал почти фанатичный огонь. Как замороженная, смотрела я через отблеск амальгамы на пляску адского пламени в глазах непримиримой амазонки, даже не осознав, что только что она ясно дала понять, что не станет помогать мне бежать. Выжить — да, получить выгоду — безусловно, но не сбежать. Она сама была частью этой гадкой системы.

— Кто он тебе, Вэл?

В памяти всплыл образ хладнокровного и равнодушного мужчины, оглядывающего узниц бункера, как товар. Вспомнился его взгляд — настороженный и пристальный, когда он понял, что я единственная, кто рассекретила спектакль и роли в нем. Не потому ли он дал четкий наказ не трогать меня до своего возвращения и, если верить Биллу, собирать информацию, подтверждающую наличие ума в моей голове?

Он и Вэл? Она вполне могла годиться ему в дочери, но это было маловероятно. Даже самые подлые твари не впутывают свои семьи в подобный бизнес. Куда проще было предположить, что Лера — такая же жертва похищения, как и я сама. Возможно, Лукас барским жестом избавил ее от ужасной участи подневольной шлюхи, чем и вызван фанатичный блеск в ее темных глазах...

Снова рывок гребня в волосах. Черт, не настолько уж они спутаны, чтобы так драть! Я прикусила язык, понимая, что конфликт с ней мне не выгоден.

— Если не в дугу, не отвечай...

В этот раз она дёрнула намерено. Но беззлобно. Пламя в ее глазах погасло, остались лишь тлеющие искорки.

— Манеры, Вика! Только посмей сказать что-то подобное на вечеринке. «Не в дугу», подумать только. Это моя манера говорить. Где это ты таких слов нахваталась.

— Вы вместе? — перешла на шепот, с опаской поглядывая на греющуюся пloyку. Не дай бог я ступила на запрещенную территорию, и мне сейчас вместо пряди волос прижмут длинный язык.

Вэл улыбнулась.

— О нет. Будь мы вместе, я бы тебя прибила в первый же день знакомства, и никто бы меня не осудил. Сиди ровно, могу обжечь. А чтобы не скучала и не рисовала в своем

воображении картины кровавой расчлененки, начини-ка мне рассказывать, как умудрилась тут оказаться. Не поверю, что не знаешь!

Плойка зажала локон моих волос. Я закрыла глаза, выравнивая дыхание.

— Я плохая девочка. Я трахалась с шефом.

— Угу, — стилист выдавила пену для волос на расчёску, распределяя по зубцам. — Надо было держать его с железными яйцами на голодном пайке, тогда бы считала себя феей.

— Да я не жалею. Он был хорош. Но его жена... мне кажется, это ее рук дело. Крутая семья, брак по расчету, слияние капиталов. Отец вроде — криминальный авторитет.

— Если не роет землю членом в твоих поисках, ни хрена он не хорош, Вика. За все время, что я здесь, только двое пришли за своими девчонками. Безответно влюблённый поклонник в первом случае и жених — во втором. Первый пришел с голыми руками. Юный Ромео, который плакал в кабинете у Лукаса и просил пулю в случае, если его пассию не отпустят. Даже когда Сам сказал ему, что не оценит эта девка всех потуг, не будет с ним, пойдет искать по клубам богатого папика, пока опять не нарвется на охотников за головами от синдиката, не унимался. Признал, понял, но блин, стоял на своем. Сейчас, кстати, работает на Лукаса. Дом отстроил, тачки. Женился, правда, не на той курве — как и говорилось, не оценила. Да он был рад, что ее спас, и большего не просил. А жених, тот не совсем разумно себя повел. С ножом кинулся. Такое тут не прощают. А жаль. Любовь не выбирает методов. Кто-то свихнулся по итогу.

А в остальном, больше никто не пришёл. Даже после того, как девчонки умудрились дозвониться и все пояснить. Большинство мужиков — уроды конченные. Списали девочек, как порченный товар, поджав жопы. Сказок не бывает, увы.

— Ивлеев не придет за мной. Его все устраивало. По сути, он как петух, что пасся в курятнике, топтал кур по очереди. А жена быстро избавлялась от уже отработанных, чтобы не мозолили ему глаза и не требовали бонусов за секс. Даже если знает, в какой кошмар его собственная курица превратила жизнь девчонок, у которых и не было, возможно, выбора. Я сейчас говорю себе, что сама его хотела, и секс был классный. Но с другой стороны, каждый акционер смотрел на своих секретарш, как на личный гарем. В компании принято было осуждать не тех, кто спит с боссами, а тех, кто этого не делает. Плюс без этого — карьерного продвижения было не видать. А если отказывать боссу, сама понимаешь. Я просто успокаивала себя тем, что сама его хотела.

— Я не осуждаю тебя. Просто ненавижу таких баб, для которых муж — святой, а все, на кого он посмотрел — развратные бляди. Продолжай...

Говорить было единственным способом не дать страху, панике и самобичеванию лишить себя самообладания. И, что на тот момент меня удивило — я не испытывала острого желания тотчас же закатать чету Ивлеевых в асфальт, проклясть до пятого колена и пожелать сгореть в аду. Связь с Валерой стала моей роковой ошибкой. Возможно, иногда расплата за подобное перевешивает степень тяжести проступка. Но она же дает стимул выжить ради самого изысканного деликатеса, который стоит подавать охлаждённым.

Вэл орудовала гребнями, щипцами и укладочными средствами, а у меня было ощущение, будто ярость и боль утекают прочь, как песок через ее длинные пальцы с черным лаком на ногтях.

— Им воздастся. Обоим, — сказала, будто поставила визу на приговор кармы, и открыла палетку теней, готовясь сделать макияж.

— Бог накажет? — съязвила я, закрывая глаза. Движение кисти было невесомым, даже

приятным. Этой плохой девчонке удалось меня расслабить.

— Лукасу бы понравилось, что ты называешь его богом.

Вряд ли кто другой понял бы намек, скользивший в каждом слове Вэл. Я лишь тихо вздохнула, обдумывая ситуацию. Лера сделала на меня ставку. Тёмная лошадка Лера. Кем она была для главного? Почему ее не ужасало все то, что он делает? И чем она руководствовалась, толкая меня к нему в постель... да и в постель ли? Нет, ее прицел смотрел далеко за стандартные рамки отношений «рабовладелец-шлюха». Но сейчас она не считала нужным посвящать меня в детали, а я не стала давить, прекрасно понимая, что немного терпения — и я все узнаю. После последних событий было трудно поверить в чье-то дружеское расположение, и я не спешила открыть для Вэл свою душу. Но откуда тогда взялось это чувство единения, общей волны, уважения, как ни странно? Я всегда видела фальшь. Темная лошадка борделя либо мастерски ее скрывала, либо считала ниже своего достоинства играть в подобные игры.

— Ты меня поняла? — понизив голос до шепота, спросила Вэл. — Это экзамен. Сорвёшься, устроишь истерику — сразу упадёшь до разряда таких, как эта девочка. Лукас в твою сторону даже не посмотрит.

Лукас. Билл сказал, что я лот. Все это плохо укладывалось в сознании. Если меня захотел глава этого мрачного места, почему подложил под неадекватного мажора? И разве сегодня я не буду потенциальным лотом для собравшихся поторговаться за право обладания «крейзи лотом»? Поговорить? Они серьезно?

Но я была слишком тревожна и напугана предстоящим мероприятием, чтобы узнать о нем как можно больше. Мысли путались, в горле пересохло. Я даже толком не оценила платье, которое принесла Вэл. По правде говоря, оно мало походило на одеяние шлюхи, скорее, это был наряд гетеры. Отражение в зеркале не вызвало восхищения, только страх. Все это — укладка, макияж и платье были лишь красивой обёрткой, которую сорвут за секунды, чтобы приступить к основному лакомству. Я пропустила мимо ушей окончательные напутствия. Закрылась, отгородилась от происходящего, пока меня вели по коридорам в большой зал.

Здесь царил полумрак и играла тихая музыка. Мои глаза не сразу привыкли к приглушенному свету, и я нерешительно замерла у входа. Огромная комната поражала сдержанной роскошью под стать дорогим элитным клубам. Так же уместно выглядели и немногочисленные посетители, которых я начала постепенно различать.

Большинство мужчин сидели в креслах, некоторые стояли, потягивая коньяк и чинно переговаривались. Нарядные девушки проплывали мимо, улыбаясь и хлопая ресницами, но на них практически не обращали внимания. Большой подиум, задрапированный алыми портьерами, интриговал гостей вечера куда больше доступных прелестниц.

Я уняла бешеный стук сердца и еще раз оглядела зал. Почему-то после разговора с Вэл собиралась увидеть Лукаса, но его здесь не оказалось. Только Билл стоял в тени колонны. Когда наши глаза встретились, я помимо воли обхватила себя руками, едва не поддавшись порыву паники. Он недовольно поджал губы и жестом велел пройти в зал, а не топтаться у входа.

Ноги не слушались, улыбка никак не хотела держаться на губах. Тем не менее я шла, чувствуя на физическом уровне, как тело буквально ошетиливается острыми иглами от взглядов большинства мужчин. В них не было явного интереса, и именно это помогло совладать с собой. Когда дышать стало трудно, я остановилась, кивнув кому-то из девушек, и

досчитала до десяти. Вэл сказала, что это всего лишь шоу. Не я и не другие прелестницы-вольнонаёмницы — главное блюдо дня. Мы здесь для того, чтобы развлечь этих зажавшихся извращенцев с манерами джентльменов светской беседы, хорошо сыгранной симпатией и ролью красивых декораций. Каждый из них пришел сюда не ради классического секса за деньги. Люда. Эти твари жаждали причинить ей боль ради собственного извращенного удовольствия. Толстосумы, зажавшиеся до такой степени, что привычные радости стали для них пресными.

Ирония судьбы. Все мы были в относительной безопасности среди самых настоящих психопатов. Вэл несколько раз повторила, что после аукциона нас быстро уведут. Оставалось надеяться, что проигравшие торги не пожелают чужой крови.

Я не видела ни одного знакомого лица. Похоже, что из всей партии девушек я единственная удостоилась сомнительной чести присутствовать здесь. Другие девушки вели себя настолько легко и непринуждённо, что я остро ощутила разделяющую нас пропасть. Они были свободны. Они могли отказаться от участия в этом жестоком фарсе. Но что здесь делаю я?

Подошла к столику и взяла бокал с шампанским. Пригубила, поборов желание осушить до дна. Билл злобно сверкнул глазами из укрытия, но это было лишним: я не относилась к безумцам, желающим утопить свою боль в алкоголе, в подобной компании.

Недалеко от меня одна из фей вечера, блондинка в фиолетовом платье, привлекла внимание тучного мужчины во фраке. Кажется, они обсуждали музыку. Я же понятия не имела, как подойти хоть к кому-нибудь, и стоит ли. Мне не хотелось вызывать не то что желание, даже мало-мальский интерес.

— Прошу прощения, — кто-то задел меня плечом. Я ощутила, что цепенею от страха. Кивнула, забыв слова, глядя на мужскую руку, потянувшуюся за бокалом виски.

Что-то выбивалось из общей атмосферы вечера. Может, отсутствие маникюра или часы, явно не соответствующие статусу того, кто мог позволить себе развлечения формата «крейзи»? Или то, как он взял бокал, осторожно, с напряжением, а не привычным для большинства жестом? Страх испарился, оставив место любопытству. Диссонанс был слишком явным, чтобы я списала это все на свою осторожность и внимание к мелочам. Именно поэтому я подняла глаза, уже не думая о том, что старалась привлечь к себе как можно меньше внимания.

Светлые глаза под широкими бровями скользнули по мне настороженным взглядом. Вспомнив о наставлениях Вэл, я улыбнулась, но моя улыбка подействовала на незнакомца совсем не так, так ожидалось: вместо умиления или хотя бы видимости галантности меня окатило волной холодного пренебрежения. Но я не позволила себе сконцентрироваться на этом ощущении. От моего взгляда не укрылась легкая небритость, в корне отличимая от той, которой добиваются с целью походить на брутальных альфа-мужчин, круги под глазами и буквально застывшие морщины вокруг глаз. Такие же украшали собой его широкий лоб. Модная стрижка, судя по всему, была для него обузой: этот мужчина понятия не имел, как правильно ее укалывать. И когда он поднял руку, чтобы, как мне показалось, отбросить со лба несуществующую челку, я пеняла, что именно меня смутило. Это не был человек одного статуса с присутствующими в комнате любителями крови.

Я недолго проработала в компании, но этого было достаточно для того, чтобы научиться различать мужчин «в статусе» и тех, кто пытается быть на них похожим. Этот не относился к первой категории. Дорогой костюм сидел на нем, как чужеродный элемент одежды — и потому, что не был подогнан под фигуру своего обладателя, и потому, что, похоже, до этого вечера незнакомец их практически не носил. Но даже без этих признаков, его палил с головой взгляд. Напряженный, выжидательный, решительный, без доли интереса к происходящему. В светлых глазах незнакомца был совсем другой интерес.

«Заговори с ним. Отведи в сторону и заговори!» — закричал мой внутренний голос. Нелед в его глазах остановил. Лед и угроза. Словно я узнала то, что не положено, и этот человек предупреждал — безмолвно, но строго — о предстоящей расправе.

Чужак. Вот, как это выглядело. Тигр в стае гиен. Игрок, играющий опасную партию. Партию, в которой мне не было места.

Я смотрела, как он удаляется. Как спустя время, забыв обо мне, осматривает зал — и вовсе не из праздного любопытства. Это выглядело, как...

Озноб сменился жаром. Я неосознанно прижала холодный бокал к пылающей скуле. Только что я стала свидетелем того, чего не должна была. Мысли заметались со скоростью световых потоков в вакууме.

Меня проверяют. Лукас сделал ставку. Их интересуется мой мозг больше, чем тело. Что-то происходит. Этот мужчинам играет против моих похитителей...

Что мне оставалось делать? Я закрыла глаза, надеясь, что так решение придет быстрее. Прямо сейчас подойти к Биллу и поделиться своими предположениями? Или...

Открыла глаза как раз в тот момент, когда незнакомец якобы невзначай коснулся циферблата часов и что-то сказал. Со стороны могло показаться, что он обрушивается к бронежке в пурпурном платье, продефилировавшей мимо, но выражение его лица говорило об обратном. Осознание буквально оглушило меня.

Мент? Киллер? Конкурент моих пленителей? Враг моих врагов...

Я решила. Не зная, что ему скажу и чем именно мне это будет грозить в случае провала. Инстинкт выживания заглушил голос тревоги и осторожности. Я сделала шаг в его направлении, но дойти не успела.

Раздался бой барабанов. Алые портьеры, скрывающие подиум, медленно поехали в стороны. Яркие софиты, освещающие сцену, ослепили. Забыв о своих намерениях, я попятилась в тень колонны, и когда глаза привыкли к яркому свету, наконец увидела то, ради чего здесь сегодня собрались восемь любителей извращений.

Всего лишь декорация. Декорация в виде клетки с хромированными прутьями, поблескивающими в свете прожекторов. И пусть в данный момент она пустовала, не трудно было догадаться, кто там в скором времени окажется.

В голове помутилось. За дни, проведенные здесь, я почти избавилась от иллюзий и никому не нужного оптимизма. Клетка была недолгим гарантом безопасности несчастной Люды перед тем, как она попадет в руки одного из этих пресыщенных властью и баблом уродов. Если только... я досчитала до пяти. Если этим моральным деградантам не придет в голову запустить в клетку питбулей, охраняющих особняк.

Видимо, этот ужас отразился на моем лице. Проходящая мимо «вольнонаемница»,

обладательница пухлых губ и огромной груди, легонько толкнула меня в бок.

— Сделай попроще лицо и выпей. Хочешь, чтобы эти мудаки увидели твой страх?

Сказала, и тут же продефилировала дальше по залу, забыв о моем существовании. «Спасибо» замерло на моих губах. Проводив взглядом ее пышную фигуру в розовом, я заметила, что девушкам пытается заговорить с «Джеймсом Бондом». И вроде как ей это удалось, но от его взгляда мне стало не по себе. Брезгливость, презрение под маской вежливости и ожидание — но не то, похотливое и азартное, которым буквально пахло от всех присутствующих. Я не знала, как должны выглядеть психопаты-извращенцы, но этот к ним точно не относился.

Тревога переросла в волнение, окрашенное в оттенки ожидания и надежды. Я еще не догадывалась, что раскусила странного визитера, но сознание рисовало картины скорого спасения из лап незавидной участи сексуального рабства.

Возможно, меня проверяют. И не кошмар, предстоящий сестре по несчастью, сейчас зона особого внимания, а именно этот мужчина, якобы случайно задевший плечом. А Билл наблюдает за тем, как я справлюсь. Но в то же время, если все, что я вижу, не режиссерская постановка с целью проверить уровень моего интеллекта...

Бывает так, что сознание атакуют множество разных мыслей, и все в одну секунду. Невозможно сосредоточиться, сомнения вытесняет азарт и почти безумное бесстрашие, а в следующий миг полярность меняется. Я не могла принять никакого решения, но ноги сами несли меня к потенциальному спасителю.

Музыка зазвучала громче. Классические мотивы переросли в тяжелый металл, нагнетая тревогу. Я вдруг осознала, что нахожусь близко к сцене, и на меня падает свет прожекторов. Да я привлекла внимание каждого без исключения!

К счастью, сейчас их занимала вовсе не я. Они не обратили бы на меня внимание, даже если бы я голой прошлась по подиуму. И от этого стало не просто страшно, а жутко.

— Эй, ты! Принеси виски! — голос высокого мужчины в дорогом костюме с белесыми рыбьими глазами буквально хлестнул меня по спине. Я рассеянно кивнула, путаясь в подоле платья, и кинулась к столику с напитками. Взяла бокал и вернулась, внутренне цепенея от взгляда участника торгов.

— Что ты принесла? Это не виски!

Различить в темноте коньяк и виски было не под силу даже сомелье, но что-то мне подсказывало, что оправдания только усугубят и без того патовую ситуацию: я привлекла внимание извращенца, готового платить за право поиздеваться над Людой.

— Простите... сэр, — произнесла первое, что пришло на ум. Просто подобное обращение должно было погасить жажду крови богатого уroda в момент. — Я сейчас же исправлю свою ошибку...

Сканирующий взгляд принялся изучать мою фигуру. Ужас зашевелился внутри мерзкой черной рептилией при мысли, что сейчас то чудовище в обличье импозантного мужчины найдет мой страх более лакомым десертом, чем возможность вдоволь поиздеваться над «крейзи-лотом». И Билл, и Вэл могли сколько угодно рассуждать о том, что я интересна Лукасу своим умом. Но если у сидящего передо мной извращенца возникнет мысль заплатить... не надо думать, что гребаное змеиное кубло работоторговцев упустит свою выгоду!

Мне оставалось только взять себя в руки. Из последних сил, почти теряя сознание, потому что, волей не волей, наш диалог привлек внимание сидящих рядом мужчин. И я

гордо вскинула голову, улыбнувшись уверенной улыбкой.

— Это моя вина, но... ваше сходство с Антонио Бандерасом спутало мои мысли.

— Сядь, — холодно произнёс мужчина, указывая на широкий подлокотник кресла. —

Ты загораживаешь мне сцену.

По его голосу я поняла, что интерес ко мне утрачен. Охотник за извращенными удовольствиями не увидел моего страха, соответственно, переключил внимание на сцену. Сесть рядом велел, скорее всего, для того, чтобы не отличаться от коллег, рядом с которыми уже сидели разряженные профессионалки.

И вот двое незнакомых амбалов выволокли на сцену совершенно обнаженную девушку. Она едва переступала с ноги на ногу, словно сомнамбула. А я стиснула зубы, узнав недавнюю соседку по комнате.

— Обдолбанная? — разочаровано протянул тучный мужчина справа от нашего кресла. — Ну, нет, какой тогда в этом смысл?

«Мой» кавалер отобрал у меня бокал и подался вперед, разглядывая Люду. Двое охранников как раз завели ее в клетку и застёгивали стальные браслеты на запястьях. Просто чудо, как измождённая и отрешённая девушка не повисла на своих оковах, а осталась стоять.

— Сломленная. Вы пас, я полагаю?

— Подобное не вызывает у меня интереса. Мне нравится ломать. Я ценю свои средства и рассчитывал как минимум на трое суток увлекательной дрессировки. Здесь и трех часов не будет. Пас.

— Длинные соски. Будто созданы для раскаленного зажима, — вступил в разговор третий, поглаживая подбородок. — Пожалуй, поборюсь.

Ангелоподобная блондинка в черном платье, стоявшая за его спиной, потерлась щекой о его шею, будто слова извращенца причиняли ей особое садистское удовольствие.

— Тебе ее не жалко? — повел плечом мужчина, отстранившись и разглядывая дрожащее тело девушки в клетке.

Вольнонаемная скользнула циничным взглядом по распятой Люде. От ее равнодушия у меня подкатил ком к горлу.

— С чего бы мне ее жалеть? Это мясо. Скотина для убоя. Разве нет?

Мужчина довольно улыбнулся и поцеловал руку блондинки, перед тем как сосредоточиться на детальном разглядывании той, над которой можно было поиздеваться вдоволь, только заплатив.

Я старалась не смотреть на Люду. Страх, боль, сочувствие, неприятие происходящего бурлили внутри, словно раскаленная лава. Слезы жгли глаза, и, как мне казалось в тот момент, с шипением высыхали, не успев пролиться. Я была в стае шакалов, овечка в шкуре их собрата. Но достаточно одного неверного шага, удара сердца, взгляда — растерзают, вопьются в глотку, объединив силы и средства.

Я не была альтруистом. И как бы мне не было жал Люду, я не хотела оказаться на ее месте. Все, что могла — не смотреть, радуясь, что она не может видеть меня в зале.

А затем на сцену вышел молодой парень, чье лицо мне показалось смутно знакомым. И когда он заговорил в своей коронной манере «стэндап», призывая к началу торгов, я опешила.

Это был известный на тот момент комик, резидент юмористической программы, герой большинства телевизионных реклам. В первый момент мне показалось, что я схожу с ума. Мик Флюгер, герой телеэкрана, сейчас с невозмутимым лицом зачитывал со сцены «дополнительные функции крейзи-лота» и предлагал делать ставки?..

Если до этого момента я не осознавала всего масштаба власти и богатства наших пленителей, то сейчас буквально оторопела. Они могли купить весь мир. Пригласить телезвезду, заплатив ему столько, что то не только не проговорится, и и самолично всадит нож в дрожащее тело Люды, продолжая шутить...

— Что это будет, господа? Изысканная дичь, убегающая от охотника? Попавшаяся на колдовстве ведьма, из которой немедля следует изгнать дьявола? А может, взяв Берлин, наши доблестные воины нашли в одном из подвалов разрушенного дома саму Еву Браун?

Вспоминая этот аукцион, я пойму, что меня поразило в самое сердце сильнее всего. Не тот факт, что Люду пустили с молотка как товар, с которым можно поступить как угодно: изнасиловать, растерзать, убить. Не импозантные манеры и интеллигентные речи извращенцев, большинство из которых даже не сняли с пальцев обручальные кольца. Не тест моей выдержке — выстою я или сломаюсь в такой обстановке. Меня поразило спокойствие ведущего. Того самого, что недавно сделал предложение руки и сердца молодой певице, по слухам, ожидающей его ребенка.

Деньги не пахнут? Что ж, это можно было отнести в равной мере ко всем, кто находился в этом зале.

Спустя год Мик Флюгер умрет от передозировки ЛСД в своем загородном особняке, в бассейне. Вернувшаяся с отдыха вместе с сыном его жена, певица Аникея, безрезультатно будет обивать пороги милиции и прокуратуры, доказывая, что супруг придерживался здорового образа жизни и не мог употреблять наркотики. Синдикат по торговле живым товаром не признавал полумер и не оставлял свидетелей. Одна я буду знать правду об истинной причине его смерти, как и о глупой попытке шантажа, стоившей ему жизни.

— Десять тысяч! — позвучала первая ставка.

— Пятьдесят!

— Семьдесят!

Суммы нарастали в геометрической прогрессии. Было понятно, что исчислялись в долларах или евро, а уж никак не в национальной валюте. Сколько стоит человеческая жизнь? И сколько стоит право подвергнуть мучениям молодую девушку, которой просто не повезло оказаться не в то время не в том месте? Леденела кровь, я, что есть силы, гнала безрадостные картины того, что предстоит Люде. Мы не успели стать подругами, не были знакомы до того, как попали в это ужасное место. Я не столько жалела ее, сколько примеряла подобную участь на себя. Что произойдет, если я их разочарую?! Меня не пожалеют. Странно, что они не отдали на растерзание каждую из нас за такой гешефт!

Мужчина в кресле положил руку на мое бедро, сжав почти до боли. Он проигрывал торги, судя по всему, был в бешенстве. А я не имела права поддаться панике, и тем самым стать для него блюдом в экстравагантном меню.

— Вам нужно что-то еще, сэр? — как можно беспечнее произнесла, стараясь не смотреть на сцену.

— Принеси выпить, — со злобой в голосе произнёс «сэр». — Потом я расскажу тебе, что надо сделать...

Я отошла к столику, внутренне холодея от обещания в его голосе. А на сцене между тем начали стремительно разворачиваться события. Кто-то из охраны решил отхлестать лоткнутом, видимо, на потеху пригревшим торги. Кто выиграл, я так и не поняла.

— Настало время передачи средств, — с идиотской улыбкой вещал приглашённый ведущий. — Я прошу счастливого обладателя нашего эксклюзива подняться на сцену, где мы сможем...

Все еще не веря происходящему, пребывая в какой-то прострации, я шла к столику. Огляделась по сторонам, — мне хотелось хоть на время сбросит маску и выдохнуть, никому не показывая ужаса. Никто на меня и не смотрел. А тот, кого я мысленно окрестила «Джеймс Бонд», поднял руку, словно призывая к вниманию.

«Он не мог выиграть торги!» — это было последнее, что я подумала перед тем, как музыка резко оборвалась. Взрывы петард оглушили, заставив подпрыгнуть от испуга — настолько оглушительными они казались во внезапно наступившей тишине. То, что это выстрелы, я поняла намного позже.

Оглушающий шум приближался. Лай собак, женские крики, мат, топот ног... и новая серия разрывающих барабанные перепонки хлопков.

Свет погас. Топот ног, яркий сноп света, выхватывающий из темноты суetyющиеся тела мужчин и женщин.

— На пол, дура! — раздался крик Билла, и что-то сбilo меня с ног. Я больно ударилась лбом о ступеньку возвышения, на которой находился стол с напитками. Но размышлять о том, что происходит, не было времени. Прозвучала автоматная очередь, которая скосила бутылки алкоголя над моей головой.

Ужас. Суета. Звон в ушах. Громкие крики, сопровождающиеся трехэтажным матом. После выстрелов они казались почти шепотом. Тяжела ладонь Билла надавила на мою шею, прижимая к полу. В абсолютной темноте, испуганная и растерянная, я все же успела подумать о том, что интуиция не обманула. Я рассекретила чужака в стае. Но у меня не хватило духу пойти на контакт.

«Может, еще не поздно? — мысль раненой птицей билась в моем сознании. — Сейчас всех нас освободят, милиция накрыла притон работоторговли...»

Яркие вспышки фонариков поползли по полу куполообразными лучами. Это

напоминало кадр из фильма ужасов про пришельцев. Вот так вот рассудок в состоянии шока проводит самые невообразимые параллели с происходящим, боясь погрузиться в реальность. Не успела зажмуриться, когда свет выхватил из темноты нас с Биллом и одну из девиц. Все, что я запомнила — что она, судя по всему, без сознания, а из горла торчит крупный осколок бутылки.

— Вперед! — велел Билл, рывком поднимая меня с пола.

Ему не пришлось повторять дважды: мысли о вероятном спасении исчезли под прессом шока. Я, домашняя девочка, никогда не была в эпицентрах бандитских разборок. О них часто говорили с неким черным пиететом, считая едва ли не рыцарскими поединками; мальчишки все без исключения мечтали побывать на стрелках, а девчонки, помимо наличия у поклонника статуса и туго набитого кошелька, отдавали предпочтение браткам, в свое время «полежавшим под пулями». Если бы я встретила их всех, мигом прервала бы романтизацию бандитизма. Потому что, оглядываясь назад, перестрелка напугала меня гораздо сильнее нового незавидного положения сексуальной игрушки.

Я не плакала, не тряслась и не заикалась только потому, что сумела дать себе важную установку — не показывать шакалам своих эмоций. Если бы я это сделала, меня бы сожрали в тот же миг, как Люду. Люда... я робко обернулась в сторону сцены, но в темноте ничего не удалось разглядеть.

Лишь когда меня вывели в коридор и передали с рук на руки охранникам, пришло понимание: кто бы ни устроил дебош на аукционе, он проиграл. Вертухаи поспешили увести меня вниз, чтобы я не видела других обитателей имения, заполнивших коридоры. Спрашивать — все равно, что добровольно броситься под резиновую дубинку. Поэтому я пошла, не позволяя им хватать за руки и поколачивать орудием дрессировки по поясице. Вниз, минуя этажи, еще ниже, через большой винный погреб и хозяйственные отсеки. А потом меня втокнули в большое помещение, напоминающее подвал: грубо сколоченные камни стен, отсутствие окон, бетонный пол.

Несколько десятков девушек повернулись к двери. Некоторых я видела в бункере, других — во время прогулок, а остальные были вообще незнакомы. Оценивающие, насмешливые, испуганные любопытные взгляды ползли по моему телу, словно насекомые. Я вскинула голову, выдержав атаку глаз-сканеров. К моему удовольствию, большинство ступсывалось: я и выглядела по сравнению с ними, без макияжа и в атласных халатиках, почти леди, не осознавая, что волосы взъерошены, платье испачкано брызгами алкоголя, а спина, как оказалось, изранена битым стеклом. Некритично, но все же — от шока я не чувствовала этого.

— Вика!

Я едва узнала в подскочившей ко мне девице рыжую Лизу — ее волосы были стянуты в пучок, макияж отсутствовал.

— Капец, ты крутая! Тебя что, с лотка пускали?

К нам решительно приблизилась смуглая брюнетка с развязными манерами.

— Привет, ты это, сверху? Что там стряслось? Говорят, в главного стреляли, теперь лавочку закроют?

Глава 6. Окончание

Похоже, в стае образовался еще один кандидат в вожаки. Лиза шикнула на девицу, но та лишь смерила рыжую снисходительным взглядом. А к нам начали подходить другие девушки, с выражением лихорадочного любопытства и надежды на освобождение во взгляде.

Я досчитала до пяти и еще раз пристально обвела толпу взглядом. Шок начал отпускать, ритм сердца сбивался, тело крыло приступами легкой испарины. Весь мой страх грозил превратиться в слова, в беспорядочный поток. И, кажется, именно этого от меня и ждали.

— Катись, — процедила я, положив руки на талию и сделав шаг вперед. Похоже, испуг и нервное потрясение стремилось излиться вовсе не в слезную исповедь, а в безудержную агрессию.

— Да я что, ты скажи, нас теперь освободят? Чего сама не смылась?

Я захватила ее взгляд, удерживая в тисках своего презрения. И постепенно дерзкая девочка сникла, махнула рукой и побрела прочь, что-то приговаривая себе под нос.

— Круто ты ее, — возле нас нарисовалась Юлька. — У тебя кровь...

Именно она обратила мое внимание на осколок стекла в ключице. И неосознанно поддерживая имидж крутой и непробиваемой девчонки, я вынула его резким движением, даже не поморщившись от боли.

— Ерунда. И никаких расспросов.

Больше ко мне никто не подошел. Я двинулась вглубь комнаты. На пластиковых стульях сидело несколько девчонок, но при моем появлении они, переглянувшись, встали. Не знаю, может, их всех к тому времени успела построить Лиза, и они испугались совсем не меня, или же я, с макияжем, пусть и растрёпанной, но укладкой и в платье априори претендовала на местную альфа-самку — в тот момент мне думать не хотелось. Села в кресло, закрыв глаза.

Лиза и Юля о чем-то переговаривались. Кажется, о том, кто из голливудских актёров круче. Эти две уже смирились со своим положением настолько, что не делали попыток взбивать ногами молоко для стартового трамплина в виде горстки масла. Плавали в мерзком болоте, закрыв глаза и представив, что это джакузи. Так было проще — бежать от действительности, подменять понятия тем, чем жили прежде.

А я внутренне испепеляла саму себя. Сожаление о собственной трусости, не позволившей заговорить с тем мужчиной, сменялось яростью. Чем я отличалась от этих овец? Мне дали возможность сыграть ва-банк, а я ее позорно упустила. Поплыла по течению, и даже ужас оттого, что эти нелюди пытались сделать с Людой, не заставил меня действовать!

Затем я, как мне казалось, смогла разложить ситуацию на логические пазлы. Умом понимала — подойди к Джеймсу Бонду и попытайся с ним заговорить, в лучшем случае пошлет, а в худшем — сразу сдаст Биллу. Чего тогда стоили бы мои робкие реплики о том, что я якобы рассекретила его по своим каким-то своим невразумительным критериям? Чем больше я анализировала происходящее, тем больше понимала, что никто не стал бы спасать меня, рискуя сорвать операцию. А то, что я не ошиблась, и сумела распознать сущность человека... где был этот дар в тот момент, когда я с радостью раздвинула ноги перед Ивлеевым!

Как ни крути, выходило одно: я ничего не смогла бы сделать, даже если бы заговорила с ним, и мне пообещали спасение в обмен на сведения. Мысль сдать чудака Биллу уже не

казалась мне такой уж неправильной.

Каждый сам за себя. Эту истину мне еще предстояло усвоить.

Прошло несколько часов, прежде чем девушек начали уводить из подвального помещения. Настала и моя очередь. И в тот момент я ухватила двумя руками за внезапную идею. Мы уже свернули в коридор, где располагалась наша с Юлей комната, когда я нерешительно тронула конвоира за локоть:

— Мне надо к Вэл. Она велела сдать одежду...

— Так развевайся, я занесу... заодно, — хохотнул один из них. Но другой замешкался.

— Лукас велел с Вэл не спорить. Она еще здесь?

— Так никто не покинет особняк до выяснения обстоятельств...

Таким образом, меня привели в гримерную. Я решилась на отчаянный шаг, понимая, что не усну, не получив ответы на вопросы. Это было рискованно: меня тянуло к Вэл, но я понятия не имела, что она за человек, и как может использовать все, что я говорила.

Плохая девочка преступной группировки сидела на диване, закинув ноги на стеклянный столик. Полупустой бокал с виски стоял на подлокотнике, рискуя упасть, но Вэл, казалось, было пофиг на все.

— Ты? Какого ты тут?

Этого я ожидала меньше всего. Зашипела от боли — охранник угрожающе сжал мой локоть, предупреждая о последствиях обмана. Я не могла подобного допустить.

— Платье, украшения, и... ты сама сказала.

— И? Ах, да. — Вэл, похоже, была уже немного пьяна. — Входи. Ты, не помни мне цыпочку!

Меня опустили. Я выдохнула с облегчением лишь после того, как мы остались вдвоем. Тогда мне казалось, что эта дерзкая и независимая девушка вообще не боится ни бога, ни дьявола. Но произошедшее встряхнуло ее нервы ещё похлеще, чем мои.

— Раздевайся! — махнула рукой Лерка, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Кому-то тоже не помешало бы вмазать.

Сама открыть бар я не решилась, стянула платье, только сейчас осознав, что стеклянная крошка слегка оцарапала мою спину. Но промолчала, остерегаясь, что меня тут же оправят в медотсек, и я не смогу поговорить с Вэл. Надела халат и присела к трюмо, чтобы смыть макияж. Пальцы дрожали. Отходняк накрывал с головой, что не укрылось от внимая Вэл.

— Да перестань так над собой издеваться! — она отобрала у меня ватный диск и, смочив спонж в сыворотке, принялась смывать макияж с глаз аккуратными массирующими движениями. — У тебя изумительная кожа. Подчеркивает породу. Надо сохранить ее любой ценой, я подберу тебе средства ухода.

Ее пальцы тоже подрагивали. Она стремилась любой ценой избегать недавнего происшествия, но я не собиралась ее отпускать. Надо узнать, что произошло. И понять, что мне с этим делать.

— Стреляли, — я помимо воли повела плечами. — Что произошло?

— В этот раз эти умники пробрались слишком глубоко, — с непонятной злобой ответила Вэл. — Они и раньше пытались проникнуть сюда под видом клиентов или обслуживающего персонала, но в этот раз... сейчас полетит столько голов, что тебе и не снилось.

— Кто они?

— Как кто? Неподкупная милиция. Одиночки. Слишком самонадеянные, даже не

принявшие в расчет тот факт, что высшее руководство СБУ в доле с начала основания бизнеса.

Меня поразила ненависть в ее голосе. Конечно, не стоило забывать, что Вэл находится по другую сторону баррикад. Что, несмотря на ее дружеское расположение ко мне, она на стороне синдиката торговцев живым товаром. Это не просто работа, которую можно было сделать и уйти домой, закрыв глаза. Лера была связана с этим местом и его владельцами некой тесной связью. По своей воле или нет, не имело значения. Она не собиралась рвать эти нити. О причинах мне еще предстояло узнать.

— Ты дрожишь, как рессора в моем байке. Я тебе так глаз случайно выдавлю. Пей! — она силой вложила в мои руки стакан с недопитым виски. — Не кривись, я прекрасно знаю, что тебе сейчас надо.

Я сделала глоток. Горло обожгло, но по телу начало разливаться приятное тепло, нивелирующее дрожь.

— Они пытались спасти тех, кого силой похитили и заставили заниматься проституцией. Настолько, что дольщики в верхах не стали для них указом. Ты говоришь о них, как о каких-то агрессорах...

Наверное, мне стоило выбирать выражения, но стресс и виски сделали свое дело. Вэл от злости швырнула спонж на пол.

— Ты считаешь их ангелами, Вика? Этих придурков, возомнивших себя народными мстителями? Давай я тебе поясню, какие последствия у сегодняшнего нападения тимуровцев. Думаешь, служба безопасности получит выговор с занесением в трудовую книжку за халатность? Нет, милая. Тех, кто это допустил, ждет свинцовая таблетка и уютное цементное одеяло. Здесь не лига рыцарей, двойки не ставят! В расход, никакого другого шанса быть не может! Далее, как ты думаешь, что сделали с твоей соседкой по комнате? Отдали тому, кто за ней явился, взяв подписку о неразглашении? Что ж, это так.

Я недоуменно уставилась на раскрасневшуюся Вэл в зеркальном отражении:

— Люда! Он ее спас? Ее отпустили?

— Вика, б**дь, какой у тебя, на хрен, интеллект? Ты дура набитая? Девчонка недоживет до рассвета! Как и этот гребаный Бэтмен, устроивший нападение. Если она откроет рот и начнет говорить, рухнет система! Ты не понимаешь? Они своим вмешательством отобрали у нее шанс выжить! Как, скажи мне, я должна к ним относиться, если «сила есть — ума не надо» вместо жизненного кредо?

— Шанс выжить? — от волнения я допила виски до дна и даже не поморщилась. — Ты была там? Ты видела, как ее распинали в клетке, а все эти моральные уроды текли слюной, описывая в деталях, что именно с ней сделают после покупки? Какой, мать его, шанс? Поправь меня, если Люду не повели на убой как ту, что посмела сопротивляться, а не молча раздвигать ноги по приказу? Ты реально считаешь, что она бы вышла живой из лап больных уродов?

— Они не убийцы, Вика. Картель этим никогда не занимался, у Лукаса есть свой кодекс чести...

— Кодекс чести?! — шок прорвался истерическим смехом. — Он похищает девчонок, чтобы делать из них проституток, зато уступает дорогу на пешеходном переходе и переводит бабушек через дорогу?

— Оскорблять Лукаса я тебе не позволю. — Вэл скрестила руки. — Он сделал для меня больше, чем все, кого я считала близкими людьми. Однажды ты в этом убедишься. А что до

твоей соседки по комнате... никто не собирался ее убивать. Да, то, что с ней собирались сделать, выходит за стандартные рамки твоих представлений. Но жизнь не заканчивается!

— А как она будет жить с моральной и, не исключено, физической травмой, никто из вас не подумал? Разве это жизнь? Куда ее после этого? На помойку, как сломанную игрушку, или обратно, где она будет бояться дышать без приказа?

— Да какая разница, Вика? Жизнь одна! А теперь у нее нет шанса выжить, ни малейшего! Этот Робин Гуд сам подписал себе и этой девочке смертный приговор. Вот почему мне трудно оценить его благие намерения. Потому что, если ты возомнил себя спасителем, убедись, что доведешь дело до конца, а не сделаешь хуже!

Мы уже обе перешли на повышенные тона. Вэл сдернула с головы кепку и швырнула ее в угол, а я испытала легкий укол совести. Не она стояла во главе обитатели зла, не она принимала решения и могла оказывать влияние на верхушку. Тем не менее, ее горячность меня поразила.

Я следила, как Вэл, слегка пошатываясь — скорее от нервного потрясения, чем от алкоголя, подходит к бару. Ее движения размашистые и нервные. Вот она наполняет стаканы очередной порцией виски и возвращается к трюмо.

— Нет хороших и плохих людей, Вика. Понимаешь? Вообще нет. Есть подмена понятий и субъективность. Просто держи это в голове. И знаешь, дам тебе типа ценный совет: отращивай зубы и когти. Здесь выживают эгоисты. Не надо отдавать свои энергетические ресурсы тем, кого не спасешь и не поможешь.

Похоже, я, сама того не желая, забралась Вэл под кожу. Но это не вызвало во мне торжества от маленькой, но победы. Я ощутила стыд. У нее было свое мировоззрение, и не мне следовало топтать его тракторными подошвами. В конце концов, она была единственной, кто видела во мне человека, а не куклу картеля.

— Что тебя так тепло связывает с Лукасом, Вэл? — тихо спросила я.

Лера грустно улыбнулась.

— Он спас меня от тюрьмы. И никогда не требовал оплаты по счетам за подобное. В маргиналах тоже есть благородство, Вика. Я расскажу тебе в скором времени. Знаешь, если ты сможешь сделать его счастливым хоть на короткое время, это будет для меня лучшим подарком. Но давай потом. Сегодня всех тут перетрясло до икотки.

Мы сидели и пили виски. И почему-то нам было спокойно именно так, в тот самый момент. Ощущение дежавю превратилось в кинематографические картинки с похожим сюжетом.

«Мы сидели и пили пиво. Солнце грело нам плечи. Было такое ощущение, что мы свободные люди». (цитата из романа «Побег из Шоушенка» — прим. автора)

Именно так. Я сидела в кресле со стаканом виски, теряя ощущение дрожи в пальцах. Погрустневшая Вэл стояла рядом, задумчиво глядя вдаль. У нас было чувство, что в этот момент мы мыслили одинаково. Два совершенно противоположных человека, сумевших в итоге понять друг друга. И в этом было куда больше свободы, чем в абстрактном желании сбежать и раствориться в серой рутине моей прежней жизни.

Глава 7. Часть 1

Вечером того же дня у нас оказалась новая соседка по комнате.

А до того я усердно притворялась спящей. Юля сразу отметила, что я расслаблена и от меня пахнет виски. Ее подозрительный взгляд долго буравил спину. Затем нам принесли поесть. Слава богу, девчонке хватило ума не задавать рискованных вопросов. После произошедшего я оцетинилось тысячей иголок, инстинкт самосохранения и здоровый эгоизм — выжить, выстоять, не дать никому мне помешать в этом деле стали идефикс. Даже дружелюбная и одновременно кроткая Юля воспринималась, как подсадная утка.

Когда она расплакалась, пояснив это тем, что знает, видела сон — Люде сделали что-то плохое, — я холодно осадил ее. Сказала, что никому ее слезы не нужны, и с большой вероятностью тонкая и ранимая душевная организация загонит ее в гроб. Посоветовала поменьше болтать о своих версиях относительно произошедшего с Людой и задуматься о себе.

Сама поразились, как легко слетели с губ безжалостные слова. Мне будто понравилось топить собеседницу и одновременно оберегать ее от опрометчивых шагов. После этого Юлька надулась и сделала вид, будто увлечена чтением потрепанного дамского романа — на днях мы обнаружили их в шкафу.

А вечером уже знакомые нам вертухай, те, что показали истинное положение вещей в бункере в первый день нашего похищения, завели в комнату новую девчонку. Мы с Юлей тотчас же отбросили свои дела: она — чтение романа, я — попытку расчесать локоны с остатками лака для волос.

Она была из тех, кого называют «лакшери вумен». Об этом буквально кричала ее внешность — стройная, даже несколько худощавая фигура, блестящие гладкие волосы, точеные скулы и длинные ресницы. В ней угадывалась восточная кровь, а внешне заплаканная красавица напоминала диснеевскую принцессу Жасмин. Как такая девчонка, выглядевшая дороже, чем вся моя жизнь, могла оказаться сетях торговцев живым товаром? Даже если у них настолько все схвачено, как я уже убедилась, они вряд ли стали бы рисковать, позитив девушку из состоятельной семьи.

Мы даже опомнились не сразу. Смотрели на нее, раскрыв рот, с неммым вопросом «а ты как здесь?» во взгляде. А красавица забралась на кровать, подтянув колени к груди, кусая длинные акриловые ногти со сверкающими стразами.

Юля опомнилась первой. Налила воды и под села к новой соседке, стараясь прикрыть любопытство сопереживанием. Я просто наблюдала. Зачем суетиться, задавать вопросы, если простодушная Юля все это делает вместо меня?

Ее звали Альфия. Девчонка из строгой мусульманской семьи, однажды бросившая вызов родителям и устоям собственной религии, и уехавшая покорять столицу. Ей повезло. Скаут модельного агентства заметил ее тогда, когда она раздавала листовки, чтобы заработать себе на хлеб и оплату съёмной квартиры. Шанс на миллион, потому что он действительно был хедхантером от мира моделинга. Уже спустя несколько месяцев Альфия снялась для одного из глянцевого изданий и попала на глаза своему будущему супругу.

О нем она наговорила, понижая голос и отводя огромные, словно у лани, глаза. Я сразу поняла, что она его боится. Или боялась. Невообразимо богатый человек, чье имя чревато произносить вслух, относился к Альфии, как к бездушной, но красивой и дорогой игрушке.

Простому обывателю ее жизнь могла показаться сказкой: третья жена господина Х приводила все свое время в дорогих спортзалах, спа-салонах, улучшала свою внешность под скальпелями именитых пластических хирургов. Разъезжала по городу на «мини-купере», единственном на тот момент в стране. В первое время продолжала сниматься для глянца — теперь сугубо женского, потому что другой властный супруг запретил, наслаждалась материальными благами, мечтала о детях. Пусть в свое время и сумела вырваться из общества, до сих пор приравнивающего женщину к предмету (ее отец и мать были рождены в Саудовской Аравии, где законы шариата достигали критического размаха), восточная кровь и память предков не смогли убить в ней основное качество: покорность мужчине. По сравнению с тем, что ожидало ее в прежнем мире, Альфия считала себя благодетельствованной Аллахом. Иллюзия выбора и свободы не дала ей рассмотреть истинное лицо статусного супруга.

Она послушно сносила оскорбления, крики, измены. Терпела, иногда робко возражая. Бросила работу модели под давлением деспота-мужа, даже не расстроившись — мечта о ребенке стала ближе. Но у сластолюбивого и беспощадного господина Х были свои планы, и рождение наследника в них не входило.

Он любил секс втроем. МЖМ, иными словами. И Альфия оказалась поставлена перед выбором: оказаться на улице без гроша в кармане, потому как у Х все суды куплены, или разделить с ним его извращенные желания.

С этого момента жизнь девушки, в которую с самого рождения была заложена покорность мужу и повиновение, превратилась в ад. Х приглашал в спальню всех, кого считал достойным: деловых партнеров, звезд шоу-бизнеса, даже малознакомых людей, найденных на специфических сайтах знакомств. Альфия потихоньку сходила с ума. Черда мужчин слилась в ее сознании в одно лицо, лик боли и унижения. И однажды она не выдержала.

По ее словам, решилась на подобное, лишь когда поняла, что не будет у нее и Х никаких детей, да и саму Альфию он изолировал от общества, лишил работы, оборвал прежние связи. Ей не у кого было искать поддержки, не к кому прийти за советом.

Она давно не распоряжалась собственными деньгами — муж покупал все, и этот вопрос стал перед девушкой, замыслившей побег, довольно поздно. Оказалось, что автомобиль тоже записан на третьих лиц, и сама госпожа Х — никто, и звать ее никак. Каждый ее шаг под наблюдением, ведь муж не намерен терять такую послушную жену, ублажавшую его извращенные вкусы. Бежать было некуда. И тогда Альфия решилась на отчаянный шаг.

Х хранил видеозаписи своих мини-оргий. Любил пересматривать, да и Альфию этим удерживал от «резких движений». О том, что однажды она решится обратиться это против него, не подумал. Повода не было. Послушная овца с идеальной внешностью, слепо выполняющая все приказы. Он ее кормит, одевает, оплачивает пластический тюнинг, женился, в конце концов! Чего этой неблагодарной не хватает? Без него бы не выползла из хиджаба и ссорилась с другими женами какого-нибудь арабского старика.

Так думал Х, забыв о том, что однажды Альфия уже бросила вызов обществу, заплатив за это отречением самых близких людей. Что человеку, доведенному до точки кипения, нечего терять. И когда видеозаписи попали в руки его конкурентов, понял, как просчитался.

Сначала не верил, что это все — жена, которую он к тому времени уже и человеком не считал, так, бесплатное и безотказное приложение, удовлетворяющее его хотелки. Какое право голоса у вещи? Уничтожил пару подозреваемых, среди а потом понял, кто же слил

информацию.

Убивать Альфию не стал. Но прощать тоже не собирался. Утечку информации удалось купировать, отделавшись малой кровью. А жену самолично затолкал в фургон картеля, бросив на последок тому, кто крышевал этот бизнес: «отдавай ее всем подряд»... Но в душе девушки никак не хотела умирать надежда на то, что муж одумается. Так, напугает ее для вида, не позволив никому прикоснуться, да и заберет обратно, избьет, скорее всего, посадит в изоляцию, но не бросит. Ведь разве можно ее не любить? Даже несмотря на то, что изменял и подкладывал под других, а сам в последнее время все реже и реже участвовал в тройничке...

...Альфия то рыдала, то успокаивалась, то спрашивала, настолько ли здесь все плохо, или, может, будет не так тяжело, как в браке, где ее каждую ночь имели вдвоем? Юля готова была расплакаться вместе с ней, а я в который раз убедилась, как высоко и прочно сидят те, кто сломал нам жизни.

За последние дни я уже перестала удивляться и испытывать ужас от того, что с нами делают. Еще неделю назад случившееся с Альфией перевернуло бы мой правильный мир вверх дном, а сейчас я лишь покачала головой. Красавица, ухоженная, сексапильная, а ума — как у ракушки. На олигарха с угрозами? Да чудо еще, что в цемент не закатал, а всего лишь сюда послал. Конечно, может и в «крейзи-лот» ее записать, но обращались с ней пока что бережно. Скорее всего, попробуют продать подороже.

— Слушай меня, — я сама не поняла, почему заговорила с ней. — Отсюда не бегут. И вряд ли твой принц на белом осле передумает. Посуди сама, хотели бы напугать — подержали в подвале, попрессовали, да и сдали бы обратно на руки. Но ты здесь. Поясняю: ты видела охрану, была в медблоке, где у тебя взяли кровь и обследовали, тебя поселили к нам. Стали бы заморачиваться, если бы он решил всего лишь тебя проучить?

— Вика! — укоризненно ахнула Юля. — Может, подождала бы с своими теориями...

— Вам нравится жить в придуманном мире, девочки? — я заплела волосы в косу и отбросила расческу. — Повторять как мантру, что все будет хорошо, нас спасет Бэтмен, а если нет, то покупателем окажется Джонни Дэпп, который потеряет голову в первый же вечер и падет к вашим ногам? Просыпайся, Юля, и хватит разводить сахарное шоу. Ты сделаешь лучше, если подготовишь ее к самому плохому.

— Нас... продадут? — робко спросила Альфия, вытирая слезы. — Слава Аллаху!

Мы с Юлей переглянулись. Она что, рехнулась от шока?

— Вы не понимаете! — улыбка преобразила лицо восточной красавицы, даже красный нос и опухшие веки не смогли этого изменить. — Теперь я знаю. Он придет за мной и спасет. Он хороший, правда! Я его предала, и ему нужно время, чтобы простить меня, успокоиться, разобраться в себе... осознать, что потерял ту, кто всегда его беззаветно любила. Кто еще даст ему то, в чем он так нуждается?

МЖМ. Вот, в чем нуждается запутавшийся в себе Х, сбавивший надоевшую жену и бордель. Свято место пусто не бывает: наверняка он уже открыл кастинг на роль новой супруги. И найдутся же те, кто мало в чем уступит Альфии в плане красоты и ухоженности, более того, охотно разделит извращенные хотелки богатого покровителя — ради машины и возможности кроить себя до абстрактных идеалов красоты.

На тот момент что-то человеческое во мне еще осталось, не окончательно сторело в холодном пламени нарастающего, подобно титановой броне, цинизма. Я поджала губы.

— Ну, может и купит. Так что, смысл реветь?

— Ему нужны безумные поступки. Показать всем, что он может себе позволить. Вот увидите, он придет за мной...

Юля подхватила этот бред. Улыбалась и хлопала Альфию по плечу, расспрашивала, больно ли делать маммопластику, рассматривала дорогой маникюр бывшей жены олигарха. Похоже, они рады были поверить в деда Мороза. А я не стала говорить, что никто за ней не придет. Альфия — отработанный материал.

Приняла душ и потребовала выключить свет: мне хотелось уснуть и забыть ушедший день. Но сон долго не шёл. Я думала о Вэл. Потом о Лукасе. О Вэл и Лукасе вместе. О себе этом нераспознанном треугольнике.

Выжить любой ценой. Выжить. Если Вэл считает, что я сумею найти подход к главе синдиката, я постараюсь это сделать. Я сыграю своими фигурами на его поле. Я заставлю его стать одержимым мною. Я опутаю его сетями своего интеллекта и чувственности, которую Ивлеву так и не удалось убить.

Ощущение было незнакомым. Но таким приятным. Соединение в один узор уверенности, интуиции, предвкушения, предчувствие шикарной игры, азарта. Будто все хорошее, что было во мне до того, как я попала в это ужасное место, отпечаталось на отполированной глади черного обсидиана и приобрело шокирующий смысл в отражении. Новая я. Вика, обварившая пальцы на молоке, плывущая по гребням холодных волн. Вика, которая не осознавала, что ее ум можно использовать не во благо, как она хотела ранее.

Я выстою. Это естественный отбор. И я не стану одной из жертв, уступив дорогу пустоголовым дурам. Я стану на корме пиратской шхуны.

Не знаю, как, но... я все для этого сделаю.

Каким образом еще тогда я сумела понять, что единственный способ избежать незавидной участи секс-рабыни — найти подход к тому, ко управляет этой отраслью? Возможно, хватило одного лишь взгляда в глаза Лукаса, ментальных гарпунов, которыми мы щедро обменялись. Я не стала скрывать, что рассекретила его практически сразу. А он — что отменил мою сообразительность. И не просто отметил, а счел достойной внимания. Стали бы в противном случае поднимать на меня досье, делая упор на умственные способности?

И Вэл, пусть не говорила вслух, но дала понять, что Лукас каким-то образом протестировал меня согласно своим критериям, и остался доволен результатами. Меня больше не подкладывал под залетных клиентов. Вожак стаи решил придержать умную девочку для себя. Многие на моем месте уже бы торжествовали победу, удовлетворившись вниманием главного. Но я понимала, что почивать на лаврах не просто рано, а на данном этапе вообще неуместно.

Возникший интерес необходимо было удержать любой ценой. Если в прежней жизни — «на воле», как я теперь мысленно говорила себе, многоходовка была понятной и шаблонной, здесь все установки выходили из строя.

Рабыня без права голоса, полностью во власти мафиози, чье сердце не растопить жалобными речами и не свести с ума красивыми глазами. Он не первый день во главе синдиката, и сколько моих предшественниц пытались пройти по заведомо гиблому пути, оставалось лишь догадываться. Я пообещала себе вытянуть из Вэл как можно больше информации касательно Лукаса. Заодно и узнать, что их связывает. Так не станешь боготворить того, кто оказал помощь — со временем чувство благодарности тускнеет. Она же отзывалась о нем с такой горячностью и теплом, что сомнений не оставалось — ее не

запугали, не загнали в тупик и не опоили. Этот человек сделал для нее нечто такое, что нивелировало все его грехи. «Спас от тюрьмы. Сделал то, что никто из близких для меня не сделал», — вспомнила я. Давить на новообетенную подругу я не хотела, отчасти потому, что чувствовала: вскоре сама все расскажет.

Итак, от меня ждут того, что на первый взгляд кажется невозможным: обаять мужчину, который пресытился женщинами настолько, что видит в них вещи и статью дохода. Человека, что может брать не спрашивая. Бандита, лишённого сердца и эмпатии. Умного, расчетливого, жестокого. Может, с толикой благородства, но... по слухам, Гитлер тоже был обходителен с женщинами и даже вставал, когда в кабинет заходила секретарша. Но вместе с тем, для Евы Браун были установлены совсем другие рамки...

Примерно я понимала, чего от меня ждут. Там, где другие применили бы тактику обольщения, мне предстояло двигаться по клеткам шахматной доски фигурой своего интеллекта. Может, этот человек получал удовольствие, используя игры разума? Стоило быть осторожной. Ведь он живо потеряет ко мне интерес, если я отвечу не на должном уровне.

Положение усугубляло то, что никто мне не раскрыл все карты. И Билл, и Вэл ограничились пространными намеками. Сам Лукас находился в отъезде, а мне не полагалось знать, когда же он явится.

Полночи я ворочалась на кровати. Если не брать в расчет стенания и всхлипы Альфии, не давали спать мысли. Я перебирала вероятные ходы, прикидывала множества вариантов развития событий, свою линию поведения в каждом ее отрезке. Рисовала сама себе всевозможные препятствия и не успокаивалась, пока не придумывала один-два варианта их преодоления. Оставалось надеяться, что этот мужчина с циничным взглядом, от которого веет холодом, не использует меня, как дешёвую шлюху, насытив своего внутреннего демона изысканным лакомством пси-садизма: показать умной девочке, которую выделил из толпы, что ее прокачанный мозг — атавизм, и всем правит животная похоть.

Было уже достаточно поздно, когда сон сморил меня. Но перед этим я буквально зарядила себя уверенностью в предстоящем успехе. Оставалось лишь задать Вэл несколько ключевых вопросов, чтобы понять, правильную ли линию поведения я выбрала. Если окажется, что нет — у меня есть в запасе несколько альтернативных вариантов поведения.

«Человек предполагает, а бог располагает». Я никогда не была верующей, а после того, как меня похитили, и вовсе не уповала на всевышнего. Если он существовал, то явно нашел особое удовольствие, разрезав мою самоуверенность и эксцентричность в клочья в ту же ночь. Но я даже спустя годы буду именовать подобные встряски судьбы фатумом либо роком.

За мной пришли ночью.

Глава 7. Часть 2

И я, и соседки по комнате крепко спали, утомленные разговорами и тревогами прошедшего дня. Я проснулась оттого, что мне зажали рот рукой и поволокли прочь, стараясь не шуметь. Не дали обуться или надеть халат. Лишь в коридоре я узнала охрану, точнее, тех ее представителей, с кем хотела оказаться наедине меньше всего.

В этот поздний час даже в коридорах горел приглушенный свет, все, кто находился в особняке, спали. Что-то оборвалось у меня внутри при мысли, для чего же меня разбудили, и куда ведут. Я все еще надеялась, что Билл или кто-то другой собираются допросить меня на предмет событий того рокового аукциона. Но меня уверенно толкали в спину и волокли, минуя его кабинет, по лестнице вниз, еще, еще ниже...

Уже потом я узнаю, что в особняке на тот момент почти никого не было. История со спасением Люды едва не получила мощный общественный резонанс, и все, имевшие отношение к этому месту, зачищали последствия своего недосмотра — вели переговоры в кабинетах высокопоставленных чиновников, ментов, прокуроров. Осталась только охрана. Усиленная, бросившая все силы на дозор периметра. Здесь же за главных остались те, кого все девчонки боялись до дрожи в коленях. Остались и ощутили себя безнаказанными. Отключили камеры, заткнули рты своим подчинённым и решили неплохо поразвлечься с теми, в ком видели лишь куски красивых тел. С «мясом», как именовали каждую из нас на жаргоне.

Я начала вырываться и кричать, когда поняла, что мы спускаемся в подвал. Тот самый, где совсем недавно отсиживались с девчонками, ожидая, когда все успокоится. Только в этот раз там никого не было.

Меня ударили грубым сапогом в спину. Боль была настолько адской, что я перестала дышать. Упала на грубый бетонный пол, едва успев выставить руки, содрала колени о бугристый пол. В первый момент показалось, что мне выбили позвонки. Но я ее могла двигаться лишь потому, что оцепенела от ужаса.

Здесь свет был ярким — как будто служил фоном для полного издевательства над попавшей в застенки подвала жертвой. Я поняла, что со мной собираются сделать, за несколько мгновений до того, как ткань рубашки затрещала под их грубыми лапами. Дежавю. Татуированная блондинка в бункере. Страх на лицах девчонок, готовых на все, лишь бы оказаться на ее месте. Их страх был пустым. Потому что на ее месте сейчас оказалась я.

Страшной была не боль от ударов — меня не собирались жалеть, били по ребрам, в живот, в спину. Лицо берегли, хотя я не понимала, зачем, если все мое тело будет усыпано кровавыми гематомами? Страшно было то, как они полностью разорвали на мне одежду, и принялись грубо мять грудь, ягодицы, живот. Кто-то ввел сразу четыре пальца, и я задохнулась от собственного крика.

— Тебя ни один мужик не захочет, после того как я закончу с тобой, — в глазах насильника появился психически нездоровый блеск. От его слов я оцепенела, потеряв связь с реальностью. Когда меня потянули за руки, тело рефлекторно изогнулось в лапах мучителей, но меня тут же повалили на спину, ударив затылком о бетонную поверхность.

Боль пронзила черепную коробку, в глазах помутилось. Потолок с деревянными срубами тонул в кубах тумана, постепенно наливающегося чернотой. Пальцы, впившиеся в

нежную кожу бедер, руки, раздвигающие мои ноги, хохот насильников, неотвратимость происходящего — все слилось в адскую фантазмагорию перед моими глазами. Я уплывала, и это был лучший выход из положения. Когда меня начали насиловать, я не понимала, что именно происходит. Боль, затопившая тело, вытеснила кровь, бежала по венам разъедающей кислотой, самым беспощадным токсином. Она жгла плоть и убивала душу, растворяя в своём едком огне.

Им не понравилась моя отстраненность. Больше, чем насытить собственную похоть, опьяневшие от вседозволенности мелкие пешки жаждали испытать моей боли и унижения до полного насыщения. Кажется, в тот момент у меня впервые промелькнула догадка о том, почему я стала так желанна для главного монстра. Каждый из этих людоедов жаждал объять необъятное. Подчинить себе красоту, стойкость, разум, волю к жизни. И как оказалось, проще всего это было сделать самым варварским, первобытным способом.

Я не дала им такого удовольствия. Кусала разбитые в кровь губы, готовые умолять о прекращении терзаний, взывать к чему-то человеческому, чего в этих цепных волкодавах не было и в помине. Понимала, что стоит мне заговорить, у мучителей и вовсе сорвет планку от ощущения власти и безнаказанности. Молчала, когда сознание возвращалось на краткие промежутки времени, и вновь погружалась в беспамятство. Организм протестовал против варварского обращения сразу двумя альтернативными способами: отключением рассудка, чтобы ключи разума не помешались от боли, и его периодическим возвращением. Сознание словно кричало: встань, борись, прекрати насилие над собой! Увы, против двух физически крепких психопатов, утащивших меня туда, где нет камер и не слышны крики, у меня не было шанса выстоять, даже если бы я обладала первым даном по карате, как Вэл. И сознание, смирившись с неизбежностью, вновь отправляло меня в нокаут, пообещав вернуться. Увы, сил не то, что не прибавлялось, они таяли с каждым ударом насильников, с каждой фрикцией, укусом, оскорбительными словами. Я едва их разбирала, но слышала достаточно: кусок мяса, дырка, тварь. Никто не видел во мне человека. Я была вещью без права распоряжаться собственной жизнью, что давало мучителям иллюзию безнаказанности.

Когда сексуальный пыл уродов поулег, они продолжили издевательства, осыпая мое безвольное тело градом ударов, стараясь попасть грязными ботинками на тракторных подошвах по ребрам, животу, почкам. В момент очередного проблеска сознания я рассмотрела, как лидирующий насильник со спущенными штанами, не удосужившись даже одеться, сломал ножку пластикового табурета. Зачем он это сделал, я пойму потом, пока что сознание вновь юркнуло в чертоги тьмы, чтобы не дать мне сойти с ума.

...Меня нашли только спустя час. В луже крови, мочи, спермы, с кровотечением из влагалища. Мне казалось, что я вижу страшный сон, в котором боль произрастала в геометрической прогрессии. Где-то фоном звучали незнакомые голоса. Некоторые были смутно знакомыми. И даже голос Вэл. Но он был тревожным, и в нем сквозили беспощадные нотки. Я не была в безопасности.

А затем боль вернулась. В этот раз у нее было множество оттенков. Жжение. Холод. Резкие рывки. Сдавливание. Я желала лишь одного: чтобы меня оставили в покое и дали забыться желанным сном без сновидений. Но сны были особенно яркими и странными, как будто я смотрела фильм, в котором с моим телом что-то делали. В такие моменты я не чувствовала боли, только легкость... и навязчивое стремление куда-то спешить.

— Не ходи туда, — легкий ветерок, эффект чьего-то присутствия. Я не стала

оборачиваться. Продолжала смотреть сон, в котором мое тело обмывали, бинтовали, чем-то мазали, тыкали иглами капельниц. Я видела хозяйку медблока, Билла, Вэл и еще каких-то людей. Затем часть из них покинули палату, и лишь Лера, стянув куртку-косуху, села на носилки, скрестив ноги, и тревожно наблюдала за мной...

— Вроде как надо, — мысленно ответила я, сообразив, что говорю с Людой. — но я еще посмотрю... что произошло?

— Давай посмотрим, — согласилась сестра по несчастью. Я по-прежнему ее не видела, просто знала, что она сидит рядом. — Мне на себя не нравится смотреть.

— Почему?

— У меня нет лица. И кровь. Я думала, раз уж выстрел был безболезненным, то нечего ужасного не произошло, но мне разворотило голову...

Ее слова не казались ужасными. Какими-то... протокольными. В своем сне я не испытывала ни боли, ни страха. И Люда говорила об этом спокойно. Даже умиротворенно.

— А, — ответила я, наблюдая, как Вэл оттолкнула Марию и села на меня сверху, надавливая на грудную клетку. — Ты не знаешь, что она делает?

— Возвращайся, — торопливо ответила Люда.

Мне захотелось прильнуть к ней, чтобы ощущение свободы и лёгкости не нарушал ее решительный голос. Но у меня не получилось.

— За тобой пришел мужчина. Он тебя не спас?

— Он бы не смог. А ты наблюдательная. Ничего, вы еще встретитесь. Просто вспомнив тот момент, кто он и что пытался сделать. Смотри туда!

Я оторвалась от созерцания своего тела и неохотно посмотрела в сторону. Нечто вроде воронки колеблющегося воздуха стремительно уменьшалось в диаметре. Я инстинктивно обернулась назад. Там был светлый туннель, буквально зовущий к себе. Зачем мне в эту непонятную чёрную дыру? Я хочу туда. Люда решила уйти без меня.

— Поторопись!

— Зачем? Там боль. Там ничего хорошего не будет. Хочу с тобой.

— Не время тебе. Вернись и не допусти повторения, ни с кем из нас. Ты сможешь.

То ли резкий порыв ветра, то ли сейсмические толчки уничтожили упоительную легкость. Я сорвалась вниз, падая в стремительно уменьшающуюся воронку. Меня будто втянуло в нее мощным магнитом, так резко и безжалостно, что я ничего не смогла сделать.

И в то же время боль затопила неумолимым паводком все мое естество. Кровь с шипением ворвалась в раструбы артерий и капилляров, сметая все на своем пути. Сердце буквально сотрясло тремя мощными ударами. И каждая клеточка истерзанного тела отреагировала нечеловеческой болью на это вторжение.

— Дыши, твою мать! — мне казалось, что в грудную клетку заколачивают гвозди. Сломанные ребра тут же отозвались на прикосновение. — Б**дь, Вика, не спи!

Голос Вэл потонул в накатах болевого шока. Я закричала.

— Да вколи ей морфий, Менгеле конченная! — превысила голос Вэл. — Какого хрена тебя здесь посадили?! Она чуть ласты не склеила, пока ты охала!

— С...лезь... — прохрипела я в передышке между криком. И тут же тиски на моих бедрах разжались, выстрелив болевым накатом от прилива крови. Но прохладная ладонь легла на лоб. Я ощутила внезапно приятный запах виски, сигарет, соляры, кожи и терпких духов. Этот аромат у меня ассоциировался Вэл даже на расстоянии.

— Спи. Все уже позади. Сейчас ты уснешь...

Руку уколола игла. Я скривилась. Уколов боялась с детства. Как я могла так отреагировать, учитывая боль, что довелось пережить?

Густая черная мгла обволакивала меня. Но она не была опасной и пугающей. Скорее, дружелюбной. Уносила на крыльях сна туда, где боль временно утихает, как и тяжелые мысли: что же дальше? Куда меня теперь? Снотворное заполняло кровь, обезболивающее начало действовать. И это был лучший вариант.

— Боюсь, тебе и латать никого не придется, Мари, — услышала я голос Вэл. Если бы эта девушка к тому времени не стала для меня практически подругой, я бы забилась в паническом припадке от скрытого в голосе обещания. — Лукас в бешенстве. Положит всех, как пить дать...

Хотя, возможно, все это мне просто непросто приснилось.

В госпитале имения время текло по каким-то странным, понятным лишь ему одному законам. То ускоряясь настолько, что смена дня и ночи за окном была стремительной, слившейся в одну линию, то замедляясь, заставляя считать медленные, словно улитки, секунды, сжимая зубы от боли.

После пробуждения у меня начался жар. Жутко болели глаза, пересыхало горло. Поили меня из садистского поильника — он не давал возможности сделать полноценный глоток. Встать я вообще не могла. Ходить в туалет тоже было больно, а когда помощница Марии обмывала меня, я выгибалась на кровати от ее прикосновений. Промежность превратилась в рваную рану, если верить собственным ощущениям.

Поначалу я плакала, но вскоре перестала. Слезы жгли губы и скулы, а смахнуть их было непросто. После того, как я подняла к лицу истыканные иглами капельниц руки, было ощущение, будто в одиночку толкала в гору бетонную глыбу. Поэтому, стоило воспоминаниям вернуться, я просто беззвучно выла. Тело выворачивали судороги, усиливая без того не стихающую боль. Мне хотелось лишиться памяти, способности чувствовать, сойти с ума, в конце концов, если это поможет минимизировать страдания. Мария заряжала капельницы транквилизаторами и каким-то особо сильным снотворным, и я вновь теряла счет часам и дням, ныряя в спасительные тиски Морфея.

Лекарства, да и молодость вкупе со стойкостью постепенно исцеляли мое тело. Я думала, что после произошедшего мне больше не хочется жить, но воля к жизни никуда не делась. Она просто засыпала на время вместе со мной, генерировала силы, чтобы не сделать произошедшее фатальной психологической травмой. Я была куда сильнее, чем полагала. «Стрессоустойчивость, способность к адаптации». Звучало цинично и даже жестоко, но так уж сложилось. Последние недели заставили меня экстренно повзрослеть и отбросить розовые аксессуары в сторону.

Вечером пришла Вэл, и я была ей рада. Впервые с того ужасного момента (пошло пять дней, как потом окажется) я испытала приятную эмоцию. Не было цветов, апельсинов, открыток с пожеланием скорого выздоровления... но сама ее близость каким-то образом отогревала, настраивая на позитивный лад.

— Куда меня теперь? — я села на кровати, скривившись от боли. — В «крейзи-лот», для очередных извращенцев? В расход?

«Когда я с тобой закончу, тебя ни один мужик не захочет!» — вспомнились слова насильника. Тревога завладела мной, и я подняла глаза, не позволив Вэл скрыть эмоции на своём лице. Но она выглядела потрясённой.

— Так, успокойся. Пока тебя точно никуда. На тебя даже извращенца не найдется.

Шутка не зашла. Но Вэл не позволила мне погрузиться в пучину боли и уныния.

— Что-то ты разлеглась. Не пойдет. Давай разомнемся. До стены и назад. Обопрись на мою руку.

Мысль о том, что придется встать, пугала. Но я и сама понимала, что теряю волю, жалея себя и прохладаясь в постели. Если я хотела выжить, мне предстояло бороться. Смотреть в будущее и не оглядываться назад.

— Только ты не будешь от меня нечего скрывать.

Вэл благодушно улыбнулась.

— О, ты торгуешься. Идёшь на поправку. Давай, попробуй свесить ноги. Сама. Я отправила Марию покурить. Можешь обнять, если так удобнее будет.

Я вспотела, пока мои ступни не ощутили под собой холодный пол. Хотелось пить, голова кружилась. А к боли я уже почти привыкла, но все равно, та, что разгорелась адским огнём между бедер, заставила меня зашипеть, и вызвала рефлекторные слезы.

Устоять на ногах я бы не сумела, но Вэл держала меня. А ее уникальный парфюм, в кортом иногда менялись составляющие — исключался аромат виски иди добавлялась свежесть жевательной резинки, обладал успокаивающим, обнадеживающим эффектом. Я сделала шаг, стиснув зубы. Остановилась, подождав, когда исчезнут металлические мушки перед глазами.

— Люда умерла, — то ли спросила, то ли констатировала факт. — Ее застрелили в голову?

— Откуда ты все знаешь? Эти мрази сказали? Не думай о ней. Можешь подумать о том, что эти двое уже кормят рыб. Со стильными цементными шузами на ногах.

«Я была на пороге смерти. И что-то там явно есть, по ту сторону. Только не ад и не рай», — от новой аксиомы стало легче. Я велела совести заткнуться.

— Билл их привел. Вроде какая-то родня или кореша по отсидке. Стоял за них горой. Им долго сходило с рук, может, сошло бы и на этот раз, если бы они не начали выбиваться из повиновения. Он им ясно сказал тебя не трогать, но вот что этим обезьянам красный свет? Как палка. Поиметь девчонку, на которую Сам имеет виды... это и тупо и мерзко. До того они едва не расписал на двоих Юлю, а ее покупатель не абы кто...

Я осторожно переставляла ноги. Шаг, другой. Рубашка промокла от пота, икры дрожали от напряжения.

— Они не в первый раз отключали камеры, закливали видеозаписи. Но никто не знает, сто Лукас понатыкал микрокамер почти в каждую щель. Так что у нас грандиозные каровые перестановки. Не успели провести зачистку после нападения дебила с отрядом омона, так охрана подкинула проблем... правда, новый зритель сильно не люзует.

— А Билл? — я споткнулась. Вэл придержала меня за плечи.

— Билл... ты видела тех милых собачек, что охраняют периметр? — простодушно уточнила подруга. — В ту ночь у них был изысканный деликатес. Мир его праху.

Наверное, я была сильно потрясена всем тем, что свалилось мне на голову за последние... прошла всего неделя, а мне казалось, что я прожила жизнь в этом мерзком месте. Грани между добром и злом стерлись. Боль, страдания, неопределенность и даже смерть ходили рядом рука об руку, как полноправные хозяева. И когда ты видишь их так часто, в один прекрасный момент перестаешь замечать.

Так случилось и со мной. Меня не потрясла даже смерть Люды. Что говорить про двуличного Билла и уж тем более обзревших от вседозволенности псах? Я не знала, что это было. Может, начала черстветь сердцем и тем самым оберегать себя от ударов, несовместимых с жизнью и ясным рассудком. Или нацелилась выжить любой ценой, даже если для этого придётся вырвать не только сердце, а и душу. Со временем элементы насилия в подвале казались кадрами из фильма ужасов. Раны заживали, а сознание в тот момент сделало все, чтобы не зафиксироваться на происходящем. Поэтому ничего странного в том, что я помнила обрывки, не было.

Однажды проснувшись утром и, преодолевая головокружение, доковыляв до окна, я собрала всю свою волю в кулак. И дала себе установку забыть о произошедшем. Убедила

себя в том, что самоистязание сожрет изнутри, отняв все силы и не позволив сосредоточиться на главной цели. Гнала прочь мысли, что Лукас вряд ли меня такую захочет, стискивала зубы до эмалевой крошки на губах, поднимая голову и блокируя осколки кошмара в памяти.

Захочет. Я сделаю невозможное, чтобы выбраться из этого места. Босс мафии всего лишь ступень на пути к свободе, и я перешагну ее с особым цинизмом, с улыбкой, похожей на чужой оскал. Это будет. Впереди еще неизвестно сколько испытаний, от которых будет стечь кровь, ломаться стены рассудка и появляться мысли о самоубийстве. Почему-то я не тешила себя иллюзиями, а просчитывала все убийственные варианты за раз.

Я выжила. Я не имею права сложить руки после такого. Только вперед, чтобы вырваться из ада, где никогда больше не будет издевательств, насилия и смертей. Все равно, какой ценой. Пусть мне самой придется замараться в этом по локти.

Возможно, не было бы столь сильной уверенности в собственных силах, если бы не Вэл. Она приходила навещать меня в любой удобный момент. Когда я уже немного пришла в себя и стала замечать детали, а не сжиматься от воспоминаний, я отметила, что мою новую подругу боятся.

Мария прятала глаза и спешила покинуть палату от одного небрежного жеста Вэл. Однажды навестивший меня новый смотритель, обманчиво мягкий и ироничный, но с холодной отрешенностью в глазах, растерялся и попросил Вэл не докладывать боссу о своеволии. Ведь он просто хотел убедиться, что девочки, в том числе и я, ни в чем не нуждаются и никто им не угрожает.

— Он вроде не такой мутный, — пожалала я плечами. Оценить нового надсмотрщика — наверное, дальше падать некуда.

— Мягко стелет. Как бы девчонки не прощупали его слабинку. А так, как управленец гораздо профессиональнее покойного Билла.

Мы много разговаривали. Взяв верный курс на выживание, я одолевала Вэл вопросами о главном. Она отвечала осторожно, но кое-что из ее сухих ответов я все же смогла выделить и разложить по полочкам. Правда, для хотя бы частичной картины мне надо было увидеться с ним лицом к лицу. Пока что сведения напоминали набор кистей и красок на белом холсте.

Глава 7. Окончание

В один из таких визитов Вэл наконец поведала мне свою историю. Это добавило новых штрихов к портрету того, кого намеревалась соблазнить, завоевать, обойти, наконец, использовать ради выживания. Даже несмотря на теплоту в словах подруги и уважение, помноженное на восхищение, я не могла себя заставить проникнуться к нему хотя бы... чем? Нет лютой ненависти — и это для него слишком много. Он являлся режиссёром этого фильма ужасов. По его вине насильствовали, пытали, продавали и убивали. Никогда не стоило об этом забывать.

Что же касательно Вэл... я думаю, у нее были свои причины так думать.

Лерка росла пацанкой. Не из тех, кто курит шмаль, пьет дешевую водку за гаражами и считает беспорядочные половые связи особым шиком, нет. Девочка, чей бунтарский дух и не по годам эксцентричное мировоззрение сделало пропасть между ней и родителями довольно глубокой. Поэтому о себе она говорила неохотно. Вроде нормальная семья, без алкоголизма, бытовой тирании и показательного лоска. Таких миллионы. Слишком правильных и скучных для девочки-подростка с зашкалившим юношеским максимализмом. В чем же появлялся подростковый вызов социуму и нежелание соответствовать чужим ожиданиям?

Она любила ночь. Любила убегающую из-под колес дорогу. Аромат гудрона свист ветра в ушах. Скорость, адреналин и беспечность. Силу мышц, болт ударов, азарт победы, стук поверженного спарринг-партнера. А еще, как ни странно это уживалось в тандеме с рискованной натурой — визаж.

С детства она испытывала жгучий интерес к преобразованиям. Смотрела все передачи, где создавали образы и рассказывали о новинках макияжа. Пыталась повторить увиденное на подругах, и уже тогда получалось неплохо.

Курсы ей оплатили родители. Просто потому, что полагали, будто выбрали меньшее из двух зол: на тот момент их единственная дочь обзавелась чудом китайского мотопрома, который пришлось жестко апгрейдить в гараже байкера с криминальным прошлым. Они наивно полагали, что девчачье увлечение выбьет блажь из головы дочери.

На курсах Лерка показала офигенные результаты. Ее заметили. Приглашали на специальные мероприятия и мастер-классы. Пророчили будущее звёздного визажиста. Но она достигнутом не остановилась. Обучилась особому умению коррективы внешности — у известного гуру, в Европе.

Возможно, ее бы принял с открытыми объятиями Голливуд. Ну, или поднимающий голову украинский кинематограф точно — на тот момент Вэл создала красочные образы некоторым звёздам эстрады и начала зарабатывать неплохие деньги. Вот в этот звёздный час на нее и вышли те, кого Лерка, еще не знакомая с жизнью и смекалкой, приняла за актерскую труппу. А может, понимала, что что-то здесь не так. Но это в эпоху интернета проверить инфу — раз плюнуть, а тогда... гонорары обещали такие, что голова закружилась. Ну, и пошла Лерка в западню, соблазнившись большими деньгами, да и возможностью заниматься любимым делом.

О том, что «артисты» оказались гастролёрами, ограбившими пять банков, девочка с кисточками для макияжа узнала осень поздно. Когда ее уже менты повязали на глазах у родителей и увезли...

Стоит ли говорить, какие кошмары ждали девчонку, против которой свидетельствовали

все факты. Гастролеры ушли от правосудия. Говорят, сумели сбежать, но все было похоже на то, что откупились, повесив всех собак на Вэл. Как прессовала ее доблестная милиция, заставляя подписать признание, как давил следователь на пару с прокурором, и пытался повесить дополнительные статьи специально подосланный адвокат! Если в камере своим товаркам физически сильная, занимавшаяся карате Лера быстро пояснила, по чем в Одессе рубероид, против «закона» выстоять у нее не было никаких шансов.

И тогда в ее жизни появился Лукас. Человек, в руках которого оказалась сосредоточена настолько огромная власть, что достаточно было его слова, чтобы улики исчезли, прокурор прекратил давить, а судьи изменили решение. Все это стало для Лерки, к тому времени практически опустившей руки, внезапным подарком судьбы. Иначе «семь лет» — так звучали самые оптимистичные прогнозы.

Не увенчались успехом попытки друзей-байкеров дать делу общественный резонанс в прессе. Да и о свободе слова тогда говорили больше в ироничном контексте. Из вчерашней студентки, которую ждала слава стилиста, намеревались сделать козла отпущения. В состоянии полнейшей апатии шла она под конвоем в зал суда, стараясь не смотреть в глаза родителям, чтобы не расплакаться, на мантии продажных жрецов судебной системы — чтобы не выдать отвращения, на лица друзей, потому что они были для нее воплощением свободы, которую самой Лере предстояло потерять.

Что углядел в ней Лукас? Вэл делала вид, что до сих пор этого не понимает. Но я догадывалась, прочему выбор пал на нее. Расчётливый ум Лукаса отметил огромный потенциал этой девчонки и обостренное чувство справедливости. Понял, что она будет благодарна ему по гроб жизни, даже если он сам ничего не потребует взамен.

Все было похоже на кино со счастливым финалом: самоотвод судьи, новые факты по делу, и, как результат, случайное нахождение бежавших мошенников, давших показания. Что при всем при этом подсудимые признавались в содеянном с больничных коек, а в зал суда впоследствии одного из них и вовсе ввезли в инвалидном кресле — Вэл тогда решила, что их настигла карма. Девушка была оправдана полностью.

Даже после этого Лукас не явился требовать сатисфакции. Слушая рассказ своей новообретённой подруги, я не могла не отметить, насколько этот мужчина умен. Как и то, что играть с ним в игры у меня пока что не хватит опыта и хитрости. Но это не значило, что я собиралась покорно плыть по течению своего пока еще неопределённого будущего.

Вэл вышла на своего благодетеля благодаря родителям. Именно через них он и действовал, обещая помочь, представившись якобы потенциальным работодателем, узревшем в их дочери мега-талант. Поскольку к этому времени Лера уже работала со звёздами эстрады и даже прошла тур отбора в проект «Фотомодель» в качестве стилиста, отец и мать поверили импозантному мужчине с хорошими манерами сразу. Они частично и подтолкнули Лерку к тому, что надо бы отблагодарить хорошего человека.

Когда они встретились, главный торговец «мохнатым золотом» не стал ходить вокруг да около. Как не делал секрета из того, что сам сплел многоходовку, заставившую Вэл прийти. Разговор был долгим. Лукас не скрывал, что на процесс потрачены немалые деньги, дав этим понять: только что избежавшей солидного срока девчонке не откупиться. Но он и не ожидал подобного, когда взялся ей помочь. Вместо этого предложил работу с отличной оплатой. А огромный долг имел свою цену: верность и преданность Вэл.

Лерка ощущала себя повзрослевшей после жизненного виража, едва не отправившего ее на нары искупать чужие грехи. Поняла, что в случае несогласия или предательства ею своего

благодетеля — смерть. По ее словам, для этого достаточно было просто посмотреть в его глаза. Но...

От меня не укрылось, с каким теплом и благодарностью говорит о нем Вэл сейчас, спустя время. Не было в его словах смирения, вынужденного раболепия или обязанности, которая давно опостылела. Лукас дал ей нечто гораздо больше, чем спасение от тюрьмы. А именно — возможность заниматься любимым делом.

Что с того, что работать пришлось на дьявола во плоти? Лера сразу поняла, что здесь не голливудские подмости. И даже то, чем занимался синдикат ее благодетеля, не стало преградой. Потому что к ней Лукас относился, как к дочери, деловому партнеру, другу, на которого можно положиться в любой ситуации. О более интимной стороне Вэл говорила неохотно, хотя глаза при этом сверкали особым теплом. Я не стала развивать эту тему. Лишь отметила, что тот факт, что Лукас выбрал меня якобы для себя, оставил на ее лице след таящей грусти. Но на отношении ко мне это никак не отразилось.

Было ли у нее желание хоть раз помочь кому-то из девушек избежать уготовленной участи? Поначалу оно буквально преследовало ее. Увы, в большинстве случаев последствия могли быть довольно плачевными. А Вэл дала клятву Лукасу. Но, по ее словам, он не был бездушным уродом. По крайней мере, ранее.

— Мирку продали сыну шейха. Упиралась, отказывалась от еды, пыталась себя изуродовать. Никакие доводы не помогали. А потом оказалось, что мать у нее в больнице. Онкология. А дочь пропала, ни денег на лечение ни вести о том, что жива. Лукас в тот же день занялся документами и отправил ее мать в Израиль на лечение. Спасли. Там доктора от бога. А я тебе так скажу. В раю тоже есть свои нелюди. Как и в аду — благородные и справедливые.

«Темная сторона рая, или светлая сторона ада?» — подумала я, опасаясь обидеть Вэл сарказмом. Над тем, что она говорила, хотелось посмеяться от души. Даже если Лукас построит десяток храмов на миллионы, заработанные страданиями ни в чем не повинных девчонок и публично покается в своих грехах, я не начну относиться к нему иначе.

Жестокость и социопатия прекрасно уживаются с благородством и своеобразным кодексом чести. В мире вообще мало чистых цветов — черного и белого. Я не строила никаких иллюзий, лишь просчитывала стратегию, пока что напоминавшую скелет с недостающими деталями. Вэл же продолжала взалхлеб петь оду своему спасителю и обещать мне золотые горы. Увы, я понимала, что мне придется лечь не только телом, но и мозгом под пресытившегося эстета. И неизвестно еще, о каких извращенных скелетах в подвале подруга умолчала. Понятно было одно: разделить его заскоки сможет только умная девчонка. Видимо, я была первой «отличницей», загремевшей в элитный бордель.

Что для меня сделала Лерка своими визитами, долгими разговорами и неподдельной искренностью, я пойму позже. Пока же лишь отмечала, что благодаря ей нанесенные мне раны заживали. И те, что остались на коже, и те, что зияли в душе. Когда она рассказывала о том, как умирали мои насильники, умоляя, словно жалкие слабаки сохранить им жизнь, я испытывала эйфорию. Представляла себе их лица и улыбалась разбитыми губами, не замечая боли. Билла тоже не было жалко. Я помнила, с чьей подачи все началось. Если смотрящий не сумел удержать в узде своих цепных псов, это его косяк, и больше ничей. Хоть лично мне Билл и не успел сделать ничего плохого, я понимала, что рано или поздно он бы с радостью вонзил в клыки в шею. Туда ему и дорога.

«Во что я превратилась? — думала я, вглядываясь в свое отражение в оконном стекле. — Смерть и насилие стали чем-то привычным настолько, что не только не затрагивают душу, более того, вызывают радость! И дело не в том, что им воздается по заслугам. Ушла моя соседка по комнате, девчонка, которая никому не причинила зла... а я перелистнула этот момент, как книжную страницу своей памяти!»

Дни шли. Боль стихала, но, несмотря на это, меня не спешили перевести в комнату. Так и держали в лазарете, куда приходила Вэл, иногда с бутылкой ликера. В грубой манере затыкала рот Марии, советуя не казаться заботливее, чем та есть, и мы до глубокой ночи болтали обо всем подряд. Перебрали по косточкам своих мужчин, женские секреты и стремления. Когда Вэл, подмигнув напоследок и сжав мою руку, уходила седлать свой «Харлей Дэвидсон» и нестись по ночной трассе к огням далекого города, у меня на глаза наворачивались слезы.

В последнее время я желала двух вещей: дать знать матери, что якобы у меня все хорошо, и хотя бы раз прокатиться вместе с Вэл, обняв ее за талию, жмурясь от свиста ветра и запредельной скорости. Увы. Свобода стала для меня недоступной. И это резало сердце.

Однажды я сказала об этом своей подруге. Вопреки ожиданиям, она не съехала с темы, не отвела глаз, скрывая неловкость за то, что дразнила меня свободой своих ежедневных странствий. От города до особняка... теперь для меня это было сродни кругосветному путешествию.

— Ты знаешь, что делать, чтобы эти желания исполнились, Вика. И поверь, они — капля в море по сравнению с тем, что ты можешь получить. Произведи на него впечатление. Поверь, офигеешь от благ, которые получишь после этого.

Мы сидели на крыльце медотсека и курили женские сигары с приторно-сладким ароматом вишни. Вернее, курила Вэл, иногда протягивая мне дымящуюся сигарету. Я едва затыгивалась, опасаясь, что ребро вновь разболится. Солнце немилосердно палило, но подруга и не думала снимать шелковую бандану с черепами и кожаный жилет с бахромой.

— Странно все это. Ты подкладываешь меня под того, кого боготворишь сама. В чем подвох? Он убивает свих любовниц ножом для колки льда? Поэтому ты отказалась от подобной чести?

Вэл смерила меня внимательным, но ироничным взглядом.

— Почему ножом? Может, просто ест заживо. Да успокойся. Чего вы всех мафиози считаете психопатами? Такие бы не смогли удержать этот бизнес в руках, ты уж мне поверь.

— Но запросы других психопатов он удовлетворяет сполна, подкладывая под них девчонок, которые не хотели жить подобной жизнью.

— Это да, — зевнула Вэл. — В этом он профи. И знаешь, если бы ему понравилась не ты, а кто-то из этих шалав, что добровольно лезут в подобное дерьмо ради легких денег, я бы лично вывезла ее в лесопосадку. На цепи, прикрученной к колесу моего «Харлея».

Представив эту картину, я рассмеялась. Вот кого, а шлюх, что появлялись здесь по собственной воле, я уже априори не считала за людей. И если бы Вэл выполнила свое намерение, даже не отказалась бы взглянуть на это.

— А чего ж для меня сделала исключение? По дружбе?

Вэл протянула мне почти скуренную до фильтра сигару, чуть сжав ее у основания.

Взрыв вишневой сладости лопнул на языке.

— Потому что ты сможешь сделать его счастливым. Он забыл на хрен, что это такое, уже лет двадцать точно...

...С одной стороны, моя жизнь напоминала санаторий. Моральная травма и раны затянулись, можно было не вздрагивать от страха, что сейчас явятся и поволокут в подвал, или к клиенту с поехавшим чердаком. Подруга снабжала деликатесами и развлекала долгими разговорами, а по девчонкам, соседкам по комнате, я не скучала. Вспомнила о них лишь раз, когда Вэл явилась поздно, с заклеенной пластырем царапиной во всю щеку.

— Новенькая пыталась сбежать. Новая охрана едва урезонила собак. Пришлось мне ее ловить. Сука чокнутая. Завтра ее когти к чертям плоскогубцами повыдергиваю. Прикинь, грозила воткнуть себе в висок!

«Альфия», — подумала я, испытыв неприятное чувство. Вэл не было дела до того, что пережила эта девчонка. Впрочем, она и не отличалась добродушием и жалостью. Даже во мне ее привлекла бунтарская дерзость.

— Посидит привязанная до завтра, пока не успокоится. Не она первая...

Я вспомнила, как восточная прелестница готова была простить все тирану-извращенцу, и как свято верила в то, что он за ней придет. И в то же время поняла, что мне ее не жаль. Глупость не заслуживает сочувствия.

Когда я уже без труда передвигалась, Вэл отвела меня в свою комнату, где изменила мой цвет волос на более темный, привела прическу в ухоженный вид с помощью масок и масел, подкорректировала форму бровей и безжалостно расправилась со всей растительностью на теле, кроме головы. Заставила по очереди перемерять наряды, чтобы определить, какие фасоны и стили мне больше всего подходят. Пошлые коктейльные платья с обилием пайеток и вырезами, хоть и подчёркивающие постройневшую фигуру, были отправлены в списки запрещенных вещей.

— Редко такое встречается, — качала головой стилист, обожающая свою работу до безумия, наравне, разве что, с байком, — ты в парандже желаннее, чем без трусов. В закрытых платьях — секс. Достаточно взгляда. Не удивлена, что он выбрал тебя. Даже я эту фишку проглядела...

Платья ниже колен с закрытым горлом и открытыми руками, с американской проймой, брюки с приталенными пиджаками превратили меня в женщину класса люкс. Назвать такую шлюхой ни у кого бы не повернулся язык. Вэл продолжала шлифовать мою внешность с рвением одухотворённого Пигмалиона. Автозагар, люксовые кремы и средства по уходу за волосами, отбеливающие полоски для зубов. Она бы и в спортзал меня отправила, благо такой имелся на территории имения, но Мария запретила физические нагрузки ближайший месяц.

На исходе недели меня переселили в отдельную комнату. По сравнению с той, что мы делили с девочками, эта выглядела номером люкс. Более широкая кровать, телевизор, кондиционер, большой шкаф, в который Вэл лично перенесла подобранный для меня базовый гардероб. Пол укрывало мягкое ковровое покрытие, в нем мои ноги просто тонули.

Новый управляющий при более детальном знакомстве показался мне излишне добродушным. Реагировал на все мои замечания, если таковые были, но на вопросы не отвечал. Более того, я замечала в его глазах предупреждающий холодный блеск, предостерегающий от подробных расспросов. Но пока у меня оставалась Вэл как источник информации, это особо не тревожило.

Несмотря на свой новый статус, более вкусное питание, комфортабельные условия и даже отсутствие замка при условии, что я без спросу не отправлюсь гулять по имению, иногда я чувствовала себя жертвой, которую готовят к алтарю. Пусть даже там не перережут глотку и не вырвут сердце, а всего лишь прочитают жертвенные заклинания — бодрости духа это не прибавляло.

То, что в имение приехал главный, он же Лукас, я поняла сразу, хотя его резиденция находилась в другом строении, скрытом от нас живой изгородью высоких кипарисов. В тот день повисло гнетущее молчание. Так живая природа затихает, когда появляется самый опасный хищник, знаменующий собой вершину пищевой цепи. Мне казалось, что всю территорию борделя накрыло искрящим от напряжения куполом силового поля. Звенящая тишина действовала на нервы. Несмотря на это все, я запретила себе волнение и отклонение от заданного курса.

Не хватало плеча Вэл — оказалось, я не все вопросы задала. Но она так и не появилась. Смотрящий принес обед и закрыл двери моей комнаты на ключ. Я мысленно готовилась к скорой встрече, прокручивая в воображении вероятный разговор. Но все оказалось напрасно.

В этот день моя персона интересовала Лукаса куда меньше всех остальных.

Тем временем что-то происходило. Подъезжали грузовые автомобили, жужжали ролеты. Иногда я слышала рев мотоцикла, и сердце тоскливо сжималось. Вэл. С приездом своего хозяина она напрочь забыла о подруге.

Когда и на второй день нечего не случилось — никто не пришёл ко мне, а еду принес новый охранник, с которым я не стала тратить время на попытки что-то узнать, беспокойство усилилось. К вечеру я смыла косметику, стянула платье и забралась под одеяло. Успокоительное помогло уснуть, но по прошествии времени меня грубо разбудили.

— Вставай и одевайся, — смотрящий отвел глаза, стараясь не смотреть на мою грудь под атласом рубашки. Охрана последовала его примеру, а я, жмурясь от яркого света, все же подумала, что, будь у меня в арсенале хотя бы нож, кого-то из них я бы точно убила одним броском. Сон как рукой сняло.

— Где Вэл?

Виктор указал на душевую.

— Уехала. У тебя пять минут. Давай, не зли хозяина.

Что, спрашивается, можно сделать за пять минут? Тем не менее, я поняла, что никто не шутит. Что сейчас только от меня зависит, в каком виде я предстану перед Лукасом. Нет Вэл, никто не сделает мне образ лакшери-куртизанки. Даже я сама не успею это сделать.

Быстро умылась холодной водой, выдавила на зубную щетку полоску пасты, одновременно расчёсывая спутанные ото сна локоны. Благо Вэл подсуетила классные уходовые средства, долго с этим возиться не пришлось. В душе я довольно быстро намылила тело гелем без аромата. Настойчивый стук в дверь застал меня, когда я быстро вытиралась полотенцем.

— Иду, — беглый взгляд в зеркало, почти не позволяющий что-либо рассмотреть. Вышла, намереваясь одеться, но смотритель отрицательно покачал головой. И тут мои нервы едва не сдали.

В разговорах с подругой эта встреча представлялась мне иной, напоминающей церемонию. С поцелуем руки, светской беседой, шампанским и хорошей миной при плохой игре. То, что сейчас меня выволокли из постели, дезориентированную, напуганную, без грамма косметики, в одной рубашке, совсем не прибавило оптимизма. Я закусил губы. Да

Лукас отдаст меня этим вандалам, побрезгует даже разговаривать! План Вэл провалился. Глава Синдиката сделал все, чтобы я не смогла произвести на него впечатление.

Что твой высокий интеллект подсказывает тебе сейчас, Виктория?

Он подсказывал мне только одно: бежать. Безумно, как отчаявшаяся Альфия, все равно куда, но не в западню монстра без оружия. Я никогда не думала, что Вэл не окажется рядом, когда настанет час X. Не подумала я также и о том, что Лукас не позволил нам с ней играть в свою игру.

Дом спал. Я поежилась. Все прежние сценарии провалились в тот самый момент, когда меня подняли, будто в армии, и отправили на марш-бросок. Больше не было чувства азарта, как будто я собираюсь сыграть рискованную партию. Меня просто вели на заклание, показав мое истинное место в системе.

Улыбка не получалась. Поняв, как комично буду выглядеть с приклеенным «кип смайлингом», я отказалась от этой затеи. Прохлада поздней ночи освежила горящие щеки. Я с тоской оглядела периметр, освещенный прожекторами. Да как отсюда сбежать? И мышь не проскочит. Шла и не замечала ничего — ни пения цикад, ни ярких, низких звезд над головой, ни аромата хвои. Все это больше не принадлежало мне. Иллюзия, стереокартинка, бутафория, доступная тем, кто свободен. Я не относилась к этой касте.

Никто из сопровождающих не проронил ни слова. Они были похожи на черные тени, сопровождающие душу умершего в преисподнюю. Только вместо Стикса и ладьи мне предстояло войти в дом, напоминающий швейцарское шале сдержанным, дорогим дизайном. Только три светящихся окна показались чьим-то огненным оскалом.

Когда мы вошли, мне сразу велели разуться. Впрочем, дискомфорта это не вызвало — ноги буквально утонули в мягком ворсе ковра, более густом и нежном, чем тот, что устилал пол моей комнаты. Я заставила себя идти вперед, не отвлекаясь на сдержанно-богатое убранство холла, не глядя под ноги — витая лестница состояла из прозрачных стеклянных ступеней, а у меня и так кружилась голова в ожидании неизвестного.

Смотритель постучал в отделанные металлическими пластинами двери из темной породы дерева. Когда велели войти, я непроизвольно стиснула кулаки, ощущая, как ногти впиваются в кожу. Эта боль вытеснила панику —хватило одной сдержанной фразы, чтобы я осознала, что никто разводить реверансы со мной не собирается.

Меня слегка подтолкнули в спину, и я шагнула внутрь. Уют ковров сменила прохлада паркета. Кондиционер здесь работал на полную мощность, и за доли секунды я покрылась мурашками, а соски предательски затвердели и отчетливо выделялись под тонким атласом рубашки. Первым моим порывом было запахнуть халат по самое горло, но я сдержалась — не следует показывать главному сутенеру этой шаражки, что я его боюсь. Ведь Вэл сделала на меня ставку из-за смелости и негибкости.

Мой взгляд уперся в высокую спинку огромного кресла. Настолько широкую, что она полностью скрывала собой сидящего в нем. И в этот момент улыбка непроизвольно тронула мои губы. Лукас делал это, чтобы произвести впечатление! Или дать мне прийти в себя. А может, наоборот, с целью раскалить обстановку и заставить нервничать. Как бы то ни было, я получила достаточно времени, чтобы осмотреться вокруг.

Первым делом мое внимание привлекла доска с шахматами. Огромная, гладкая, глянцевая, то ли из мрамора, то ли из гранита, и расставленные на ней фигуры из голубоватого и черного стекла с золотыми элементами. Это было настоящее произведение искусства, вызывающее неумное желание прикоснуться, ощутить холод камня, взять, как в

детстве, стеклянные фигурки в ладони и рассмотреть в деталях.

Тупее ситуации не придумаешь: меня привели на растерзание зверю, а я рассматриваю золоченые прутья его обиталища, открыв рот от восторга. Но на тот момент я не замечала ничего другого, хотя, пойму это потом, в кабинете Лукаса можно было часами зависать на отдельных деталях интерьера.

— И что ты скажешь?

Гром посреди ясного неба. Я перестала дышать. Поняла, что не совладаю с собой, если посмотрю в глаза Лукаса, забьюсь в угол напуганным зверьком. Поэтому смотрела на доску с шахматами, старясь не думать об испарине, покрывшей спину и затылок, об аритмии и желании закрыть себя руками. Шахматы. Они не были расставлены в порядке, как перед началом игры. Кто-то вел свою партию. И кто-то... Вика, сосредоточься наконец!

Все постепенно становилось на свои места — Лукас решил проверить мои умственные способности здесь и сейчас. Именно в такой ситуации, когда я должна была по всем законам жанра растеряться и перестать соображать. Напуганная, поднятая посреди ночи, буквально брошенная к ногам самого опасного хищника этого злачного места.

«Смотри, дочка. Это называется «рокировка». Ты просто меняешь фигуры местами...» — всплыл в памяти голос моего отца. Сколько долгих семейных вечеров мы провели за шахматной доской! Казалось, я выучила все вероятные исходы наизусть. Потом, правда, подзабыла, но, как говорится, пойми сам принцип — и тебе не придется ничего зубрить. Только вот сейчас с меня явно не выйдет хорошего игрока ни на одном из полей.

Он ждал. В наступившей тишине отчётливо слышался стук часов и мое участившееся дыхание. Это состояние знаменовало собой одно: провал. И близко не победу.

Я решила. Подняла глаза, позволяя серебристым пулям цинично-хладнокровного взгляда Лукаса пройти навывлет, не задев сердца и разума:

— Рокировка. И ферзь на б-9.

Мой голос показался мне чужим, далеким, словно прорвавшимся из Зазеркалья. Чувство нереальности происходящего не пустило страх на свою законную территорию. Словно в полусне, я наблюдала, как мужская ладонь с массивными часами на запястье сжала между пальцами темные фигурки короля и ладьи, переставив их по горизонтали таким образом, что на линии огня оказались ключевые фигуры «белых».

Не было времени раздумывать над тем, не будет ли это вопиющей дерзостью, и не осадят ли меня сейчас как можно грубее. Я смотрела в лицо главному мафиози, сделавшему карьеру на тысячах загубленных девчонок, и не испытывала ничего: ни страха, ни ропота. Может, лёгкое любопытство, что же будет дальше, но не более. Свободу у меня уже отняли. Изнасиловали толпой и избили — тоже. Даже под психопата-мажора положить успели. Чего мне еще оставалось бояться? Я даже не стремилась понравиться этому человеку, как мужчине. Но мне необходимо было это сделать для того, чтобы вырваться из замкнутого круга без каких-либо перспектив.

У него были глаза цвета серого льда с темными вкраплениями. Мой цепкий взгляд отметил печать усталости на высоком лбу, нити седины во все еще густых волосах, морщины мудрости вокруг глаз. Но в то же время он был буквально оплетен аурой жестокости, вьвшейся кожу и превратившейся в неснимаемую броню. И это останавливало от опрометчивых поступков и наивного стремления считать его «своим парнем». Несмотря на то, что, похоже, никто не собирался насиловать меня в этом кабинете, мне четко очертили края.

— Шах твоему королю.

Голос напоминал выстрел. Четкий, уверенный. Меня едва не ударило воображаемой отдачей. Да, не будь я столь взволнована, я просчитала бы подобный ход. Но вместе с тем...

Откуда взялась смелость? Сделав шаг вперед, я решительно передвинула фигурку королевы, уводя ее с линии огня.

И тут в застывшем лице сидящего передо мной мужчины что-то изменилось. Вроде как улыбка тронула его холодные глаза, лишённые привычных человеку эмоций, при том линия губ даже не дрогнула. И не было в этом проявлении симпатии ни тепла, ни интереса. Даже шаг, который я считала определяющим, был им предугадан изначально.

— Неплохо, Вика. Очень даже.

Повисшая вслед за этим тишина давила на нервы. Я так и осталась стоять — ни сесть, ни подойти ближе мне не предложили. При этом поняла, что, несмотря на демонстрацию своей логики, я не сумела произвести должного впечатления на главу синдиката. Мимолетную симпатию вытеснила скука. От понимания, что решающая встреча провалилась, и теперь меня вряд ли позовут на вторую, ладони взмокли, а в душе прозвенели первые звоночки отчаяния. Но что я могла сделать? Озвучить теорему Ферма, заговорить об искусстве, перечислить все свои заслуги в учебе? Как бы ни превозносили мой интеллект Вэл и ныне покойный Билл, это не стало моим козырем. И вряд ли сработало бы в тандеме с дорогим костюмом и макияжем. Хлопать глазами и накручивать на пальцы пряди волос, чтобы привлечь внимание Лукаса — я не сомневалась, что это окончательно распылит на атомы зачатки его заинтересованности. Сколько таких он уже повидал на своем веку!

— Тебе интересно, почему я велел притащить тебя сюда именно такой, сонной и перепуганной, Вика?

Черт возьми, не прошло и получаса, как я стала зависимой. Зависимой от его интереса к своей персоне. От его вопросов и устремленного взгляда. Да это был сам дьявол, без прикрас!

— Чтобы посмотреть, как я буду себя вести в стрессовой ситуации?

Это был самый ожидаемый ответ. Но что-то изменилось, словно холодом повеяло, отчуждением, вызванным неоправданными ожиданиями.

— Нет. Потому что я так захотел. Я мог заставить их притащить тебя сюда голую, с кляпом во рту. Возможно, однажды я так и сделаю, если ты сумеешь меня заинтересовать.

Я обомлела от этой простодушной констатации факта. Понимала: он не врет. Просто считает ниже своего достоинства тратить на это время. Я не избранная, а всего лишь порядковый номер в конвейере тел, отправленных на продажу. Всего лишь яркая бабочка в коллекции энтомолога, уже посаженная на иглу. Экземпляров так много, что сам коллекционер давно не замечает их ярких крыльев и уникальности.

— Я жду, Виктория. Надеюсь, меня не ожидает очередное разочарование?

Вся моя решительность и мнимая уверенность развеялись в пух и прах. Я смотрела в глаза человеку, в чьих руках, без прикрас, находилась моя жизнь. Человеку, который не видел во мне женщину, только товар, который можно выгодно продать, указав в разделе дополнительных функций острый ум. Именно поэтому я пока что являлась своеобразной экзотикой — во мне было то, что выгодно отличало от сестер по несчастью. Но даже этого было недостаточно, чтобы поразить опытного коллекционера. Он ждал от меня инициативы и не обещал, что она станет гарантией хорошего отношения. Об этом меня не предупреждал никто, даже Вэл. Я шла по минному полю, одно неосторожное слово либо жест могли убить на месте.

А Лукас наслаждался моим замешательством и явно не собирался этого скрывать. Смотрел прямо в душу, прикидывая, на каких ее струнах сыграть тяжелый рок. И что бы он ни решил, я обязана была спеть сольную партию так, чтобы попасть в его дьявольскую партитуру.

— Пока что я могу лишь сказать, что светской беседы будет недостаточно.

Мой голос дрогнул, пальцы непроизвольно вцепились в атласный пояс. Собеседнику это явно не понравилось. Не будь я так напугана, смогла бы распознать в его глазах то, что казалось невероятным. Иными словами, в тот момент мне показалось, что, пошли я его матом или завались на стол, это станет для него приятным открытием. Увы, я была слишком дезориентирована происходящим. Лукас изобразил скуку.

— Капитан Очевидность. Это все, на что хватило интеллектуального коэффициента выше среднего? Догадаться, что тебя не ради разговоров сюда привезли?

Несмотря на страх, я почувствовала краткую вспышку ярости. Вскинула голову, не осознавая, что именно этого от меня ожидали: борьбы, несмотря на недавно пережитый кошмар.

— Я вижу вас второй раз в жизни. Говорю — в первый. Наверное, немного преждевременно ожидать от меня именно того поведения, на которое вы рассчитываете?

Лукас прищурил светлые, по-прежнему безэмоциональные глаза. Мне стало холодно.

— Ты не в школе. И у нас не подготовка к экзамену. К тому же, мне хотелось бы узнать, как ты поняла, кто здесь главный, в нашу первую встречу. Ты ведь не будешь этого отрицать?

Только что Лукас протянул мне канат. Но я смутно это понимала. Ответила, потому что пауза затягивалась, страх потерять интерес единственного, от кого зависела моя свобода, был настолько сильным, что перекрыл собой все — даже инстинкт самосохранения.

— Разве это сложно? К тому же, я видела людей, в руках которых сосредоточена самая настоящая власть. Работала в компании, где... где...

Искаженное похотью лицо Ивлеева, нехорошая улыбка Кати и темнота с острым запахом хлороформа в тот же миг обрушились, подобно лавине, прервав мои рассуждения на

полуслове. Лукас приподнял бровь, забавляясь моим замешательством. И когда мне удалось взять себя в руки, я осознала, что он в курсе всего, что со мной произошло. Это было в его глазах. Но никакой жалости или сочувствия я не увидела. Лишь любопытство с легким оттенком брезгливости.

От долгого стояния заныла спина. Ежась под цепким взглядом дона работоторговли, я перевела глаза на шахматную доску. Стекланные фигурки почему-то вызывали чувство умиротворения, словно были гарантом чего-то человеческого в этом гиблом месте.

— И как женщину с такими мозгами, как у тебя, угораздило пойти по стопам большинства тупоголовых дур? Решать свои проблемы через койку шефа — так ведь проще, верно?

Он провоцировал. Просто играл со мной, словно с кошкой, дергая за привязанный к ленте звоночек.

— Вы не знаете ситуации. Чувства и интеллект редко дружат.

— Чувства? — Лукас закурил. Я поежилась, когда, сделав затяжку, он вдруг резко закашлялся. И эта физиологическая реакция его разозлила. — Чувства у шлюхи? Поверь, я знаю, когда раздвигают ноги по любви, а когда лишь с целью упростить себе жизнь. Не надо пытаться одурачить меня, Виктория. Я и не таким хребет ломал. Итак, есть другая версия?

Конечно же. Что еще мог сказать тот человек, что не считал женщин за людей?

— Вы хотели честности. Это она и есть. Да, я рассматривала возможность продвижения по карьерной лестнице, но как бонус романа, а не как его первопричину. И, да будет вам известно, даже на воле в некоторых ситуациях сказать «нет» не бывает возможности. Просто желание моего шефа совпало с моей ответной симпатией.

— Любите вы прикрывать б**дство высокими чувствами. На что ты рассчитывала?

Ему удалось разозлить меня. Именно поэтому я перестала видеть берега. Говорила, внутренне закипая, парируя его выпады. Странно, но чувства опасности при этом не было.

— К сожалению, даже умной женщине трудно пробиться наверх. Особенно, когда в ней видят исключительно сексуальный объект. И да, можно сказать, я пошла по пути наименьшего сопротивления. За что и расплатилась.

Лукас вновь закашлялся и затушил сигарету в пепельнице из темного стекла. Я вовремя прикусила язык — хотелось обратить внимание, что кашель сильно сухой, надсадный, и следовало либо отказаться от пагубной привычки, либо обратиться к доктору. Но вряд ли мой совет был бы воспринят с дружелюбием.

— Сядь, — мужчина достал из кармана платок и промокнул губы. — Нет, на пол. Стул ты пока не заслужила.

Он изо всех сил старался подчеркнуть, насколько неравное у нас положение. При всех манерах джентльмена, он не видел во мне леди. Только спина уже заныла от долгого стояния в напряженной позе, и я не стала возражать — опустилась на паркет в поле его зрения, обняв колени и размяв затекшую шею.

А Лукас как будто утратил ко мне интерес. Уставился в экран своего ноутбука. Стук пальцев по клавишам убаюкивал, и я бы наверняка уснула, если бы не думала о том, как заинтересовать человека, олицетворяющего мой призрачный шанс на спасение. Я не хотела быть проданной какому-нибудь стареющему извращенцу в качестве бесправной подстилки. Не хотела, чтобы меня подкладывали под каждого, кто готов заплатить оговоренную сумму. Я хотела жить. Пусть не роскошно и беззаботно, но на свободе. Если ложиться мозгами и телом, то только под одного. Ад последних дней не должен был повториться. Вряд ли я его

снова переживу.

— Рассказывай, — сухо бросил Лукас, смерив меня пристальным взглядом перед тем, как вновь уткнуться в экран.

— Рассказывать что?

— Стишок новогодний! — он улыбнулся. Сухо, криво, но это был уже хоть мизерный, но шаг вперед. — Как ты кувыркалась со своим боссом. Как далеко он зашел. Сколько нынче стоит карьерный рост.

— Но нечего рассказывать, я...

— Виктория, не зли меня. Если тебе нечего сказать, я прямо сейчас отправлю тебя развлекать клиентуру в сауну. Так что сделай все от тебя зависящее, чтобы я не уснул в твоём присутствии. Или ты набитая дура с купленными результатами теста?

Деваться было некуда. Я сильнее обхватила колени и начала свое повествование. Вкратце описала безрезультатные поиски работы, свой приход в компанию, интерес Ивлеева. Когда дошла до нашей командировки, Лукас прекратил печатать. Закрыл крышку ноутбука и сцепил пальцы в замок, подавшись вперед.

— А теперь подробнее, Вика. Что он с тобой сделал. Что ты чувствовала. Давай, заставь меня захотеть сделать с тобой то же самое.

Над бездной — тонкие мостки. Как в излюбленном развлечении корсаров, заставляющих свою жертву пройти по доске. Ощущение было настолько реалистичным, что я непроизвольно поджала пальцы ног. Сердце билось по-другому. Я потом только пойму, что Лукас каким-то чудом сумел подстроить его под свой ритм. Тишина становилась зловецей. Мужчина в кресле делал вид, что его больше интересует происходящее на экране, чем растерянная девушка в ночной рубашке и халате, восседающая на полу в позе притихшего ребенка.

На первый взгляд, его просьба не несла в себе ничего экстраординарного. Мой высокий интеллект гарантировал, что я с блеском выполню роль Шахерезады. Кольнуло иглой мимолетного разочарования. Но чего я ожидала? Что меня позовут писать диссертацию или править государством?

Секунда. Вторая. Так стремительно, что я испытала панику. Кожей почувствовала, насколько разочарован визави. Я не подчинилась. Не сумела удивить его и вызвать интерес к себе. Провалила задание, не успев воплотить его в жизнь.

— Вижу, ты обычная пустышка. Не стоишь даже затраченных на тебя усилий.

Фиаско? Или садистский, но тонко продуманный прием реверсивной психологии в устах того, кто привык читать женские мысли, подобно внутреннему миелофону? Помимо воли я замотала головой. Закрыла глаза, выравнивая дыхание и собираясь с мыслями. Надлом в голосе полоснул по живому, но я не позволила себе сосредоточиться на колоколах унижения и самообесценивания.

Не время, Вика. Ты пережила похищение. Шоу насилия. Постель с психопатом. Изнасилование. Сейчас ты готова сдаться?! Зная, что, возможно, этот мужчина с седыми висками и пронзительными холодными глазами — твой билет на свободу?

— Он не показывал, что хочет меня раздеть и уложить в постель. Поначалу мы просто работали вместе. Я хоть и отмечала, что он хорош собой, но... не заглядывала так далеко.

Выдохнула, собираясь с мыслями. Лукас откинулся на спинку кресла, смежив веки.

— Но у тебя были фантазии, верно, Вика? Как они выглядели? Он брал тебя на своем рабочем столе, не спрашивая разрешения, когда ты приносила документы на подпись? Или

по завершению рабочего дня ты открывала ногой двери его кабинета, пронизывающе глядя в глаза, меняя predetermined роли? В своих мечтаниях ты жаждала придавить каблуком его член и натянуть узел галстука, наслаждаясь замешательством в глазах того, кто еще недавно сам отдавал тебе приказы? Ты хотела иметь над ним власть?

— О-хх... — сдавленно выпалила я, и вдруг произошло странное.

Я улыбнулась. Помимо воли, сгорая от смущения и вместе с тем — приятного чувства, смутно знакомого, пришедшего родом из далекого детства, когда мы с друзьями подсматривали за целующимися парочками и хотели их напугать внезапным «гав!»... я даже не нашла ему определения. Баловство, разве что. Но смущение было отнюдь не детским. И не похожим на стыд, хотя я никогда не представляла себя в роли роковой женщины-хищницы.

Лукас подался вперед. И мое сердце замерло, подчиняясь ритму единогласного хозяина положения. Странная, нелогичная эмпатия, которую я бы рада вырвать из своего организма вместе с жилами, но... сейчас она была моей нитью Ариадны в лабиринте боли, разврата и смерти.

— Кажется, несколько раз... мне хотелось, чтобы так было. Чтобы он опешил и... отдал инициативу в мои руки. Только это было неправильно. Так мне казалось.

— Я знаю, что он трахнул тебя в первой же совместной командировке. Не в машине на заднем сиденье, как похотливую школьницу. И не на столе, как куклу-секретаршу. Что ты чувствовала? Власть?

Власть? Я буквально сплюнула это слово. В чем-то подвох. Матерый хищник собирается развести меня на эмоции. Заставить вспомнить те моменты, когда я ощущала себя королевой, и бросить в грязь рабского бесправия. Жестокая игра. Беспощадная дрессировка.

— Нет. Я просто почувствовала себя равной. И счастливой. Он был хорошим любовником.

Последние слова были моей маленькой мстью Лукасу. Вряд ли мужчина, каким бы прожжённым циником не был, проглотит сравнение с другим. Но если подобное и произошло, он ничем этого не выдал. Разве что молчанием. Сухим кивком. И я продолжила.

Пока я говорила, находилась в безопасности. Могла сидеть на полу, удерживая внимание мужчины, и не беспокоиться о том, что меня сейчас поволокут прочь. Я не имела права ошибиться. Если меня прогонят, я больше не увижу Вэл, отдельных апартаментов, и похороню надежду на будущее. Только не это. Поэтому я прислушивалась к дыханию Лукаса, безошибочно отмечала, когда оно учащалось, корректируя своё повествование по мере эмоциональной отдачи слушателя. В темноте, с закрытыми глазами, мне это удавалось. Я больше не превозносила качества Ивлеева как любовника, не подчеркивала его доминирующую роль. Это не нравилось Лукасу. Но когда я слегка перевернула историю в другом ракурсе, акцентировав внимание на том, что чувствовала себя соблазнительницей, а страсть Валерия — своим трофеем, приятно щекотало под ложечкой. Правда, я не была уверена, отчего такие неоднозначные ощущения: от его одобрения или оттого, что мне нравилось чувствовать себя роковой и решительной.

Минуты превратились в часы. Спина затекла. А я, словно работник года «горячей линии», все говорила. Уже заплетался язык и безумно хотелось пить, но я не останавливалась. Даже тогда, когда поняла, что повторяюсь, слова проглатываются от перенапряжения, и хочется зевнуть.

— И все равно, твой герой-любовник открестился от тебя при первой возможности.

— Да, — согласилась я, утратив силы спорить или возражать. Да и смысл? Все было именно так.

Скрипнула кожа и шарниры кресла. Шаги Лукаса гулко отдавались от глянцевого паркета. Я не сразу поняла, что он подходит ко мне, подняла голову, прогоняя пакостную сонливость. Увы, видимо, не получилось сделать это быстро.

— Нравилось, значит, — с надрывом, но каким-то вдохновенным, извращенным припечатал мужчина, схватив меня за отворот халата и заставляя встать на ноги, — Когда имеют на тебя, а ты?

Я не успела испугаться. Или осознать силу, сосредоточенную в руках сухощавого Лукаса, когда он поднял меня над полом. В следующий момент его ладони разжались, и я закричала от боли, ударившись лицом и грудью о каменную столешницу.

— Это тоже власть. Ты меня вынудила, — прохрипел мужчина, больно прикусывая мою мочку уха. Навылет и до крови, как оказалось потом. — Наслаждайся, Вика!

Рука на моей шее, толчок — шахматы, являющие собой произведение искусства,

разлетелись по столу. Корона черной королевы впилась в мою скулу, но убрать голову я не могла. Меня зафиксировали в одном положении.

Шлепок по голым ягодицам заставил дёрнуться всем телом. Я потеряла способность соображать. Не понимала, хорошо или плохо то, что происходит. Мой рассказ выбесил Лукаса, или наоборот, завел его до такой степени, что он проявил свою извращенную ласку?

И когда он грубо вошел в меня, я прикусила губы, ожидая боли... но его член вошел легко, словно нож в масло. Когда я вывернула свои откровения в ключе, где Валерий был не агрессором, а жертвой моих чар, я помимо воли возбудилась.

Лукас никак это не прокомментировал. Сбавил темп, толкаясь вглубь моего тела, думая больше о собственном удовлетворении. Я считала его фрикции, ощущая впившуюся в кожу корону. Семь... восемь... и постепенно шок от столь грубого обращения, оттого, что меня буквально привели за ручку в зону комфорта и за волосы выдернули обратно, начал отступать. Боль от стеклянной фигурки уже не казалась такой острой, толчки не такими резкими. В тот момент я даже прислушалась к собственным ощущениям и с удивлением осознала, что мне не пытаются причинить боль. Наоборот, хотят задеть эрогенную зону меняющими темп фрикциями. Член Лукаса был большим и толстым в диаметре. В какой-то момент я поймала себя на желании толкнуть бедра навстречу, но не сделала этого. Хоть и понимала — поймай я его темп, оргазм догонит быстро.

Остановила, пожалуй, врождённая вредность вкупе с нежеланием показаться легкой добычей. Или, что похуже — пустоголовой давалкой, готовой фальшиво подмахнуть. И страх оттого, что я, похоже, заражена вирусом б**дства в замкнутом периметре элитного борделя. А может, это интуиция кричала во всю плотку, что еще не время сдаваться на милость матерого хищника. Что, разомлей я в его звериной хватке, стану одной из вереницы тех, кого он так раскладывал на собственном столе, а потом с легким сердцем сбывал с рук.

Когда мужчина ускорил темп и замер, испустив сквозь зубы сдавленный вздох, меня накрыла паника. Он не использовал средства контрацепции. Я подскочила, едва не сбросив его руку, но он не позволил. Удержал в прежней позе, пока схватки оргазма били по шейке матке струйками семени, лишь после этого отпустил. Я прикусила губу, ощущая, как липкая жидкость течет по внутренней стороне бедер.

— Я знаю твой цикл. И не думай, что вырвешься отсюда, если залетишь. Не двигайся! — били наотмашь его слова, хлесткие и безжалостные, словно удар кнута. Я так и осталась лежать на столешнице, лишь незаметно убрала стеклянную королеву в сторону.

Ощущения были странными. Мое тело не отторгло нового насильника. Да и после того, что сотворили со мной вандалы в подвале, это можно было назвать изнасилованием с большой натяжкой. Так, просто трахнули без долгих прелюдий и уговоров. А чего миндальничать, если я полностью в его власти?

Слышала, как Лукас застёгивает брюки. На мгновение он попал в поле моего зрения — обошел стол, открыл выдвижной ящик и что-то достал. Я сочла благоразумным не проявлять любопытство, поэтому закрыла глаза вместо того, чтобы вытянуть шею и разглядеть, что же он взял. Неужели решил выпороть или довести до оргазма при помощи сексуальных игрушек? Я не знала, чего от него ожидать.

Мужчина обошел мою распростёртую фигуру, остановился за спиной. Меня как будто пронзило холодом и ожиданием чего-то неотвратимого, пугающего... я перестала дышать, сжав пальцы так, что ногти впились в кожу. Сама не поняла, почему не возникло желания подскочить и дёрнуться даже тогда, когда что-то холодное коснулось моей ягодицы.

— Виктория, — нет, в его голосе не было садистского предвкушения, торжества либо ненависти. — Что ты пыталась сделать, пока я тебя имел?

Я ожидала всего, чего угодно, но совсем не разговора по душам. Не имела ни малейшего понятия, что он хочет услышать в ответ. Что я могла сказать? Что могла кончить, но не стала? Что избегала удовольствия, как троянского дара? Что?

— Ты пыталась убежать от себя. Сделать из себя ту, кем не есть! Искала тысячи причин, чтобы этого избежать!

Сталь предмета уже нагрелась от тепла моего тела. Я лишь слабо вскрикнула, когда Лукас взмахнул рукой, разрезая ткань ночной рубашки. Нож. Характерный звук не оставлял никаких сомнений.

— Запомни, Виктория: если ты потеряешь себя, я тебя уничтожу. Как отработанный материал. Как отход жизнедеятельности. Как поломанную технику. Как вшивую собачонку!

Острие ножа коснулось моей шеи. А я обезумела от ужаса настолько, что не могла пошевелиться — лежала в той позе, в которой Лукас меня оставил. Безропотная от шока, открытая его действиям, ощущая, как ломит поясницу и стягивает кожу от высыхающего семени.

— А чтобы ты об этом не забыла в следующий раз...

Болезненный укол и ощущение жгучего давления. Боль по нарастающей вниз, опаляющая, пусть не сильная, но... Лезвие устремилось вниз, оставляя разрез, вспарывая кожу вдоль позвоночника, ускоряя движение.

Я не закричала только потому, что вначале она почти не ощущалась. Достигла апогея лишь тогда, когда лезвие уткнулось в копчик и прекратило свое движение. А Лукас, как ни в чем ни бывало, вытер нож о мое обнажённое бедро и отступил в сторону, любуясь результатом своей работы.

— Теперь ты не забудешь ни этот день, ни слова, которые я тебе сказал. Верно, умная дерзкая девчонка?

Я чувствовала, как с каждым ударом сердца боль разносится по телу, кровь течет по спине, жжение усиливается. Но это не имело ничего общего с тем, что творилось в моем сознании. Оно все еще не понимало, что меня вовсе не хотели убивать, уродовать либо калечить. Я была настолько дезориентирована происходящим, что чувствовала себя астронавтом, которого выбросило в открытый космос. Даже боль не имела отвлекающего эффекта.

— Без резких движений, — сухо велел Лукас, сжав мои предплечья и заставляя выпрямиться во весь рост. — Заживет. Ума хватит, чтобы не травить рану. Ну?

У меня двоилось в глазах, кружилась голова — но вовсе не от кровопотери, как я решила в первый момент. Завела руку за спину и поднесла к лицу, глядя на окровавленную ладонь. Кровь не напугала. В тот момент она меня как будто заморозила — я наклонила голову, разглядывая окровавленные пальцы. В ушах зашумело.

— Охрана! — громко известил мой мучитель, одновременно с этим набрасывая на мои оцепеневшие плечи халат. Я почувствовала, как его тут же пропитала кровь. — В медотсек, Мария знает, что делать. Живо.

То, что в кабинет вломилась мои конвоиры, я сразу не поняла. Перебывала в трансе, разглядывая кровь на ладони. Но в голове все громче усиливался набатом абстрактный голос, подводившей своеобразный итог происходящему:

Не потеряй себя в реальности.

Не потеряй себя.

Не потеряй.

Не...

Он замолк, как только меня коснулись чьи-то руки. И я увидела в глазах нового зрителя нечто, похожее на изумление и испуг. Либо он боялся крови, либо испугался того, что со мной сотворили.

— Я сама. Я пойду.

Мои слова остались без ответа. Вертухай попытался взять на руки, задев рану на спине. От боли я зашипела.

— Я пойду. Я сама.

Шок еще не прошёл. Именно поэтому я повернулась, испытывая острую, ненормальную потребность видеть его глаза. Лукас стоял у стола, не сводя с меня задумчивого взгляда, в котором впервые за все то время, что я его знала, появилось подобие огня. Словно тронулся лед, растаяв от тепла пролившейся крови. Нет, это не сделало его добрым дядькой, а меня — претенденткой на титул королевы ада вместе с самим дьяволом. Просто в который раз ощущение абсолютной эмпатии, некоторого слияния с ним, даже без взаимной симпатии, стало полным и гармоничным.

Ненормальнее ситуацию невозможно было придумать. Я стояла, не замечая боли, истекая кровью, и смотрела в глаза этому страшному человеку. Еще не зная, что он дал мне самый ценный подарок только что. Не зная, что я не только оценю его по достоинству, но и однажды уничтожу зависящего от себя на уровне эмпатии мужчину без зазрения совести.

— Спасибо. Это был приятный вечер.

Говорила в тот момент не я. То ли голос в голове, то ли я прочла мысли Лукаса, и просто произнесла их вслух. Инертное состояние все же позволило мне развернуться и направиться к выходу, мало беспокоясь о том, что спина вся в крови, я практически полуголая, и могу упасть в любой момент. Кто-то поспешил протянуть тапочки, и я обулась, едва осознав, что именно делаю. Даже спустилась по лестнице, отметив с каким-то проблеском удовольствия, что кровь пачкает белоснежный ворс дорогого ковра.

Прохлада летней ночи отрезвила, едва мы оказались на улице. Я уже понимала, что меня настойчиво останавливают конвоиры, что я едва разбираю дорогу и больно бьюсь пальцами о выступы бордюров на мощеных дорожках сада. Но отчего-то не могла допустить и мысли, что разрешу к себе прикоснуться. Будто это могло разорвать шаткую связь, установившуюся между мной и пока еще нераспознанным для меня человеком... которого, я знала наперед, однажды уничтожу. Энергетически растворю в себе. И эта уверенность давала силы выжить и выстоять.

На каком-то отрезке пути я отключилась. Сознание уплыло вмиг. Увидела лишь приближающийся отрезок выложенной камнем дорожки и огни имения вдалеке, а затем все заслонила собой темнота. Как потом окажется, ее вызвала не кровопотеря (она была небольшая), а нервное прояснение.

Я не чувствовала, как меня подняли на руки и понесли, как потом Мария обрабатывала раны и приговаривала, что никто так часто не гостил в ее обители, как я, и даже пожеланий поскорее сдохнуть и не создавать ей лишнюю работу — я отвлекла ее от присмотра сериала и вязания.

А я пришла в себя лишь вечером следующего дня.

Глава 9.1

Все было не так ужасно, как в первый раз, после того, как меня нашли на полу подвала, в крови, избитую. Да по сравнению с тем адом это был санаторный отдых. Бесила необходимость все время лежать на животе — Мария не позволяла мне ложиться даже на бок. В первое время я пыталась читать какие-то сладкие романчики про властных дикарей и невинных принцесс из арсенала королевы медотсека, но уже к середине таких книжонок меня разбирал смех. И мысли снова возвращались к поступку Лукаса.

Я закрывала глаза. Боль забылась быстро, несмотря на ее отголоски, но ощущение нажима лезвия, поддающейся кожи и пронзительной ясности произнесенных слов оставили надрез глубоко в сознании. Как оттиск клейма, щедро питаемое ледокаином — поэтому я не чувствовала никакой боли либо страха. Наоборот, ощущение было приятным и нелогичным. Будто я приобщилась к тайне, преодолела запретную грань и была близка к постижению чего-то жизненно важного. Хотя, не исключено, меня просто чем-то обколола Мария.

Она запрещала вставать. Поначалу я ее слушалась, а уже на следующий день молча адресовала на три буквы. Хватило взгляда. За окном вновь лил дождь. Я садилась на подоконник, вглядывалась в серую мглу подступающих сумерек. В такие моменты мне не хотелось никуда бежать, медотсек казался уютным, а происходящее — интересным боевым заданием спецагента. Мне поручили добраться до сердца барона работоторговли, чтобы разузнать, за какие артерии потом его вырвать.

Все происходящее ранее казалось сном, который спешишь забыть. По логике о нем должна была напоминать изрезанная спина, но странным образом неглубокая рана как будто выпустила вместе с кровью всю черноту и страх, освободила от давления безрадостных мыслей. Она знаменовала собой что-то новое, пока еще непонятное.

Прошло меньше месяца, а я перестала удивляться самым страшным вещам. Рядом ходила смерть — и я начала воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся, отчасти потому, что мне она в затылок уже не дышала. Уходили с молотка новоприбывшие девчонки — я лишь прибавляла в уме их количество, может, с невысказанным пожеланием попасть в руки нормального хозяина. Попытки узниц бежать, противостоять, биться в истерике... теперь это стало постоянной картинкой нового мира.

После того, что произошло между мной и Лукасом, я получила негласное позволение на безлимитное общение с Вэл. И после этого мои сомнения относительно того, что я не смогла оправдать его ожиданий, окончательно развеялись. Я и без того ощущала что-то сродни единению, будто моя кровь проникла через кожу в его организм, связав нас воедино. Но в то же время понимала, что это не гарантирует его преклонения либо других благ. Мне предстояло быть еще осторожнее, чем прежде — ведь теперь мы как будто дышали одними легкими и качали кровь одним сердцем.

Запах Вэл у меня ассоциировался со свободой. С шумом колес, шелестом ветра, пыльным смогом мегаполиса. Иногда я вдыхала полной грудью аромат сухих листьев, он предвещал скорую осень. Иногда, засыпая под ее необременительные рассказы о байкерских сходках, пустынных дорогах и шумных автобанах, я видела во сне себя на белоснежном байке, несущемуся по скоростной трассе. Без шлема, даже без защитной куртки, ускоряясь до такой степени, что ветер буквально хлестал. Мои волосы развивались и лезли в глаза, все вокруг сливалось в размытую картину. Я чувствовала, что в случае опасности не смогу

остановиться, но это не пугало. Смерть виделась освобождением. А затем воздух густел, превращаясь в желе, скорость полета сходила на нет, и я оставалась барахтаться в вязком киселе, плача от досады. Но в голове звучал голос подруги, и заглушить его не было никакой возможности:

«Хочешь? Стань для него смыслом жизни. Ты получишь гораздо больше!»

Понимала ли Вэл, как сильно рвет мне душу, рассказывая о том, что никогда не будет доступно мне? Либо не понимала, либо считала это высшим пилотажем реверсивной психологии. Однажды я озвучила, что хотела бы хоть раз прокатиться с ней. Пусть даже с завязанными глазами и прикованная к байку.

— Забудь, — сухо осадил Вэл. — На год так точно. Лукас, конечно, понимает, что тебе не его любовь нужна, а шанс вырваться, но не ломай ему кайф, озвучив это сейчас. Если все сделаешь правильно, он сам тебе предложит свободу.

Однажды Лукас появился медблоке. Была глубокая ночь, Марию куда-то оправили, а я при свете настольной лампы читала очередной сопливый роман.

Что я испытала при его появлении? Сложно описать всю гамму эмоций. Страх, растерянность, ступор. Снова я выглядела не лучшим образом — волосы затянуты в хвост, бледность от отсутствия солнечного света, и беспокойство, отразившееся на лице. Как ни старалась Вэл, он так и не увидел меня с укладкой и макияжем, в дорогой одежде. Подчеркивал этим свое превосходство? Или страховал себя от дополнительной привязанности?

Я не знала ответа на этот вопрос. И первый, и второй вариант для человека его статуса выглядели нелепо. Удивить такого мужчину эффектной внешностью было равносильно тому, чтобы проделать то же самое с каменным изваянием. И он прекрасно знал, какая я настоящая, даже под тканью дорогих костюмов и слоями косметики. Хоть у меня и хватило ума это осознать, я еще долго буду смущаться и рефлекторно тянуть руку к волосам, поправляя несуществующие выбившиеся пряди.

Наверное, Лукас ожидал, что я сплю. Даже неодобрительно сощурился, кивнув на свет лампы.

— Портишь зрение? Нехорошо, Виктория.

Вроде бы это прозвучало, как забота, но в то же время... он произнес это, будто я была породистой кобылой, отказавшейся есть особый сорт овса. Мол, с севшим зрением ты далеко не люксовый товар. Но, возможно, я была в тот момент слишком пессимистично настроена.

— Если садить глаза, то без ущерба для мозга. Вот.

На стол легла книга в чёрной обложке. И я непроизвольно улыбнулась, прочитав название.

— «Граф Моте-Кристо». Когда-то я ее читала.

Лукас не ответил. Я кивком поблагодарила его. И, не удержавшись, пошутила:

— Не бойтесь, что, вдохновлённая Александром Дюма, однажды сделаю подкоп?

Лукас задержался на пороге. В полумраке сложно было прочитать, что же именно написано на его лице. Но внезапно повеяло холодом, словно кто-то открыл окно и впустил в палату промозглую сырость.

— Если ты попытаешься, я порежу тебя на лоскуты. А затем скормлю собакам. Спокойной ночи, Виктория.

И он ушел, оставив меня сидеть на постели с наполовину раскрытой книгой, оцепеневшую, прекрасно понимающую, что никто не шутит. Что только что я поспешно

прощупала пределы его расположения и напоролась на острые клинки. Он мог быть умным, благородным, со своим кодексом чести, но все равно оставался главой мафии по торговле живым товаром. В его сердце вряд ли осталось что-то человеческое к людям, если они не являлись его родными. Я была лишь вещью — пусть даже с апгейдом в виде интеллекта. Он мог улучшать ее, перепрошивать для дальнейшего пользования, но видеть в ней человека — до этого, во всяком случае, пока что было очень далеко.

Серый рассвет очертил углы комнаты, погрязшей в темноте, и только тогда я отложила книгу в сторону. Локти затекли от долгого лежания. Но я читала — сначала чтобы не свихнуться от слов Лукаса, а затем — потому, что история увлекла меня. После романов, которые предпочитала Мария, в этом не было ничего удивительного. Заснула я не сразу. Ночной визит Лукаса и его слова научили тому, что не стоит форсировать события. На этом этапе у меня не было права шутить, флиртовать и относиться к нему, как к равному. Что ж, Вика не дура, чему есть красноречивое подтверждение. Вика усвоила урок.

Надрез на спине затянулся быстро. Еще четыре дня я пролежала в медотсеке. Слава богам, Лукас охранял мой интеллект и не хотел, чтобы он деградировал от чтения бульварных романов. Каждый раз на моем столе появлялись новые книги. Диапазон жанров был разным: от Эрих Мария Ремарка до «Марсианских хроник» Брэдбери. От безделья и в стремлении избежать тревожных мыслей я проглатывала все, что мне приносили.

Конечно же, в обители зла не могло все быть спокойно. Несколько раз я видела, как приносили девчонок, избитых, поломанных, в крови и без сознания. Мария сразу приступала к делу, закрыв двери своей лаборатории. Что с ними было и удалось ли спасти хоть одну из них, я не знала. Медотсек имел несколько входов, и мимо меня они больше не проходили.

Хорошо, что в тот момент я не узнала, куда девается отработанный материал и какая во всем этом роль Марии. Наоборот, думала, что этим несчастным повезло, в отличие от той же Люды — их пытались вылечить и спасти. Узнай я правду, сломалась бы быстро. И, что не исключено, пополнила бы их ряды как самое большое разочарование Лукаса. Пока же я анализировала свои ошибки и выстраивала новую, не столь форсированную стратегию собственного выживания.

Когда я вернулась в свою комнату, выдохнув от облегчения, что меня не лишили этой привилегии и не понизили до статуса других девчонок, Вэл устроила мне экзекуцию — восковую эпиляцию. Я стойко вытерпела боль. Подумаешь, еще одна ступень совершенствования на пути к сердцу и сознанию Лукаса. Я не имела права выглядеть неухоженно. Мой тонкий ум могут заметить не сразу, а колючие ноги — заметят в первую очередь. Затем подруга привела мастера маникюра и педикюра. Тогда я узнала, что у главы синдиката фетиш на французский маникюр. И не догадывалась, что более десяти лет не буду изменять этому дизайну.

Во время прогулки я встретила Юлю. Меня немного удивил тот факт, что девушка держалась настороженно, тем самым подчеркивая пропасть между нами. Сказала только, что Альфия сходит с ума день за днем, и это страшно. А еще к ним подселили новую девочку, эта от шока даже не разговаривает. Мне стало неприятно, и я поспешила прекратить разговор. Уходила и чувствовала, как Юля смотрит мне вслед с необоснованной завистью. Серьезно? Она думала, я прохлаждаюсь в изоляции?

А я продолжала бороться со скукой и считать дни. Теперь я старалась всегда выглядеть на миллион, ожидая визита Лукаса. Даже среди ночи я была во всеоружии. Но он и тут сумел удивить. Потому что в следующий раз предупредил о своем визите за несколько часов.

Я надела один из брючных костюмов кофейного цвета, распустила волосы, надела глаза и губы. В тот момент ко мне вновь вернулось волнение. Я помнила его последние слова, помнила острое ножа, рассекающего плоть. Что он придумает на этот раз? И, самое главное, удастся ли мне выйти из его кабинета живой?

Я постаралась гнать прочь шокирующие мысли. Не позволить им закрепиться в сознании. В этих гротескных картинах я либо теряла голову в руках злодея... либо меня волокли прочь, намереваясь продать первому извращенцу, потому что я разочаровала главного.

Когда за мной пришли, я позволила себе небольшой бунт: остановилась у зеркала, пытаясь заглянуть в глубину своего сознания и понять, как именно действовать дальше. Какая разница, если сейчас я буквально иду по минному полю, и каждый шаг может стать фатальным? Я заслужила небольшую отсрочку приговора.

«Что же тебе надо?» — спрашивала себя мысленно, будто надеялась, что придуманная мною, но казавшаяся такой логичной связь подскажет ответ на вопрос. Увы, только надрез вдоль спины запульсировал жаром, на доли секунды, и я затрясла головой — казалось, что тону в отражении собственных глаз.

Мой опыт общения с мужчинами сложно было назвать колоссальным. Я была из тех девчонок, для которых куда ценнее качество, а не количество. Приятельницы с выпускных классов всю трахались с одноклассниками и папиками на иномарках, хвастаясь своими победами и цинично высмеивая инакомыслящих. Но я никогда не стремилась быть похожей на них, хотя остаться белой и незапятнанной в подобной компании было, мягко говоря, сложно. Да я, собственно, и не осуждала никого из них, всегда смотрела сквозь гендерные стереотипы. Все эти альфа-человеки, прокуренные, агрессивные, переговаривающиеся с приклатнённой хрипотцой, были для меня открытыми... не книгами, это громкое заявление, скорее, блокнотами.

Девственность я потеряла после школы, и не очень любила вспоминать об этом. Все страшилки более опытных подружек оказались сильно преувеличенными: рек крови не пролилось, боли до криков тоже не было. Если бы мой партнер хоть немного разбирался в женской физиологии, смог бы довести меня до оргазма в первый раз. В последующие я сама его достигала, устанавливая свой темп и отыскав подходящую позу. За это он меня и бросил, как утверждал, с особой жестокостью. А на самом деле это парня просто не выдержало того, что в постели контроль всегда брала я.

Меня миновали слезливые переживания, задержки, внеплановые беременности. Я не ждала чудес от природы и не надеялась на зачатки интеллекта и ответственности у своих партнеров. Знала, что никто не позаботится о контрацепции, кроме меня самой. На четвертом курсе был роман с мальчиком, который дико желал на мне жениться. Опустился даже до того, что проколол найденные в моей сумочке презервативы — якобы, с пузом я уж точно никуда не денусь. Ну, все и так поняли, что моего мнения никто не собирался узнавать, верно?

Проговорилась наша общая подруга. Он считал брак решенным вопросом и даже похвастался ей, что скоро я залечу. Она и рассказала — не потому, что так пеклась о моем благополучии. Зависть взяла. Как это я выйду замуж, а она нет?

Фактически, она меня и спасла от опрометчивого шага в пропасть. Уберегла от брака с тем, кого называют «абыюзерами» или попросту «бытовыми тиранами». Потому как подобного я терпеть не стала и отдала ей этого умельца в тот же день, не желая иметь

ничего общего с ему подобными. Вроде как она его быстро охомутала, но сказка не получилась. На второй день свадьбы невеста явилась с фингалом под глазом и не смела открывать рот без разрешения счастливого мужа. Кто что хотел, тот получил сполна.

Я не влюблялась. Хотя в конфетно-букетный период мне казалось, что это именно любовь — игра гормонов воспринималась как нечто невероятное. Но, стоило мне просчитать моих бойфрендов, приходила скука. Я и задерживалась с ними только потому, что любила секс. И когда мне становилось скучно в поставленных рамках, сводила общение к нулю. Хотелось бы сказать, безжалостно, но нет — переживала, смягчала их падения. Никто, правда, этого не оценил.

Перед тем, как я переступила черту, упав в постель Ивлеева, у меня был почти год воздержания. Увы, я была слишком гордая, чтобы позвонить бывшим или склеить на одну ночь смазливого мальчика в клубе. Что и сыграло со мной злую шутку.

«Может, не зря я оказалась в этом б**дском месте. Моя вина, видимо, в том, что я чувственная и люблю «это дело».

На самом деле, я так не думала, хотя социум постоянно ставит нам, женщинам, в вину подобный склад характера. Кармы не существует, и не поэтому я оказалась здесь, запертая в четырех стенах и вынужденная бороться за благосклонность главного мафиози. Хотя, возможно, у меня было особое предназначение.

Когда меня привели в кабинет Лукаса, я отметила, что вертухаи и смотритель держатся обособленно, стараясь не смотреть на меня и не прикасаться. Возможно, это хороший знак. Только в ушах все ещё звенели жестокие слова:

«Я порежу тебя на лоскуты. Потом скормлю собакам».

Этот мужчина знал, как держать в повиновении. И против него мне предстояло сыграть. Ненависть стала азартом. Отвращение — интересом, возможностью найти свои пределы. И подобная рокировка эмоций спасла меня, потому что Лукас, как я имела возможность впоследствии убедиться, всегда чувствовал фальшь.

Перекрестные лучи света от стилизованной под прожектор лампы падали на доску со стеклянными шахматными фигурами. Это было первое, что бросилось мне в глаза, стоило только зайти в кабинет. Все выглядело именно так, чтобы привлечь внимание к центральной экспозиции.

— Заходи, Виктория, — разлаялся голос Лукаса. Я не видела его, потому что дальняя часть кабинета утопала в тени. Но флюиды опасности и власти буквально пронизали пространство. Помня о том, чем не столь давно обернулась моя невинная шутка, я позволила себе слабую улыбку и сделала несколько шагов, остановившись в луче света, как он, видимо, и хотел.

В этот раз все фигуры на доске стояли на своих исходных позициях. Невольно я залюбовалась игрой света в гранях стекла, ощущая, как так же пристально изучает меня тот, кто так и остался в тени.

— Тебе понравился мой выбор литературы?

Вроде бы невинный вопрос, но я слышала в голосе предупредительные ноты. Не врать и не заискивать. Но и прямо не хаять. Этот мужчина жаждал трахать мой мозг, а сейчас подготавливал его предварительными ласками.

— Благодарю вас. Я ранее была равнодушна к классической литературе. Но сейчас, похоже, у меня просыпается интерес. А фантастика... я на ней выросла.

Лукасу должно было быть об этом известно. Покойный Билл проговорился — на меня собирали досье. Впрочем, он практически проигнорировал мой ответ. И я почувствовала, как липкие щупальца страха буквально понижают под кожу, касаются ледяными присосками отметины вдоль позвоночника. В присутствии Лукаса я остро чувствовала свое подчиненное положение. Все в этом кабинете было призвано подчеркивать пропасть неравенства между нами. Я могла быть голой, растрепанной, униженной, либо одетой в стильный костюм, с укладкой и иллюзией того, будто могу общаться с ним на равных, но истинное положение вещей никому было не под силу изменить.

А еще меня изматывала неопределенность. Хотелось задать десятки вопросов, понять, какую участь мне в итоге уготовили. Только я прекрасно понимала, что никто мне не ответит, в лучшем случае грубо осадит за своеволие. Так и осталась стоять, опустив глаза в пол, улыбаясь, потому что не желала давать ему в руки козырь в виде собственного страха. И ждала. Как цепная собачонка, выдрессированная хозяином. Но кое-чему он меня все же научил. Я не собиралась ползть у его ног. Даже если меня заставят это сделать, это не будет моим выбором.

— Не трясись. Я хочу сыграть с тобой партию. Твой ход.

Лукас потер переносицу, подавив зевок. Я шагнула вперед, внутренне ожидая окрика, но его не последовало. Белые шахматные фигуры манили к себе, приказывая сдвинуть с исходных позиций. Непонятно как я сумела абстрагироваться от собственных душевных метаний и вспомнить, ему научил отец. Сдвинула пешку на две клетки вперед.

Лукас не смотрел на доску. Изучал мою склонившуюся над шахматами фигуру, пробивая выстроенные в моем воображении свинцовые барьеры. Он много повидал таких, как я, на своем веку, чтобы ломать ментальные преграды.

— Уверена?

Возможно, это тоже была игра. Он хотел смутить меня, заставить нервничать, думать, что же я сделала не так. Психологическая ломка не прекращалась ни на миг. Я подняла глаза, чтобы встретить его испытывающий взгляд.

— Уверена. Ваш ход.

Черная пешка двинулась навстречу. Даже в этом жесте было нечто угрожающее, призывающее спасовать, снять маску уверенности. Увы, пешки не ходят назад.

— Что-то не так, Виктория?

В это раз мои губы дрогнули совсем не в показательной улыбке.

— Вы допустили ошибку. Переходите.

Лукас медленно поднялся и шагнул ко мне. Я не смогла понять, чем вызвала его заинтересованность, но душа в тот момент ушла в пятки. Наверное, не сумела сдать очередной экзамен.

— Ты так ничего и не поняла.

С таким же выражением лица он обещал скормить меня собакам. Наверное, изрезал тоже, не меня мимики, просто я не могла этого видеть. Помимо воли я сделала шаг назад.

— Твой ход, Виктория. Ты же хорошо подумала?

Это был выбор из двух зол. Никаких оттенков и полумер. Как в сказках, черный либо белый камень, зажатый в ладони. Мне следовало сейчас либо спасовать, поддаться игроку, в руках которого была моя жизнь, либо сыграть ва-банк. Но непонятно, чем для меня это закончится.

Я растерялась. Понятия не имела, что мне следует сделать, чтобы угодить этому махровому эгоисту. А он и не собрался давать мне время на раздумья.

Все произошло довольно быстро. Боль в заведенной за спину руке перешла во всплеск более острой, вызванной прикосновением к потревоженной спине. Я даже не сразу ощутила привкус крови во рту, когда Лукас толкнул меня на столешницу. Голову поднять не успела, лишь клацнули зубы.

— Правильный ход, Виктория. Б**дь, или ты делаешь правильный ход, — свободная рука мужчины вырвала пуговицу моих брюк, стаскивая их вместе с трусиками по ногам, — или после этого я воткну тебе нож в п**ду!

Шок. Насколько сильный, что я потеряла связь с реальностью. Чертова доска с нереально красивыми фигурами из стекла оказалась прямо перед моими глазами. Лукас специально удерживал меня за шею так, чтобы я могла ее видеть. Но что толку было в этом, если все происходящее на ней сейчас выглядело лишь набором красивых цацок?!

Он наклонился к моей щеке, прикусив ее зубами — не сильно, скорее, в целях продемонстрировать свою власть и решимость. Пальцы с нажимом прошлись вдоль позвоночника, причиняя боль. Но она же и отрезвила. Я содрогнулась от его безжалостного обещания вновь изрезать меня.

— Ты начинаешь вызывать скуку, девочка, от слова «совсем»! — прохрипел Лукас перед тем, как войти в меня на сухую, без предварительных ласк. — Я могу пачками драть бестолковых шлюх, и мне для этого не надо предоставлять тебе особые условия! Или ты включаешь свои мозги, или прямо сейчас, как только я с тобой закончу, полетишь в жаркие страны, в бордель, удовлетворять грязных латиносов!..

Толчок. Резкая боль. Ужас никак не желал отпускать. В тот момент я поняла, что со мной никто не шутит.

Пик остроконечной фигурки «офицера» стоял перед моими широко распахнутыми

глазами, будто подавал какие-то непонятные сигналы. Воткнуть в глаз насильнику? Да, меня убьют на месте, перед этим, что не исключено, устроив средневековую инквизицию, но это лучше, чем заживо разлагаться в борделях стран третьего мира. Смерть стала настолько обыденным понятием, что я уже и не задумывалась о том, хорошо это или плохо. Но стеклянная фигурка явно говорила о чем-то другом.

О чем же? Выпустить ее на поле боя или оставить в покое?

Закусив губы, я подняла руку и потянулась к доске. И в тот же момент увидела то, что не замечала прежде. Три хода, и партия будет выиграна. Этого ли хотел от меня Лукас?

«Ты все равно не узнаешь, пока не сделаешь». Мысленно уповая на высшие силы, я подняла фигуру «офицера» и сбила черную пешку с клетки. Ощутила, как Лукас замер во мне, прекратив движение. Отступать было поздно. Я сбила вражескую ладью, остановившись перед конусом обсидианового ферзя.

— Шах. И мат.

Мир замер. Время застыло. Я без сил опустила голову, чувствуя, как бежит по щеке предательская слеза. Я понятия не имела, что только что вытянула: белый камень или черный. И пути назад уже не было. Так и осталась лежать, сотрясаясь от беззвучных рыданий, не замечая, что Лукас вышел из меня и остался стоять за спиной. Только знала наверняка, что его взгляд в этот момент неотрывно прикован к злосчастной шахматной доске.

А потом вернулась боль. Не сильная, но отрезвляющая, действующая подобно нашатырю. Пальцы мужчины надавливали на шрам под пластырем, вычерчивая дорожку вверх, к шее.

«Не потеряй себя в самой себе. Не потеряй. Не становись тем, кем ты не являешься».

Этот голос звучал в моем сознании оглушительным набатом. Я лишь всхлипнула, ощутив, как чужие руки натянули кружево трусиков на мои бедра, а вслед за ними брюки.

— Молодец, Виктория. Я доволен тобой.

Безумие выбирает самые гротескные образы. Ласковый голос, похвалу... нечто похожее на нежность, пусть даже ее проявление выразилось в чужом тепле прижавшегося ко мне тела. Лукас держал меня бережно, словно стеклянную шахматную фигурку, опасаясь уронить на пол и разбить. Ноги дрожали и не желали держать меня, я бы тотчас же упала на пол, если бы не его поддержка.

— Не смей наступать на горло собственным устремлениям. И придумывать себе ложные авторитеты.

Он усадил меня на один из стульев и отошел. А я сидела и тряслась мелкой дрожью, кусая губы, чтобы не разрыдаться.

Спустя много времени он мне признается, что не просчитал свой ход. Я должна была всего лишь забрать пешку. То, что поставлю ему мат в три хода, он не сообразил в силу усталости и волнения. Да, я волновала его так, как никто никогда ранее. Даже жена, на которой он женился по любви ещё в молодости. Но тогда я этого не знала.

— Пей. — Стакан коснулся моих дрожащих губ, клацнул о зубы. Я едва не закашлялась, когда обжигающая жидкость полилась мне в горло. — Ты умеешь радовать. Думаю, мы с тобой подружимся.

Даже сейчас мафиози крупного синдиката по торговле живым товаром не вышел из образа: вел себя так, будто ничего необычного не произошло. Да и глупо было ожидать от него иного поведения. Сколько слез, мольб, истерик и шоковых состояний он повидал за все

время, пока стоял у штурвала самой страшной пиратской шхуны?

Постепенно виски начал действовать. Согревал изнутри, прогонял дрожь, возвращал ясность мыслей. Лукас же задумчиво ходил вокруг доски, хмуря брови, но при этом выглядел самодовольным.

— Я все равно возьму реванш, Виктория. Все равно.

Я пришла в себя спустя полчаса. Но, вопреки моим ожиданиям, мужчина так и не отпустил меня. Расставил фигуры и заставил сыграть с ним еще две партии. Их я продула в пух и прах — полагаю, не только из-за шока. Потому что облегчение оттого, что никто не отправит меня в бордель, вернуло ясность разума.

— У тебя не было шансов. Я был чемпионом среди школ родного города. Выучил все партии. Просто уже насколько лет не вспоминал об этом, чтобы был эффект новизны.

Я кивала и не горела желанием продолжать беседу. Но уронить шаткое равновесие тоже не хотела. В какой-то момент мне показалось, сто Лукас ждет от меня инициативы. Это было в его жестах и непонятном взгляде, в котором, сложились все по-другому, я бы заметила нечто, похожее на... В тот миг мне страшно было даже об этом подумать.

Пойму потом, проанализировав, чего же может не хватать человеку, отягощённому подобной властью. Совсем скоро. Поняла бы раньше, если бы не жизнь в состоянии перманентного стресса.

Когда вернулась в свою комнату, долго ворочалась в постели, вспоминая сегодняшний вечер, испытывая смешанные чувства. Потом просто села на подоконник, вглядываясь в ночной пейзаж за окном.

Уже задремала, когда послышался отчаянный женский плач, лай собак, топот ног и матерные окрики. Потерла глаза и прислонилась к стеклу, вглядываясь в освещенные прожекторами лужайки. Увы, происходящее было скрыто от меня насаждениями хвойных деревьев.

Плач прекратился, и тут же резкий хлопок заставил меня подскочить на месте. Лай возобновился вместе с затихающим женским криком, полным боли.

Я зажала уши руками и пулей метнулась обратно в постель, желая, чтобы все это забылось, оказалась страшным сном или игрой больного воображения. Натянула одеяло по самую макушку, стараясь не признаваться себе, что знаю, что же только что произошло под покровом ночи.

Никогда не следовало забывать, где я. Как и о том, что завтра могу оказаться на месте той несчастной, чей крик до сих пор звенел в ушах, вместе с утробным рычанием голодных бультерьеров, дорвавшихся до свежей пищи...

Когда я вновь увидела Вэл, не смогла удержаться оттого, чтобы не спросить ее, что же именно произошло ночью. Но моя единственная подруга в преисподней неожиданно прервала свой рассказ о каком-то из своих любовников, что любил читать ей стихи и дарить букеты из морковки, и ее лицо замкнулось.

— Ничего не было. И не советую задавать подобные вопросы кому-то еще!

Я не унималась. Хватала ее за руки, заглядывая в глаза. Кто? Юля? Лиза? Альфия? Получив ответ, что никто из них, и что разговор завершён, немного успокоилась. А Вэл быстро перевела стрелки. Начала говорить, что Лукас санкционировал нашу дружбу, и упаси меня бог воспользоваться этим в неблагоприятных целях. Впрочем, я и не собиралась.

Мы лакомились суши, а Вэл учила меня красиво держать хаси. Спустя час пальцы сводило от усилий, но я научилась это делать уверенно и элегантно.

Странный парадокс! Казалось, мы, две подруги, встретились за просмотром фильма (на днях мне принесли в комнату телевизор, самый верный маркер расположения высшего руководства), и мы общались под аккомпанемент какого-нибудь боевика. И не было, казалось, ситуации, в которой я была лишь живым товаром, одной из многих. Пусть мне посчастливилось вызвать интерес Лукаса, сути это не меняло. Я была благодарна Лерке за иллюзию свободы.

А в особняке началось движение. Готовились к аукциону секс-рабынь. И при мысли о том, что их ждет, меня брала оторопь. Я вспоминала Альфию, так надеявшуюся на то, что ее муж придет и выкупит обратно, Лизку, которая хотела попасть к миллионеру или шейху, Юлю с ее запутанной ситуацией... и понимала, насколько страшно то, что это все кажется уже обыденностью. Когда-то мои сильные стороны, являющиеся плюсами для любого работодателя — стрессоустойчивость и адаптация — сейчас воспринимались как дар и проклятие одновременно.

Я жила в стае волков. И прошло совсем немного времени, как переняла их черты. А выбора не было. Либо с молотка на аукционе, в бордель, под клиентов с их извращенными фантазиями — либо заставить своё сердце окаменеть и подстроиться под ритм сердец своих похитителей. Но было и новое, неведомое прежде чувство силы и превосходства. Я начинала нравиться себе такой, лишенной сопереживания, виктимности и страха. В этом был особый кайф. Не прошло и недели с нашего последнего разговора с Лукасом, как я начала общаться свысока с охраной, зрителем и докторшей. На прогулке, если встречала знакомых девчонок, не испытывала желания даже поздороваться. Исключением стала Вэл. Но тут все было понятно: я не разучилась ценить доброту.

Лукас больше не звал меня к себе, но я не расстраивалась. Женское чутье безошибочно подсказало, что его интерес ко мне не только не пропал, но и растет. Последняя встреча, едва не стоившая мне нервного срыва, как будто возвысила меня в его глазах. Однажды он навел меня, принес с собой несколько папок. Смотрел, прожигая взглядом, а я улыбалась, не понимая, откуда взялось ощущение, будто я держу этого мужчину на иллюзорном поводке. Это было странно. Кто он, и кто я! Но чувство, что чуть-чуть надави, прощупай, задействуй мозг на полную силу — и так и будет, не отпускало.

— Ты вела бухгалтерию своего шефа? — строго поинтересовался Лукас. Ему не понравился блеск самоуверенности в моих глазах. — Мой помощник отбыл на отдых. А ты,

по словам Вэл, скучаешь.

Отбыл на отдых. О, это могло означать все, что угодно: от роскошных пляжей и отелей Таиланда до безымянной могилы в окрестностях имения. И это в лучшем случае — я уже знала, как здесь любят кормить цепных псов вкусным человеческим мясом. Но спросить напрямую означало здорово осложнить себе жизнь, поэтому я улыбнулась теплой улыбкой с налетом грусти. Ее легко можно было классифицировать как зависть к тому, кто улетел в теплые края.

— Совсем немного. Больше личную. Остальным занимался бухгалтерский департамент.

— Здесь движение средств и договора. Посмотри, выполнены ли обязательства в полной мере, и нет ли здесь подвоха. Любое сомнение, излагай с пояснениями. Я к вечеру вернусь.

Когда он ушел, я непроизвольно сорвалась с дивана и закружилась в танце, прижав папку к груди. Книжки и зомбоящик осточертели, процедуры красоты навевали скуку, и предложение заняться тем, в чём я неплохо разбиралась, было в тот момент воспринято, как повышение до должности директора компании. И что с того, что вместо компании — мафиозная структура по торговле живым товаром, вместо босса с внешностью и молодостью Ивлеева — не такой привлекательный внешне Лукас, а в руках вместо архива компании всего лишь пара скоросшивателей, не заполненных и на четверть? Это было как глоток чистого воздуха в спертom кошмаре заточения. Как соломинка, вытягивающая меня из болота к тому, чем я прежде жила. И кроме этого, мне доверяли. Признавали, что я не глупая кукла, не одна из этих жертвенных овечек, обреченных всю жизнь ублажать мужчин, и хорошо, если только одного. Да и в последнее время я все чаще замечала за собой желание узнать о синдикате как можно больше. Несмотря на то, что он занимался ужасными вещами, здесь все было слажено, систематизировано. Машина работала без сбоев, управляемая руками серьезного бизнесмена. Хоть они и были по локоть в крови.

Эйфория была сильной. Я набрала номер внутренней связи и холодно велела одному из вертухаев принести мне кофе и шоколада, а сама раскрыла папки, не сумев сдержать довольную улыбку. Черт, я никогда так не горела работой, да еще такой скучной! Что же со мной?

Спустя два часа термины «товар», «красный код», «расходная монета», «потери при транспортировке» перестали казаться чем-то шокирующим. Цифры сами собой складывались в сознании в отдельные таблицы калькуляций и сравнений. Я хмурилась, делала пометки карандашом, ругалась, пила кофе, не прекращая гонять охрану за новыми порциями, и пыталась удержать ускользающую зацепку. Дипломированный бухгалтер наверняка бы заметил ее сразу, но только тот, кто привык вести черную бухгалтерию. Нестыковка была, но каким-то образом отсутствовали следственно-причинные связи. Работа подразумевала больше наличие интуиции и наблюдательности.

В таком виде меня и застала Вэл — уже сидящую на полу среди разложенных бумаг, со всклокоченными волосами и сгрызенным карандашом.

— С ума сошла пить столько кофе? Сердце саморегенерирующееся? Лукас решил поиграть с тобой в шефа и подчиненную?

Я размяла затекшую шею. Кивнула на бланк договора, качая головой:

— Что-то тут явно не так. И, похоже, имеют не их, а нас.

— Нас? — лукаво подмигнула подруга. — Весь улей гудит, что ты новая фаворитка Лукаса. Но я не думала, что настолько прониклась, что считаешь себя с ним единым целым!

Меня укололо ее замечание, но я не подала виду. Лишь повела плечами. Я не считала

себя частью синдиката. Но на чью сторону мне становиться? Тех, кто покупал девчонок у Лукаса? Их я не знала.

— Не ищи подтекста там, где его и быть не может. Я говорила о территориальном факторе.

— Да не злись. Принесла кофе, не думала, что ты уже выпила его целый галлон.

— Давай сюда!

Я буквально вырвала из её рук стаканчик с крышкой. Вдохнула аромат корицы и сделала глоток.

— Вижу, тебе не до новой «Женщины-кошки» с Холли Берри. Или прервешься? Я его уже видела, правда, на большом экране, но пересмотрю с удовольствием за компанию. Там ее босс на Лукаса похож. Ну?

Я покачала головой:

— Прости, не могу. Я обещала разобраться до вечера.

Вэл упала в кресло, вытянув длинные ноги в кожаных леггенсах, развернула кепи с эмблемой мотоклуба козырьком назад. Когда она веселилась, ее лицо преображалось. Я только в такие моменты начала замечать, насколько она красива. Но быть красивой в обители зла было чревато последствиями, и Вэл старалась, насколько это возможно, маскировать свою женственность косухами, кожей и металлом. Правда, как по мне, это только повысило ее агрессивную сексуальность. Такой вот парадокс: фея красоты, обладающая даром превратить в красавицу любую серую мышь, крайне редко использовала эти знания на себе. Сапожник без сапог, ни дать, ни взять.

— Лукас санкционировал нашу дружбу. Он не будет тебя сильно третировать, если не успеешь.

Я поднесла договор к глазам, вчитываясь в мелкий шрифт:

— О штрафах за невыполнение речи не было. Это интересно. Вэл, ты как будто идёшь по следу зверя, только в бумажном варианте. Думаешь, что с ним будет, когда махинации вскроются, и как-то сразу хорошо становится, при мысли, что сама стояла, так сказать, у истоков...

— А ты не знаешь, что с такими хитрожопыми делают, Вика? С партнерами, обманувшими доверие, не церемонятся. В лучшем случае просто расходятся в разные стороны, а вот в худшем...

— Почему меня должны волновать участники подобных оферт? Они не картошку оптом покупают, Лера. Они тоже по локоть в слезах и крови несчастных девчонок. Я не думаю, что их попытки схитрить были с целью освободить кого-то или положить конец бизнесу Лукаса. Нет, они думали о себе! О наполнении своих борделей товаром и деньгах на своих счетах! Мне их предлагаешь пожалеть?

Вэл сцепила руки в замок.

— А ты умеешь правильно расставлять приоритеты. Когда я говорила сделать все зависящее, чтобы Лукас проникся к тебе симпатией, и подумать не могла, как далеко ты пойдешь.

— Ты думаешь, я бы выжила по-другому? И хватит обо мне. Смотри! Вот распечатка электронных писем спустя неделю после сделки. Был заказ на то... девчонок высокого класса и классом пониже. Пятнадцать первых и семь вторых. Как это семь не доехали до пункта назначения, и почему был договор на замещение первого класса? Это другие деньги. Но помощник Лукаса вновь прислал люкс, сорвав аукцион. Разве здесь иные правила? Не

нужны доказательства того, что утерян именно первый класс, как утверждает покупатель?

Вэл скривила губы, отмахнувшись от протянутого бланка договора:

— О нет, я не разбираюсь в ваших делах. Скука. Ладно, я ночью на сходку, завтра посмотрим. Смотри, не сгни на работе.

Я отхлебнула кофе и лишь кивнула ей вслед, погружаясь в числа и строки. Спустя час логическая цепь окончательно замкнулась. Я сложила договора в папки и потерла виски, закрыв глаза. Кто бы ни был помощник Лукаса, в Таиланд он явно не поехал. Или не поедет. Черные схемы за спиной босса были видны даже мне, далекой от всей этой канители.

И когда вечером ко мне явился Лукас, я протянула ему лист бумаги, на который переписала все свои выводы в удобоваримом виде. Чувствовалось, что от меня не ожидали подобной прыти, и это промелькнуло в голубых глазах мужчины. Я была настолько сильно уверена в своих выводах, что смотрела ему прямо в глаза, как мне казалось, с легким вызовом.

— Превосходно, Вика.

Лукас задержался, затем, притянув меня к себе, поцеловал. Жадно, глубоко, словно пытаюсь вложить в поцелуй всю свою благодарность и восторг. А я, несмотря на усталость, настолько сильно погрузилась в эйфорию внезапного успеха, что ответила на поцелуй. Это было неожиданно приятно, причем настолько, что и сама не поняла, как обняла его плечи, притянув к себе, погрузив язык в глубину его рта, чувствуя, как привкус кофе и ментола закрутились в неожиданно чувственном вихре.

Я не его хотела. Мы разделили на двоих успех. Именно поэтому мой поцелуй был таким жарким и неистовым. Насколько, что я потеряла счет времени и даже не осознала, что сама задаю темп поцелуя, а глава мафии, презренный работороговец, которого боялись как черта, послушно подчиняется диктату моих губ и языка!

Не хватало воздуха, и я разорвала поцелуй. Отступила вглубь комнаты, тяжело дыша. Голубые глаза Лукаса казались сейчас совсем черными от расширенных зрачков. Он выглядел... изумленным.

Я так и осталась стоять, глядя ему вслед, пытаюсь унять учащенное сердцебиение. И вновь ощущение единения заполнило собой все, вплоть до сознания. Что-то произошло. На шаг ближе, на ступеньку выше... мысли путались.

Когда зашёл один из ребят охраны и забрал папки, я так и не пришла в себя, лишь посмотрела на него зло: как он посмел прервать моё уединение? Но застывшее сердце заполнялось черной сладострастной влагой. И это не было желанием мужчины. Это было нечто, сравнимое с жаждой власти. С этим мне тоже предстояло разобраться, когда сознание отдохнет, и перед глазами перестанут плясать сводки цифр на фоне практически черного взгляда Лукаса...

А на следующее утро Вэл предупредила, что вечером у меня торжественный выход, и ее задание — сделать так, чтобы я произвела фурор. «Ну тебя, достала. У одного из братьев днюха, гуляет в пабе, я теперь туда и к окончанию не доберусь. Света с патроном на свою голову!» — беззлобно ворчала подруга, явно довольная тем, что все складывается именно так, как она того хотела с самого начала. А меня охватила тревога, особенно остро ощутимая на фоне так и не схлынувшей эйфории от вчерашнего успеха.

Выход? Куда? Зачем? С кем? Для кого я обязана блестяще выглядеть? Неужели мне разрешат выехать за пределы территории особняка, и если да, чем это грозит? Может, Лукас решил подложить меня под очередного психопата, возжелавшего умную шлюху? Или под кого-то из конкурентов, чтобы я обшарила его карманы или вывела на откровенную беседу?

Наверное, все эти опасения отразились на моем лице. Вэл закатила глаза, качая головой.

— Ты себя в зеркале видела? Босс подогнал на выход корсетное платье от «Де Ла Рента», а у тебя вид, будто заставляют голой пройти по трассе до города. Если б я носила эти гламурные саваны, отравила б тебя от зависти, так и знай.

Мои вопросы остались без ответа, хотя я и понимала, что Вэл осведомлена о том, что меня ожидает этим вечером. И, судя по ее игривому и расслабленному поведению, ничего ужасного. Но в этом отрезанном от реального мира социуме даже смерть стала чем-то обыденным, а Вэл зачерствела эмоционально гораздо раньше чем я. И все равно, до вечера я не находила себе места.

Может, вчера я допустила ошибку? Я уже знала, как Лукас нетерпим к тем, кто ошибается. В отчете ли, или в тот момент, когда возомнила, что имею право отвечать на его поцелуй в слегка агрессивной манере. Чтобы отвлечься от тревоги, переоделась в спортивный костюм и начала делать комплекс на растяжку мышц. Спину все еще саднило на месте пореза, и большая часть упражнений осталась не выполнена. Я с трудом дотерпела до вечера, даже грубовато оттолкнула охранника, явившегося проводить меня в примерку Вэл. Пошла сама, едва не срываясь на бег.

Подруга была в своем репертуаре. Сидела в кресле, запрокинув голову на спинку, потягивала колу через соломинку из бутылки. Мне бы ее патрицианское спокойствие! Захотелось рывком поднять с кресла и трясти, требуя детального отчета — к чему именно готовиться.

— Так, Вики, лицо попроще. Тебе понравится. Тебе точно.

— Да почему, ты не можешь мне сказать?!

— Я не хочу портить сюрприз Лукаса. Сбрасывай это с себя. Смотри, что сегодня наденешь.

Я сняла халат, оставшись в одном белье. Вэл прыснула со смеху.

— Хлопок в цветочки? Я тебе в дракончики подарю. Босс от хохота кони двинет. Ты собралась на подобное надеть это?

Черный шелковый чехол соскользнул на пол, явив свету... я перестала дышать. Назвать то, что сейчас держала в руках Вэл, шедевром, было слишком мало для того, чтобы описать это великолепие. Усыпанный бисерной вышивкой корсет из черных и жемчужно-серых вставок, переходящий в воздушные складки юбки из атласного шелка серого цвета и черной кисеи поверх. Она еще только держала его в руках, а платье уже заставило меня забыть о недавних тревогах и страхах. Я даже поднесла ладони к щекам, не в состоянии поверить, что мне предстоит сегодня красоваться в этом восхитительном наряде.

— Оно, это же... это произведение искусства! Это фантастика!

— А я и не сомневалась, что пройдет совсем немного времени, и ты будешь носить подобные платья. Как видишь, была права.

Словно зачарованная, я провела ладонью по вязи вышивки, погладила изумительный шелк. Оно было настолько крутым, что мне казалось, будто я оскверняю его своим прикосновением.

— А сколько... Сколько оно стоит?

Вэл подвесила плечики с платьем и открыла коробку с блестящей надписью La Perla.

— Явно не меньше пары десятков тысяч баксов. Когда босс старается произвести впечатление на партнеров, он не экономит ни на чем. Переодевайся, мне нужно сделать тебе макияж и укладку. Я хочу побухать на днюхе Безумного Росомахи. Тебе не предлагаю, шеф строго наказал не наливать. Да и пора тебе привыкать к некоторым реалиям жизни без успокоительного. Но ты помнишь, да? Испытание на прочность. Просто не забывай.

Я поджала губы. Вэл часто забывалась, повествуя о перипетиях своей вольной жизни, забывая о том, что мне все эти упоминания сходов, вечеринок и гонок — как соль на рану. Скажи кто-нибудь мне еще пару месяцев назад, что я буду готова продать душу дьяволу за возможность напиться в хлам на дне рождения какого-то сомнительного мотогогонщика, только бы рассмеялась. Впрочем, красота дорогого платья и шанс вырваться хоть на миг из закрытого особняка смягчили удар. Не стесняясь подруги, я надела изумительное шелковое белье и подобрала волосы вверх, позволяя Вэл затянуть корсет прекрасного одеяния.

Оно обладало даром менять настроение и мировоззрение. Стоило ткани коснуться моей кожи, внутренний зажим ослаб, я непроизвольно расправила плечи и втянула живот, глядя на свое отражение в зеркале. Это был кто угодно, но уж никак не униженная, лишенная свободы, растоптанная, зависимая и напуганная Виктория. Женщина в отражении могла дать фору топ-моделям и звёздам Голливуда даже без макияжа. Я была похожа на грациозную черную пантеру или экзотическую райскую птицу, которой для утонченной красоты не понадобилось яркое оперение. Глаза сияли каким-то новым, незнакомым мне огнем. Новая Вика была уверена в себе. Она должна была стать дорогостоящим трофеем мужчины, а не его безмолвной тенью.

Вэл уложила мои волосы в крупные локоны, оставив их распущенными. Из-за легкого объема я казалась выше, на лице проступили острые скулы, вкупе с прической придавшие мне легкий налет аристократизма. Алая помада и искусно подведенные глаза превратили меня в роковую женщину. Немного саднила спина под шнуровкой корсета, но Вэл сказала, что шрам уже затянулся, переживать не стоит. Образ завершило кольцо в виде ошейника из бриллиантов. Что ж, Лукас остался верен себе, подчеркивая мое истинное положение подле себя. Но я не чувствовала себя бесправной игрушкой. Столь великолепная женщина могла быть только равной ему в этот вечер. Капелька терпких духов завершила образ.

Когда появился Лукас, на миг в гримерной воцарилась тишина. И я испытала ни с чем не сравнимое удовольствие, наслаждаясь смятением и восхищением в его некогда ледяных глазах. Опешила даже охрана, два крепких бодигарда, сопровождающих босса.

— Виктория, — он сделал шаг вперед и неожиданно поднес мою руку к своим губам. Этого я ожидала меньше всего, оторопела даже подруга. — Вэл, ты превзошла саму себя. Я тебе благодарен.

Я растерялась, когда Лукас предложил мне свою руку. Это не было хваткой единоличника, и от неожиданной галантности у меня слегка закружилась голова. К тому же, от прикосновения его ладони по телу пробежал приятный ток. Я ощутила всеми фибрами души его трепет. Яркая мысль, похожая на вспышку озарения, поспешно ускользнула. Но тогда я уже в который раз верно прочитала его невербальное послание, показавшееся мне едва ли не святотатством. Что ж, с этим тоже предстояло разобраться.

Под руку с ним, в сопровождении охраны, мы вышли во двор. Каблуки звонко цокали по ровной асфальтированной дорожке. Спустя несколько минут мы подошли к кортежу из трех автомобилей. Один из бодигардов распахнул двери черного «геленвагена» перед Лукасом, второй — передо мной. Я подобрала длинные юбки платья и села на кожаное сиденье для пассажиров. Охрана заняла свои места впереди, заурчал мотор, и большие ворота распахнулись перед нами, выпуская в большой мир за пределами имения.

Автомобиль набирал скорость, сопровождаемый двумя такими же внедорожниками. Пустынная дорога убегала из-под колес, за оком проносились поля и рощи, а вдали сияли огни города. Свобода. Я едва сдержалась, чтобы не припасть к стеклу, жадно впитывая ее отголоски.

— Ты когда-нибудь была в казино? — нарушил молчание Лукас, поглаживая пальцами внутреннюю сторону моей ладони.

Я покачала головой:

— Нет. Доходы секретарши этого не позволяют.

— Доходы здесь не играют особой роли. У тебя просто хватило ума не рассчитывать на абстрактный джек-пот. Но сегодня я дам тебе возможность окунуться в эту атмосферу, не

рискуя потерять состояние.

Я сжала его ладонь, улыбнувшись в полумраке салона:

— Спасибо, сэр.

Лукаса развеселило мое обращение. Мы оба поняли, что это было не субординацией, а погружением в образ. Мне позволили поучаствовать наравне.

— Прекрасное платье. Спасибо вам еще раз.

Мужчина задумчиво смотрел вдаль.

— Я заказал его для тебя, чтобы ты ощутила себя леди. Я везу тебя в одно из своих игорных заведений, чтобы ты узнала, каким может быть твоя жизнь, если ты и в дальнейшем не станешь разочаровывать меня. Я заставил надеть это бриллиантовое кольцо, чтобы ты привыкала к изысканным украшениям. То, что ты сегодня увидишь — это моя реальность, Виктория. Моя жизнь. Другой у меня нет, и никогда не будет. Ответь сама себе сегодня, готова ли ты стать ее частью. Честно ответь. У меня на тебя большие планы. Но, как и прежде, бойся разочаровать меня. Я не прощаю подобного.

От его слов по спине прошел холодок. Права была Вэл, это не праздная прогулка, а суровое испытание. Я не знала, что мне предстоит пережить в эту ночь. Меня пустят по кругу? Поставят на кон в качестве ставки в «русской рулетке»? Заставят ползать в ногах зажавшихся богачей в дорогом платье и бриллиантах? От этого дьявола можно ожидать всего, что угодно. Я проглотила горький ком в горле и улыбнулась, погладив пальцы Лукаса:

— Я вас не разочарую. Будьте уверены.

Глава 11. Часть 1

Глава 10

Машин вокруг становилось все больше, огней тоже. Я едва сдержалась, чтобы снова не припасть к стеклу. Смотрела на яркие вывески, спешащих по делам прохожих, уютные кафе с зеркальными окнами, где пили кофе, общались и даже не догадывались, каким кошмаром может стать их жизнь по одному лишь щелчку пальцев обременённых властью и деньгами преступников. Мы проехали станцию метро, находящуюся возле офиса компании, и меня больно кольнуло ощущением, будто сейчас меня выпустят, я спущусь в подземку и поеду домой, радуясь, что рабочий день окончен. Позвоню матери, институтским друзьям. Почему я это делала столь редко, когда была возможность?

Сжала зубы, чтобы прогнать ненужную слабость и мысли о маме. Нет. Не имею права. Да и чужая я теперь в этой реальности. словно перепрошили все мое сознание, нацелив на другие интересы, главный из которых — выживание. Я подумаю обо всем этом, когда выживу. Победитель получает все.

Мы остановились напротив высотного здания с яркой вертикальной вывеской. Тотчас же сопровождающие нас выстроились в коридор вдоль красной дорожки, оттеснив многочисленных людей от кортежа. Охрана сверилась с кем-то по рации и, убедившись, что все в порядке, помогла нам с Лукасом выйти.

Забытый запах мегаполиса ударил в голову. Аромат выхлопных газов, вечерней сырости и свободы. Я даже зажмурилась, припоминая давно забытое. Но расслабляться было некогда. Лукас галантно предложил мне свою руку, и я распрямила плечи, намереваясь до конца отыграть положенную мне роль.

Наш визит вызвал суету персонала, хотя я была уверена, что каждый был предупреждён заранее и получил соответствующие директивы. На меня смотреть побаивались, терялись перед Лукасом, сбивчиво отчитывались, суетливо жестикулировали. Мы прошли в огромный зал, где присутствовало пятеро мужчин и две дамы. Я понятия не имела, сколько здесь обычно народу. Большинство столов пустовали. Девушка-крупье, похожая на картинку из журнала, на миг растеряла свою невозмутимость. Лукас кивнул ей, молчаливо велел не отвлекаться, и мы подошли к огромному столу.

— Ставки сделаны. Итак...

Огромное колесо рулетки пришло в движение. Оно притягивало внимание своим изяществом так же, как и шахматы в кабинете Лукаса. Я перевела дыхание, но тут же едва не смутилась снова, потому что двое игроков, забыв о рулетке, сейчас смотрели на меня, едва не открыв рты. Забыли обо всем — и о том, что колесо замедлило бег, вместе со стеклянным шариком, и что Лукас явно ждет, когда же они обратят внимание на него, просто из вежливости не стал прерывать игру.

— Синий сектор. Поздравляю победителя, — дежурно улыбнулась девушка, подцепив изогнутым держателем три башенки жетонов, подвигая их крупному мужчине с залысинами.

Тот снисходительно усмехнулся, будто выигрыш был каплей в море. Лишь после этого и он, и проигравший, который особо не расстроился, поспешили обменяться рукопожатиями с Лукасом.

— Кому-то сегодня везет, — заметил мой спутник. — Господа, это Виктория. Милая, с честью представляю тебе своих партнеров, доверие к которым проверено временем...

обойдёмся без прозвищ. Константин и Дмитрий.

Воздух между нами буквально наэлектризовался разрядами похоти, когда оба — и толстяк, и тот, что помладше, довольно интересный мужчина в дорогом костюме, целовали мою руку. Мне стало противно от сального блеска в их глазах. Молодой забыл о даме, которая его сопровождала, подмигнул мне, что не укрылось от взгляда Лукаса. Но мой спутник лишь снисходительно усмехнулся. Правда, мне не понравилась эта улыбка. Так смотрят на дичь. Или на преступника, которому уже вынесли приговор, но не озвучили.

— Виктория — великолепная женщина. А с недавних пор мой личный помощник. Знаете, господа, у нее дар замечать самые несущественные детали, разбирать их на атомы и добираться до самой сути, казалось бы, не представляющих интереса мелочей. Советую запомнить ее имя.

— Красивая и мудрая женщина — находка для серьезного мужчины, — с плохо скрываемым сарказмом заметил Константин. — Михаил, по поводу недавней сделки. Есть незначительные потери. Заказчик настаивает на люксовой серии.

— О, мы непременно сегодня разрешим этот вопрос. Ты знаешь, как я люблю это делать в неформальной обстановке. Но прежде, чем мы перейдем к более утонченным развлечениям, полагаю, следует воздать дань Фортуне.

Мы вновь вернулись к столу, где меня представили еще трем посетителям казино. Спутница Дмитрия окинула меня завистливым недружелюбным взглядом, я ответила ей иным — иронично-надменным, окинув взглядом платье, уступающее моему. Сам же Дмитрий напрочь про нее забыл.

— Виктория, сыграть не хотите? Гусары с дам денег не берут, но, может, мы найдем приятный компромисс, в случае вашего проигрыша.

Я бросила осторожный взгляд на Лукаса, но он делал вид, будто ничего экстраординарного не происходит. Лишь улыбался, но глаза при этом будто затянуло корой арктического льда. Что-то жуткое было в этом молчаливом нейтралитете, снисходительное, будто он сейчас наслаждался полетами бабочек, которым скоро оборвут крылья. Я же не испытывала никакого желания сыграть в лишённую смысла игру. Атмосфера азарта не смогла отравить меня. Может, мне хватило кайфа от собственного великолепия, псевдосвободы и псевдовеличия, а может быть, я уже начала понимать, кто эти люди. Ощущение, что меня не просто покрасоваться привезли, было очень сильным, буквально довлеющим.

— Нет, я не испытываю особого желания, — мягко улыбнулась, чувствуя эмоциональный подъем от столь явного мужского внимания. — Но с удовольствием понаблюдаю за вашей игрой.

— Тогда сделайте мне подарок. Подуйте на кости.

Я сложила губы трубочкой и выдохнула на хрустальные кубики.

— Но у меня тяжелая удача. Следовало уточнить перед вашей просьбой.

— На «зеро»! — игрок проигнорировал мои слова.

Дмитрий проиграл. Выигрыш отошел заведению. Я испытала удовлетворение, глядя, как он сжимает кулаки, сдерживая поток слов, явно не литературных. Подали шампанское и таралетки с тигровыми креветками. Ничего вкуснее я еще не пробовала. Пила сладкое шампанское и смаковала закуски, наблюдая за игрой мужчин. Лукас тоже сыграл партию в покер, но, надо отдать ему должное, не давал мне заскучать или почувствовать себя одинокой. Спрашивал, нравится ли мне здесь, пояснял нюансы игры, провел небольшую

экскурсию по игровым залам, отчего-то пустующим сегодня. Я была далека от основ игорного бизнеса, поэтому не задавала вопросов, слушала с интересом. Улыбка не покидала моих губ.

— Ты очаровала всех мужчин в этом зале, — заметил он с явным удовлетворением.

Шампанское расслабило. Я склонила голову набок:

— Я не нарочно.

— Они редко имеют удовольствие пообщаться с красивой и умной женщиной. Будет, что вспомнить перед смертью. Оставлю тебя ненадолго, скоро перейдем к самой волнующей игре. Осталось предупредить ее участников.

Его слова не сразу дошли до меня. Я не отказала себе в возможности насладиться галантным поцелуем пальцев, прикидывая, не испытать ли мне удачу в одном из игровых автоматов, «бинго», кажется. Уже собиралась позвать незаметного работника зала, чтобы разъяснил правила игры, и внезапно замерла на месте. Сразу несколько вспышек озноба прошли тело, вместе с отдельными словами Лукаса.

«Перед смертью»... «волнующая игра»... «предупредить участников»...

Незримый страж храма Фортуны оказался рядом. Покосился на занятого беседой Лукаса, неуверенно переступил с ноги на ногу.

— Все хорошо? Если хотите...

— Принеси мне воды, пожалуйста, — потрясла головой, борясь с приступом головокружения, опустилась на один из диванов, обхватив себя руками. Пазл сошелся.

Партнеры. Я запомнила имена. Не далее как вчера они фигурировали в документации, которую мне предоставил Лукас. Те, чьи махинации я вскрыла. Видимо, они подтвердились. Не исключено, что задолго до того, как я сама пришла к подобным выводам.

Сегодняшний раут — не поощрение сообразительной пленнице. Даже не благодарность за ее работу. И вовсе не желание похвалиться ею, по крайней мере, это не первостепенная цель. Это не вечеринка. Это торжественная казнь еще не услышавших приговор предателей. И я приглашена на это шоу в качестве не столько гостя, сколько изобличителя...

Глава 11. Часть 2

Меня буквально ломало. Я смотрела в спины будущих мертвецов, отводила глаза, когда ни поворачивались в мою сторону. Когда чувствовала их похоть и мизагонию, говорила себе, что все в порядке, они это заслужили за такое отношение. Потом — что парой мерзких работарговцев сегодня станет меньше. Но все равно, легче не становилось. Я пила воду, принесенную работником зала, медленными глотками, в ушах звенело. Смех Лукаса, реплики Дмитрия и Константина, стук шарика по отсекам рулетки, звон бокалов. Все это превратилась в гротескную замедленную съемку немого кино с кровавым, я уже не сомневалась, исходом. Хотелось напиться в хлам, чтобы не участвовать в подобном. Пусть я привыкла к смерти за время своего недолгого заточения, но никогда я не видела ее собственными глазами.

Лукас убивал нескольких зайцев одним ударом. Собирался показать мне кровавую баню, мне, бывшей отличнице с высокими идеалами и верой в хорошее, которая решительно переключала каналы при виде сцен резни и перестрелок в американских боевиках. Он ненавидел во мне ту, слабую духом Вику, которая не нашла в себе сил отказать Ивлееву. Ту, что боялась крови. Ту, что отрицала саму себя и свою внутреннюю силу. Он хотел меня иную. Закаленную подобным хардкором до окончательного онемения сердечной мышцы. Не сломанную, но возрождённую. А вот какими именно методами... он их не выбирал. Я знала, что мне предстоит лишиться сердца и совести.

Первый урок. Ты сама приложила руку к гибели этих двоих. Ты подписывала им смертный приговор той самой ручкой, которой выписывала в столбик цифры и плела кружева схем. И ты хотела остаться в стороне от их наказания?

Не выйдет, Виктория. Это его мир. И он живет по жестоким законам.

Я ничего не могла сделать. Только пить воду и пытаться овладеть собой, не позволяя ладоням дрожать, а глазам отразить всю глубину своего состояния. Повторяла, как мантру, что эти двое ничем не лучше моих похитителей. Что все они заслужили смерть в одинаковой мере. И постепенно я себя практически в этом убедила. Да и что я могла сделать? Впрягаться перед Лукасом за эту парочку идиотов, решивших, что они умнее всех и даже не постаравшихся замести следы? Просить его пощадить мою нежную ранимую душу? Увы, даже если бы у меня не хватило мозгов, и я бы решилась на подобное, скорее всего, меня бы уложили выстрелом рядом с приговоренными.

Я потеряла счет времени. Лукас сделал жест, заставляя приблизиться. Я так же, как и прежде, изобразила улыбку, подхватила с подноса бокал шампанского. Дмитрий уже изрядно опьянел от большого количества виски, неосознанно сокращал дистанцию между нами, буквально нависая. От его сального взгляда и несвежего дыхания было мерзко. Наверное, в тот момент я всё же желала его смерти.

— Виктория, вы любите мужские смешанные бои? — он скинул пиджак, поиграл ничем не выдающимися мышцами, сделав вид, что разминается перед дракой. — Тогда первое правило: никому не рассказывать о бойцовском клубе!

Лукас смотрел на него, как на внезапно заговорившую обезьяну, с презрением, снисхождением и легким любопытством. Затем широко улыбнулся. Я уже знала, что последует за этой улыбкой. Наверняка он резал мне спину с точно такой же. Ощущения были похожие.

— Вот и подобрались к эксклюзивной программе сегодняшней ночи. Нам придется спуститься вниз. Прощу, Виктория, господа. Милая?

Я приняла его руку, изо всех сил акцентируя внимание на деталях интерьера. Пусть думает, что я ни о чем не догадалась. Это избавит меня от дополнительного прессинга и не даст раскиснуть раньше времени. Во всяком случае, оставалось на это надеяться.

Мы покинули игорный зал, прошли по длинному коридору к железной двери, явно не предназначенной для посетителей. Крутая лестница вела вниз. Стук моих каблучков и мужские голоса эхом отдавались от стен пустынного пролета. Я заметила, что девушки, сопровождавшие мужчин, с нами не пошли. Видимо, для их глаз происходящее не предназначалось.

Когда я увидела бойцовский ринг и ряды кресел по обе стороны, паника вновь напала, накрыла, словно плащом, сдавила грудь. Глухо щёлкнул засов на двери, отрезав нас от внешнего мира. Из последних сил я старалась изображать интерес и любопытство, слава богу, руки были заняты бокалом с шампанским. Я периодически смачивала губы, делая вид, что пью.

Здесь нас ожидала охрана Лукаса и еще несколько человек. Михаил. Я попробовала это имя на вкус. Оно ему не подходило. Таким тварям не положено иметь имен.

— Файт! — заорал Дмитрий, нелепо размахивая руками, и побежал к рингу. Едва не запутался в канатах ограждения, пока перелезил. Схватил боксерские перчатки, оставленные здесь, скорее, для декорации, но натянуть так и не сумел.

Лукас указал мне на кожаное кресло в первом ряду. Сам садиться не торопился. Мужчины о чем-то переговаривались. Как я поняла, все присутствующие здесь были деловыми партнерами моего владельца. Только проштрафились двое из них.

— Михаил, разреши пересчитать ему виниры? — насмешливо проговорил крепкий бритоголовый мужчина, его имя я забыла. — Вспомним лихие девяностые с подпольными клубами?

Лукас закурил сигару, сощурился, наблюдая за плясками поддатого Дмитрия на ринге:

— Да ты его за секунду уложишь. Какой тебе интерес? Может, кто другой... Константин, к примеру?

Мужчина перестал смеяться. Покачал головой было, залепетал что-то о проблемах со здоровьем, но запнулся, столкнувшись с пронизывающим взглядом патрона. Даже попятился назад, явно сообразив, что смысл сказанного вмещал гораздо больше пьяного махания кулаками.

— Да полноте, Костя, — затаился сигарой Михаил, — я не дам вам поубивать друг друга. Оставь мне эту привилегию. А с твоим здоровьем ты партию товара через себя пропустишь и даже не закашляешься, не прибедаешься. Давай, можешь пиджак здесь оставить. Никто тут мелочь по карманам не тырит, верно, ребята?

— Файт! — подхватил кто-то из присутствующих, и под скандирование голосов Константин нерешительно побрел к рингу, затравленно оглядываясь. Лукас сел рядом со мной, положил ладонь на мое бедро. Я изо всех сил старалась не дрожать.

«Это все? Они просто забьют друг друга? Да они на бойцов мало похожи, может, все ограничится малой кровью?» — подумала я. Те, кто пришли с нами, заняли места подле нас, на соседних диванах. Свет погас, оставив освещенным лишь ринг.

— Рефери взял выходной, — известил Лукас. — Я сегодня его заменяю. Только не вставая с места. Бой!

Константин пропустил удар. Упал, не сообразив, что произошло. Кто-то, заливаясь от смеха, начал вести счет. Смеялись с Дмитрия, который нелепо махал руками и бил себя в грудь, словно бабуин в брачный период. Но вот Константин вскочил на ноги и пошел в атаку, с разбегу засадив противнику по колену. Так и упали на пыльный ринг, катаясь, словно колобки. Даже меня развеселило подобное. Я засмеялась, снимая напряжение, и покачала головой, глядя на Лукаса. Если он пристрелит этих комиков, я, наверное, все равно не перестану веселиться.

— Раунд! — известил Лукас.

Но его никто не послушался. Бой двух подвыпивших мужчин возобновился. На сей раз уже никто не шутил. Я слышала треск, и Константин завизжал, зажимая рукой перебитый нос. Кровь заливала его светлую рубашку, в свете софитов она казалось черно-алой.

Но никто не собирался восстанавливать силы. Двое противников вошли в раж и метелили друг друга, уже не разбирая ударов. Дмитрий же, изловчившись, попытался укусить противника за ухо.

— Достаточно, или еще поразвлекаемся? — спросил Лукас у партнеров.

— Да выпускай санитаров. Они сейчас вырубят друг друга и не испытают всего кайфа, — заявил самый старший из мужчин.

И тогда Лукас сделал быстрый знак охране. Миг, и что-то произошло. Раздался скрежет, шум, скрип. Я наблюдала, как вдоль ринга вырастают стены из арматурной решётки. Тянутся вверх, ограждая сцепившихся противников, так и не заметивших, что же вокруг происходит. Когда скрежет прекратился, и стена поднялась практически к потолку, Дмитрий заметил неожиданную клетку.

— Лукас, что за дела?

Константин отвесил ему хук в челюсть, повалив на пол. Он настолько ополоумел от жажды крови, что ничего не замечал.

— Толкну речь, так и быть, — Лукас поднялся с места, дав знак охране. — Притча. Однажды, давным-давно, жили семеро братьев. Жили — не тужили. И пусть не состояли в кровном родстве, но никто обижен не был. Все заняты делом, в достатке и здравии живут. Но вот восстали два брата против старшего. Восстали подло, по-тихому, позарились на его богатства и власть, и давай вершить дела темные, пока он не видит. Так бы ниточке и виться, но поймал как-то старший брат птицу темную. Редкой красоты и ума. И вот поведала ему пернатая птичка о проделках братьев, ничего не скрыла. Закручинился старший брат. Он бы им возместил всего, чего не хватает, да подло поступили братцы, не пришли к нему и не попросили. Обмануть решили. Что же делать то? Простить? Если б сами повинились, так бы и сделал. Собрал старший брат совет в высоком тереме, да посовещались они и решили — убить предателей надобно...

Ласковая речь Лукаса звенела во внезапной тишине, шум в моих ушах придавал ей поистине зловещую интонацию. Сердце билось, словно в клетке. Я не хотела видеть смерть. Черт с ним, даже смерть тех, кто как никогда этого заслуживал. Но, что странно, своей вины я не ощущала. Возможно, потому, что среди всех присутствующих здесь был лишь один человек. Девушка в умопомрачительно дорогом платье, приглашенная на резню под патронатом Сатаны.

Что дальше? Их заставят забить друг друга до смерти, словно в древнем Колизее? Выпустят против них других сильных бойцов? Или просто застрелят?

— Виски всем нам, — велел Лукас. — И шампанского для дамы. Или что покрепче,

Виктория?

Его ладонь сжала мое бедро. Без сексуального подтекста. Это не было даже демонстрацией власти. Лукас чувствовал мое стояние по пульсации крови в венах и напряжению мышц.

— Шампанское, спасибо, — я сумела сказать это без запинки.

Ожидание висело в воздухе. Звенело оборванной струной. Таяло в сгустившемся предвкушении присутствующих мужчин, от полных ужаса и недоумения реплик двух приговоренных в округлой клетке около ринга.

— Михаил, мать твою, что за херня?

— Лукас, б**дь, что происходит?

Никто не считал нужным ответить на их вопросы. Я наблюдала, как понимание исказило смазливое лицо Дмитрия отвратительной гримасой ужаса. Константин все еще надеялся, что происходящее — жестокая шутка. Пытался сохранить лицо, но вся его поза была жалкой. Оба понимали: Лукас не шутит.

Их вопросы перешли в мольбы. Когда принесли напитки, я едва сдержалась, чтобы не осушить бокал залпом. Пригубила и постаралась принять расслабленную позу.

Мне хотелось закрыть глаза. Хотелось, чтобы шум в ушах перекрыл децибелы криков будущих покойников. Чтобы я утратила способность чувствовать на будущие минуты. Увы, я знала, что мне этого не простят. Лукас вел меня к воротам своей реальности по узкому каменному перешейку над реками кипящей лавы. Один неверный шаг — свергнет в пропасть. И возможно, я разделю участь тех, кто сейчас буквально рыдал на ринге. А ведь они, по сути, в моем понимании были неприкасаемые.

Лай собак. Утробное рычание голодного зверя. Дежавю? Или я окончательно сошла с ума? Подалась вперед, вглядываясь в полутёмный угол зала за рингом. Движение, света... несколько пар светящихся угольков. Глаза питбультерьеров.

Темные тени собачьих тел с играющими под черной шерстью мускулами проступили из темноты. Высунутые в ожидании добычи языки, с которых капала слюна, учащенное, как и стук моего сердца, дыхание. Глухой рык. Собаки-убийцы рвали привязи, лишь по чистой случайности не бросались на удерживающих поводки охранников.

Дмитрий и Константин не сразу заметили совершенное оружие, от клыков которого им предстояло принять смерть. Но когда охрана с четырьмя устрашающими псынами окружила периметр зарешеченного ринга, тишина сгустилась.

Стук сердца. Рычание тварей. Скрип кожи ладоней о стекло бокала — предвкушение зрителей. И я, практически тепличное растение на празднике чужой крови. Зажатое в тисках чужой жажды развлечений и не осознавшее, что именно в этот момент из нежного стебля прорастают стальные шипы будущей брони.

Отсеки решетки напротив стражей с американскими питбулями пришли в движение. Ровно настолько, чтобы впустить внутрь четверолапых убийц, и не дать сбежать их будущим жертвам. Я сжала кулаки, борясь с искушением поджать ноги, когда охранники, словно по команде, одновременно разомкнули карабины на ошейниках уже протиснувшихся в лазы псин — мне казалось, эти убийцы могут с легкостью накинуться и на нас. Но дрессировка взяла свое, плюс узники ринга уже успели нанести друг другу кровавые увечья. Это окончательно сорвало планку у взбесившихся собак.

— Фас, — спокойно произнёс Лукас, и отсеки с лязгом захлопнулись за новыми посетителями ринга.

Они не спешили нападать. Яркий свет прожекторов и замершие от ужаса мужчины на первый миг сбили псов с толку. Собаки принюхивались, шумно дышали, прежде чем самый крупный пес страшно зарычал и с утробным лаем кинулся вперед.

Ад обрушился на землю. Потонул в отчаянном вопле обреченных, рычании, лае, топоте ног, треске рвущейся ткани, кляцанье зубов. В воздухе повис тошнотворный запах крови. Он осел на губах привкусом металла и раздавленных томатов. Вкус ужаса и смерти.

Мне надо было закрыть глаза. Лукас бы понял, наверное. Но я, словно сомнамбула, раскачивалась в кресле, сжав бокал до боли в пальцах, и смотрела, едва не ослепнув от увиденного, не оглохнув от самых страшных, душераздирающих воплей умирающих. Навсегда записывала на жесткий диск памяти отвратительную, ужасную картину — оскаленные пасти псов, рвущих человеческую плоть, кровь, капающую на зеленое полотно ринга с острых клыков, тела тех, кто совсем еще недавно весело шутил, играл в рулетку, пил виски... а теперь представлял собой тюки окровавленной плоти. Они мало что имели общего с людьми.

Черный питбуль с белым лепестком клевера — причудливым окрасом на груди — сбил с ног окровавленного Константина, почти добравшегося до решетки. Мужчина пытался воззвать к Лукасу, не понимая, что уже не жилец с подобными ранами, кровь стекала по его подбородку на окровавленные лоскуты костюма. Бросок, и клыки псины-убийцы вонзились в его щеку.

Я закрыла глаза. Тугой узел тошноты рванул вверх по пищеводу, отключая все органы чувств. Кажется, я впиалась ногтями в руку сидящего рядом Лукаса. Все это уже не имело значения. Я утратила связь с реальностью. И в то же время... мне была невыносима мысль, что я сейчас забрызгаю ошеломительное платье и кожу дивана содержимым своего желудка.

— Что-то хочешь сказать мне, милая? — ласково спросил мой мучитель, склонившись к уху. Дыхание на щеке успокаивало, но в его голосе было решающее ожидание. И я поняла, что будет, если я начну сейчас сбивчиво шептать просьбы остановить происходящий кошмар, расплачусь или забьюсь в истерике. Проигрыш. Затяжной прыжок в кипящую лаву.

— Нехорошо. Душно. Мне надо в...

— Прямо по коридору и направо. Все интересное уже произошло. Тебя проводят.

Я поднялась на ноги. Перед глазами плясали кляксы крови. Хрипы и стоны умирающих потонули в накате сердечного стука. Комната кружилась, тугой комок подбирался всё выше и выше. Я думала лишь о том, что меня может стошнить перед всеми присутствующими. Это было недопустимо, пусть даже произошедшее не произведет на них после показательной казни предателей никакого впечатления. Психика щадила меня. Она поставила блок, заставив переключиться на более насущную проблему.

В коридор я выбежала, не замечая сопровождения — тех, кто ехал с нами в автомобиле. Именно они открыли двери и подсказали, куда бежать. Едва я захлопнула за собой дверцу кабинки, меня вывернуло наизнанку.

Я потеряла счет времени. Хотелось рыдать, но я знала: если я позволю себе подобное, проиграю. Не сейчас. Пусть даже перед глазами застыла картина, способная лишить рассудка самого отчаянного храбреца: сразу двое псов над телом, не пойми кого, настолько изуродованном клыками. Лужа крови. Зияющий остов ребра сквозь огромную рану. И собаки, с чавканьем и рычанием рвущие окровавленную плоть...

Глава 11.3

Новый рвотный позыв скрутил меня вдвое. Липкая испарина проникла под корсет, осела росой на корнях волос, на лбу, ладонях. Я задыхалась. Невозможно было вдохнуть даже глоток воздуха между атакам горловых спазмов. Меня выворачивало наизнанку даже тогда, когда внутри ничего не осталось.

Наконец, обессиленная, дрожащая, я отползла к стене кабинки и прислонилась спиной, обхватив себя руками. Озноб не отступал, клацали зубы, ледяной пот стыл на коже арктическим холодом. Перед глазами все так же плясали пятна крови, иногда они темнели, иногда наливались алым цветом. Я не знала, сколько прошло времени, прежде чем сумела обрести ясность и подняться. Идти не могла — голова кружилась, сила притяжения тянула вниз. Кое-как смогла выбраться, перебирая руками по стене кабинки, а там, наощупь, уговаривая себя сделать хоть шаг, добраться до умывальника.

Кажется, в дверь просунулась голова кого-то из конвоиров — их беспокоило мое долгое отсутствие. Убедившись, что я цела, просто стою у вмурованной в столешницу раковины, удерживая вес тела на вытянутых руках, он поспешил захлопнуть двери.

А я боялась смотреть на свое отражение в огромном зеркале. Боялась, что в нем, словно на полотне кинопроектора, оживут картины увиденного кошмара. Дышала глубоко, чувствуя мелкую пульсацию во всем теле, будто оно стремилось распастись на атомы, чтобы не оставаться в реальности, где боль и жестокая смерть — обыденные вещи. Лишь когда открутила кран и подставила ладони под холодную воду, стало легче. Вода очищала и возвращала к жизни.

Зеркало отразило бледное лицо незнакомой мне девушки с размазанной алой помадой, растрепанными влажными волосами, с отголоском безумия в огромных глазах... эта незнакомка не должна была находиться в футляре промокшего от испарины платья. Оно было чужим. Мне надо было снять его сию же минуту... либо сделать так, чтобы я получила право и дальше в нем находиться...

...Клатч на тонкой цепочке. Руки дрожат, высыпая на мрамор столешницы содержимое — маленькую расческу, помаду, упаковку мятных леденцов и влажных салфеток. В мозгу набатом бьется мысль — ты не имеешь права на слабость. Ты видела, что делают с теми, кто за чертой. И ты не хочешь разделить их участь.

Вода отдает хлоркой, но она же и освежает. Набираю в рот и запрокидываю голову, полоскаю, сплёвываю. Снова и снова. Во рту горечь, привкус крови. Ее не смыть ничем, но я пытаюсь до тех пор, пока не сводит зубы, и привкус хлорки не вытесняет вкус желчи. Руки уже не трясутся, и даже сердце бьётся по-другому — оглушительно, но замедлено. И я беру красную помаду. Наклоняюсь к зеркалу и обвожу линию искусанных губ. Четко — просто даю себе установку, что если выйду за контур, случится нечто страшное. Я не хочу этого, и мое тело подчиняется ментальному приказу. Линия четкая.

Расческа путается в волосах. Вэл говорила, нельзя расчесывать мокрые, но у меня нет выбора. Вырываю клочья, приглаживая, выравнивая. Локоны практически исчезли, волосы ложатся гладкой волной на обнаженные плечи. Достая салфетки, тру кожу везде, куда только могу добраться, смывая едкую вонь холодного пота. Шрам на спине саднит, в корсете тесно. Это надо пережить. Я не имею права упасть в шаге от цели. Я прошла самые страшные круги ада не для того, чтобы сдать у финиша.

Сразу несколько мятных леденцов в рот. Взрыв арктической стужи — тот самый толчок, укол адреналина в сердечную мышцу, что не даст упасть. Раскусываю, не чувствуя языка от ядерного ментола. И комната обретает очертания, перестаёт кружиться. Я снова могу передвигаться, не рискуя упасть. Минуты слабости позади.

Размахиваюсь и бью себя по щекам, по очереди. Отрезвляет окончательно, щеки наливаются естественным румянцем. Пытаюсь улыбнуться, но это слишком. Я не готова. Наклоняюсь к зеркалу, придиричиво рассматриваю свое отражение. Хвала создателю... водостойкой туши и подводки.

Мне надо вернуться туда, где произошла кровавая бойня. В ту комнату, где наверняка еще витает запах крови, а собаки доедают человеческую плоть. И, вашу мать, я это сделаю. Пусть у меня разорвется сердце. Пусть я никогда не смогу уснуть. После этого я все равно не буду прежней. Проникли в мозг, перевернули все вверх дном. Лукас и его грязные игры разума. Ненавижу. Не за то, что он замочил своих партнеров, они, наверное, это заслужили.

За то, что он искупал меня в их крови, привязав к себе самыми прочными канатами.

Охрана курит у дверей туалета. Им весело. Вашу мать, они кайфуют от произошедшего. У них, оказывается, тоже есть эмоции! Знакомый речитатив режет болгаркой по натянутым нервам.

— Умоляли, чтоб простил! Он питбулей в дом пустил. Долго верные братки собирали их куски!

Это «Сказка о братке Салтане». Когда-то кто-то из моих одноклассников распечатал этот текст, заставляющий Пушкина возвращаться в гробу, и мы читали его в коридоре в ожидании лекций, смеялись. Это даже не выглядело издевательством над классикой русской поэзии — настолько четко блатная фея легла на канву сюжета. Могла ли я знать, при каких обстоятельствах услышу это снова?

При моем появлении смех прекращается, улыбки сходят с лиц. Не потому, что эти два мордворота шадят мою нежную девичью душу. У них устав, а кроме того, оба ошеломлены тем, что я нашла в себе силы выйти, да еще накраситься и привести себя в порядок. Кивают. А я мысленно укладываю вокруг сердца гранитные плиты. Крепкие. Непробиваемые. Чтобы ни одна эмоция не пробилась сквозь эти стены. Но никто не знает, как долго я смогу их удерживать силой воли.

В воздухе запах крови, страха, фекалий. Но его перебивает аромат дыма и табака. Не сразу понимаю, что это все — у меня в голове. Ринг уже пуст. Тела убрали. Нет даже крови. Несколько бесплотных теней в комбинезонах заканчивают мыть пол вокруг ринга, другие стелют новые рулоны покрытия. Поверхности не отмывали, их заменили. Исчезла решетка вокруг, исчезли следы кровавой вакханалии, будто ничего и не было. Сколько же времени я провела в туалете?

Лукас и партнеры курят сигары, пьют виски. Кто-то сервировал небольшой столик. Как эти монстры могут жрать тарталетки с икрой после того, как на их глазах рвали на лоскуты тех, с кем они прежде выпивали, ворочали дела, парились в бане, трахали проституток? В какой мир я попала?

— Виктория! Вы заставили нас беспокоиться, — укоризненно замечает мужчина с бородой, выпуская кольцо дыма и сбивая невидимый пепел с сигары. — С вами все хорошо?

Лукас наблюдает за мной из-за бокала. И я делаю то, чего от меня ждут: улыбаюсь. Но это не улыбка. Это оскал затравленного зверя, который так и не дался своим преследователям.

— Я брезглива. Приношу свои извинения.

Нейтрально, сухо. Никакого порывистого «это ужасно/ мерзко/ бесчеловечно». Пусть думает, что я привыкла видеть подобные смерти и наслаждаться ими.

Кто-то наливает мне шампанского. Я делаю глоток. Ментол уничтожает его вкус. Лукас берет меня за руку, но молчит. Так и проходит эта сигарная вечеринка на костях недавних братьев — будто ничего не произошло. Мужчины обсуждают вопросы бизнеса, спорят относительно новых назначений. Я ловлю смысл их беседы жадно, словно утоляю жажду. Именно это не дает мне вспоминать. Отводит от пережитого ужаса.

А затем мы покидаем казино, ставшее последним приютом для тех, кто посмел пойти против Лукаса. Ночь на исходе. Холодный воздух заставляет сжаться, вздрагиваю. Прощаясь, каждый из присутствующих целует мою руку и выражает надежду, что я хорошо провела время. Я чувствую себя своей на сходке мерзавцев. Я поделила с ними расправу над провинившимися. Мне хочется кричать, что я не одна из них и никогда не буду, но я улыбаюсь.

В автомобиле тепло. Мы молчим. Лукас разговаривает по телефону, не обращая на меня внимания. А я смотрю на спящий город за окном. Серые предрассветные сумерки превратили его в пейзаж постапокалиптического фильма. Будто все люди вымерли в один момент от неизвестного вируса.

После этой ночи мир никогда уже не будет прежним. В нем нет свободы. Нет больше ничего. Он просто чужой. Или мне нет в нем места, той, что наблюдала жестокую смерть и после этого улыбалась. Кому есть дело до того, что при этом происходило глубоко в душе?

Закрываю глаза. Теперь можно. Бессонная ночь, логично, что хочу спать, верно? Не подкопаешься. Но перед глазами — кровавое месиво из человеческих тел. В ушах — их вопли и предсмертные хрипы. Проглатываю рвущийся крик.

...На Гавайях жарко. Океан лижет песчаный пляж. На горизонте — алая полоска зари. Лодки ловцов трепангов кольшутся на легкой ряби волн. Еще немного, и у дальних скал, где бушуют волны, появятся отчаянные серферы. С ними ничего не случится. Смерть бежит прочь от сумасшедших...

Я такая же. Я бегу от себя. Заменяю увиденное картиной какого-то неведомого мне мира, зная, что скоро он может стать моим с той же вероятностью, как и сегодняшнее испытание.

Я выживаю. И не вам меня судить.

— Ты уснула?

Наверное, мне удалось задремать под вполне осязаемый рокот волн у скал выдуманной лагуны. Когда Лукас потряс за плечо, город за стеклом автомобиля исчез. Вновь сад и особняк за забором. Клетка захлопнулась.

— Тебе надо выпить. Поднимемся ко мне.

И я улыбаюсь. Не послушная кукла, а то, что хочет видеть во мне этот мужчина — единомышленница. Принимаю его протянутую ладонь и иду ступенями портала своего нового мира. Опускаюсь в кресло, желая снять с себя платье и забыться. Смотрю, как он разливает виски, принимаю бокал, пью, даже не жмурясь. После всего произошедшего кривиться от его обжигающей горечи — моветон. Лукас приседает напротив. Запускает ладонь под шелковые юбки платья, гладит кожу моих ног. Но при этом в его действиях, как и прежде, нет сексуального подтекста.

— Ты знаешь, зачем я заставил тебя на это смотреть, Виктория? — его голос подобен

степному суховею, сгущенному в огненный вихрь. Он ранее пугал меня. А теперь... теперь он почти родной. Делаю глоток виски. Жар внутри. Жар снаружи.

— Ваш мир, сэр. Вы хотели сделать меня частью вашего мира.

— Не только это. — Его рука согревает. Меня должно это пугать, но уже поздно. Он сделал меня частью самого себя. Вшил в сознание свои программные коды. — Скажи мне. Ты считаешь, людям нужно давать второй шанс?

Я хочу спать, а не вести философские беседы. Но у меня нет выбора.

— Второй — да. Но не третий.

— Нет, Виктория. В моем мире вторых шансов не дают никогда и никому. Ты должна это запомнить. Предавший однажды здесь предаст снова. Вместе с теми, кто не простит тебе слабости первого прощения. И чем скорее ты это усвоишь, тем легче тебе будет идти дальше. Ты готова идти дальше?

Рука ласкает внутреннюю сторону моих бедер. Я киваю, закрыв глаза. Не пойму, чего больше хочу — сна или секса. Но Лукас делает выбор за меня.

— Сейчас отправляйся спать. Ты молодец, девочка. Я доволен тобой...

Встаю. На негнущихся ногах иду к двери, к немому стражу. Он уже декорация. Больше не необходимость. Лукас знает, что я не сбегу. Окончательно запуталась в сетях чистогана, перешла грань, разделяющую наши миры. Мне дали шанс выжить, но для этого навсегда вырвать собственное сердце. Принять новую реальность, позволить ее войти в свою кровь. Стать мною.

Это не последнее испытание. Их будет еще много до тех пор, пока я не сорвусь... или не удержусь в новом мире.

Мне дали шанс стать первой леди самого Люцифера. Если я смогу, я выживу. И в тот момент я сказала себе, что сделаю это. Потому что выбора у меня просто нет...

Глава 11

Утром я почти убедила себя в том, что все случившееся — страшный сон. Это оказалось не трудно. Когда тебе, вчерашней студентке с красным дипломом, показывают изнанку жизни, ты не успеваешь к ней привыкнуть. Не в первый раз. Только непонятно, закаляют тебя подобные испытания или же разрушают.

Платье аккуратно разложено на кресле, бриллиантовый ошейник поверх атласа серого цвета — такого же, как и ненастный день за окном. Мне хочется рассмотреть его в деталях, но я не имею права расслабляться. Бегу в душ, совершаю приятные утренние ритуалы — кожа сияет, волосы блестят, на лице ни следа вчерашней рефлексии. Здесь никто не позволит заигрывать в депрессию. Сияющий внешний вид — обязанность. Дашь слабину, тебя даже голодный охранник не захочет.

Выбираю облегающее платье цвета чайной розы. Как и большинство деталей моего гардероба, оно не похоже на наряд шлюхи. Привилегия фаворитки главного мафиози, подтверждение статуса.

Платье и колье пахнут духами. Не кровью, не потом, не вчерашним шоком. И я гоню прочь воспоминания о прошедшей ночи. Так проще.

Мне приносят завтрак в комнату. Охранник, пряча глаза, поясняет, что босс уехал по деловым вопросам, и что я должна быть готова с ним поужинать. Проклинаю себя за проблеск сожаления. Когда это я успела настолько соскучиться, чтобы желать его общества? И что означает эта дрожь в теле, которую не перепутаешь ни с чем, но я упорно отрицаю ее значение?

Кофе изумительный. Намазываю тост джемом, прислушиваясь к своим ощущениям. То, что плещется в моем теле — желание. Жажда близости. Кожа помнит прикосновения его ладони, сознание — глубину горных озер проникающего взгляда. Уже не ледяных, скорее, манящих искупаться в них. Проникновенный голос что-то будит внутри, забытое, сильное, первобытное.

Я злюсь на себя и ненавижу ту, кем становлюсь. Вчера этот мужчина, не дрогнув кинул на растерзание псам своих партнеров. Заставил меня смотреть, наслаждаясь реакцией. Какого хера, извините мой французский, меня теперь так влечет к нему?

Сильный и властный мужчина, мечта всех девочек независимо от возраста? Положение вещей — я принадлежу ему и душой и телом, что не может не возбуждать древние инстинкты? Ладно, пусть так. Но откуда этот странный диссонанс с желанием накрутить его галстук на свой кулачок и притянуть к себе? Зарыться пальцами в его волосы и натянуть что есть силы? Месть за вчерашнее... или все куда сложнее? Настолько, что я практически ощущаю его учащенное дыхание, вижу взгляд, в котором мнимая затравленность и обреченность расцветает алым заревом запредельного кайфа?

Об этом куда приятнее думать, чем об окровавленных телах двух камикадзе, осмелившихся играть в свои игры. О риске не оправдать его доверие. Лучше гореть, чем угасать, пусть даже это не единение наших с ним эмоций, а всего лишь мои безумные фантазии, которым никогда не воплотиться в жизнь.

В обед приносят ноутбук. Радость временная: никакого подключения к интернету. Зато игр и фильмов немеряно. И книг. Фантастика. Десятки папок под именем автора. И это

настолько... трогательно? Не могу подобрать слов. Лукас запомнил все, о чем я ему рассказывала. О детской любви к фантастике, любви, которую мне привил мой покойный отец!

Пропускаю обед, ныряю в миры Роберта Шекли. Чужие миры. Я убегаю от реальности. День переходит в вечер, когда ко мне врывается Вэл.

Она в платье. Черном, облегающим, с узором из пайеток. На ногах — байкерские сапожки до середины икры. Представляю ее верхом на железном мустанге и начинаю завидовать белой завистью.

— Как ты? — осторожно спрашивает подруга. Я улыбаюсь, и вижу на ее лице шок.

Лишь спустя несколько минут пытливых взглядов и задумчивого покачивания головой, понимаю: она в курсе происходящего. И по ее логике, я должна рыдать, истереть, забиваться в угол, вздрагивать от отдалённого собачьего лая, но уж никак не валяться на диване у экрана ноутбука с блаженной улыбкой на губах.

— Хотела заказать нам пиццу. Мне сказали, Сам с тобой ужинать будет. Пичалька.

Она все еще косится на меня, пытаюсь понять — не сошла ли я с ума после ночного представления. Подходит к платью, осматривает, кивает, довольная. Я не знаю, что ей известно. Рассказали ли ей о том, как меня рвало в туалете после представления, или сама догадалась. Интересно, как бы сама повела себя на моем месте.

— Мне сказали. Только не пояснили, когда у него ужин.

Вэл включает телевизор и запрыгивает на кровать. Осторожность на ее лице сменяется любопытством.

— Как себя чувствовала в таком платье?

Шрам вдоль спины отзывается легким зудом на ее слова. Пожимаю плечами.

— Тесное. Но в целом, круто.

— Говорят, ты произвела фурор. Все только и говорят о новой женщине Лукаса. Мало того, что красива, так еще и умна. Заметь: о женщине, не о шлюхе. Вика, такое мало кому удавалось.

— А что произошло со старой женщиной Лукаса?

Вэл переключает каналы, задерживается на том, что транслирует рок.

— А, так они долго не задерживались. Анаконда, кажется, в эскорт пошла администратором. Да, у него еще и такой, типа легальный бизнес есть, там все по-честному. А жена, он уже давно ее в свет не выводит. Ее вся эта жесть утомляет. Ты думала, он ее зажарил и съел?

Я думаю, с него станется. Но не хочу об этом думать.

— Кстати, он ни с кем раньше не ужинал. Ты первая. Вика, я рада, что у тебя получилось. Правда. Только не форсируй события и не расслабляйся.

Клип какой-то рок-группы прерывает экстренный выпуск новостей. Это городской канал. Я не сразу обращаю на них внимание, мне хочется расспросить Вэл как можно подробнее, ведь она намного лучше знает Лукаса. И хочется поделиться с ней своими фантазиями. У этой девчонки опыт общения с мужчинами колоссальный, пусть пояснит, что допустимо, а что нет.

— Знаешь, меня к нему тянет. Да, можешь передать, пофиг. Он и сам это, наверное, уже понял. Только как-то... нестандартно, что ли.

Мне приятно избегать тему кровопролития. Я знаю, что о ней Вэл говорить со мной не станет: грубо велит забыть, замолчать. А тема мужчин и секса — это наш, девчочковый мир.

В борделе не говорят о чем-то другом.

— Как? Хочешь отхлестать его плёткой? Вика, он... просил сам?!

От ее пронизательности на миг застываю, теряю дар речи. Что-то в ее глазах понимающее, знающее. Перевожу рассеянный взгляд на экран телевизора — всегда в неловкий момент ищешь, на что отвлечься.

На экране картинка из прошлой жизни. Настолько чужой и далекой, что я не сразу понимаю, что происходит. Узнаю выкрашенный в яркие цвета палисадник, детскую площадку, большие липы, дом. Дом. Половина этажей как будто снесена, из оконных проемов валит черный дым. Фигуры пожарных мечутся вокруг, давят подошвами вылетевшие стекла, растаскивают груды обломков. Струи из брандспойта кажутся крошечными, недостаточными для того, чтобы загасить пламя — теперь я вижу также и его.

Я выросла в этом доме. Там, где бушует огонь и валит дым, раньше жила тетя Наташа. Я дружила с ее дочерью. Соседний подъезд вроде не тронут. Там живет моя мать...

Крик рвется из горла. Подношу ладони ко рту, а внутри все обрывается. Голос репортёра местных новостей холоден, лишен каких-либо эмоций, как глаза Лукаса. Отдельные фразы впиваются в сознание стеклянными сталактитами выбитых окон.

Взрыв газа. Эвакуация. Не удается загасить огонь. Семь пострадавших. Трое погибли на месте, четверо госпитализированы.

Трое. Четверо. Погибли. Госпитализированы.

Я уже не вижу и не чувствую ничего. Вэл трясёт за плечо, я трясусь в такт ее жестам. Мама. Мамочка. Боже. Так не бывает. Не может быть такого ужаса подряд, удар за ударом. Боже, нет. Только не это. Пусть меня убьют, порвут питбулями, зарюют живьем, только не она!

— Лера! — я не узнаю свой голос. Это вой раненого зверя. — Лера, там... там моя мама... я должна быть там!

Не слышу, что она говорит. Подрываюсь с места, ищу комнатную обувь — не нахожу. От боли парализует, ноги подкашиваются. Падаю, едва не заходясь в рыданиях.

— Телефон... дай...

Она напугана и шокирована. Переводит взгляд с телевизора на меня, буквально ползущую к двери. Пытается поднять, шепчет, что не имеет права, просит подождать, успокоиться. Потерпеть еще час, она подготовит кого-то из девчонок под клиента и поедет лично разузнать все на месте. Я едва ее понимаю. Знаю, у нее есть мобильный телефон. Ей ничто не стоит позвонить моей матери, ее номер я помню наизусть — сама лично дарила ей мобильник и выбирала номер, который легко запомнить. Вэл качает головой. Говорит, что запрещено, будет плохо нам обоим. Мне плевать. Мне уже не будет хуже, чем сейчас. Цепляюсь за подол ее платья, пайетки впиваются в кожу.

— Лерочка, родная... один звонок... я не скажу ни слова... прошу...

Нет, не слышит. Авторитет Лукаса превратил ее в бездушную куклу, нетерпимую к чужой трагедии. Своя шкура дороже. А я с неконтролируемой яростью толкаю ее в живот, бегу прочь. Плевать на крики, на обещание сейчас же сходить к боссу, который не откажет... да плевать я хотела на эти обещания!

Охраны нет, я бегу по коридору, не разбирая дороги, захлёбываюсь в слезах. Пожалуйста, мама, только не ты! Боже, если ты есть, не забирай ее, молю, заведи меня!

— Вика! Он не зверь, просто подожди...

Он не зверь. Он хуже. Но только в его власти, сойду я с ума или нет. Крики Вэл

остаются позади, я выбегаю на улицу, под моросящий дождь — босиком, в слезах. Нет, я не остановлюсь. Может, именно сейчас ей нужна моя помощь, и счет идет на минуты!

Лай собак вдалеке. Я не задумываюсь о том, что они могут со мной сделать. Крики, кто-то их сдерживает. Гравий впивается в ступни, а я, не разбирая дороги, интуитивно угадывая вене направление, бегу к особняку, где находится резиденция Лукаса.

Охрана не успевает меня задержать. Здесь мало что угрожает их боссу, оттого они расслаблено дымят в беседке, позволяя мне беспрепятственно прикинуть в дом. Сшибаю с ног кого-то из прислуги с подносом, бегу по лестнице вверх. Вот кабинет Лукаса. Здесь тоже охрана, заняты тем, что зажали в углу перепуганную рыжую девчонку в наряде горничной. Одна из девочек. Им не дают прохлаждаться. Пользуюсь замешательством, открываю дверь.

Мне нечего терять. Не обращаю внимания на маты и крики опомнившихся секьюрити, топот ног по лестнице. С разбегу влетаю в огромный стол, чудом удержавшись на ногах.

Лукас не один. Двое мужчин, узнаю в них вчерашних посетителей казино, и дама неопределенного возраста в ярко-красном брючном костюме. Похожа на бандершу, а не на бизнес-леди, впрочем, так и есть. В тот момент мне плевать на социальный статус присутствующих.

Боль. Охранники настигают, скручивают мне руки за спиной, насильно ставят на колени на мягкий ворс ковра. В воздухе сгущается изумление. Четыре пары глаз недоуменно смотрят на меня — босую брюнетку в дорогом платье, с укладкой, с заплаканными, безумными глазами... и босиком.

— Отставить! — раздается негодующий голос Лукаса. — Виктория, ты... ты лишилась рассудка?

В его голосе предупреждение и обещание семи египетских кар — я плохо вижу через пелену слез, чувствую кожей. Причин множество. Нарушила переговоры, ворвалась без спросу, дала визитерам повод обсудить произошедшее, сломала вчерашний имидж личного помощника главного. Это не имеет значения. Я знаю, что моя мать в опасности. Я хочу верить, что она жива. Что я смогу ее спасти. Что потом, все равно.

Меня отпускают — видимо, думают, что никуда я не денусь. А я не принадлежу самой себе. Лукас выходит из-за стола, руки скрещены на груди, сверлит меня взглядом. Вот сейчас огласит приговор. Я не могу терять времени.

Кидаюсь ему в ноги, в буквальном смысле. Обнимая колени, сбивчиво рыдаю, пытаюсь объяснить, что произошло. Вряд ли внятно получается. Пальцы свело, он итак сильно сжаты, что простреливает болью, когда Лукас пытается их разжать, без особой нежности.

— Уберите ее отсюда! Сейчас же!

Меня накрывает. Трясу головой, вырываюсь из грубых захватов охраны. Форменная истерика. Конечно же, главный босс не намеревается развлекать гостей подобным, как и выслушивать рыдания очередной рабыни, пусть даже на ступень превышающей всех остальных.

Меня тащат. Не ведут, именно тащат, больно сжав предплечья. Голос Лукаса глухой, словно сквозь вату.

— Приношу извинения, рабочие издержки. Итак, Людмила, я жду ваших пояснений: как вышло, что клиент недоволен поведением вашей лучшей эскортницы?..

Я не верю. Он не может так от меня отмахнуться и решать вопросы, которые и рядом не валялись с тем, что сейчас происходит у меня внутри. Но меня вытаскивают в коридор и продолжают тянуть дальше. Не бьют, видимо, на это счет были четкие указания. А я теряю

связь с реальностью. В голове набатом пульсирует оно и то же:

Мамочка, нет. Только не ты. Прошу, только не ты.

Рыдания выгибают судорогой. Я не чувствую боли, когда меня осторожно, но в то же время без особой нежности толкают на пол пустой комнаты. Скрежет замка режет нервы и сгибает меня пополам.

Рыдаю, понимая, что, возможно, уже поздно. Проклинаю Вэл и Лукаса. Им ничего не стоило спасти меня и, возможно, мою маму!

Время останавливается. Давит ледяной глыбой, не позволяя встать на ноги. Я так и лежу, свернувшись калачиком, посреди комнаты, в той самой позе, в которой меня оставили. Все было зря. Я могла выжить в этом ужасном мире, но не тогда, когда это предполагает отказ от родственных связей. Я проиграла. Но, возможно, умирающим дадут последний шанс...

Время играет против. Тревога окончательно лишает рассудка. Я уже не рыдаю, скулю, словно раненый зверь, обхватив себя руками, внутри стынет холод. Перед глазами — лицо мамы. Я как будто удерживаю ее на этом свете усилием своей мысли, и, если отпущу, шанса помочь ей уже не будет...

За окном вечерние тени, усилившийся дождь. Холодно, болят израненные гравием ступни, но я не замечаю боли. Слезы высыхают, внутри пустота. Я выгорела. Здесь, за десятки километров, не в состоянии помочь самому близкому человеку, в абсолютном неведении. Что дальше? Ничего. Лукас не простит проявления слабости. Не перед свидетелями, во всяком случае. Я только надеюсь, что больнее уже не будет.

...Яркий свет бьет в глаза. Я так и лежу на полу, потерявшаяся между забытьем и реальностью. Тело оцепенело. В тот момент я с пугающей ясностью понимаю: мне все равно, что будет дальше. Я не смогу жить, зная, что мамы больше нет.

— Вставай!

В его голосе пустота, как и в моей душе. Ни сострадания, ни беспокойства, ни ярости. Все верно. Какие эмоции могут быть по отношению к той, кого списали в расход?

Закрываю голову руками, трясусь головой. Я все равно не смогу с ним говорить. Ему-то что? Одной загубленной из-за бездействия жизнью больше. Не заметит даже. Ему ничего не стоит раздавить меня, что уж говорить о тех, кого я люблю?

— Нет, ты как хочешь, конечно. — Свет ярче, зажигаются потолочные светильники. — Только лежать тебе будет неудобно это делать.

Любопытство и надежда бьют на поражение в эпицентр истерзанной сущности. Сажусь, недоверчиво глядя на Лукаса. В его руках телефон. Убедившись, что я его понимаю, мужчина кивает на диван у стены и подходит к журнальному столику. Кладет трубку имиджевого телефона на поверхность, набирает номер.

— Ты все понимаешь, верно, Виктория? Одно неосторожное слово, и я уничтожу вас обеих.

Гудки вызова заставляют меня вздрогнуть. Громкая связь. Нет времени задавать вопросы, откуда у Лукаса номер моей матери, и что все это значит. Я понимаю лишь одно: звонить мертвому никто не будет.

— Слушаю вас, — раздается родной голос. В этой обители зла он кажется игрой больного воображения. — Алло, говорите!

Волна радости буквально подталкивает меня, заставляя вскочить на ноги, в два шага преодолеть расстояние до журнального столика. Тянусь к трубке, но Лукас сжимает мое

плечо, заставляя сесть, качает головой. Мне нельзя прикасаться к средству связи. Он контролирует процесс и в случае чего тут же нажмет кнопку отбоя.

— Мама! — счастье слышать ее размыкает голосовые связки, бежит согревающим теплом по венам. — Мамочка, что произошло? Ты где? Ты как?

— Вика! — чувствую удар всех ее эмоций, едва не сгибаясь пополам. — Доченька, что же это? Ты пропала... тебя найти не могут... где ты?! У меня не приняли заявление... тебя все ищут... на днях мне принесли деньги и сказали, от Виктории. Я чуть с ума не сошла.

Лукас смотрит на меня, не говорит ни слова. Я понимаю, что от меня требуется. Будь он проклят, однажды я сполна воздам ему за сегодняшний день! Но сейчас у меня связаны руки.

— Мама, все хорошо. Я... я в командировке, — произношу последнее слово медленно, вопросительно глядя на своего надзирателя. Лукас одобрительно кивает. — Я не... тебе должны были сообщить. Я... за рубежом, и здесь нет связи. У меня новая работа, она... тут подписка о неразглашении. Если бы я знала, что тебе не передали...

— Мне предали сегодня. Дочка, что это за работа? Откуда столько денег? Мне столько не нужно, я всего лишь хочу тебя обнять... ты когда приедешь?

Она жива. Это единственное, что имеет значение. Выжила и не пострадала. И на волне этой радости я готова выдумать все, что угодно.

— Не скоро, мама. У меня контракт на полгода. Связи с внешним миром строго исключены, мне сейчас просто разрешили убедиться, что ты обо всем знаешь и ни в чем не нуждаешься. Не надо ходить в милицию, и о том, что деньги дали и я звонила... не говори. Был взрыв, ты не пострадала? Где ты?

— Викуся, доченька, это было так... ужасно... я была в соцстрахе, большая очередь, только поэтому убереглась. Наташа погибла...

«Главное, что не ты». Эта мысль так легко приходит на ум, что я не испытываю угрызений совести. Последние недели научили меня думать только о себе и своих родных.

— Царствие небесное. Это ужасно. Мама, я видела. Не оставайся дома. Езжай к тете Кате, не дай бог, рухнут перекрытия. Мам?

— Доченька, так все хорошо. Я же в «Лесной феерии». Это подарок от мэрии, пока они не проведут диагностику в доме. У нас заклинило двери и перекосило окно, да люстра свалилась, и сервант. Здесь все за счет города, пансион.

Я не верю, что это за счет города. О нет. Я понимаю, кто все это сделал, и от кого деньги. Смотрю в задумчивые глаза Лукаса и шепчу губами «спасибо». Но он меня не слышит, думает о своем, при этом продолжая контролировать разговор. Я подумаю о том, что увидела на его лице, позже.

— Мамочка, я не смогу тебе звонить в ближайшее время. Не проси никого меня искать и не говори о том, о чем узнала. Это хорошая работа, но есть свои нюансы. Береги себя, обещаешь? Я люблю тебя.

Лукас хмурится. Я без слов понимаю, что пора сворачивать разговор. Скоро первое оцепенение от радости слышать мою мать сойдет, и не сложно будет догадаться о том, что на самом деле у меня не все столь радужно.

Слезы вновь подступают, подтверждая ход моих мыслей. Я не обещаю звонить, оставляю лазейку — может быть, удастся написать. Когда Лукас нажимает кнопку отбоя, позволив нам по-человечески попрощаться, меня трясет. Я сдерживаю слезы. Обхватываю себя руками, забиваясь в угол дивана.

— Вэл?

Прошло около двух часов с того самого момента, как я ворвалась в его кабинет. И тем не менее, он успел все это проверить: и выяснить информацию, и передать деньги, и даже определить маму в элитный санаторий, который простому смертному не по карману.

Он смотрит на меня — по-новому, оценивающе. Но скорее с одобрением, чем без.

— Вэл? В некотором смысле. Но не стоит забывать, что я и так знаю о тебе все.

— Спасибо. — Наверное, мне нужно его поцеловать, обнять. Но это шаблоны, а мы с первого дня знакомства с моим хозяином только той делаем, что их разрываем. — Правда. Я думала, у меня сердце лопнет.

Лукас садится рядом. Не пытается приблизиться, просто смотрит.

— Ты смутила меня перед подчиненными.

— Прошу вас, не злитесь. Я была не в себе. Этого больше не повторится.

— Не повторится. Учись держать себя в руках, на будущее. Но с разговором справилась, умница.

— Я обещала, что вас не подведу. Сложно, но я учусь.

Лукас встает, протягивает мне руку.

— Сейчас зайди в ванную и приведи себя в порядок. Мы собирались поужинать. И я хочу с тобой посоветоваться по еще одному вопросу. Надо послать кого-то принести твои туфли...

Прошло не меньше часа, прежде чем я смогла взять себя в руки и унять противную дрожь во всем теле. Эмоциональный отходняк обострился, соединяя в себе последствия двух мощных потрясений. И, конечно же, Лукас не собирался давать мне возможность с этим справиться. Наоборот, продолжал своё дьявольское тестирование в реальном времени, ожидая, когда я окончательно сломаюсь.

Иногда мне казалось, что он буквально жаждет найти повод избавиться от меня. Ненавидит себя за проявленный интерес, разрывается между желанием находиться рядом и ненавистью ко мне, такой непохожей на других. Я не хотела об этом думать. Я хотела просто выжить. Правда, неизвестно, насколько меня хватит с подобными эмоциональными качелями.

Ужин проходил в его кабинете, за столом переговоров. Прожаренный стейк, салат, красное вино, на десерт шоколадно-апельсиновый мусс. Не думала, что проснется аппетит, но убитые нервные клетки требовали пополнения сил, и я едва не набросилась на еду. Руки дрожали, близость Лукаса напрягала. Я не знала, как себя вести. Благодарить? Что-то мне подсказывало, что одного раза более чем достаточно. Имитировать чувство внезапно вспыхнувшей любви я не стала. Низко, мерзко, фальшиво. Это точно неуважение к тому, кто пошел тебе навстречу, как неумелая имитация оргазма. Поэтому молчала, ковыряя вилкой в тарелке. Радость оттого, что мать жива и о ней позаботились, сменилась тревожными мыслями о будущем. Я как в воду глядела.

— Вставай, — Лукас промокнул губы тканевой салфеткой и отбросил ее в сторону. — Подползи ко мне на коленях и сделай хорошо.

Возвысить, а потом опустить ниже плинтуса — в этом он был мастер. Но я не вскочила, словно ошпаренная, выполнять унижительный приказ. Допила вино, промокнула губы, отзеркалив его недавний жест, и опустилась коленями на мягкий ворс ковра. Внутри звенела пустота, слабый протест угас. Так было проще — отключить все свои чувства и играть во взрослые игры с опасным мужчиной, в руках которого находилась моя жизнь.

Я не медлила и не торопилась. Переплавляла ладони и колени, приближаясь к нему, без

театральных прогибов спины и блудливых улыбок. Наверняка подобного он за свою жизнь насмотрелся вдоволь. Я не собиралась становиться частью этой статистики.

Уперлась лбом в его колени, замерла. Эмоции все же пробились. Но не унижительные и тревожные, нет. Это было похоже на яркую вспышку, будто я непроизвольно нарушила границы чужих мыслей.

Подняла голову, глядя прямо в глаза Лукасу с непонятно откуда взявшимся вызовом, уверенно расстегнула ремень. Играла с ширинкой, расстегивая и застегивая обратно, при этом неотрывно гипнотизируя его. Власть. Вот, что было в моих руках в тот момент, когда я всего лишь исполняла приказ. Власть, которая пришлась ему по душе.

Я видела то, что мне тогда еще не полагалось видеть. Интерес, даже потрясение, любопытство, — насколько далеко я зайду. Увы, я была обескровлена в тот момент и не имела сил разыграть козырную карту так, как полагается. Лишь улыбнулась, позволив себе кратковременное, но острое удовольствие от того, что одержала верх в не оглашённом поединке, и, склонив голову, сомкнула губы вокруг восставшего члена, зафиксировав его неподвижно в собственной ладони.

Язык. Нажим. Вверх-вниз. Никаких мыслей и чувств, голая физика. И когда ладонь Лукаса легла на мой затылок, негласно принуждая взять глубже, я осмелела. Прекратила ласку языком, тряхнула головой и решительно отвела его ладонь в сторону. Попытка контроля разозлила.

Думала, сейчас прервет самоуправство, возможно, даже ударит. Но когда репрессий не последовало, я почувствовала нечто, похожее на возбуждение. Сжала его член обеими ладонями, как показалось, до лёгкой боли, втянула головку в бархатные тиски своего рта, продолжая ласку языком, наслаждаясь внезапно охрипшими стонами мужчины.

Кто-то сказал, что если бы женщины могли делать минет без передышки, они бы правили миром. В тот момент я была согласна с этой житейской мудростью, как никогда прежде. Как будто воля Лукаса передавалась мне с каждым движением губ.

Я не ублажала его, стоя на коленях. Я насильовала его ртом и губами, приняв удобную для себя позу, осознавая, что цепкие тиски моих пальцев причиняют легкую боль, но не делаю ничего, чтобы это прекратить. Я заставляла его стонать по написанной мною же нотной партии, то забирая член глубоко, по самые тестикулы, то лишая ласки своих губ, сжимая пальцами, охлаждая дыханием. И человек, который мог одним своим спокойным приказом заставить белое стать черным, не останавливал этот беспредел. Наоборот, выгибался в кресле, завывая от наслаждения, не больше делая попытки надавить на мой затылок, накрутить на кулак волосы или же в грубой форме запретить подобное.

Раньше я старалась как можно скорее довести партнера до эякуляции и расслабиться. Сейчас же наслаждалась процессом, а конкретно, чувством власти, и не замечала напряжения в уставших скулах вместе с легким головокружением. Имела его ртом, решая, когда именно предоставлю возможность кончить. И это было восхитительно.

Наркотик — не деньги, не секс, не препараты. Настоящий наркотик — власть. Не имеет значения, в чем именно она проявляется, распоряжаешься ли ты жизнью и свободой человека... или всего лишь контролем его оргазма. На троне ты со скипетром, или на коленях у подножия этого самого трона.

Но так же точно устаешь от этой власти. У кого-то это проявляется в стремлении хоть на время отдать контроль. А у меня — в сведенных от напряжения лицевых мышцах.

Я ускорила темп, создав в глубине рта плотный вакуум, заставив Лукаса зарычать и

излиться мне в горло. Зажмурилась, чувствуя, как выстреливают струи его спермы по гортани, знаменуя собой сладкую капитуляцию. Если бы в этот момент меня ласкали его руки, я бы сама забилась в судорогах наслаждения...

А потом все закончилось. Я выпрямила затёкшие ноги, слизала с собственных губ вкус его подчинения, закрыла глаза, стараясь удержать момент своего триумфа как можно дольше. Понимала — стоит выйти за пределы его кабинета, все будет как прежде. Пленница работоторговца, в руках которого ее жизнь. Я не обольщалась. Для этого еще было слишком рано. И не факт, что вообще однажды доживу до подобного.

Лукас потянулся в кресле, сделав вид, что не обращает на меня внимания, подтянул брюки, застегнул ремень. Меня не обидело подобное проявление равнодушия: обычный мужик, которой после секса поворачивается на бок и храпит. Не стоило ожидать от него царских жестов.

Я поднесла ладони к пылающим щекам, внутри плескалась остывавшая эйфория. Сегодня я получила в свои руки весомый инструмент управления мужчиной. Предположения подтвердились, тайные фантазии не были игрой воображения. Он устал от бремени власти. А я всего лишь избавила его от этого на короткое время...

— Это ничего не значит, Виктория, — холодно известил Лукас, разливая вино по бокалам. Я попыталась встать, но он жестом велел оставаться на месте, поднес бокал к моим губам, велел сделать глоток. Я послушалась, поспешила погасить явный восторг в глазах.

— Я знаю, будьте спокойны.

— Я могу позволить тебе гораздо больше, чем это. Но я так же легко могу тебя убить, если пожелаю. Пусть подобные игры не вводят тебя в заблуждение. Это понятно?

Я ожидала нечто подобное. Именно поэтому кивнула, протянула руку, накрыв его запястье своей ладонью. Лишних слов не понадобилось. Я хотела жить. И еще раз испытать удовольствие, подобное сегодняшнему.

Этот гад заставил меня желать его. Сделал то, что казалось невозможным. Нашел обходные пути, играя в сложные игры разума.

— Завтра выведу тебя на прогулку. Ты же хочешь знать, чем я живу, верно, Вика? Думаю, с твоей стойкостью после недавних развлечений это будет, как минимум, любознательно.

Он умел поднять высоко и с размаху грохнуть о землю. Картина истерзанных питбультерьерами тел встала перед глазами, я только чудом не зажмурилась и не затрясла головой. Мне не дадут забыть, в каком ужасном мире отныне проходит моя жизнь. Остаться в стороне чистенькой не выйдет. Этот монстр будет тонуть, но потянет меня за собой... тепло-холодно. Так будет всегда, пока я не е**нусь от перепада температур.

В эту ночь я долго не могла уснуть. Хотелось побыть с Вэл, обсудить произошедшее, узнать, кто именно рассказал Лукасу про мою мать. Мне не хватало типичного девчачьего трепка, потому что он подменял реальность, заставляя забыть об окружающих ужасах.

Интересно, сама Вэл, боготворящая Лукаса, видела, как безжалостно он убивает людей, посмевших пойти наперекор его авторитету? Довелось ли ей присутствовать на показательной казни отступников? Или ее благодарность к этому человеку была настолько безгранична и нерушима, что подобной шоковой терапии не понадобилось?

Когда я все-таки уснула, мне приснился восхитительный сон. Пыль дорог, закатное небо, свист ветра в ушах, смех Вэл и... свобода.

Только в этом сне я бежала не из плена и неволи.

Я убегала от бремени непосильной власти.

Утро выдалось холодным. Лето догорало, выпускало последний вздох, намекая на скорую осень. И когда смотритель передал мне, что через час я должна быть полностью готова, я впервые за все время нахождения здесь захотела возразить, забраться под одеяло с книгой и не выходить в неприветливый мир. Свобода не радовала. Это было издевательство — вывезти меня в окружающий мир, чтобы продемонстрировать, частью чего я никогда больше не стану.

Увы, поступить так, означало навлечь на себя гнев Лукаса, а я смутно понимала, что обычным выговором моя непокорность не закончится. То, что он позволил одержать над ним верх в сексуальных играх, означало очередной тест. Я разделяла подобные вещи. Если сейчас буду продолжать в подобном духе, пожалею. Может, собаками травить не станут, но в арсенале этого ужасного человека наверняка полно приёмов, от которых встанут волосы дыбом. Мне не хотелось испытывать это на себе.

Я натянула кожаные брюки, идеально облепившие мои постройневшие бедра, футболку, похожую на ту, что имела в своём гардеробе Вэл, курточку-косуху из мягкой блестящей кожи. Волосы оставила распущенными, подвела глаза и слегка коснулась тушью ресниц. Куда меня повезут, смотритель не озвучил, и я сочла подобный наряд уместным как на пикнике, так и в городе. Если бы мы ехали в казино или ресторан, мне бы об этом сказали.

Пока я од конвоем смотрителя и цепного пса из охраны шла по мощеной гравием дорожке к резиденции Лукаса, заметила девчонок. Тех, кому не повезло стать фавориткой, вернее, личной шлюхой главного. В кольце охраны они вяло передвигались по лужайкам, ежась от холода, опасаясь смотреть в мою сторону. И только рыжая Лизка — ее сложно было не узнать и по цвету волос, и по экспрессивному поведению — открыто флиртowała с перекаченным лысым вертухаем, и оба явно получали удовольствия от процесса. Завидев смотрителя, они резко разошлись в разные стороны. Лиза поймала мой взгляд и подмигнула, но ее глаза остались серьезными, настороженными. Я поняла, о чем она думает. Не завидует моему внезапному возвышению, а понимает: возможно, вояж за пределы особняка станет моим последним путешествием. Здесь никто и никогда не бы в чем-либо уверен.

Я уже садилась в автомобиль, когда услышала женский плач. Я слышала его ранее. Альфия. Похоже, она так и не смирилась со своей участью. Боль в надсадном рыдании уколола сердце, и я поспешно отвернулась, не желая видеть, как ее тянут прочь двое крепких ребят. Все верно, нечего подавать пример рефлексии другим. Хотелось верить, что она все еще дорогой лот на предстоящем аукционе, и никто ее не тронет.

— Виктория, — Лукас уже находился в салоне. Меня окутал аромат его одеколona и сигар. Твою мать, этого хватило, чтобы я сразу переключилась, почувствовав себя в своей тарелке и забыв о недавней сестре по несчастью.

— Здравствуйте, — когда он сжал мою руку, стало спокойно. Я уже начала привыкать к безумию в его лице настолько, что оно казалось мне родным. Улыбнулась и отвела взгляд.

На парковке что-то происходило. Бодигарды и охрана высшего уровня загружала в багажник чёрного джипа оружие. Автоматы, пистолеты, что-то еще, смутно знакомое. Мой взгляд задержался на происходящем больше, чем полагалось. Да я подобное видела только в бандитских сериалах!

— Ты похожа на Вэл, — вырвал меня из раздумий голос Лукаса.

Чтобы скрыть свое любопытство, я привернулась к нему и грустно улыбнулась, качая головой:

— Вряд ли.

— Ты знаешь, о чем я.

О, он не имел в виду мой прикид, в котором я сама напоминала себе Вику из недавнего сна. Характер? Трудно провести параллели, когда одна свободна, как ветер, испытывает теплые чувства к человеку, которого я вынуждена бояться и лишь поэтому делить с ним его ад... потому что у меня как раз нет этой свободы. Но ему виднее. Спорить и жаловаться на свою судьбу я не хотела. Как и задавать вопросы, несмотря на то, что от любопытства буквально потряхивало. Хорошо, что не было ощущения чего-то страшного, но ведь еще не вечер. Хорошо, если будет всего лишь продажа оружия, а не его демонстрация на живых мишенях!

— Через пять дней аукцион, — сменил тему Лукас, наблюдая за погрузкой стволов.

Это была лишняя для меня информация. Не зная, как реагировать, я просто кивнула, не зная, куда деть глаза.

— Иногда я думаю, кому и за сколько мог бы тебя продать. Как думаешь, Вика? Кто готов отдать годовой бюджет какой-нибудь южноафриканской дыры, чтобы получить тебя в безграничное пользование?

В его голосе звенело веселье, но вместе с тем... я ощутила, как все мое тело сжалось, словно стремясь сделаться невидимым, а голосовые связки застыли, скованные ужасом. Я понимала, что это может со мной произойти в любой момент. Даже если Лукас еще не наигрался с умной и стойкой куклой, вряд ли он упустит свою выгоду, если найдётся извращенец, готовый переплатить вдвое, а то и больше. К тому же я могу разозлить его одним неосторожным словом, и тогда... не настолько прочно мое положение рядом с ним. Как там говорят, в каждой шутке только доля шутки?

Шрам на спине предательски зачесался. Я сглотнула, прикусив язык. Мне хотелось спросить, чем я его расстроила, что сделала не так, почему он шутит (или не шутит) подобными вещами. Увы, знала: прояви я слабость, пойду с молотка сразу. Даже не по столь высокой цене.

— Дайте подумать, — голос слегка дрожал, я из последних сил сдерживала приближающуюся паническую атаку. — Насколько котируются образованные девушки? Они могут стать украшением раута. Подчеркнуть статус мужчины. Но вряд ли эти качества заиграют всеми цветами радуги, если они останутся для партнера рабынями. Вещами. Он просто не сможет воспользоваться этим бонусом в полной мере...

Стальные петли вокруг горла начали ослабевать. Лукас внимательно наблюдал за мной. А я продолжала говорить, понимая, что стоит замолчать, сорвусь. Этого нельзя допустить.

— Купит ли такой лот кто-либо ради долгих философских бесед? Не думаю. Ученый-миллиардер? Мимо. Будь девушка хоть профессором по квантовой физике, он скорее будет насыщать с ней свою темную сущность, чем разговаривать. Сам факт покупки-продажи обесценивает самый мощный интеллект. И вы это знаете. Возможно, будет еще одна категория потенциальных покупателей, те, у кого прогрессирующая моральная травма детства. Все равно, какая: училка высмеивала в школе или на олимпиаде обошла отличница из параллельного класса. Сами понимаете, зачем ему умная рабыня...

Лукас покачал головой, улыбаясь, хлопнул меня по плечу, заставив подпрыгнуть.

— Боишься?

Врать не имело смысла. Я посмотрела ему в лицо.

— Да.

— Не стоит раньше времени. Я не люблю делиться своими эксклюзивными вещами с теми, кто не знает их истинной ценности. Относительно торгов, я спросил тебя с другой целью. Поясню позже, когда вернемся. А сейчас поедем и переговорим с мальчишками, посягнувшими на чужую песочницу. Пристегнись.

Облегчение оттого, что Лукас не продолжает свои игры разума относительно моей возможной продажи, было настолько сильным, что я не придавала значения его последним словам. Мальчишки, песочница — ясно, что разговор не о детях, непонятно только, зачем мне это знать и тем более присутствовать. Нужен мой талант миротворца? Необходимость заговорить им зубы? Я знала, что бог, раздавая ум, одарил меня достаточно щедро, но не настолько, чтобы Лукас без меня не справился. Но возможность выехать за пределы загородной тюрьмы радовала как никогда, и я просто наслаждалась пейзажем за окном.

Поля и лесопосадки тонули в сером тумане морозящего дождя, но все равно это было красиво. Непроизвольно я провела рукой по стеклу, улыбаясь.

— У тебя красивая улыбка. Ты наконец поняла мой юмор? — нарушил молчание Лукас. Я не позволила опустить себя на землю с воображаемых небес.

— Как Сайлент-Хилл. Только красиво.

— Это еще не Сайлент-хилл, Виктория. Все впереди.

В его голосе было обещание. Я же не намеревалась позволить Лукасу испортить мое настроение. Смотрела в окно, загородный пейзаж почти не менялся. Мы ехали не в город, скорее, удалялись в еще большее захолустье.

То, что мы у цели, стало понятно, едва я расслышала жуткое карканье воронья. Целые стаи черных птиц кружили над головой, выписывая в воздухе абстрактные вихри, оглушая округу душераздирающими криками. Туман скрывал очертания пейзажа, но невообразимая вонь подсказала, что мы на свалке. То и дело из сгустившейся серой пелены выступали остовы ржавых машин, колес, контейнеров, старых механизмов и предметов бытовой техники. Здесь запах отбросов уже не был столь резким.

Кто-то из охраны выстрелил в воздух, заставив меня подпрыгнуть. Кучка бомжей, греющихся у небольшого костерка, с криками побежала прочь. У меня всё еще звенело в ушах от выстрела.

— Туман, — обернулся бодигард Лукаса и заглушил мотор. — Как бы не схватить шальную маслину.

— Не успеем, — спокойно ответил Лукас. — Никто с ними разговаривать долго не собирается.

Хоть видимость и оставляла желать лучшего, я различила несколько машин, вставших полукругом вокруг расчищенной от мусора площадки. Нас ждали. Да и не стал бы вертухай гонять выстрелами бомжей, если бы хотел подкрасться незаметно.

— Бронежилет, — напомнил охранник.

Лукас бросил на него злой взгляд:

— Ты считаешь, я боюсь этих шакалов настолько, чтобы таскать на себе эту хрень? Или ты не уверен, что их положите до того, как откроют рот?

Я положила ладонь на руку Лукаса. Черт, в тот момент я не пыталась заслужить себе дополнительные очки, имитируя беспокойство. Сама не знаю, почему сделала это.

— Прошу вас, сделайте, как он говорит. Туман. Все что угодно может произойти.

Лукас раздражённо выдохнул, вырвал руку, но кивнул, начал снимать пиджак. Я попыталась было выйти за ним следом, но он грубо велел оставаться на месте и внимательно следить за происходящим. Правда, бронежилет надеть на себя позволил, к огромной радости бодигарда, не знавшего, как ему быть в создавшейся ситуации. Я тоже ему не завидовала. Не пояснишь потом, что босс сам виноват, не захотел носить защиту.

Большого желания возразить и вылезти у меня не было. На улице сыро, над головой мерзкие вороны, еще этот запах, от которого хочется зажать нос. К тому же, хватило обрывков фраз, чтобы понять — о честных переговорах с оппонентами речь не идет.

Ксеноновые фары внедорожников прорезали серую пелену, и клубящаяся водяная пыль начала рассеиваться, оседая микрочастичками на лобовом стекле. В этих перекрёстных огнях я сумела рассмотреть пять мужских фигур, занявших позицию возле своих автомобилей.

Стрелка. Меня пригласили стать свидетелем самой настоящей бандитской стрелки. От осознания, чем обычно такие сходки заканчиваются, меня замутило. Я все еще не верила, что Лукас так скоро, не дав опомниться, притащил меня на очередную кровавую вакханалию.

Сжала виски ладонями, радуясь, что в машине кроме меня никого не осталось. Сил держать лицо после недавнего потрясения попросту не было. Я вглядывалась в проступающие все четче тени, слышала обрывки разговора, ругань, даже смех. Иногда — звук передёрнутого затвора. Но никто не стрелял, да и разговор велся в мирном ключе. По крайней мере, так мне тогда казалось.

Время застыло, и в какой-то момент я даже подумала, что ничего страшного не случится. Пообщаются, придут к общему знаменателю и поедут в ближайший ресторан отмечать достигнутое соглашение. Если бы не охрана, готовая выхватить оружие по первому знаку Лукаса или его визави, я бы решила, что общаются закадычные друзья. Беседа, судя по долетающим обрывкам, выглядела довольно непринуждённой. Зачем Лукас привёз меня сюда? Показать другим? Но никто не знал, что я сижу в машине. Решил понтануться, продемонстрировав свою крутость? Нет, такому мужчине не нужны дешевые спецэффекты, чтобы произвести впечатление на женщину, которую ему в силу особого положения не пришлось завоевывать. Но зачем тогда это все?

Чтобы не думать о плохом, я наблюдала за фигурой Лукаса. К слову, он не был похож на братка в классическом понимании этого слова. Костюм сидел на нем идеально, речь не отличалась блатным жаргоном и матерщиной. Практически аристократ среди бандитов. Я вспомнила, как упивалась собственной женской властью, ублажая его ртом, и по телу разлилось приятное томление. Да и сколько можно было отрицать очевидное: меня к нему тянет, влечет. И вовсе не как жертву стокгольмского синдрома к своему похитителю. Когда мы настолько тесно соединились, что стали одним целым?

Я улыбнулась, понимая, что теперь моя задача несколько облегчается. Одно дело — ложиться головой и телом под ненавистного тебе мужчину ради выживания, и совсем другое — делать это с удовольствием. Даже не с целью спастись, а ради удовлетворения собственных чувств. Провела пальцам по губам, которые слегка задрожали в предвкушении дальнейших сексуальных игр, и...

Жуткие, разрывающие тишину автоматные очереди. Карканье потревоженного воронья. Крики, звон разбитого стекла, падения тел — и снова громогласные плевки смертоносного

вихря выпущенных по живым людям патронов...

От ужаса я закричала. Зажала уши руками и сползла вниз, укрывшись между сидениями, ожидая, что сейчас шальной ливень пуль пробьет каркас машины и вопьётся в мое тело. Но ничего не произошло. Наступила тишина. Выстрелы оказались настолько громкими, что заглушили вопли птиц. Я понимала, что только что погибли люди, возможно, Лукас тоже, а меня в любой момент найдут, выволокут из салона автомобиля на сырую, усыпанную отбросами землю, и вряд ли оставят в живых. Понимала, но не могла пошевелиться. Кусала пальцы, изо всех сил стараясь не кричать и не плакать, не замечала неудобной позы и текущих минут.

Еще один сверхзвуковой прыжок, отделивший две реальности, разбросав их во времени и пространстве. Часть меня отсекала то, чем я жила ранее, в этот раз навсегда.

Двери резко открылись, и я закрыла голову руками, зажмурилась. Вот и все, Вика. Такая глупая смерть именно тогда, когда ты поверила в то, что сможешь выжить... когда начала испытывать подобие симпатии к своему тирану. Справедливости нет.

— Виктория, встань и возьми себя в руки. Сейчас же.

Этот голос я бы узнала из тысячи, даже с закрытыми ушами. Лукас. Он не погиб. Меня не убьют. Едва не вскочила, чтобы броситься ему на шею, сдержалась. Ухватила за протянутую руку, вышла из машины, чувствуя, как внутри разливается чувство радости. Да совсем недавно я желала ему мучительной смерти!

— Пей. — моих рук коснулся холодный металл фляги. — Давай, некогда падать в обморок. Ну?

Это оказался виски. А может, крепкий коньяк, я никогда не была знатоком алкоголя. Пить не хотелось, но послушаться требовательного тона я не могла. Сделала сразу несколько глубоких глотков. Внутри разлился пожар, заглушивший неправильные мысли.

— А теперь смотри. Смотри, что надо делать с теми, кто посягает на твою территорию, Виктория. Кто считает, что вправе прийти на все готовое и забрать то, что ты выгрызал долгие годы. С теми, кто отчасти поспособствовал тому, что ты оказалась здесь. Смотри!..

Я знала, что именно там увижу. Вся моя сущность воспротивилась этому, но куда страшнее было не подчиниться Лукасу. И я повернула голову, чтобы увидеть черные автомобили, следы от пуль на лобовых стёклах... и неподвижно лежащие на земле тела. Тела, не подающие признаков жизни.

Нет, плохо мне в этот раз не стало. Знакомый запах крови не вызвал тошноты или головокружения. В конце концов, это было не так страшно, как недавняя вакханалия питбультерьеров. Но от осознания, что в новом мире так вот с лёгкостью отнимают жизни, ударило по сознанию мощной волной. Ноги подкосились, и я закрыла глаза, с трудом удерживая равновесие.

— А вот закрываться не надо! — вдруг яростно, оголтело прорычал Лукас, хватая меня за руку и разворачивая к картине трагедии. — Я сказал, не надо! Заставьте ее смотреть!

Крепкие руки бодигардов зажали с обеих сторон, кто-то поднял мне подбородок, удерживая голову так, чтобы я не могла отвернуться. И я больше не посмела закрыть глаза. Смотрела а неподвижные тела и обстрелянные автомобили, чувствуя, как что-то внутри агонизирует, но адаптируется, подстраивается под ужас моей новой жизни.

— В моем мире, Виктория, двоек не ставят. Это не школа. И не заносят выговор в трудовую книжку, как в твоих офисах. В моем мире каждый час, каждую секунду ходят под прицелом, и если ты не нанесешь удар первой, возможности нанести его второй просто не

будет. Запомни это.

Руки бодигардов разжались. Я потеряла саднящие предплечья. Слова Лукаса застывали на сердце шипящим расплавленным битумом. Он в совершенстве владел наукой вколачивать в сознание основные постулаты.

— Пить! — я буквально вырвала у него фляжку и сделала глоток обжигающей дряни.

Стало легче. Уже в машине я поняла, что не чувствую ничего, кроме легкой дрожи. Те, кто остался лежать на вонючем пустыре загородной свалки, не были ангелами во плоти. Черти делили территорию, кто-то проиграл. Я почти справилась с этим испытанием... ровно до этого момента.

— Кабан успел позвонить своей шмаре. Заказала билет во Францию, летит вместе с пацаном. Что с ними делать? — повернул голову бодигард, равнодушно глядя, как я сжимаю руками фляжку с виски.

Лукас слегка поднял бровь:

— Глупый вопрос, Санек. В расход обоих. Сейчас же, и к семьям остальных потом наведаетесь. Мне тебя повторно учить подобным вещам?

Мужчина кивнул и начал давать указания по телефону. И от услышанного весь мой самоконтроль рухнул к чертам.

— Лукас, нет... это дети... вы же не воюете с детьми...

Мой возглас вызвал приступ смеха у водителя и Санька. А мой злой гений так и остался равнодушным, даже надменным.

— Едем в особняк. Или, возможно, Виктория хотела бы поприсутствовать на генеральной уборке? Могу изменить планы ради тебя, милая.

Машина тронулась с места. А я отвернулась к окну, чувствуя, как с треском рассыпается все, что я называла стрессоустойчивостью, и как по щекам текут слезы. К этому я оказалась не готова.

В абсолютном молчании мы доехали обратно. Я не заметила дороги. Не заметила даже, как оказалась в своей комнате, контуженая не столько произошедшим, сколько тем, что предстояло. Я не хотела знать о том, что так же не дрогнув убивают детей. Но мне не оставили выбора.

— Где... Вэл? — спросила у вертухая, что принес мне еду.

— Ее не будет здесь сегодня и завтра. Идет подготовка к аукциону. Просила тебя не скучать, — подмигнул качок, не заметив моего состояния.

А я легла на кровать, не раздеваясь, глядя в потолок. Понимая, что жить в таком мире не хочу.

А потом меня накрыло волной истерики. Настолько мощной, что я потеряла рассудок и связь с реальностью.

Словно зомби, меряла шагами комнату, затем сорвалась на рыдания, после чего ярость нашла свой выход. Я рвала одежду, срывала шторы, била торшеры, повалила на пол телевизор. Когда одежда была порвана, царапала свою кожу, завывая, круша все, что попадалось под руку, пугая прибежавшего на шум зрителя. В меня словно вселился бес, и я не мешала ему управлять собственным телом.

А потом появился Лукас, и стало все равно, сто же будет дальше. Обессиленная после истерики, с растрёпанными волосами, охрипшим голосом и слабостью во всем теле, я лежала на полу посреди бардака и тихо плакала. Просто ждала, когда не выдержавшую груза испытаний живую игрушку пристрелят, оборвав ее мучения, не принуждая больше воевать с

совестью и сопереживанием. Но Лукас грубо велел всем уйти и поднял меня с пола, дрожащую и бессильную. Прижал к себе, отыскал чудом среди бардака массажную щетку и принялся размеренно причесывать мои взлохмаченные волосы.

А мне только и осталось, что плакать, до тех пор, пока слезы не закончились, а тепло его тела не подействовало успокаивающе. Волосы вновь заблестели, легли атласной волной на плечи. А я прижималась к груди мужчины, который сделал мое существование адом и заставил ломать себя ради шанса выжить, и чувствовала, что успокаиваюсь. Он не говорил ни слова. И когда я обрела голос, чтобы получить ответ на измучивший меня вопрос, лишь сильнее прижал к себе.

Он умел быть чутким и нежным. Даже благородным и понимающим. Но это не могло изменить того, через что он уже заставил меня пройти.

— Дети, Лукас, в чём виноваты дети? Разве ни отвечают за грехи своих родителей? Кому столь сильно помешал ребенок, что его нельзя оставить в живых?!

Меня трясло. А он просто гладил мое тело, касался губами волос, легко и невесомо. Мое восприятие реальности переворачивалась с ног на голову. Даже тогда, когда мужчина, которого боялся сам дьявол, осторожно освободил меня от одежды и поднял на руки, прижав к себе. Шел осторожно, словно боялся причинить мне боль резкими толчками при ходьбе. Не проронил ни слова, усадив ванную и пустив воду.

Возможно, он хотел меня утопить, как вышедший из строя механизм. Или просто смыть с моей кожи кровь и жестокость сегодняшнего дня. Я сидела на холодном акриле, наблюдая, как вода прибывает, накрывая мои пальцы ног, поднимается выше, омывая щиколотки. Во мне просто не осталось сил бороться. В новой реальности Лукаса спокойно живут те поступки и испытания, которые мне никогда не преодолеть.

— Дети, Вика... — он повернул кран и запустил пальцы в волосы.

Я подняла глаза, понимая, что меня только что вырвало из объятий отстраненности: его растерянность, даже горечь, осевшая на губах вместе с каплями воды. Лукас снял броню холодного, расчетливого злодея — и не потому, что происшедшее как-то затронуло в нем особые душевные струны. Он сделал это легко, ненавязчиво, демонстрируя мне себя настоящего. Может, чтобы успокоить и дать понять, что тоже человек. Или же это было зеркальным отражением из далекого прошлого.

— Ты все видишь сама, верно? Сколько девочек никогда не увидит своих семей, утратит возможность нормально жить. Для нас это всего лишь бизнес, который приносит баснословные деньги. И у каждого из нас есть дети. Даже у меня. Причем здесь это, спросишь ты?

Он потянул в сторону галстук, ослабляя узел, расстегнул верхние пуговицы рубашки. Я слушала, недоверчиво глядя в его серо-голубые глаза, в которых сейчас соседствовали грусть и бескомпромиссность.

— Разбитые жизни таких, как ты — Оксфорд и Гарвард для наших детей. А до того, сама понимаешь — лучшие доктора, няни, материальные блага. Вечеринки, дорогие автомобили, статусные подруги. Все лучшее детям, которые подрастут, завершат свои университеты и... станут у штурвала пиратского корабля вместо нас. Более жестокие и матерые будут так же брать чужие жизни, не испытывая мук совести и продавать подороже, все равно кому — любителю красиво потрахаться, или психопату, пожелавшему замучить красивую девушку насмерть. Для них разница в цене, и только. Те, кто человечнее, — пусть тебя не вводит в заблуждение вера в хорошее. Из них вырастают прекрасные юристы,

закалённые западными университетами, которые оправдают любого психа. У наших детей нет другого будущего. Считай, что я просто не позволил мальчишке вырасти в очередного монстра, копию своего отца. У наследников с рождения нет и не будет другого пути!

Его слова били, словно штормовые волны о песчаный берег. Несмотря на весь цинизм сказанного и, в общем, правоту этих слов, я смахнула горькие слезы. Как мог монстр приговорить пока еще безвинных детей к смерти? Это не укладывалось у меня в голове.

— Не плачь, — он снял рубашку и принялся за ремень брюк. — Ты сама пострадала от рук такого вот золотого ребенка, верно? Она могла поставить ультиматум своему супругу, но не стала этого делать. Зачем, если можно сломать жизнь случайной жертве обстоятельств? Для нее это было даже интересно, знать, что сомнительная соперница сгниет в борделе, а муж как ни в чем ни бывало продолжит делить с женой постель и быстро забудет об очередном увлечении. Ты думаешь, ей было так больно, что она устроила тебе ад, соизмеримый со своей душевной травмой? Нет. Ты могла бы проявить стойкость и не лечь под своего шефа, но жажду развлечений этой мажорки насытили бы только чужие страдания. У тебя не было возможности этого избежать.

Упоминание о Кате Ивлеевой было еще одним ударом на поражение. Я даже боялась думать о ом, сто однажды она понесёт наказание, потому что понимала: пустые мечты. Таким, как она, я ничего не сделаю, и мысли о невозможной мести только подточат мои силы. Не будет законов кармы. Она будет жить и наслаждаться жизнью, спать с Валерием, жестоко расправляясь с теми несчастными девчонками, на которых упадет взор ее супруга, не задумываясь о том, что они не особо хотели быть с ним. Меня Ивлеев взял шармом, но других будет брать на правах начальника. Я покачала головой, желая, чтобы Лукас прекратил говорить о Кате.

— У тебя уже сейчас есть шанс отомстить ей. Еще рано, но неужели ты не хочешь однажды заставить ее отвечать за содеянное? Вика, если ты будешь предана мне до конца, я подарю тебе эту суку. Клянусь. А ты подумай о том, что я, скорее всего, лишил мир очередного монстра, возвращённого на ваших слезах!

— Предана тебе? — сдавленно прошептала я, не замечая, что обращаюсь к нему на «ты». — Лукас, меня нет. Я пустая внутри. Я не оправдала твоих ожиданий, я не могу стать частью твоего мира! Недостаточно даже страха смерти или борделя, понимаешь? Ты ошибся во мне! Я не стойкая! Я не настолько умна, как ты считал, потому что не могу притвориться тем, кем не являюсь! Ты неизбежно разочаруешься. Убей меня лучше сейчас, пока я не вызвала вой гнев от собственной слабости!

Лукас выпрямился, скинув боксеры. Я отвела глаза. В моей разбитом состоянии его подтянутое, надо признать, красивое тело не вызвало ничего, кроме апатии. Голый, он переступил через бортик джакузи и сел за моей спиной, прижав к себе. Вода коснулась моей груди, накрывая нас обоих теплыми объятиям. И в тот момент я инстинктивно откинулась на его грудь, положив голову на плечо.

— Слабая? — прошептал он, целуя меня в кромку волос. Я ощутила мощную мужскую эрекцию, упирающуюся мне в ягодицы. — Ты не слабая, Вика. Просто у каждого есть свой предел. Это как защитный костюм. Ты проходишь в нем через огонь и отбрасываешь сгоревшее лохмотья, и это акт освобождения. После испытания ты станешь сильнее и чище. Многие сгорают и ломаются, но не ты. Поверь, я не стал бы этого делать, если бы в тебе не было столько скрытых сил...

Его губы опустились ниже, прикусили мою мочку уха. Я слабо всхлипнула, когда вода,

всколыхнувшись, омыла ссадины на груди, те, что я нанесла себе сама на пике истерики. Боль и тепло его дыхания вместе с усилившимися объятиями нанесла первый удар тараном по апатии. Что-то всколыхнулось внутри, вытягивая меня на поверхность из омута безвыходности.

Лукас отстранился, выдавил гель для душа на свои ладони, и тут же накрыл руками мою грудь, сжал, перекатывая между скользкими пальцами мгновенно затвердевшие соски. Я охнула от изумления. Огненная стрела возбуждения прошла по телу навывлет, резко, неумолимо... восхитительно. Защищали вспухшие бороздки на коже, усилив желание в десятки раз.

Но он не собирался на этом останавливаться. Переместил ладони на мой живот, огладил, спустился ниже. Его рука под водой умело касалась меня, опускаясь к киске, лаская складочки вульвы. Я запрокинула голову и издала хриплый стон. Лукас на миг прекратил ласку, приподнялся, целуя меня поочередно в лоб, переносицу, распахнутые губы. Поцелуй оказался неожиданно нежным, но я в этот момент хотела другого. Воли, силы, одержимости. Ласке не под силу выбить мои душевные терзания. Хрипло зарычав, я протолкнула язык в его рот, выпивая большими глотками свое спасение от душевной гибели.

Лукас понял меня с полуслова. Правда, замер на миг, и я уловила его колебание.

— Вряд ли сейчас тебе это нужно, Виктория. Тебе необходимо тепло...

— Прощу, — я задыхалась с запрокинутой головой, говорить стало сложнее. — Сделай это так, как принято в твоём мире! Мире, частью которого ты так хочешь меня видеть!

— Я хочу вдеть в своём мире не рабыню и не девочку, на которой приятно вымещать злость за тяжёлый день. Я хочу видеть партнера, который разделит все мои интересы, и не только рабочие. Ту, что выслушает, поддержит, подскажет. И никогда не предаст...

На смену апатии шла тяжёлой поступью агрессора ярость. Ярость на то, что только что меня лишили грубого секса, предпочли его долгим разговорам.

— И поэтому ты уже несколько раз угрожал мне борделем и изрезанными половыми органами, да? Так с партнерами-единомышленниками поступают? Не мучай меня! Сверни мне шею, утопи к херам в этой ванной, или прекрати играть в свои садистские игры прямо сейчас! То, что ты делаешь, не выдержит никто!

Я резко разорвала наши объятия. Вода с шумом выплеснулась за борт джакузи. А я обхватила свои колени, словно пыталась скрыться, остаться наедине с собой.

— Бордель? Об этом можешь не переживать. И о продаже с аукциона — тоже. Ты теперь стоишь гораздо больше, чем все, что здесь находится, включая дома, автопарк и обитателей. Не для того я столько вкладывал в тебя, чтобы отдать даром или уничтожить из-за временного порыва.

Его слова должны были меня успокоить, но этого не произошло — даже несмотря на то, что я в них поверила.

— Однажды я не выдержу. Не вру. Жажда жизни, знаешь, тоже не резиновая. И она быстро иссякнет, если смысла в этой жизни не останется...

— Ты как грань, — тихо проговорил Лукас, игнорируя мою злость.

Я вскинула голову. Сейчас даже самые безобидные слова казались издевательством.

— Да, грань! Я на грани, и ты сам это понимаешь. А за ней только пустота.

— Неверно. Знаешь ли ты, что ограненный алмаз режет стекло с поразительной легкостью? Камень, добытый в дикой природе, без огранки, сравним с другими булыжниками под ногами. Если ты не добытчик алмазов, ты никогда не поймешь, какое это

сокровище. Но когда корунд попадает в руки ювелира и начинается кропотливая работа по его огранке, он становится шедевром, совершенной красотой. Его острые грани преломляют свет, делая его столь желанным и прекрасным. Этим граням под силу многое. Как и камню, что не боится огня, а в воде может притворяться невидимым. И он режет стекла и камни, оставаясь при этом совершенным. Ты такая, Вика. Алмазная грань, которую не сломить и не уничтожить.

Я хотела ему ответить — резко, язвительно, даже ядовито, но с изумлением поняла, что не смогу. И не потому, что меня подкупил столь изысканный комплимент. Что-то в голосе злобного гения, уничтожившего столько жизней, тронуло меня. Я пока что еще отказывалась это признавать, но это было. Слова пробрили блокаду. Совсем скоро они займут свое место в сердце и сознании.

— Тебе нужно отдохнуть, Виктория. Выспаться и восстановить силы. Впереди аукцион, и я бы хотел, чтобы ты помогла мне с некоторыми организаторскими вопросами. Как партнер и соратник, Вика. К тому же, завтра я хочу тебя немного развлечь и показать еще одну сторону моего мира. А теперь спать!

Я не сопротивлялась, когда Лукас помог мне выйти из воды, вытер мягким полотенцем. Когда включил фен и принялся сушить волосы, я уже дремала. День выдался тяжелым, и организм требовал восстановить силы. Сон — лучший лекарь.

Лукас помог мне переодеться в ночную рубашку, подоткнул одеяло и поцеловал в переносицу. А я так устала, что уснула сразу, не задавая себе вопросов, что же это было, и насколько можно верить его словам...

Глава 13

Проспала я довольно долго. За окном все так же моросил мелкий дождь, на прикроватном столике остывал завтрак, а быть может, обед. Первые минуты пробуждения были прекрасны. До тех пор, пока я не вспомнила, что же вчера произошло.

Расстрел оппонентов на загородном пустыре. Жестокий приказ расправиться с их семьями. Моя истерика, а потом...

Щеки залил румянец. Я вспомнила, как тело жаждало разрядки в виде грубоватого секса. И Лукас, можно сказать, отверг меня, не поделяв воспользоваться беспомощностью. Но парадокс состоял в том, что я ни о чем не жалела.

Как быстро привыкаешь к хардкору, творящемуся вокруг! Настолько, что начинаешь находить что-то от наслаждения в затянувшихся рефлексиях, а потом и сбрасывать негатив при помощи плотской близости. Ну, а чем не альтернатива чашке ароматной арабики или плитке шоколада? Возможно, так сознание смягчает удар, чтобы не разнести психику мощным взрывом.

Я успела принять душ и позавтракать — овощи на пару с лососем сохранили тепло несмотря на мой долгий сон, а затем в комнату ворвалась Вэл. И на меня обрушился ураган ее жизнелюбия.

— Я без сил, но это будет нечто. Как Марди-гра. Как Хэллоуин люкс-формата. Выбрала лук каждой из лотов, все будут сверкать, как елки на Рождество!

Она легко, не напрягаясь, говорила о несчастных девчонках, которых продадут неизвестно кому в качестве безотказных шлюх, как о куклах, каких полагается наряжать в красивые платица. И у которых нет души и сердца.

Я не сдержалась. Только что было желание обнять ее и поделиться событиями вчерашнего дня, пустить слезу, чего уж там — а после ее слов захотелось задушить на месте.

— Интересно, какой бы образ подошел тебе. Вряд ли тот, к которому ты так привыкла на свободе.

Вэл подняла бровь, иронично разглядывая мое хмурое лицо.

— А вот это тебя сейчас немного не туда занесло. Я говорила, отвыкай. Хочешь быть выше, отсекай все, что ниже твоего уровня. У меня и без этого голова кругом. Половина плачет, другая пытается купить обещаниями выкупа, а есть те, то вообще молчат...

— А что, им надо было танцевать и петь? Хохотать от счастья, что ты привезла блестящую упаковку, в которой их продадут с молотка? Непонятно, кому они попадут в руки, и сколько проживут после этого!

— Дура ты, — беззлобно отмахнулась Вэл, прыгая на кровать и беззастенчиво стягивая с блюда кекс. — Вижу, Лукас со своими обычными методами бьется как рыба об лёд, они до тебя не доходят. Чего ты добиться пытаешься? Спасти мир? Себя спасай! И подумай о том, что, окажись хоть одна из них поумнее, ты бы сейчас учила восточный танец, чтобы понравиться своему покупателю!

Настроение испортилось. Мне стало жутко оттого, что однажды я стану такой же точно, как Вэл. Слезы и страдание моих сестер станут в моих глазах блажью, неположенной вещам. Ведь к смерти я привыкла куда быстрее.

— Не хандри, — сменила тему подруга. — Сам сказал подготовить тебя. Давай,

подруга, самый ответственный экзамен. Не ударь лицом в грязь.

— Снова показательная казнь?

— Отчасти да, — Вэл нервно хохотнула, и я впервые увидела на ее щеках румянец. — Ну, ты же умная девочка, чтобы не убить его. И не болтать об этом нигде, верно?

— Что за...

А Вэл уже доставала из футляра платье — темное, в пол, с длинными, почти прозрачными рукавам-фонариками. Но мое внимание привлекло темное боди с латексными вставками. Когда Вэл затянула шнуровку, я даже присвистнула.

Оно не было похоже на то, что любят приказывать в порнофильмах. Никакого пошлого блеска, металлических колец либо шипов. Это был шедевр в стиле декаданса, утонченный, дорогой, повышающий самооценку до небес. Лиф поднимал грудь таким образом, что она приобретала округлую форму и казалась гораздо больше, чем есть на самом деле, к тому же, скрыл тонкие царапины — следы вчерашней рефлексии. Я провела руками по животу, напрочь забыв о недавней размолвке с Вэл. Даже не было желания грубо ей ответить по поводу ненамеренной двусмысленности следующей фразы:

— Лукас пользуется только качественными вещами.

Какая бы роль не полагалась мне сегодня, она была главенствующей. Королева. Что задумал сам черный король?

Мне предстояло узнать это уже совсем скоро. Потому что Лукас сам появился в моей комнате, жестом отравив Вэл. Подвел к зеркалу и, встав за моей спиной, застегнул у меня на шею колье — тонкую золотую нить с тремя камнями. От их сияния я едва не зажмурилась.

— У этих бриллиантов — острые грани. Как твоя сущность, — его губы коснулись моей обнаженной шеи, и я непроизвольно вздрогнула.

В этом поцелуе было столько восхищения, граничащего с преклонением, что я изумленно уставилась на Лукаса, стоящего за спиной. Отказываясь верить, что давно поняла, чего же он хочет, но не позволяя себе об этом думать. И из-за страха ошибиться, и просто потому, что сложно было поверить, будто такой человек кому-то это позволит.

Однажды я смотрела фильм про женскую тюрьму с Бриггит Нильсен в роли главной стервы. От параллелей начинала кружиться голова. Особо запомнился момент, где непримиримая и беспощадная начальница зоны снимает платье от резкого, словно хлыст, тона своей же заключенной, а в глазах стынет греховная обреченность с примесью сладости. Все бы ничего, но роли этих двух женщин не менялись. Одна по-прежнему не свободна, а другая — все еще имеет над ней власть. Но в отдельной комнате их роли сменились по обоюдному, хоть и сомнительному согласию.

Почему я так сильно отрицала то, что частично возродило мой вкус к жизни?

— Какая бы острая ни была грань алмаза, она не может убить.

Лукас поймал мой взгляд в отражении.

— Возможно. Но у нее ряд других преимуществ.

Выяснять их прямо сейчас мне никто не позволил. Погладив подарок самого дьявола, задев пальцами шею, я послушно пошла следом.

Никакой охраны. Кажется, совсем недавно двери в мою комнату перестали запирасть. Статус изменился, хоть я и была уверена, что Лукас не собирал никакого саммита, чтобы объявить об этом.

Я и сама примерно понимала, как здесь все устроено. Адаптировалась не только я. Кто-то из узниц этого места подружился с местными обывателями, охрана под покровом ночи

приходила к девочкам в комнаты, заручившись добровольным согласием, — все это формировало особую агентурную сеть сплетен и не только. Пусть меня никто в это не посвящал, я была уверена в том, что все понимаю верно. Были некоторые пробелы, но их еще предстояло выяснить.

После тёмной загородной трассы, освещенной лишь светом фар, утонувших во мгле полей и лесопосадок огни города казались ослепляющими. Откинувшись на спинку пассажирского сиденья, я разглядывала бурлящую ночную жизнь с легким интересом. Не было даже тоски по прежним развлечениям — с тех пор, как я устроилась на работу, моя жизнь пролетала в компании с перерывами на сон и единственный выходной. Огни ночных клубов, аттракционы в парке, проносящиеся мимо дорогие автомобили — студенткой я мечтала обо всем этом. И вот сейчас. У меня была возможность это получить, но какой ценой?

Автомобиль припарковался у высокого здания, жилого комплекса элитного уровня. Как же это отличалось от обшарпанного подъезда моего дома, с расписанной неумелыми граффити дверью, отсутствием света и запахом курева и пива в коридоре! Улыбчивый — как минимум швейцар, вахтером его язык не поворачивался назвать, поздоровался с Лукасом и со мной. На его лице не отразилось ни единой эмоции, только вежливо приветствие. Я рассматривала огромный холл с орхидеями, декоративным фонтаном, мраморным рисунком пола, аппараты для продажи кофе, сигарет и снеков, белоснежные кожаные диваны, жаккардовые занавеси и думала, что попала в другой мир. Да мне комнату свою так никогда не обставить, а здесь — холл. Эти люди не знают проблем с горячей и холодной водой, отоплением, страхом оступиться на темном замусоренном лестничном пролете или попасть в руки хулиганов. Другая реальность, другой уровень.

Лифт, похожий на капсулу космического корабля, понес нас вверх, неуловимо, тихо, без единого звука. В самой лифтовой кабине было так красиво, что я даже боялась представить, что же в квартире!

— Это лофт, — пояснил Лукас, введя код на панели кнопок. Лифт снова поехал вверх, все это заняло несколько секунд. — Выходи, будь как дома. В баре есть мартини. Мне необходимо сделать несколько звонков.

Я едва не ахнула. Прямо из футуристической лифтовой кабины ми ноги в босоножках на высоком каблук коснулись лакового паркета огромной... гостиной? Студии? Даже обернулась назад, моргнула несколько раз. Створки лифтовой кабины бесшумно сомкнулись, словно Сезам, явив стену с абстрактными панелями и светильниками. Чудеса, и только. Лифт прямо в номер? Я такое только в американских фильмах видела.

В огромном помещении не было разграничения на комнаты, за исключением, пожалуй, санузла. Окна во всю стену открывали изумительный вид на ночной город с высоты, как минимум, двадцатого этажа. Ни одной лишней детали. Утонченный, баснословно дорогой минимализм, указывающий на хороший вкус обитателя подобных апартаментов. Графитовая мягкая мебель, огромная постель без каких-либо стилистических излишеств, торшеры в таком же стиле хай-тек, потолок, в котором все отражается, напоминающий звездное небо, с россыпью мелких звезд — точечных светильников. Обиталище мужчины, похожее на уютное укрытие от мирских проблем.

Мои ноги мягко пружинили по темному паркету, стук каблучков поглощали стены. Я же была настолько сражена красотой лофта, что боялась опуститься на диван цвета мокрого асфальта, прикоснуться к пультам управления — непонятно, чем, случайно задеть

напольные торшеры в виде витых металлических ветвей с лампочками-светлячками.

Лукас же вел свой разговор, забыв о моем присутствии. До меня долетали лишь отдельные фразы: заткнуть рот какому-то оперу с фамилией Каменский, как у героини сериала по мотивам детектива Марининой, огромной суммой долларов, узнать о сексуальных предпочтениях какого-то араба с трудновыговариваемым именем, затем — сделать для Дениса Милевского первое место на каком-то вернисаже, комиссию тоже подкупить деньгами. Осветить гениальность картин юного художника в прессе. На этих словах голос Лукаса дрогнул, сбился. Я обернулась и прислушалась, словно гончая, учуявшая чужака.

Лукас был настолько холоден и непробиваем, не подвержен эмоциям, что, уловив его слабость в голосе, распознав в пока что ничего не значащем наборе слов Ахиллесову пяту, я тотчас же отметила это. Первая болевая точка в мою коллекцию. Я не понимала, почему подобное вызывает на моих губах улыбку. Тогда я ещё не осознавала, как сильно хочу его уничтожить. Хоть сто раз повторяла эту мантру в состоянии аффекта.

Скованность прошла, словно дрогнувший голос Лукаса наполнил меня силой. Я отыскала бар — глянцевого прямоугольника стекла с тонкой ручкой, открыла. Газлифт мягко опустил дверцу, явив мим глазам обилие напитков.

Отыскав мартини, я наполнила бокал, подумав, плеснула в него немного водки. Лукас, кажется, отдаёт предпочтение виски. Внутри бара оказался мини-холодильник, и я, выбив из формы кубики льда, кинула его в бокалы.

— Все хорошо?

Лукас сел в кресло. Его голос был прежним, но я все равно ощущала нечто, похожее на надлом. Протянула ему бокал с виски и села напротив. Странно, что в тот момент я думала лишь об одном: как бы разговор с неизвестным собеседником не лишил моего любовника мужской силы.

— Я бы хотел, чтобы ты делала тату. Вдоль позвоночника, на том месте, где тебя впервые поцеловало острие ножа, — тихо произнес мужчина.

Это не прозвучало, как приказ. Я намочила губы в мартини и усмехнулась.

— Конечно, сэр. Шрам начинает исчезать, память недолговечна.

Лукас потёр переносицу и пригубил виски.

— Виктория, не зови меня «сэр». Пошло. И если ты против росписи на теле, можешь прямо мне сказать.

Я повела плечом. Идея не показалась мне такой уж отталкивающей.

— Я хотела сделать татушку. Пока еще жила на свободе. Только работа хорошего мастера стоила баснословные деньги. Так что я не против.

Лукас прищурился, глядя на меня с непонятной, задумчивой нежностью:

— Россыпь бриллиантов. Словно в вихре, прозрачных бриллиантов с острыми гранями, вдоль твоего позвоночника. Чтобы каждый из них сверкал, как на солнце, под моими пальцами и губами... моя Алмазная Грань.

Я едва не поперхнулась. Внутри разлилось восторженное тепло. Но теперь я четко различала примесь злорадства и ликования, будто я пила жизненную силу Лукаса в моменты его слабости.

— А ведь я даже не знаю вашего имени. — Я лукавила. Ведь партнеры звали его по имени.

— Мы на «ты», Виктория.

Я отпила из бокала:

— Твоего. Твоего имени. Я знаю, что это звучит с моей стороны нагло и самонадеянно, знаю, что...

— Михаил, Виктория. Мое имя — Михаил. В этом нет секрета, просто ранее тебе не полагалось знать.

Каким-то образом здесь, в замкнутом уюте пентхауса все, что было за его пределами, теряло свое значение. Жестокая психологическая ломка последних дней, постоянные качели «продам-возвышу», тоска по матери, которую так быстро нейтрализовала необходимость самоконтроля ради выживания... все это казалось потусторонним.

Я подошла к большому окну, не спрашивая разрешения Михаила — в отличие от его кабинета, здесь я была вольна поступать, как вздумается. Что за новый мир вокруг? Провела рукой по стеклу, глядя на огни города под ногами. Где-то у горизонта светилась красным неразборчивая неоновая эмблема супермаркета, в десяти минутах ходьбы от моего дома. Моего ли? Я вспомнила убогие условия, уют, который старалась поддерживать из последних сил, но моих жалких окладов было недостаточно для этого. Наверное, я никогда уже не смогу вернуться туда. Даже если сейчас мой обретший имя пленитель вернёт паспорт и разрешит идти на все четыре стороны. Что-то во мне неотвратно поменялось.

Я готова была наблюдать смерть и даже косвенно в этом участвовать, только никогда не возвращаться в униженную нищету безрадостного существования. В мир, где использовали и ничего не давали взамен. В мир, где я была разменной монеткой. Толку, что при этом была свобода? Меня могли принудить к связи с боссом, похитить прямо с корпоратива, а у меня не было власти запретить им так поступать. Сейчас же...

Я прислонилась лбом к стеклу и поймала себя на мысли, что хочу увидеть полный ужаса взгляд Кати Ивлеевой. Растоптать эту мразь, вместе с ее самовлюбленным супругом. И у меня будет шанс, если я перестану держаться за прошлое. В тот момент я сделала свой выбор. Правда, еще не знала, смогу ли справиться с его последствиями.

Завела руку за спину, распустила ленты платья. Наблюдала в оконном стекле, как оно падает к моим ногам, и невольно поразились той маске жестокости и холодности, что сейчас накрыла мое лицо. Я раздевалась перед мафиози, попасть на глаза которому было чревато гибелью, без какого-либо трепета и подчинения. Я сделала это с вызовом и необъяснимо сильной уверенностью в том, что поступаю правильно. Руки сами расстегнули оставшийся на талии пояс, скрутили его пополам.

Наполовину полный стакан виски со льдом задрожал в руке Лукаса. Льдинки бились о стекло, напоминая дыхание загнанного зверя, обреченное, прерывистое... пробуждающее что-то первобытное, дикое, исполненное триумфа победителя.

— Я боялся, ты никогда этого не поймешь... или поймешь, но глупо распорядишься...

Стук стекла о поверхность, перезвон тающего льда, сбивающийся мужской голос, в котором трепет переплетался с восхищением, резал ничем не сдерживаемым эротизмом. Вдоль позвоночника словно огненной плетью вытянуло, я почти ощутила, как рвутся на волю черные крылья даже не падшего ангела, а ненасытной химеры. Не понадобилось слов. Глаза в глаза, повисшие секунды, наэлектризовавшие воздух сверкающими разрядами. Мы стали единым целым. Мы бросили вызов всем законам и теориям. Научились понимать друг друга с одного лишь взгляда.

— Тебе жизни не хватит искупить свои грехи.

Даже от звука собственного голоса по телу пробежала волна чувственного вожделения.

Вот оно! Власть! Не шикарное тело абстрактного идола, не результат использования советов тренеров пикапа, даже не голод... Власть над мужчиной, которого боится сам дьявол. Власть, которую только то вложили в мои раскрытые ладони, будучи уверенными в том, что я не выроню и не сломаю эрзац чужого доверия.

От этих мыслей меня буквально выгнуло сладострастиями судорогами предвкушения. Распрямились плечи, походка обрела небывалую легкость. Я шла к своей цели. К мужчине, добровольно позволившего себя растерзать... и знающего о том, что я этого не сделаю.

Ток волнующей отдачи проник в каждый изгиб моего возбужденного тела, когда я грубо, без особой нежности и размышлений толкнула Лукаса в грудь. Был мой удар сильным, или жаждущий подчинения мужчина подыграл — я не знала до сих пор. И этого мне показалось безумно мало. Бросив ремень на постель, я накрутила на кулак его галстук, притянув к себе. Наши глаза были так близко, что от этого нелогичного безумия закружилась голова.

— Никто тебя не спасет. Охране нет сюда доступа.

— Никто не спасет, — хрипло повторил Лукас. Горные заледеневшие озера стремительно таяли, их заполняла тьма сорванных печатей.

— Ты на своей шкуре прочувствуешь, что значит быть рабом. Я тебе обещаю.

Тьма рванулась прочь с его сдавленным стоном, в котором пик сладострастия ударил взрывной волной уже нас обеих. Я почувствовала, как теряю над собой контроль. Как сжимаю пальцами скулы Лукаса, буквально продавливаю, стараясь причинить боль. Лава сладкого пламени бежала по венам, и мне оказалось мало тактильного прикосновения. Комната поплыла перед глазами, когда я буквально впилась губами в его рот, прикусив до крови, целуя жадно, неистово, словно выпивая.

Это было ни с чем не сравнимое ощущение. Один из хозяев долбаного города пал ниц передо мной — той, что совсем недавно дрожала от страха и боялась подобного поведения с его стороны. Хозяин стал рабом собственной невольницы, интуитивно разглядев в ней ту, кто сделает счастливым не только его. Каждый получал свой наркотик.

Недавняя домашняя пай-девочка с амбициями, попавшая в сети торговцев людьми — власть, которой никогда не владела. Тот, кто смертельно устал нести на себе бремя власти — иллюзию сброшенного с плеч камня, покой под чужим контролем. Этого не могло произойти в принципе. Но это происходило.

Обреченность и сладкая жажда подчиниться в глазах превратила Лукаса в кого-то другого. Он даже выглядел младше лет на двадцать с такой желанной уязвимостью в помутневшем от страсти взгляде. Это сводило меня с ума. Наполняло такой энергией, что, казалось, сейчас задрожат и посыпятся стекла, а вся электроника выйдет из строя. Состояние, близкое к аффекту, неумная жажда, требующая немедленного утоления.

Я была подобна древней завоевательнице, ворвавшейся в падший город, чтобы надругаться над его царем. Хищному зверю, настигшему свою пару. Жажда обладать, растоптать, забрать волю и силы, насытить свое темное эго — как давно она жила во мне, и почему проснулась только сейчас? Вопросы без ответа. Им не место здесь, когда балом правит ненормальное вождение.

Не будь я столь сильно опарашена свалившейся на меня властью, может, вела бы игру по-другому. Заставила бы Лукаса избавиться от одежды самостоятельно, поцеловать туфли, которые он сам для меня и выбрал, может, придумала бы еще какой-нибудь ритуал, призванный взорвать сознание. Только сейчас мои мысли были далеко, телом управляла

жажда обладания.

Пуговицы его рубашки разлетелись по постели, когда я рванула ее за отвороты, не дав шанса опомниться от агрессивного поцелуя. Когда он попытался отвести взгляд в сторону, я с непонятно откуда взявшейся яростью ударила его по щеке. Черт, да я едва ли не кончила от одного этого жеста!

— Мне всегда будет мало твоей боли. Всегда!

Я говорила правду. И ту правду ему хотелось слышать, как самую сладкую музыку. Поражаясь собственной смелости, прибывающих волн эротического безумия, я буквально распяла Лукаса на постели, удерживая его руки над головой. Станным было другое: мысли о совокуплении куда-то испарились, будто их и не было. То, что творилось в тот момент у меня в душе, было куда более сильным кайфом, чем обычный секс.

Руки раздавали удары, крутили кожу, тянули за волосы. Губы поглощали, словно я стремилась забрать у мужчины самый ценный дар, свободу и власть. Не понадобилось стеков, плеток, наручников и другой атрибутики. Ничего из этого не имело значения. Я владела. Я использовала. Я захлебывалась счастьем его отдачи. Шептала, что с ним сделаю, где место таким, как он, а волны запредельного наслаждения поднимались, унося меня куда-то прочь, в реальность, о существовании которой я не знала.

Инттоксикация счастьем. Вот, на что это было похоже. Даже когда я открыла глаза и обнаружила, что лежу в постели. Совершенно без сил, в теле приятная невесомость, а ладони Лукаса гладят меня по щекам, волосам, словно я только что самолично бросила к его ногам ключи от Эдема.

Я попыталась воспроизвести в памяти недавние ощущения, но не нашла даже следа. Внутри было... умиротворение. Никакой жажды разрушить, подчинить, закабалить, выпить до капли душу страшного человека, чьего доверия я удостоилась. Моя душа самоочистилась, выплеснула все свои обиды одним движением.

— Я сварил тебе сладкий кофе. Поднимайся.

В его глазах было отражение моего состояния. Счастье. Я не отдавала себе отчета, как мы похожи в этот момент, и не задавала вопросов.

Кофе так кофе, даже приторно сладкий. По ощущениям было похоже на падение сахара в крови. Странно, как я еще не сожгла сама себя на костре столь необузданного желания! Щеки залил румянец. Откуда ему взяться после того, что произошло... а сколько времени прошло?

— Ты была великолепна. Моя Алмазная Грань. Я отчаялся найти того, кто однажды поймет меня так, как ты...

Меня поразила грусть в его голосе. Я даже моргнула. Неужели я стала первой, кто об этом догадалась?

— Вы... ты устал от ответственности. Быть сильным двадцать четыре часа в сутки, никаких сил не хватит. Предохранители сгорят.

Я натянула одеяло по самую шею. Слегка знобило. Да и смущение не желало уходить. Парадокс!

— Я... порвала вам рубашку. И прическа...

— Здесь есть сменный костюм. Здесь есть все, что необходимо. — Лукас вытянул руку, и я положила голову на его предплечье. Впервые а все время своего похищения я чувствовала себя счастливой. Но, как тогда уже поняла — со влюблённостью это не имело ничего общего.

Каждый получил свое. Сейчас мы наслаждались послевкусием своего персонального сорта наркотика. И даже ощущали друг друга, как самого близкого человека, которому доверили сокровенное. Негласно заключив договор, что эти правила действуют только здесь, в параллельной реальности изолированного пентхауса. Как только мы покинем его гостеприимные стены, все станет, как прежде. Барон работоторговли и девочка, сумевшая разглядеть его слабости и желания за мощной, непробиваемой броней. Толь поэтому она еще жива, и ей позволено куда больше, чем другим. Но все может измениться. И расслабляться ей еще не время, даже с таким козырем в рукаве...

Сейчас думать об этом хотелось меньше всего. Хотелось говорить. Что мы и сделали.

— Ты ведь не выбирал свой путь, Михаил, — проговорила я. Послевкусие его имени напоминало привкус металла и костра. — Поэтому он никогда не доставлял тебе удовольствия.

Лукас зарылся рукой в мои волосы, перебирая спутанные пряди.

— Никто из нас его не выбирал, Грань. Это династия.

— И твои потомки угоняли в рабство чужие народы?

Я сказала это с улыбкой. Мне просто хотелось говорить, все равно о чем. Хоть даже о теории струн.

— Я никогда не испытывал интереса к прошлому. Знаю, что никто не сумел избежать уготовленного пути. Дед, насколько знаю, во время Великой Отечественной сколотил целое состояние, поставляя славянок в Германию. Поэтому и уцелел в мясорубке репрессий. Как ты понимаешь, этот бизнес никогда не останавливался.

Под защитой стен лофта все было иначе. У меня не осталось тревоги, авторитетов, недозволенных тем. То, что я проделала с Лукасом некоторое время назад, разрушило границы запретных зон. Мне было спокойно на его плече. А мысли о будущем, совсем безрадостные, отскакивали от стен пентхауса.

— Во время войн это было всегда.

— Ошибаешься. В мирное время торговля живым товаром процветает. У нее сотни личин. Модельный бизнес, эскорт, даже постоянная связь с руководством детских домов, школ и университетов... милиции и пенитенциарных служб.

Это было слишком мерзко. Но я уже знала: в этом бизнесе нет пределов и норм морали. Отмахнулась от неприятного послевкусия, поспешила сменить тему.

— Значит, твой сын пойдет по твоим стопам. Или он уже завязан?

Грудные мышцы Лукаса под моей щекой напряглись, и сердце застучало громче. Буквально набатом разведчика, обнаружившего прорыв в линии обороны противника.

— Нет, Вика. И, боюсь, никогда не примет этого.

— Что же делать в таком случае? Родственники, дочери?

Лукас шумно выдохнул. Я почувствовала, как он закрывается. Мне до одури хотелось видеть его лицо в этот момент, но я понимала, что покажу свой интерес и вряд ли при этом скрою удовлетворение в глазах. А находить болевые у такого мужчины было удовольствием, куда более сильным, чем то, что я уже пережила.

— Нет. Только сыновья. Именно поэтому мне придется отстаивать свое место до самой смерти, сопротивляясь беспределу жаждущих заграбастать этот кусок в свои руки. Такое бывало и раньше, но всегда кодекс династии соблюдался. В мом же случае мне приходится отстаивать свой авторитет. Искать правопреемника, который будет мне верен. Разочаровываться в каждом из них и безжалостно избавляться. К тому же, сделать все от

меня зависящее, чтобы защитить сына. Никто не станет разбираться, хочет он занять мое кресло, или же нет. В расход, как источник возможной угрозы. Я все еще не теряю надежды, что однажды кровь Милевских взыграет в нем.

«Милевский! Я должна была догадаться! — прикусила язык и лишь крепче прижалась щекой к груди Михаила. — Его сын не от мира чистогана. Он художник. Самое больше разочарование отца, и одновременно тот, кого Лукас по-настоящему любит. Кому покупает выставки в крутых арт-галереях и восторженные отзывы!»

— Сколько ему лет?

Лукас внезапно поднялся, отстранив меня от себя. Минута откровения закончилась. Видимо, он понял, что я обо всем догадалась, а может, почувствовал плохо скрываемое злорадство.

— Двадцать два. И я больше не желаю о нем говорить. Тема закрыта, Виктория.

Я смотрела, как Михаил удаляется в ванную. В тот момент была почти уверена, что он сделал это потому, что не справился с эмоциями. Откинулась на подушку и натянула одеяло, отметив про себя на карте чужих болевых самую обширную геолокацию.

«Что такое двадцать два? Лукас сам мне недавно пояснял. Зарубежный вуз, тачки, статусные телки, вечеринки, море понтов и алкоголя. Попытки то ли читать рэп, то ли пробовать себя как ди-джея, игры в красивую жизнь. В этом случае, похоже, закос под художника. Скорее всего, самого заурядного, раскрученного при помощи папочкиных денег до уровня славы молодого Дали. Но пройдет еще немного лет, и сосунок наиграется. Потребуются куда более извращенные игры. И вот тогда ворвется в папин бизнес на коне, поразив своим размахом амбиций...»

Мой взгляд задержался на большой картине за арочным изгибом. Часть полотна в металлической раме тонула в полумраке. Но было в ней нечто, притягивающее взгляд. Я встала посмотреть на картину настоящего художника, не прокачанного папиными вкладами. Вряд ли даже сильно любящий отец повесит безвкусную мазню в своем тайном месте для отдыха!

В живописи я не разбиралась от слова «совсем». Исключение составляли картины Ройо, Валеджио и Ровены Морил — они будили чувственность своей сногшибательной энергетикой. Эта картина отдаленно напоминала стиль известных мне художников, но не принадлежала никому из них.

Черная пантера с горящими изумрудными глазами сражалась с серым ирбисом на фоне пиков заснеженных гор. В каждом штрихе чувствовалась сила, мощь, азарт хищников семейства кошачьих. И поражала буквально в сердце утонченная красота животных. Она была похожа на человеческую, так же, как и эмоции в ярких глазах: изумрудных, с бликами — черной пантеры и голубых, словно лазурь, горного барса.

И за первобытной схваткой этих красивых животных наблюдали. Фигуры людей с копьями и луками в шкурах. Они были изображены спиной, но в их застывших телах чувствовался азарт и восхищение.

Энергетика полотна оставила двойное впечатление. Это было нереально красиво, но... какой-то оттенок тревоги царапнул нервы, словно иголкой по железу. Она привлекала и отталкивала. И вместе с тем была шедеврально восхитительна.

Я провела пальцами по раме, затем обрисовала грациозные изгибы спины пантеры. Наощупь холст был слегка липким, словно картина только вот недавно вышла из-под пера художника. Непревзойденного художника. Интересно, что испытывает сам Лукас, глядя на

столь совершенное творение? Злость, что его сын не стоит и мизинца подобного таланта? Ярость, что наследник, на которого возлагали так много надежд, не оправдал доверия ни на одном из фронтов? Тогда понятно, почему такая реакция...

Двери душевой распахнулись. Я непроизвольно вздрогнула, когда Лукас, вытирая волосы полотенцем, подошел ко мне. Стал рядом, с грустью вглядываясь в совершенные штрихи завораживающей картины.

— Такая ирония, верно? Только безрадостная, — положил ладонь на мое плечо, указывая на постель. — В душ, и спать. Ты очень устала после своего сегодняшнего полёта.

Я с неохотой отвернулась от картины, а Лукас погасил свет. Полотно погрузилось в темноту.

— Полета?

— Это эндорфиновый удар. Такая реакция, чтобы не сгореть. Я даже удивлен.

Я кивнула, особо не вникая в его слова. Прошла в ванную, поражающую своим хай-тек стилем, от плитки до душевой кабины, похожей на космический агрегат. Расшнуровала корсет и позволила теплым струям воды омыть разгоряченное тело. Но мысли витали далеко. Я почти позабыла о том, как мне было хорошо, когда самый опасный человек города отдал весь контроль в мои маленькие ладони, прекрасно понимая, что я желаю его смерти. Как отравила власть самым опасным и сильным наркотиком, отправив меня в нокаут. Потрясение оттого, что его сын оказался настоящим гением образов, было гораздо сильнее.

Я продолжала об этом думать даже тогда, когда вытерлась полотенцем и вернулась в постель. Мое мнение о сыне Лукаса изменилось. Он больше не был в моих глазах наглым и изнеженным мажором. Он был талантом. Новатором, бросившим вызов всем, кто пробовал передать эмоции в деталях до него.

Михаил притянул меня к себе и закрыл глаза. Постепенно тепло его тела и размеренное дыхание убаюкали, и я погрузилась в сон.

Утром проснулась в одиночестве. Села на постели, оглядываясь по сторонам, потянулась, убедившись, что никого больше нет. Никаких следов присутствия Лукаса, лишь легкий аромат его парфюма в воздухе.

Обмотала шелковую простыню вокруг груди и, удерживая, подошла к панорамным окнам.

Подо мной распростерся город. Сейчас он тонул в серой дымке утреннего тумана, лишь высотки и шпили смотрели в небо скатами крыш и металлическими пиками. Накрапывал дождь, его было заметно через стекло невооружённым взглядом — капли, срывающиеся с высоты. В город пришла осень.

Несмотря на серый пейзаж, я почувствовала удовлетворение. Пентхаус и был сконструирован именно таким образом — глядя вниз, было легко ощутить себя владычицей мира. Город словно сдавался, положив все к твоим ногам. Непередаваемое чувство.

Как это — ощущать, что ты негласно владеешь этим городом? Что каждый из спешащих по делам людей может оказаться у тебя на прицеле, стать пешкой в твоих играх, разменной монетой? И почему у меня такое чувство, что я и это знаю?

Стало зябко. Я сделала несколько упреждений на растяжку мышц, — от необходимости лежать всю ночь головой на груди Лукаса тело немного затекло, затем приняла теплый душ. Поразилась, обнаружив в шкафчике косметику, щетки и расчески. К счастью, все было запечатанным, и я с лёгкостью раскрыла тюбики с названиями брендов стоимостью в три мои прежние зарплаты каждый, чтобы умыться, нанести крем и затеем — легкий макияж.

В шкафу, кроме костюмов, другой одежды не обнаружилась. Пришлось зашнуровать корсет и надеть платье.

С новой кофе-машиной я разобралась лишь десять минут. Едва не обожгла руки брызнувшим горячим молоком, но все же справилась. Правда, лате приготовить не вышло, удовлетворилась эспрессо.

На небольшом столике обнаружилась записка от Лукаса.

«Уехал по делам. Александр отвезёт тебя, когда проснёшься. Сообщишь на рецепцию, красная кнопка на приборной панели у двери. Если необходимо что-то купить, у него есть карта. Можешь потратить деньги на свое усмотрение. Надеюсь, о благоразумии напоминать не надо.»

Я усмехнулась, пригубив кофе. Конечно же, он все еще думал, что я сбегу. Да другая на моем месте так бы и поступила. Я же не думала о побеге.

Во-первых, этот человек знает обо мне все. Инцидент с моей матерью был довольно показательным: ему не составит труда её отыскать в случае моего непослушания, а людей он жалеет редко. Во-вторых... зачем мне бежать сейчас, когда я обретаю все больше власти и выгод от связи с ним? Вскоре я смогу спокойно передвигаться по городу и навещать мать. Так почему бы не потерпеть?

В желудке заурчало от голода. Обыскав комнату, я обнаружила лишь алкоголь и чипсы. Невеселая перспектива. Расчесала волосы, накрасила губы яркой сливовой помадой, найденной на полочке, и нажала кнопку вызова рецепции, велев передать Александру, чтобы явился сюда. Едва не забыла подарок Михаила — тонкую цепочку с бриллиантами. Застегнула на шее, окинув себя довольным взглядом.

Говорят, цветы чахнут в неволе. Этот же цветок там распустился, получив достойный уход и пустив хищные побеги. Женщина в отражении была той, кем недавняя Вика не могла стать ни при каком раскладе. Той, кем бы хотела быть на кого прежде смотрела с завистью и кусала локти от недостижимой мечты. Она верила, что сможет сделать карьеру лишь усилиями своего ума, не ложась телом и разумом под более сильных. Увы, реальность для нее оказалась совсем другой.

Шум открывающихся створок лифта, тяжёлые шаги. Бодигард Михаила замер на пороге, слегка смутившись. Меня же его присутствие больше не смущало. Я поглаживала бриллианты на шее и придирчиво разглядывала свое отражение.

Платье было практически вечерним. Уместно ли в таком наряде посетить ресторан? Впрочем, ничего другого у меня все равно не было, а есть хотелось.

— Прошу прощения, — Александр отвёл взгляд. — Я буду ожидать вас возле лифта.

— Не стоит, я готова. Можем идти.

Окинула взглядом роскошный пентхаус. Возвращаться в жестокий, неудобный мир, полный ударов, не хотелось. Но разве кто-то спрашивал меня? За право летать и наслаждаться властью — без разницы, иллюзией или нет, надо было спускаться с небес на землю. В буквальном смысле.

«Я смогу. Меня даже смерть не пугает. Лукас открыл свою душу, а мне понравилось в его мире. Неожиданно, но понравилось. Я справлюсь. Да я почти уже справилась»

Зеленоглазая пантера подмигнула с картины. Я поспешила отвернуться, чтобы не показать Александру свою заинтересованность, и не тратить силы на догадки относительно сына Лукаса. Почему-то его гениальность меня встревожила. Наверное, я считала, что в семье работоторговцев творческим гениям не место.

Морозящий дождь усилился, и бодигард проворно раскрыл над моей головой чёрный зонт. Я не спешила: вдохнула полной грудью влажный воздух мегаполиса, представив, что имею власть над городом. Над каждым квадратным метром асфальта, мыслями и мечтами спешащих по делам прохожих, их тайными слабостями. Неужели это то, что каждый раз чувствует Лукас? Если и так, он, наверное, давно перестал это все замечать. А я горела жаждой погрузиться в штормовые волны новой реальности.

Я еще не знала, как скоро мои восторженные чувства разобьются пух и прах.

— Вы хотите посетить торговый центр? — поинтересовался Александр, вырывая меня из задумчивости.

Я заметила десятки любопытных взглядов со стороны. Наверное, это выглядело роскошно — стройная темноволосая девушка в дорогом платье шла к автомобилю в сопровождении фактурного телохранителя. Я вдохнула полной грудью флюиды зависти, восхищения и любопытства, ощутив новый эмоциональный подъем. Что это? Раньше я никогда не подпитывалась чужими эмоциями, скорее, слабела от них. Сейчас же замедлила шаг, откинула волосы за спину, повела плечом, чувствуя себя звездой на кинофестивале.

— Александр, я умираю с голоду. Отвезите меня в приличный ресторан, где можно сытно позавтракать.

Если для обычной кофейни мой образ был довольно пафосным и неуместным, для ресторана он подходил идеально. Бодигард кивнул, не задавая глупых вопросов, куда именно меня отвезти, достал сотовый и отдал краткие распоряжения.

— В «Параллель». Освободить от посторонних. Личная просьба Милевского, — от таких «просьб» наверняка бы собеседник застрелился... если бы попросили. — Виктория, прошу.

Я села в приятно пахнущий кожей салон автомобиля. В крови все ещё бурлила эйфория прошедшей ночи, за спиной как будто трепетали крылья. Черные такие, перепончатые, не ангельские. Красивые именно своей готической красотой. Методы воспитания Лукаса не были настроены на трансформацию в ангела, даже падшего.

Его взгляд — помутневший от страсти и восторга, полный сладостного самоотречения и послушания отпечатался в сознании. И каждый раз, когда я об этом вспоминала, меня накрывало сладкой волной. Мы перевернули все шаблоны и догмы с ног на голову в эту ночь. И даже вручи мне Лукас сейчас паспорт, откупные и письменное обещание никогда больше не беспокоить, я не приму такой подарок. Я выберу его мир. Его личный черный рай и светлый ад.

Если бы я знала, что пройдет всего три дня, и я изменю свое решение! Но сейчас мне было сладко и хорошо. Хотелось летать от осознания собственной исключительности.

Красивое здание пафосного ресторана было узнаваемым — я проезжала мимо него по дороге на работу. Вечерами здесь искрились огни и парковались дорогие автомобили, утром оно казалось пустым и утонченным на фоне спешащих по делам прохожих и автомобильных пробок. Сейчас же я, опираясь на протянутую Александром руку, ступила на красную дорожку. Зонт укрыл от дождя, двери из темного стекла с золочеными вензелями распахнулись передо мной. Разве могла я ранее подумать, что однажды позволю себе здесь завтракать? Одна чашка кофе тут стоила, как месяц сбалансированного питания в бюджетном кафе. А сегодня я не собиралась ограничиваться кофе.

— Виктория, это Николай Яковенко. Шеф-повар этого прекрасного заведения.

Я тепло улыбнулась представителю мужчине в ярко-малиновой форме и белом

колпаке. Он же отвесил мне легкий поклон, настолько галантный и уважительный, что я растерялась. Как же я успела отвыкнуть от прежней свободной жизни! Впрочем, в ней не было подобных реверансов.

— Через час у господина Савенко заказан столик на двоих. Если Михаил Леонидович пожелает, мы можем отменить его визит, — метрдотель, похожий на кого-то из актеров, ждал ответа Александра. Я даже слегка растерялась, когда бодигард привернулся ко мне. Не сразу сообразило, что все ждут моего решения.

— О нет, не стоит... мы справимся менее, чем за час, верно, Александр?

Ощущение власти кружило голову. Надо же — от меня сейчас зависело, допустят ли постоянного клиента в ресторан. Клиента, который наверняка ранее не удостоил бы меня взглядом, послал бы заваривать кофе, как беспородную девчонку низшего сорта.

В подобных ситуациях большинство бы на моем месте совершило ошибку. Я же отчетливо осознавала, что ещё не получила права на постоянный полет, и, не справясь с искушением власти — легко паду обратно. Будущее, если я буду просчитывать каждой сврй шаг, даст мне куда больше бонусов, чем секундное удовольствие оттого, что я лишила кого-то обеда. И наверняка о каждом моем шаге доложат Лукасу.

— Рекомендую комплимент от шеф-повара, — учтиво произнес метрдотель, когда мы заняли свои места за столиком. — Каре ягненка под клюквенным соусом и парфе из манго и лайма.

От одних только наименований блюд мой рот наполнился слюной. Я очаровательно улыбнулась:

— Отлично, и будьте добры, лате с корицей. Александр?

Бодигард повел плечом. Поглощать деликатесы в его рабочие обязанности явно не входило. Но я не собиралась, во-первых, есть в одиночестве, а во-вторых, была намерена заручиться поддержкой приближенного к Лукасу человека. Если выбор их главаря пал на меня, и меня ждут хорошие перспективы, стоит найти контакт с его людьми. Они не должны относиться ко мне предвзято, как к безродной шлюхе без мозгов, захомотавшей босса. Наверняка таких на их памяти было хоть отбавляй.

— Черный кофе без сахара. Благодарю, я не голоден.

Я с любопытством посмотрела на сидящего напротив мужчину. Он выглядел, как вытесанный из камня идол. Твердый подбородок, высокий лоб, внимательные колючие глаза под густыми бровями. Скорее всего, этот человек прошел войну. Причем не разборки девяностых, настоящую, кровопролитную бойню. Шрам, предположительно, от лезвия, шел вниз по шее, скрываясь под воротом рубашки. Опасен и уверен в себе. Возможно, они с Вэл смогли бы составить прекрасную пару.

— Вы не будете сыты одним кофе. Прошу вас, закажите себе сытный завтрак. Я сама скажу боссу, что поставила такое условие.

Александр смерил меня взглядом исподлобья:

— Вы полагаете, мне требуется одобрение босса за право перекусить в одном из его личных заведений?

Один-ноль. Что ж, сдаваться я не собиралась.

— Я не это хотела сказать. Просто, если честно, мне кусок в горло не полезет. Понимаете? Как я, девушка, буду уплетать за обе щеки, когда мужчина пьет кофе, даже без... белых килокалорий?

Женская хитрость сработала. Александр скупно улыбнулся уголком губ, слегка покачивая

головой.

— «Мне нельзя, я фея»?

Лед, похоже, тронулся. Собеседник убедился, что перед ним не пафосная дура, невзначай обласканная боссом, сразу перенявшая привычку видеть в обслуживании людей ниже по статусу

— Что-то вроде этого. Ну, если захотите заказать мраморную говядину, я все равно не пойму, что это такое. — Подмигнула, почти по-ребячески, но без оттенка флирта.

Александр улыбнулся в ответ. Похоже моя детская непосредственность его тронула. Заказал баварских колбас под жареный ломтиками картофель, и ближайшие полчаса мы наслаждались мастерством шеф-повара. Ничего вкуснее я прежде не ела, даже во время бизнес-ланчей.

Несколько раз Александру звонил Лукас. Как я поняла, был занят делами, но не спешил распорядиться отвести меня в особняк. О чем охранник и сказал, когда мы вновь вышли на улицу, под усилившийся дождь.

— А поехали в кино? — поразительно, но ранее кинотеатры воспринимались мною, как бесполезная трата денег. Как праздник, на который я не зарабатывала.

Александр с сожалением покачал головой.

— Это трудновыполнимо, Виктория. Большой зал и скопление народа, отсутствие сотовой связи. У меня четкий приказ не подвергать вас риску.

— Ну что ж, а на магазины это правило не распространяется?

— На магазины — нет. Какой из них вы желаете посетить?

Наверное, мне стоило выбрать аллею дорогих бутиков на центральной улице, но я не была уверена в том, что подберу достойный гардероб без подсказок Вэл. Да и, смотри пункт первый, пьянеть от вседозволенности тоже не стоило.

— Поехали в ТЦ «Плезира».

Там я любила гулять. Иногда можно было что-то купить на сезонной распродаже, но обычно товар был не по карману. А сейчас, раз уж Лукас сам велел шопиться, не стоило от этого отказываться.

Первое, что я себе приобрела — браслет Pandora с подвесками в виде символов бриллианта, бабочки и кубик-рубика. Это было то, с чем я себя на данный момент ассоциировала: грань алмаза, яркая бабочка под стеклом... и символ гибкого ума. Затем выбрала большие наушники, закрывающие уши, чтобы наслаждаться музыкой, спортивный костюм и кроссовки — в последнее время тело просто кричало о необходимости физнагрузки, несколько книг и брендовые солнцезащитные очки. Александр не задавал вопросов, оплачивал все мои покупки, удивляясь, что я не сметаю прилавки, а придирчиво выбираю самое необходимое.

Мы зашли в бутик домашней одежды перед тем, как выпить кофе. Я хотела купить удобный комплект из брюк и футболки, потому как халаты ассоциировались с моим первым днем в особняке, а я спешила об этом забыть поскорее. Расслаблено прохаживалась вдоль рядов с плечиками, жестом велел консультанту не докучать. Примерять все рано не собиралась — шнуровки корсета мне хватило утром, прикидывала на глаз. Прищурилась, рассматривая этикетку с размерной сеткой, и неожиданно ойкнула, задев кого-то плечом.

— Смотреть надо, куда! — раздался над моим ухом знакомый манерный голос. Я подняла голову, глядя на женщину из своего недавнего прошлого.

— Вика?! Вот это да! Ты где, как? Уволилась так быстро, Кати постаралась?

Александр уже спешил к нам, но я не хотела посвящать его в диалог. Справилась с растерянностью, вскинула голову, не считая нужным излишне любезничать с бывшей коллегой.

— Елена.

Любовница одного из глав совета директоров закусила губу, с неприкрытой завистью разглядывая мое платье. В оттянутых мочках ушей колыхались безвкусные серьги, на желтом от солярия лице проступило нечто, похожее на разочарование оттого, что я не стою в обносках на паперти после внезапного увольнения.

— Мы уже думали, тебя в живых нет. В бетон закатала Ивлеева. А ты преуспела, да? С Валериком мутишь? Я так и говорила, уволил Викулю, поселил у себя на хате и блудит вдалеке от женушки. Правда, на новую секретутку уже слюной исходит...

Я смотрела в самодовольное лицо стареющей девицы недалекого ума, и видела все, как в досье: ее попытки безуспешно скрыть уколами ботокса ранние морщины, алчность в плотно сжатых губах, паника отчаянное стремление удержать подле себя статусного любовника. Понимание, что скоро он с легкостью сменит ее на более молодую и сообразительную, а карьера не состоялась, значит, придётся остаться у разбитого корыта. В тот момент я поняла одно: все, что со мной произошло, было гораздо предпочтительнее возможному статусу любовницы Ивлеева. В случае с Лукасом я выиграла джек-пот.

А в глазах Лены теперь было предвкушение. Ей не терпелось поделиться сплетнями. Что ж, я не отказала себе в удовольствии дезинформировать эту курицу.

— Зачем мне твой Ивлеев? Я с Н... Только если ты кому-нибудь проболтаешься, он лично вышвырнет тебя на улицу. И папик не спасет. Уяснила?

Лена энергично закивала. Новая информация жгла ей мозг. Я же назвала имя самого бога — президента компании! Видно было, как она спешит этим поделиться с курятником и любовником. О, после такого он ускорит процесс утилизации глупой любовницы. Я проводила заспешившую к двери экс-коллегу насмешливым взглядом, жалея, что не смогу насладиться спектаклем в офисе.

Пообедали в суши-баре в здании торгового центра. Шопинг мне к тому времени изрядно надоел, и когда Лукас велел телохранителю взять мен домой, я даже обрадовалась. Настолько, что не осознала, что называю адское место «домом».

Михаила все же на месте не оказалось. Я зашла в примерку к Вэл, немного удивившись присутствию рыжей Лизки. А еще больше тому, что обе они курили в вытяжку над столиком. Похоже, нашли общий язык.

— Какая ты четкая! — восхищённо присвистнула рыжуля. А Вэл сделала мне знак подождать ее в комнате, деловито проверяя крепление бигуди в Лизкиной гриве.

Ждать пришлось около часа. Наконец Вэл, удерживая в руках две чашки с кофе, открыла дверь с ноги. Несмотря на усталость, выглядела довольной.

— Эти телки меня в гроб загонят. Я не понимаю, им что, хочется лахудрами с аукциона пойти? Кто их купит без обработки, извращенец какой-то? Хоть одна нормальная оказалась. Ты ее видела, рыжая. Говорят, на нее какой-то отпрыск шейха глаз положил. С ним никто по платежеспособности тягаться не сможет. Я уже ей такой восточный наряд заказала! Он по ходу никях (обряд бракосочетания у мусульман — прим. авт.) прямо тут с ней замутит. Эта девочка своего не упустит, все бы такие понятливые были...

«Когда же я морально зачервивею до такой степени? — подумала я. — Или Вэл реально верит в восточные сказки и то, что девчонок ждет счастье?»

— Сам сказал, что вызовет психолога, с нестабильными поработать. Эта Альфия, ну блин писец просто. Данные высший класс, ею только хвалиться, как трофеем... а кому она нужна, глаза не просыхают? Кто эту красоту рассмотрит? Тут даже я бессильна что-то сделать...

— Психолог? — я обожгла губы кофе. — Интересно, о чем он им будет заливать? О личностном росте? Или расписывать ужасы, которые их ожидают, если не позволят послушно повести себя на убой?

Вэл закатила глаза.

— Вик, я вот честно, иногда не понимаю, за что он выбрал тебя. И умная, и не робкого десятка, но вот эта твоя борьба за справедливость и мир во всем мире... всем не поможешь, пойми. Здесь не детский сад, и лучше это поскорее усвоить, потому что те, кто не понимает — по другую сторону баррикад.

Дискутировать с Вэл не имело смысла. Я поспешила перевести разговор, якобы невзначай расспрашивая, что она знает о сыне Лукаса. Но подруга либо не хотела вообще говорить на эту тему, либо не была в курсе событий. Я не стала рассказывать ей о том, что произошло ночью, хотя, как она сказала, блеск глаз выдает меня с головой. А мне врождённое чувство такта не позволило обсуждать с кем-то чувства и поступки доверившегося мне мужчины. Даже зная наперед, что разговор не выйдет за пределы комнаты. Поэтому я перевела тему разговора. Похвасталась покупками и даже вручила ей подарок — подвеску из серебра в виде мотоцикла, рассказала про Лену и других девчонках из офисного курятника. А затем Вэл, сославшись на подготовку к аукциону, убежала.

Я лежала, глядя в потолок. Сон не шел.

«Пережить аукцион, и все. И забыть, будто не со мной. Я избежала этой участи. Я вытянула свой счастливый билет. Все хорошо».

Я не знала, как скоро мнимое благополучие рухнет. Потому что стать частью мира Лукаса оказалось совсем не так здорово, как я пыталась себя в этом убедить...

Глава 15

Это был теплый и даже в чем-то романтический вечер. Пока я болтала с Вэл, занятой моей прической и макияжем, в комнату доставили букет алых роз от Лукаса. Алых, мать вашу, роз. Шикарная охапка цветов. Мне в моем свободном прошлом никто не дарил подобных букетов. Даже Ивлеев, которого я, сама того не осознавая, твердо решила наказать в перспективе.

— Упс, — только и выдохнула подруга, глядя на огромный букет. На лепестках блестели крошечными бриллиантами капли влаги. — Вот если у меня и были сомнения, теперь они развеялись. Ты вытащила лотерейный билет.

— Сомнения в чем?

Все это казалось нереальным, даже после нашей волшебной ночи в лофте. Я лишь презрительно поджала губы, вспомнив мужчин, которые когда-то добивались моего внимания. Никто не лез вон из кожи, чтобы порадовать таким букетом. Максимум, на что их хватало — на чахлый букет, явно за бесценнок выторгованный в цветочном под конец рабочего дня, или, что чаще всего — одну-единственную розу.

Когда-то за мной ухлестывал, как сказали бы в женсовете компании, «козырный мэн». Дорогая машина, хлебная должность где-то в горсовете. Увы. Он часами таскал меня по парку, игнорируя рестораны или хотя бы кафе, разглагольствуя о том, как ему нужна красивая и ухоженная девушка. На уход и красоту, понятное дело, ей предстояло тратиться самой. А когда на 8 марта мы все же оказались в не самой отстойной пиццерии и находящийся там продавец роз предложил ему купить даме цветов, закатал скандал по поводу их дороговизны. А мне сказал, что розы — блажь, быстро вянут да и деньги на ветер.

Вот почему я пришла в восторг, словно маленькая девочка при виде куклы, забыв, где нахожусь. Никто для меня подобного не делал. Да и тот, кто подарил цветы, вообще не обязан был проявлять подобные знаки внимания! Он приходил и брал, и я не имела права ему отказывать.

— Эй, ты слышишь меня? Зачарованная, что ли? — хихикнула Вэл. — Говорю, нет сомнений в том, что ты для него значишь. Вика, ты нереально фартовая, понимаешь?

Я бы с ней поспорила. К дьяволу такой фарт. Но ведь и сама поняла, что подруга говорит правду. Не стал бы мужчина вроде Лукаса оказывать такие знаки внимания, если бы не желал и не уважал. В последнее время он мог ласкать, говорить, что продаст меня в бордель, но почти всегда в его словах было уважение. Даже когда он его умело прятал.

— Там записка, — подмигнула Вэл. — Давай, иначе я сама прочитаю.

Я пробежалась взглядом по тексту, подняла глаза.

— Он... приглашает меня поужинать с ним наедине сегодня. Я не понимаю...

— Почему тебя не тащат к нему за руки? Зачем понадобились цветы и галантные манеры? Этого не понимаешь, Вика? — Вэл скрестила руки на груди и перешла на шепот. — Да потому что Сам выбился, как мальчишка! Настолько, что готов сделать все, чтобы показать тебе обратную реальность. Чтобы ты посмотрела на него под другим углом! Ты из какого монастыря?!

«О, под другим углом я его уже видела. Да под таким, что и не расскажешь!» — воспоминание вызвало прилив сладкого волнения. И в тот момент я поняла, что меня

снедает нетерпение, ноги сами готовы бежать туда, куда пригласили.

— Лазурное платье. И браслеты у тебя такие же есть. Давай, Лукас не любит ждать... да и ты, я смотрю, тоже! — хихикнула Вэл, открывая шкаф. — Блин, я как на свадьбе. Чувствую себя купидончиком. Собирайся!

Такой купидон пробьёт голову, думала я, когда беспрепятственно вышла в сгущающиеся сумерки, прошла к особняку Лукаса уверенной походкой. Поздоровалась с его охраной, подарив им добродушную улыбку. От неожиданности парни переглянулись, на их лицах явно читалось «а в чем же подвох?». Это было забавно.

А в кабинете горели свечи. Как в романтическом кино, толстые белые свечи в стаканах, расставленные по периметру столешницы того самого стола, на котором я пережила уйму хардкорных, а временами и сладостных минут. Затянувшийся шрам на спине отреагировал приятным покалыванием. Он не давал мне забыть о своих истинных чувствах. Не стать тем, кем я не есть.

Михаил повернулся ко мне. И даже на расстоянии, не имея возможности смотреть в его глаза, я почувствовала страсть и что-то еще. Восхитительное, нежное, волнующее. Искреннее, как бы обладатель этих эмоций ни пытался их скрыть. Мое появление сделало его счастливым.

— Здравствуй, Виктория.

— Здравствуй, Михаил.

Я сделала пару шагов — уверенно, не опуская глаза в пол. Как это отличалось от моего первого визита к нему — когда я сжималась и сутулилась, дрожа от страха, не зная, покину ли этот кабинет живой! Все изменилось за довольно короткий промежуток времени. Я шла, обласканная его чувством и пьянящим ощущением власти, настолько тонкой и интимной, что никому не понять связующих нас воедино нитей.

Я позволила Лукасу сделать первый шаг. Положить руку на мою скулу, огладить кожу, зарыться пальцами в волосы на затылке. Его прикосновение дарило тепло. Его близость волновала. Причем мне было все равно, чем именно она закончится — его напористостью или каким-нибудь стеклом в моих руках.

Поцелуй был властным и сладостным. Я обвила руками его шею и отпустила собственные мысли. Не имеет значения, кто я, в каком положении. Сейчас меня влекло к этому мужчине, и я хотела забыться, выбросит из памяти все, что мешало расслабиться и получить удовольствие.

Он не спешил. Целовал меня, как будто открывал заново — не дрожащую от страха и горя рабыню, а равную по положению, спокойную, умиротворённую, не предавшую и не обманувшую. Да могло ли быть иначе?

Что это? Стокгольмский синдром, самая извращённая версия, или в моем сердце оказалось достаточно места, чтобы поселить там тьму? А может, я даже не предполагала, к чему можно привыкнуть, когда у тебя есть цель и ты хочешь выжить. Даже к тому, что однажды борьба за саму себя трансформируется в нечто подобное...

Нет, я не забыла все, через что прошла по вине Лукаса. Я не собиралась прощать ему это. Но сейчас просто об этом не думала.

Его руки скользили по моей спине, словно обвивая плющом, отравляя, лишая воли и осторожности. Плевать. Мне было хорошо. О будущем я вообще не думала в тот момент. Яростно возвращала поцелуй, покусывая, овладевая. Теперь мне не надо было сдерживать собственные порывы.

Шелест ткани, шорох расстегиваемой молнии. Платье сползло по плечам, но Михаил не торопился раздеть меня полностью. Прервал поцелуй, отстранился, разглядывая жадно, пристально, с немым восхищением. Куда делся лёд его взгляда! Со мной он отпускал себя полностью, не опасаясь, что я воспользуюсь его своеобразной уязвимостью. Оплетенные желанием нервы дрожали, как струны виолончели. Мир катился в преисподнюю. Сознание билось в экстазе.

— Виктория! — прохрипел мужчина, поднимая меня за талию. Я обвила ногами его торс, запрокинув голову. Эйфория рубила все существующие на данный момент канаты. — Моя алмазная грань!

Это было сладко и одновременно безумно. Мы избавлялись от одежды, как озабоченные подростки под лавиной страсти. Целовались, как одержимые.

Он, решивший больше не скрывать своих чувств ко мне. Я, ненавидящая его всеми фибрами души, думающая о том, как выжить, выстоять... но сейчас сражённая безумием вожделения.

Шахматы вместе с доской полетели на пол. Заколыхалась пламя свечей, отбросив на потолок танцующие тени. Мы забыли обо всем.

Это было жарко, безумно и восхитительно. Лукас заполнил меня собой, унес в океан блаженства, волны которого с каждым толчком уносили все дальше и дальше. Не существовало больше ничего и никого.

Спустя час мы, утомленные и счастливые, отдыхали. Лукас — в кресле, я, по собственному желанию — у его ног. И впервые в этой позе не было нечего унижительного.

Я брала с блюда крупные ягоды сладкой клубники, подносила к его губам, дурачась, словно ребенок, иногда отнимая руку и смеясь. Мне было уютно и спокойно. Настолько, что я даже допустила непозволительные мысли.

А что, если вся моя месть уже не имеет смысла? Разве любовь для такого человека — не самое ужасное для него же наказание? Чувства к той, кто знает о нем все, как сделать счастливым — в том числе? Может, меня ждет счастливая жизнь подле такого мужчины. Свобода, наслаждение его обществом, красивая жизнь. Может, я уже и не захочу ему мстить? Достаточно будет всего лишь разобраться с Ивлеевым и его несравненной супругой. Это мне организуют буквально играючи, а потом...

Нет, детей от Михаила я категорически не хотела. Похоже, я вообще их не хотела больше, зная, сколько в мире боли и ужаса. Даже если их это минует, воспитать собственноручно будущего рабовладельца не стану. Это не мои игры. Может, махнуть на все рукой? Так будет проще и легче.

Увы, я быстро забыла, что нужна Михаилу не только в качестве любовницы. Что не просто так он таскал меня с собой на разборки и заставлял смотреть. И не от собственной близорукости рассказывал, как устроен весь его бизнес. Но сейчас мои мысли вращались на орбите, далекой от насущных дел.

— В какой стране бы ты хотела побывать? — спросил Лукас, наклонившись, чтобы поцеловать меня в лоб.

— В Париже. И в Венеции. Совсем недавно мне хотелось увидеть весь мир, — я отпила шампанское из стоящего рядом бокала и грустно улыбнулась. — Мы все, помню, мечтали закончить институт, совершить кругосветное путешествие, сделать карьеру. А потом реалии выбили из нас эту дурь. Кто сумел устроиться по блату, может позволить себе Турцию или Грецию, в лучшем случае два раза в год. А что же до таких, как я... как в анекдоте, только

начала копить на тур, порвались чулки.

— Когда состоится аукцион, я свожу тебя во Францию и в Италию, Виктория. Обещаю. Если ты будешь верна мне и сообразительна, это станет твоей жизнью. Другие страны, деньги, все самое лучшее.

Я переплела свои пальцы с пальцами Лукаса. Не хотелось даже шевелиться, чтобы не нарушить единения: мы насколько сильно проникли в кровь друг друга, что понимали с полуслова.

— У меня нет загранпаспорта.

— Уже есть. Это не сложно, имея твой паспорт на руках и необходимые связи. А я очень хочу тебя радовать, вознаграждать за то, что ты понимаешь меня, как никто другой. Следуешь зову своего сердца и не изображаешь того, чего нет. Это наивысшая ценность, Вика.

Я приподнялась на руках, чтобы, как грациозная кошечка, потереться о его ладонь. Это был последний мой порыв перед тем, как прозвучали первые звоночки надвигающейся беды.

Топот ног, отрывистые фразы. Стук в двери кабинета, после чего визитеры ворвались, не дождавшись приглашения. Мы так и застыли: я, на коленях у Михаила с его ладонью на моей щеке, и он сам, возмущенный, даже взбешенный подобным вторжением.

— Что, вашу мать, происходит?!

Очарование момента рухнуло. Я с сожалением встала, отойдя к столу, всем своим видом стремясь показать невозмутимость. Мы успели к этому времени одеться, но мне показалось, что, будь я голой, вела себя точно так же, с достоинством королевы перед растерянным зрителем и охраной.

На мужчину было больно смотреть. Он явно ожидал пули в лоб здесь и сейчас, застыв посреди кабинета и жадно глотая воздух.

— Альфия пыталась вскрыть себе вены. Поранила Настю. Совсем у девки башню снесло.

Моя рука дрогнула, но я совладала с собой. Налила в бокал шампанского, скользнув скучающим взглядом по непрошенной делегации. Не могла же я им показать, как меня выбило изнутри этим известием.

— В карцер суку. Пусть Мария осмотрит и на хлеб и воду. Завтра решу, что с ней делать. Я повернулась к Лукасу.

— Простите меня, но, если можно, я хотела бы поговорить с ней перед этим. Возможно, ее удастся сохранить в качестве лота для аукциона. Я, кажется, знаю, в чем там дело, и почему она сошла с ума.

Напряжение в кабинете достигло критической точки. Я чувствовала, как Лукас борется сам с собой. Меня накрыло волной самых разных эмоций. Он и колебался, и злился, и был готов велеть мне заткнуться и не лезть не в свое дело. Но что-то его удержало. Наконец, кивнув он нехорошо усмехнулся.

— Что ж, попробайся. Может, у тебя и выйдет. Отведи Викторию к этой суке и возвращайся обратно. Я с тобой не закончил!

Смотритель был рад отстрочить свой приговор. Кивнул, бросив на меня почти умоляющий взгляд. Я медлить не стала — чувствовала, что Михаил может в любой момент передумать. Вышла вслед за зрителем, до конца не понимая, что именно собираюсь делать. Одно понимала ясно — если не достучусь до рассудка этой отчаявшейся девчонки, никто с ней церемониться не будет. Окунут с головой в такой ужас, что смерть ей покажется

избавлением.

Альфия все еще находилась в комнате. Других девчонок оттуда увели, а саму возмутительницу спокойствия закрыли, успев перевязать ее запястье наволочкой. Я перешагнула через капли крови на полу, сфокусировав взгляд на испуганной Альфии.

Похоже, она только сейчас начала понимать, что именно натворила. Прижимала перевязанную руку к своей роскошной груди, а смуглая кожа лица казалась блее мела. В больших восточных глазах, остекленевших от шока, застыли бол и отчаяние. Девушка жалась к изголовью кровати, качала головой, будто отказывалась верить в происходящее. Только вздрогнула при хлопке закрывшейся двери и надрывно всхлипнула.

В подобном состоянии человек готов на все без исключения. Я это понимала. Если ее довели до точки, у нее хватит сил удушить меня подушкой, а то и горло перегрызть. Что ее сорвало? Предстоящий аукцион? Или кто-то из охраны поступил так же, как не столь давно со мной? Вряд ли, после того инцидента новый смотритель отвечал за безопасность девчонок головой. Скорее всего, тепличный цветочек Аля сломалась от одного факта своего нового положения.

— Привет, — стараясь не показать своей осторожности, я села на край постели, ласково улыбнувшись сестре по несчастью. — Помнишь меня?

Взгляд темных глаз постепенно сфокусировался на мне. В нем появилась настороженность, недоверие, удивление и нечто, похожее на ненависть. Я была к этому готова.

— Ты, — дрожащим голосом проговорила Альфия, — ты подстилка главного. Не сомневалась, что ты и тут сможешь круто устроиться. Пришла злорадствовать?

Наивно было полагать, что известие о моей связи с Лукасом пройдет мимо девчонок. Отчасти поэтому я держала с ними своеобразную дистанцию, понимая, что фальши вокруг и так предостаточно, чтобы терпеть их заискивания и попытки воспользоваться моим положением для собственной выгоды. Ненависть? Тоже предсказуемый вариант, особенно для подобной девушки, которая не столь давно сама была любовницей солидного мужчины.

— Да зачем мне злорадствовать, Аля? — я попыталась придать своему взгляду как можно больше дружелюбия и тепла. — Твое представление о моих привилегиях сильно преувеличено. Как твоя рука?

Она не ответила. Но отчаяние на миг вытеснили презрение и холод. Я поджала губы, прекрасно понимая, что Альфия привыкла свысока смотреть на других девчонок. Ее сущность взяла свое. Я сама не понимала, зачем пытаюсь спасти павшую стерву. Просто не могла допустить, чтобы она погибла, не справившись с грузом своего нового положения.

— На что ты рассчитывала, скажи мне? Что тебя отправят в больницу, где сможешь позвать на помощь? Я тебя разочарую, у них здесь свой личный лазарет и оборудование. Что тебя пожалеют и отпустят домой? Алька, как можно быть такой наивной, поясни! Тои выходки только настроят их быть еще безжалостнее. Ты решила все запороть на пороге своего шанса вырваться из этого ада? Поясни, почему?

— Не все ли равно тебе? Перед хозяином выслуживаешься? — зло прошипела восточная красавица. — Что ты чешешь? Шанс вырваться? Куда вырваться? Мой не придет! Слышишь? Он сбагрил меня сюда, потому что нашёл молодую и уже уехал с ней куда-то на острова...

Ее голос сорвался, по щекам потекли слезы. Она зажмурилась, не справившись с чувствами. Но я не собиралась позволять ей закрыться в себе. Подвинулась ближе, накрыв колено ладонью.

— Тебе сказали, да? Ты пыталась узнать...

Некоторое время она молчала. Как бы мне ни хотелось возвращаться мыслями в прошлое, я понимала, что придется это сделать, чтобы протянуть между нами мосты доверия и достучаться до сердца этой потерявшейся девчонки.

— Я не выдам никого из них. Поверь. Потому что мне не повезло. Я попала сюда, когда был еще прежний смотритель и его служба охраны. Тебе и другим девчонкам кажется, что эти плохие, но вам просто не сем сравнивать. Потому что однажды ночью, когда здесь не было никого из главных, меня просто потащили в подвал и...

Альфия вытаращила глаза, словно не веря, что слышит от меня такое. Я сглотнула, не позволяя ужасу той ночи вновь пустить в моем сознании ядовитые черные побег.

— Нет, меня не спасли, Аля. Чуда не случилось. Они вдоволь поиздевались надо мной по очереди. Избили и изнасиловали так, что я попрощалась с жизнью. Еле собрали. До сих пор не знаю, как выстояла.

Альфия была в шоке. Но мои слова возымели свой эффект. Ей понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что я не вру. И вот она подалась вперед, накрывая мою кисть своей все еще дрожащей ладонью.

— Я слышала... говорили, что после этого главный рвал и метал, и порвал их собаками... я не знала, что это ты. Говорили, эта девчонка не выжила, никто не знал, что с ней...

— Выжила, как видишь. Так что не верь никому. Не удалось мне здесь круто устроиться. И не дай бог каждому платить такую цену...

Альфия потрясённо молчала. А я чувствовала, что меня уносит не в ту степь. Надо было менять тему и начинать основную работу.

— Поэтому я не выдам никого из них. Новая охрана и смотритель куда человечнее большинства находящихся здесь. Просто это этого сразу и не понять в таких условиях. Расскажи мне.

Мой рассказ и теплая улыбка сыграли на пользу. Альфия сдалась, слезы вновь потекли по ее щекам.

— Они долго отказывались. Говорили, опасно... а стилист, эта сука в коже, вообще сказала — сиди ровно, правда может тебе не понравиться... если бы я только ее послушала! Но нет, я уговорила... наобещала озолотить, если вырвусь, хотя он прекрасно понимал, что вряд ли это случится, но узнал... несколько дней, и...

Рыдания Али усилились. Я подвинулась еще ближе. В идеале, ей надо было сейчас же выпить горячего сладкого чая, но я поняла, что никто нам его не заварит. Никто не войдет в отчаянное положение брошенной женщины, которую ранее держала лишь надежда на то, что ее бывший муж одумается, придет, вытащит из ада и никогда больше не предаст. Здесь наши эмоции, мечты, надежды и искренность никому не нужны. Если решат, что девчонка заперет элитные торги, ее участь предрешена.

— Узнал, что твой за тобой не придет. Ты с этим не справилась...

— Ты понимаешь, что они хотят сделать? Продать меня, как верблюда, первому, кто заплатит... я этого не вынесу! И, кроме того, у моего мужа есть партнер, с которым... несколько раз пришлось... он обещал, что доберется до меня. Наиграется и убьет... Вдруг он придет сюда, и...

— Аля, — я погладила ее руку, стараясь абстрагироваться от чужой боли. — Послушай, я сейчас скажу такую банальность, но тебе уже чем-то повезло. Ты будешь с одним. С одним

мужчиной, а не в борделе, где придется за день обслуживать десятерых. Если у тебя хватит сообразительности, ты добьёшься того, чтобы он подарил тебе свободу. Возможно, даже больше, чем просто свободу. Ты украшение любого мужчины. Красива, ухожена... умна. А партнер — подумай, зачем такие сложности? Хотел бы твой муж, отдал бы сразу, а не отправил сюда. Собери все силы и сделай так, чтобы твой покупатель потерял голову. Чего бы тебе это ни стоило. Это шанс получить то, чего ты не получишь, если останешься одной из тех, кого будут подкладывать под клиентов, понимаешь?

— Но меня же просто продадут, как игрушку!

«А чем это отличается от твоей прежней жизни?» — подумала я, но вслух, конечно же, этого не сказала. В тот момент я верила в то, что говорила этой потерянной девчонке с выстрочными корнями.

— Нас всех здесь продали, как игрушек. Даже меня. И вы зря завидуете мне, потому что быть с главным — не сахар, уж поверь. Я могу оступиться и оказаться среди вас в любой момент. Но это шанс. Не будь его, я бы рвала жилы, чтобы стать лом на торгах, потому что это шанс! Поэтому приходи в себя и хорошо подумай. Я знаю. Страшно всем нам. Но здесь у тех, кого не номинировали на торг, только один выход. В никуда, Аля.

Минуты медленно таяли. Я почувствовала себя одновременно опустошённой и воодушевлённой. Мне удалось достучаться до Альфии. Как она распорядится тем, что я ей посоветовала — другой вопрос. Я, по крайней мере, попыталась

— Вытри слезы и перешагни тот отрезок своей жизни, где был он. Он предал тебя. Даже если бы пришел за тобой, при любой размолвке сделал бы это снова. Не жалея ни о чем. Забудь, закрой эту страницу своей жизни, как это сделала я. Все это прошлое, а ты смотри в будущее.

Кровать заскрипела, когда Альфия осторожно подвинулась ближе. Я обняла ее, глядя по гладким черным волосам, нашёптывая какую-то ересь о том, что все образуется, что за чёрной полосой — белая, и ее обязательно купит достойный мужчина, который влюбится и подарит ей весь мир. Наверное, мне самой хотелось в это верить.

Нас прервали довольно резко. Без стука открыли дверь. Я бросила на зрителя злой взгляд, но он лишь развёл руками:

— Я извиняюсь, Виктория. Лукас велел посадить ее в карцер.

Альфия задрожала и вонзила ногти в мои полечи так сильно, что я поморщилась от боли. Но спорить не имело смысла.

— Вика! — в ужасе ахнула она.

Я не стала разжимать объятий. Поцеловала ее в висок.

— Прости, Аля, я здесь бессильна. Таковы правила. Воспользуйся этим, чтобы все обдумать и принять верное решение наедине с собой. Сделай все, чтобы никто не усомнился в твоей адекватности и не снял с будущих торгов. Тебя никто не обидит, обещаю. Но и ты мне пообещай.

Она лишь крепче обняла меня. Пришлось ласково разжать ее пальцы, чтобы охране не пришлось делать это силой. Я смотрела, как уводят все еще плачущую Альфию, лишь ободряюще кивнула, когда она бросила на меня отчаянный взгляд.

Зритель остался в комнате. Смотрел на меня, словно чего-то ждал.

— С ней все будет в порядке. Вы ее не обидите! — это был не вопрос.

Он кивнул.

— Я лично это проконтролирую. Лукас сажал, чтобы ты возвращались к себе.

Я выдохнула с облегчением. Меньше всего мне хотелось быть с ним, когда он в таком состоянии.

— Я найду дорогу. Можете ему сказать, что у меня получилось. Но учтите, если ее там обидят и все накроется, я сдам вас со всеми потрохами! Доброй ночи.

Возвращаться в комнату не хотелось. Я стрельнула сигарету у одного из охранников периметра, отказать фаворитке босса и не посмел. Сидела на крыльце медблока, запрокинув голову в яркое звёздное недовыпуска клубящиеся струйки дыма, желая лишь одного — верить собственным словам, что все будет хорошо. Не может все время быть плохо.

Увы, писец, поджав пушистый хвост, уже кружил за периметром закрытой территории.

Глава 15

Этим утром Лукас изъявил желание пообедать со мной. Я уже привыкла к нашему размеренному течению подобных встреч, к беседам, к наметившейся в отношениях легкости. Обсуждали отечественный кинематограф. Но по лицу сидящего напротив мужчины было заметно, что все его мысли вращаются исключительно вокруг сегодняшнего аукциона.

В периметре имения чувствовалось напряжение. Подготовка прошла вроде бы успешно, но все были заняты наведением штрихов к предстоящим торгам. Вэл я больше не видела, меня не допустили к священному действу. Все равно, меня снедало любопытство и противная тревога. Я старалась на ней не концентрироваться.

Лукас отложил нож, коснулся салфеткой губ.

— Ты не будешь присутствовать на торгах. Это мое решение.

Я испытала разочарование и обиду. К тому же, подобное заявление выглядело странно. Разве Михаил не стремился показать мне все нюансы своего мира? Посвящал в детали, документы, возил на стрелки. Система дала сбой.

— Почему? Я сделала что-то не так? Если ты боишься, что я не справлюсь с эмоциями...

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свои решения, Виктория! — отрезал Лукас. Я не смогла сдержать обиду, резко бросила вилку на тарелку. Получилось неосознанно, но Михаил неожиданно смягчился:

— Никогда нельзя предугадать, как все повернется. Да и у меня нет ни малейшего желания выставлять свой огранённый трофей на показ. Понимаешь, о чем я?

Я понимала. Не исключался вариант, что кто-то из статусных покупателей захочет меня в единоличное пользование. Только Лукасу достаточно слова, чтобы уменьшить их аппетиты. Никто не пойдет против него, сколько бы денег в кошельке не имелось. Потому что не в интересах этих любителей рабовладельческих времен ссориться с монополистом на рынке торговли девушками.

Возможно, он не хотел, чтобы посторонние видели его слабость в моем лице. Чтобы не могли воздействовать, зная его болевую точку.

— Мне же не обязательно там находиться. Я могу наблюдать, так сказать, из-за кулис. Разве нет?

Предстоящее событие пугало и манило одновременно. Даже, я боялась признаться самой себе, возбуждало. Вэл вкратце рассказывала, что каждый выход девушки на помост будет настоящим театральным действием с костюмами, танцами, музыкой. Может, поэтому оно не казалось таким страшным. После того раута, на котором бились за право заполучить покойную Люду, это была почти дружеская вечеринка. А может, я уже зачерствела душой и перестала воспринимать подобное близко к сердцу.

— Ты действительно этого хочешь? — пытливо посмотрел на меня Лукас, дождавшись кофе. — Уверена, что справишься? Что не выиграет женская солидарность?

Я была готова к этому вопросу.

— Разве мой разговор с Альфией не доказал, что опасения беспочвенны?

Лукас приподнял бровь.

— Твой разговор с ней доказал обратное. Но девка, похоже, образумилась. За нее платят

очень большие деньги, в случае, если клиент слетит с крючка от ее неадекватности — сразу в расход. И без того пробоем от нее выше крыши.

— Не слетит. Иногда просто необходимо найти подход к человеку. Не понимаю, почему психолог не смог этого сделать, там е все на поверхности. Может, зря ест свой хлеб?

— Ну, мне бы тоже хотелось, чтобы твоя уверенность оправдалась. В общем, если ты так хочешь, можешь понаблюдать. Я открою лоджию. Но если ты вмешешься... Виктория, я буду очень, очень сильно огорчен. Вплоть до разрыва нашей дружбы. Это понятно?

«Дружба? Иногда его афоризмы стоит записывать, чтобы потом издать в виде сборника!» — подумала я, довольно улыбаясь. Предупреждение проигнорировала: с чего бы мне вмешиваться? Я хочу быть наблюдателем, и уж никак не участником торга. Здесь инициатива наказуема, если, конечно, не касается постели с Лукасом.

— Я не подведу. Спасибо огромное.

Михаил покачал головой. Уголки его губ тронула улыбка, какая-то отеческая, теплая. Но насладиться этим мимолетным появлением нежности я не смогла. Тотчас же его тело напряглось, кровь прилила к щекам, и он закашлялся, поспешно схватив салфетку.

Я растерялась, но лишь на первые секунды. Быстро наполнила стакан водой и подбежала к нему, намереваясь постучать по спине. Но его кашель был вызван вовсе не попаданием пищи не в то горло.

— К себе! — прохрипел мужчина. — За тобой придут...

Я спорить не стала. Поставила стакан и поспешила к двери, понимая, что вижу то, чего мне не полагается видеть. Лишь на миг, когда он отнял салфетку от губ, мне показалась, что она забрызгана кровью.

«Какое мне дело? — подумала, стрельнув у знакомого охранника сигарету, устроившись на деревянной качели с пледом в саду недалеко от особняка. — Таких, как он, лечат. В Израиле, в Штатах. Это обычным людям предстоит оббивать пороги грязных, сырых поликлиник, закупать бесполезные пилюли в личных аптеках главврача, спускать все заработанные на взятки и прочее. Оклемается. Хотя кашель странный...»

Докурила и побрела к себе, понимая, что мне, несмотря на особое равновесие и единение между нами, мне все равно, выздоровеет он, или нет. Я думала о себе. О том, что мне нужно взять из этих отношений максимум, обезопасить себя, обеспечить хорошее будущее. А там будь что будет.

Вэл забежала за час до начала аукциона. Принесла тёмное платье в футляре. Она выглядела уставшей, даже исхудавшей, а глаза лихорадочно блестели

— Лукас сказал, тебя никто не увидит. Поэтому макияж и причёску сама. Блин, я чуть не уснула на своей стальной орлице с этим цейтнотом. Завтра же возьму отпуск. С Казантипом пролетели, остаётся Ибица.

— Возьми меня с собой, — грустно выдохнула я, испытав желание прижечь ее язык утюжком для укладки. — И не сыпь мне соль на сахар.

— А ты продолжай в том же духе, и в следующий отпуск полетим вместе. Давай, побежала. Одна из девчонок от нервов исхудала, с восточного костюма того и гляди прямо на подиуме выпадет. Надо поработать!

Она отрывисто поцеловала меня в щеку и убежала. Горечь оттого, что уже в который раз Вэл, намеренно или нет, подчеркнула разделившую нас пропасть, осела на губах. Я сделала макияж более ярким, вечерним, привычно застегнула молнию явно дорогого платья. Через десять минут за мной пришёл смотритель.

Меня провели на лоджию, скрытую темными занавесками. Аналогия с театром стала еще сильнее. Поскольку я находилась буквально в темноте, в противовес залитому светом залу и еще больше освещенному подиуму, можно было не опасаться, что меня увидят. Разве что в том случае, если будут знать, куда именно смотреть. Мое темное платье и распущенные черные волосы сделали меня невидимой в полумраке наблюдательного пункта.

Лукас позаботился. Рядом с креслом на столике стояло ведерко с бутылкой «Моет и Шандон», конфеты и тарталетки с креветками, лососем, красной и черной икрой. Еще одна привилегия личной фаворитки повелителя ада. Бутылку уже заботливо откупорили, и я наполнила бокал, разглядывая зал.

В креслах рядом со столами восседали элитные гости предстоящего аукциона. Будущие покупатели. Девушки в экстравагантных нарядах — кожаных топах на шнуровке и длинных юбках в пол разносили напитки и закуски. Выглядели они прелестно и колоритно, но внимания на них никто не обращал: все ждали основного десерта, который вскоре подадут на подиум в подарочной упаковке.

Я с любопытством разглядывала гостей.

Вот пожилой мужчина с тростью, набалдашник в виде головы змеи. Передвигается свободно, играя своим аксессуаром. Ястребиный профиль, злые умные глаза, манеры лорда. Не хотелось бы попасться такому в руки, от него веет опасностью.

Вот добродушный толстячок в добротном костюме-тройке, собрал вокруг себя кольцо других гостей, что-то увлеченно рассказывает. С таким явно не будет скучно. Может, даже хорошо будет, если не заикливаться на его внешности.

Вот женщина за сорок с пышными формами, в дорогом платье с меховой накидкой на плечах. Красивая баба, холеная. Держится независимо, не похожа на спутницу кого-то из мужчин. Кто она? Любительница девочек или хозяйка дорогого борделя?

А вот араб, одет в европейском стиле, манеры галантные. Целует руку стильной даме, заставив ее расцвести от удовольствия. Жители востока — частые посетители подобных аукционов. Вон еще один, постарше, с белым покрывалом на голове, тоже в костюме согласно европейской моде.

А эти двое? Отец и сын? Или, что тоже вероятно — пара. Пьют виски, с нетерпением поглядывая в сторону подиума.

Вот вообще колоритный кадр с внешностью Дэнни Трехо, и одет соответствующе: кожаный жилет и брюки, белое сомбреро, руки по бицепс забиты цветными тату. Меня помимо воли передёрнуло. Не завидую той, кто ему попадется — быть игрушкой такого мужчины явно не сахар.

Трое совсем обычных мужчин — с животами, залысинами, но в дорогих костюмах. Один держится особняком, на губах злорадная ухмылка, полная тожества. Создаётся впечатление, что он пришел сюда за конкретной жертвой и явно не Блока ей читать намерен.

А это... я даже закашлялась от неожиданности, увидев... политика, так часто мелькавшего на телеэкране. О, он был просто идеал нардепа: отстаивал права малоимущих, детей и пенсионеров. Но сюда пришел явно не за свободу девушек радеть и не законопроекты пропихивать.

Понятно теперь, почему Лукас велел мне не высовываться. Таким людям разве откажешь, если захотят купить меня?

Гости прибывали. Вот японец с кейсом, с непроницаемым лицом. Вот совсем молодой

парень, но держится скромно. Скорее всего, доверенное лицо кого-то из олигархов, не пожелавших светиться. Вот невысокий юркий мужчина с бородкой и ноутбуком, увлеченно печатает.

Я залпом допила шампанское. Большинство из тех, кто присутствовал в зале, были самыми обычными людьми. Без рогов, копыт, бензопил в руках или масок Джейсона на лице. Что движет такими людьми? Похоть? Жажда власти? Желание обладать чем-то без границ? Отсутствие привычных норм морали? Или грязные, ужасающие фантазии, которые ни с кем не реализовать, кроме как с несчастными девчонками, за которых заплатили круглую сумму?

Лукас поднялся на подиум, объявив о начале торгов. Гостям раздали таблички, и в зале наступила тишина. Я подошла к перилам лоджии, чувствуя, как сердце заколотилось от тревоги, любопытства и неприятия. Но деваться было некуда.

— Первый наш лот — азартная Елена. Восемнадцать лет, танцовщица, в совершенстве владеет английским и немецким. Поприветствуем прелестную девушку аплодисментами! — Михаил отошел в сторону, и на подиум вышла первая участница.

Я не видела раньше эту девочку, или просто не замечала в толпе среди остиальных. Высокая, с длинными светлыми волосами, в серебряной накидке с капюшоном, скрывающим лицо. Она шла походкой профессиональной модели — плавно, уверенно, и зал притих, мужчины вытянули шеи, наблюдая за ее приближением.

Но театральное действие было на высоте. Дождавшись, когда обстановка накалится до предела, девушка потянула в стороны завязки мантии, и она упала к ее ногам.

Кто-то охнул, кто-то засвистел. Длинноногая блондинка была одета в костюм Милы Йовович из фильма «пятый элемент», и казалась очень трогательной в белых полосах атласа поверх красивого спортивного тела.

Она улыбалась. Казалось, ей совсем не страшно, уверенность буквально шла от всей ее позы. Это меня поразило сильнее всего. Что могло заставить умницу-отличницу, явно из благополучной семьи, так спокойно себя вести и искренне улыбаться?

На подиуме появился уже знакомый мне ведущий. Начал говорить, расхваливая ее, как дорогой автомобиль, заставляя поворачиваться и принимать разные позы, слава богу, не развратные. А затем Лукас объявил о начале ставок.

Я не могла оторвать взгляда от происходящего. Пропускала отрывистые фразы ведущего:

— Двадцать тысяч долларов, господин Антеев. Тридцать пять, господин Хаяси. Пятьдесят, шейх Алан Малек. Что я вижу... Семьдесят?.. нет, сто тысяч долларов от господина Бергоффа!

Спортивную блондинку купил политик за 145 тысяч долларов. Не знаю, что поразило меня больше — сумма или тот факт, что Лена выглядела довольной, улыбчивой. Притом я могла с уверенностью сказать, что ее не запугивали и не накачивали никакими психотропными препаратами. Счастливый покупатель подал ей руку, помогая спуститься с подиума, снял свой пиджак, чтобы накинуть ей на плечи. Я выдохнула и наполнила бокал. Пусть у нее все будет хорошо. Скорее всего, так и будет.

Следующая девушка не была такой уверенной. Она едва не плакала. Ее движения были скованные, и вовсе не из-за открытого платья и шляпы Малифисенты.

Ставки росли в геометрической прогрессии. Мужики чувствуют жертв, как шакалы свежую кровь. С каждой озвученной ценой брюнетка вздрагивала, сбивалась с шага,

испуганно оглядывалась.

Ее купил кошмар сегодняшнего аукциона — татуированный мачо в сомбреро. На тот момент девушка едва могла идти, кто-то, видимо, охрана ее нового хозяина буквально поволокла бедняжку прочь из зала. Мне показалась, что в тот момент я услышала ее отчаянные рыдания.

Юля стала добычей весельчака. Я почему-то порадовалась за нее. Если на сцене она была испуганна, то к окончанию торга неожиданно расправила плечи и улыбнулась. А покупатель оказался джентльменом. Помог ей спуститься, что-то сказал, явно оценив наряд Ксены-принцессы воина. Юлька сперва широко раскрыла глаза, а затем рассмеялась. Как мне показалась, с огромным облегчением. А новый хозяин засуетился, угостил ее шампанским и даже начал кому-то представлять, не затыкая ей рот и позволяя говорить.

Горький осадок от продажи прошлого лота развеялся. Я теперь не сомневалась, что Юлька будет вертеть новым хозяином, как захочет. Если только наберётся терпения.

Следующие четыре лота. Я их не знала. Ничего необычного не происходило — их купили японец и три малоприятных пузатиков, а охрана поспешила вывести из зала.

А потом появилась яркая девчонка, похожая на Джулию Робертс в юности. И в торг включилась дама, которую называли «госпожа Чаттерлей». Она быстро перебила ставки, заполучив кудрявую девчонку в греческом платье. Церемониться не стала: сразу поцеловала свою новую собственность в губы, чем вогнала ту в краску.

А затем на подиум вышла Лиза... и я просто утонула в великолепном представлении с ее участием.

Вэл постаралась. Зеленый восточный костюм — жилетка и шаровары оттеняли великолепные рыжие волосы, украшенные подобием диадемы с камнями, похожими на изумруды. Куда делась вчерашняя гопница? Эта девчонка могла стать любимой женой самого султана.

Неудивительно, что восточные гости тотчас же утратили дар речи, глядя на это прекрасное явление. А Лиза танцевала, качая бедрами, и ее глаза блестели, будто она прилучала кайф от происходящего. Да что за психолог успел промыть им всем мозги?

Но потом я вспомнила, что Лиза никогда особо не горевала над своей незавидной долей. Более того, рассматривала ее как повод возвыситься, найти лучшую партию. В ее прежней жизни не было мужчин с такими деньгами и статусом, и быть не могло: слишком большая социальная пропасть. Но сейчас я смотрела на извивающуюся в восточном танце приятельницу и испытывала дежавю. Ни дать ни взять, Роксолана на новый лад.

— Все! — внезапно раздался знакомый голос. Дверь на лоджию захлопнулась, и Вэл буквально упала в кресло, запрокинув голову. — У-у-у, Вика, я без сил. Это тебе не попой на подиуме крутить. Всех подготовила.

Я кивнула подруге, продолжая наблюдать ща Лизкой. Ведущий как раз расхваливал ее достоинства, а сам товар не спешила выходить из образа: строила глазки всем присутствующим в зале, как мне показалось, уделив больше внимания молодому арабу.

— Ты не против, я знаю, — продолжала тарыхтеть Вэл, наполняя бокал. — Нет, вот это он тебя балует! Странно, что не дал тебе денег, самой участвовать в торгах. В последнее время спрос на мальчиков появился...

Я отвлеклась от происходящего внизу. Присмотрела на Валерию, прикидывая, как воспользоваться ее усталым состоянием.

— Вэл, Лукас болен. Ты замечала его кашель? Это серьезно?

По лбу брюнетки пробежала мимолетная тень. Но тут же растворилась, стоило ей выпить бокал.

— Вика, не трогай эту тему. Ты не доктор, я тоже. Выздоровеет. Перед таким даже хвори разбегаются по сторонам с криками.

Значит, мне не показалось. Правда, я не знала, что делать с этой информацией. Просто отложить в отсеки памяти, чтобы потом воспользоваться.

Начался орг. Я лишь покачала головой, наблюдая, как Лизка откровенно кайфует от прозвучавших сумм. Все мы разные. Кого-то мысль о том, что тебя могут купить, как скотину, оскорбляет, огорчает или приводит в неистовство. Кого-то наоборот, радует и даже заводит. Сегодня я окончательно убедилась в том, что не бывает исключительно чёрного и белого.

Хоть симпатии Лизы и были на стороне молодого араба, купил ее тот, кто постарше. Тот, кого называли шейхом. Если она и расстроилась, то после оглашения титула покупателя на ее лице появилось самодовольное, расчётливое выражение. С подиума она уходила, гордо всунув голову и улыбаясь, что явно понравилось шейху.

«Все не так уж плохо, — подумала я, чокнувшись бокалом с Вэл, — она тоже испытывала симпатию к рыжей бестии. — Не считая той бедняжки, что попала в руки к татуированному садисту, девчонки не выглядят несчастными. Юлька и Лиза так точно. И почему я решила, что покупают девчонок бездушные монстры? Возможно, это обычные люди, пожелавшие экзотики, не обязательно извращенной...»

Еще две девчонки ушли к своим новым хозяевам, я почти расслабилась и даже начала наслаждаться происходящим. Я не была одной из них, я сидела на лоджии, ела тарталетки с икрой, пила дорогое шампанское вместе со своей подругой. Мне можно было смело заявить о том, что моя жизнь удалась.

Но я поздно вспомнила, где именно нахожусь... и что еще одна знакомая мне девушка пока что не вышла на подиум. Потому что, как оказалось, ее приберегли на десерт.

Вэл напряглась, отставила бокал, и на ее лице появилось выражение раздражения и облегчения одновременно.

— Как она меня запарила! Понторезка дешевая, думала, грохну ее к чертям, пока подготовлю. Надеюсь, ей не останется теперь времени ныть...

Я подалась вперед, вглядываясь в освещённый квадрат подиума. Возникла заминка. И лишь спустя минуту двое громил буквально выволокли на помост оцепеневшую Альфию.

— Алька... — прошептала, не веря увиденному, глядя на фигуру девчонки с предчувствием надвигающейся беды.

Вэл залпом допила шампанское.

— Она в неадеквате. Но Лукас настоял. Вроде заранее договорился с тем, кто ее заказал.

В тот момент у меня еще теплилась надежда, что ее муж одумался и пришёл за ней, а все, что было до этого — воспитательная мера с целью проучит жену и заставить ее в будущем быть послушнее. Я обвела глазами зал. Кто из них? Аристократ с тростью? Кто-то из этих, похожих на клерков с залысынами? Не может же быть, что это тот, на чьем лице застыла злорадная безжалостная гримаса?

— И наш последний лот. Цветок пустыни, жемчужина Востока, утончённая Альфия. Я уже завидую тому, кто поселит эту прекрасную розу в своем райском саду, чтобы любоваться ее красотой...

— И кому эта элитная шляха вынесет весь мозг своим скулежом, — злорадно добавила

Вэл.

Альфия попыталась рвануть прочь, за кулисы, но едва не упала, запутавшись в длинном шлейфе пурпурного платья в пайетках. На ее лице застыл ужас. Но это было ничто по сравнению с тем, что отразилось в ее глазах, когда она заметила кого-то в зале и, я не сомневалась, узнала.

И я в тот момент готова была отдать руку на отсечение, что это вовсе не ее супруг, на которого она так надеялась до этого времени...

По залу понесся ропот недовольства. Гости привыкли, что все девушки, выставленные на продажу, вели себя так, словно это увлекательная игра. Аля сломала шаблон. Отшатнулась в сторону, качая головой, и заплакала.

— Час работы с ее лицом коту под хвост! Вика, ты что, не пояснила ей?..

Я уронила надкушенную тарталетку на пол, к горлу подкатила тошнота. Весь ужас девчонки облетел периметр зала и с размазу ударил по мне. С чувством надвигающейся беды и абсолютного бессилия я смотрела, как в торги вступили несколько человек.

Все закончилась настолько быстро, что я даже не поняла. Мужчина с злорадной ухмылкой буквально покраснел от торжества, когда ему навстречу подтолкнули уже рыдающую в голос, оцепеневшую Алю. Как сомнамбула, несчастная девчонка сделала пару шагов, глядя в никуда, и...

— Вика! Твою мать, ты куда? — ударил бичом по нервам визг Вэл.

Я оттолкнула ее, не понимая, какая сила заставляет меня бежать вниз, не глядя под ноги. Не ведая, о чем кричит моя интуиция и что именно хочет заставить меня предотвратить. Просто бежала, понимая, что сейчас произойдет что-то ужасное. То, чего я себе никогда не смогу простить.

Лодыжка подвернулась на ступеньке, но я не заметила резкой боли. Бежала, понимая одно: я опоздала. Время не на моей стороне. Не успею, ничего не смогу предотвратить...

До Альфии и ее нового владельца оставалось чуть меньше трех метров, когда все произошло.

Сверкнула в ослепляющем свете софитов холодная сталь столового прибора, отчаянный крик Альфии потонул в мужском крике, когда ее рука резко опустилась, ударив его в грудь. Раз, второй... К ней уже бежала охрана, мужчина утратил выражение мстительного превосходства, скривился от боли, заваливаясь на пол, отнимая от раны окровавленную ладонь...

— Ты все подстроил! Ты заставил его продать меня тебе! Сдохни! — прорыдала Альфия, прежде чем ее сбили с ног, повалили на пол. С глухим звоном отлетел в сторону окровавленный нож, а я, не понимая, что именно делаю, с размаху ударила кого-то из громил по голове...

— Не трогайте ее! Аля!

— Вика!.. — прорыдала несчастная девушка, и меня буквально согнуло пополам оттого, что я распознала в ее последнем, отчаянном крике.

А затем меня схватили за руки, больно ударили в живот. Резанул по глазам яркий свет, боль заполнила тело, и уже сквозь пелену чувства нереальности происходящего я распознала голос Лукаса:

— Уведите ее в комнату! — буквально прорычал мужчина, и я поняла, что это конец.

Моя прежняя беспечная жизнь в качестве его любовницы окончена.

Я только что перешагнула границу ада, и обратно уже никогда не вернусь.

Глава 16

Нет, меня не накачивали наркотиками, психотропными препаратами или какой-то иной химией. Но все, что произошло после, я вспоминала, как страшный сон.

Когда меня буквально приволокли в комнату — хоть и стараясь не поранить, бережно, но решительно — я еще не осознала всей степени тяжести своего проступка. Да, это было импульсивно, нормальная человеческая реакция. Ведь даже в столь гнилом месте я оставалась человеком!

В отличие от Лукаса, для которого все мы давно стали товаром.

В отличие от Вэл, которая никогда не окажется по другую сторону баррикады даже мысленно, прочертившей жирную черту различия.

Да в отличие от каждого, кто здесь находится и считает себя вправе вершить наши судьбы!

Резко хлопнула дверь, в замке повернулся ключ. Как давно я не слышала этого сухого металлического щелчка, одним поворотом ограничивающего мою свободу!

Все вернулось на свои круги. Я утратила то, чего так долго, через боль и ломку своей души, добивалась. Думала, что зачерствела, смогла, стала подобием Михаила и Валерии. Увы, когда хочешь сесть рядом с исчадием ада на трон, первым делом вырви себе сердце. Потому что лишиться души в столь краткий промежуток времени, особенно когда на твоих глазах творится подобное, нереально.

Я подтянула ноги к груди, уткнувшись лицом в колени, и дала волю слезам. Я даже не понимала, что именно оплакиваю: участь Альки, ужас происходящего или свое незавидное положение. За все время своего нахождения здесь я так не срывалась. Слезы текли, казалось, им не будет конца и края. В ушах звенел отчаянный крик Альфии, грозный окрик Лукаса, шум потасовки. Отчаяние в голосе сестры по несчастью в буквальном смысле слова оцарапало сердце.

Я не хотела думать о том, что с ней после этого сделают. Понимала, что ничего хорошего. В какой-то момент, когда слезы иссякли, мне даже стало все равно, что будет со мной. На смену рыданиям пришла апатия.

Правда, продлилась она недолго. Ровно до тех пор, пока в замке не повернулся ключ, и я не разглядела в дверном проёме грозный силуэт Лукаса.

Не вздрогнула, не отшатнулась, не закричала. Все, что мне хотелось — крепко зажмурить глаза. Отчасти оттого, что их беспощадно резал свет галогеновых ламп за его спиной, отчасти... наверное, просто не хотела смотреть в глаза собственной смерти. Особенно той, что совсем еще недавно была моим шансом на свободу.

Он пересек разделяющее нас рассеяние за несколько секунд, показавшихся мне вечностью. Воздух в комнате сгустился до состояния жидкой ртути, способной уничтожить все живое за один только вдох.

Как бы ни хотелось держать глаза закрытыми и не смотреть на него, я не смогла. Лукас словно насильно мой мозг ментальным приказом не прятаться.

— Сука! — выдохнул со свистом сквозь плотно сжатые зубы. Замахнулся, и мою щеку опалило горячим ударом его ладони.

Только чудом я не упала на пол, так и осталась сидеть. Чувствовала, что Михаил

взбешен до такой степени, что никакие просьбы и аргументы мне уже не помогут.

Он присел рядом со мной, и первая волнами угасла под накатом второй, более ощутимой, по той же щеке.

— Скажи мне причину, — в его голосе звучала неотвратимость, — по которой я не могу прямо сейчас отдать тебя тому, от кого ты пыталась спасти эту тварь!

Его лицо было так близко. В темноте я не могла разглядеть его выражения, но ярость и безумие буквально сжигали, парализовали, лишая способности думать.

— Я придушу тебя собственными руками! Поняла, сука? Молись, чтобы все разрешилось, иначе...

Руки сжали мою шею. Я не была к этому готова, не успела вдохнуть. Воздуха оказалось категорически мало, сил сопротивляться тоже. А Михаил сжимал ладони все сильнее, не замечая моих хрипов.

Легкие начало резать от нехватки кислорода. И тогда на меня обрушилась паника. Я попыталась разомкнуть его хватку, отчаянно царапая и постукивая, но удавка сильных рук мужчины лишь затянулась сильнее вокруг моего горла. Перед глазами заплясали яркие пятна, в ушах зашумело. Я почувствовала, как сознание уплывает, а вернее, его затягивает в черную гудящую воронку без права на возвращение. Это все? Такой конец мне уготовлен? Ради чего я резала себя на части, собирала и вновь половинила? Ради того, чтобы понять, что человечность не теряют по щелчку пальцев?

Хватка рук Лукаса исчезла. В ушах все еще звенело, но я отчетливо услышала надрывный кашель — правда, даже не поняла, свой или чужой. Потому что оба приступа накрыли нас одновременно.

Слезы вернулись. Я заскулила, не зная, что вообще происходит, попятилась к дивану, отползая прочь. Страх. Неприятие. Боль. Ужас. Желание жить... и в то же время апатия, не позволявшая бросить все силы на борьбу за свою жизнь.

— Что ты с ней сделал?! Кому ты ее отдал?! — прорыдала я, когда Лукас, оторвав подол моего платья, вытер губы и отшвырнул кусок ткани в сторону.

Он ответил не сразу. Выпрямился, нагнетая паузу.

— Сатане и всем его чертям. Ты тоже скоро к ним отправишься.

В силу глубокого шока я не сразу осознала, что Лукас, выматерившись, покинул комнату. Хлопнула дверь, заскрежетал ключ. Я сидела на полу, давясь слезами, пытаюсь натянуть на колени укороченный подол и чувствовала, как вся моя жизнь катится под откос. Одна ошибка, и я потеряла все, что с таким трудом выстраивала в этом гиблом месте ради собственного выживания.

Ночь билась о стены, тонула в зеркалах, черная, как душа Лукаса, и такая же бесчувственная. Равнодушная к чужому горю, скрывающая преступления черным покрывалом. Мои ноги затекли, а я сидела в одной и той же позе, понимая, что мне больше не хочется вставать и бороться. На поле с черными фигурами я изначально была обречена на провал.

Неизвестно, сколько времени так просидела — если бы не судорога в мышцах, наверное, и не пошевелилась бы. Заколлот неприятным зудом давно затянувшийся надрез вдоль спины. Метка бездушного монстра. Он говорил, что сделал это во благо. Быть собой? Я была собой сегодня. Как оказалось, такая я еще опаснее для собственного благополучия.

Стянула через голову платье с оторванным подолом, на негнущихся ногах подошла к постели. Одеяло не согревало, меня колотило сильным ознобом. Не спасли ночная рубашка

и халат, — психологический холод не прогнать ничем. Сон не шел. Да и стоило засыпать? Или за мной скоро придут, чтобы осуществит ужасные угрозы Лукаса?

Под утро я все-таки уснула, а когда открыла глаза, поняла, что ничего не изменилось. Не вернулась воля к жизни, не появилось желание немедленно что-то сделать. Апатия унесла далеко и надолго. Это состояние не смыла горячая вода, не прогнал прочь сытный завтрак, к которому я едва притронулась. Охрана делала все, чтобы казаться невидимой и отстранённой.

Я лежала на постели и смотрела в потолок. Состояние вкратце можно было описать эпитетами, для которых и мата было недостаточно. Серое утро ранней осени перетекло в такой же полдень, а нечего не изменилось.

Иногда я плакала, и сама этого не замечала, слезы просто текли по щекам, а потом иссыкали. Холод не отпускал. Если бы сейчас пришла Вэл, пусть бы даже съездила мне по роже, обругала последними словами, было бы гораздо легче. Но ей, судя по всему, запретили меня навещать. А может, она с легким сердцем улетела веселиться на Ибицу, решив, что я с Лукасом разберусь сама. Или вовсе разочаровалась во мне после того поступка.

Мысли о подруге отошли на второй план. Я пыталась уйти от своей боли, стараясь понять, почему она так безжалостна к тем, у кого не хватает сил справиться с роком, но мысли путались. А затем я осознала, что подсознательно жду визита Лукаса.

Не потому, что боюсь осуществления его угроз. Не от неизвестности. И не оттого, что рассчитываю на его жалость и милосердие, когда он увидит меня в таком стрессовом состоянии. Как ни крути, мы проросли друг в друга за это короткое время. Я не любила его, сейчас даже не хотела, но нас соединила невидимая нить. Мне нужна была его реакция, все равно какая. Лишь она не позволяла мне утонуть в пучине боли и апатии.

Но наступила ночь, а он так и не появился. Еду приносили исправно, забирали то, к чему я не прикоснулась, чтобы заменить новым блюдом. При этом делали вид, будто меня нет.

А ночью я проснулась от нехватки воздуха. Открыла глаза и попыталась закричать, но мужская ладонь зажала мне рот. «Вот и все», — с ужасом подумала я, не узнав навалившегося на меня Михаила.

Затрещала ткань ночной сорочки. Я попыталась вывернуться, но уже знаковые пощечины лишили такой возможности. И, будь проклят весь ненормальный мир вокруг, его присутствие меня успокоило... несмотря на то, что произошло дальше.

Он не проронил ни слова. Задрал мою ночнушку, впился пальцами в бедра, потянул на себя и, войдя а мое сухое лоно без каких-либо предварительных ласк, изнасиловал. Грубо, не заботясь о том, что я именно чувствую, причиняя боль, на которую мне уже было наплевать. Я даже была за это благодарна, потому что она на миг перекрыла боль душевную.

У него долго не получалось кончить. Моя вагина уже горела огнем, будто насильник перед тем, как овладеть мною, обернул свой член наждачной бумагой. Бедра онемели от его давящей хватки. Я кусала губы, смотрела в потолок, прислушивалась к собственным ощущениям. От боли удалось абстрагироваться, но иногда она буквально вырывала меня со дна на поверхность, а я пряталась снова. Даже понимая, что мне нельзя закрываться в себе. Пусть будет ужасно, страшно и стыдно, пусть я умру, только не эта пугающая, отстроченная реакция!

Лукас выгнулся раненым зверем перед тем, как излиться в меня. Встал, пошатываясь, откашлялся, а перед тем, как уйти, сжал пальцами мои щеки, вглядываясь в запрокинутое

лицо. В темноте я не могла видеть, что именно он чувствует, и мужчина, вытерев мокрый член прядью моих волос, быстро оделся и вышел прочь.

Утром мне казалось, что все произошедшее было кошмарным сном. Увы, жжение внизу живота и слипшиеся волосы красноречиво вещали об обратном. Но я на этом не заикливалась. О том, что жлет впереди, думать не хотелось.

К завтраку я снова не притронулась, только выпила кофе, не почувствовав вкуса. И, видимо, об этом доложили, куда необходимо. Но сам Лукас не явился, прислал вместо себя смотрителя. Почему? Испытывал сожаление или вину за то, что сделал со мной ночью? Или просто вычеркнул меня из своей жизни, давая понять, что я ноль, недостойный его внимания?

— Босс сказал поводить вас к доктору, — если кто-то сочувствовал мне, то это был только он. Спрятать жалость за маской деловитости у него плохо выходило, да и девчонки между собой говорили, что в душе он неплохой мужик. — Мария поставит вам капельницу, просто успокоительное и витамины.

«Мария с радостью нальет туда яду», — подумала я, и тут же поняла, сто не сану ей в этом препятствовать, даже если поймаю с поличным за подобным занятием.

Может быть, при других обстоятельствах и душевном состоянии я бы осветила ему что-то грубое, а то и вовсе послала, пользуясь привилегиями любовницы главного. Но сейчас все второстепенное слетело, осыпалось, словно пепел. Я только грустно улыбнулась и покачала головой:

— Лукас решил починить поломанную игрушку, верно?

Смотритель ничего не ответил. А я даже не подумала о том, что стоит переодеться перед визитом в медкорпус. Мне было все равно, в каком виде я туда приду и кто меня увидит. Абсолютно все равно.

Моросил мелкий дождик, больше похожий на водяную пыль. Так же уныло и безрадостно, как и мое состояние. Я обвела взглядом территорию. Никого. Вдалеке у ворот для въезда транспорта какое-то движение, а так все как будто вымерли. Даже охраны нет.

В медблоке было тепло, пало медикаментами и приторными духами Марии. Самой докторши нигде не было видно.

— Наверное, вышла. Оставайтесь здесь, сейчас я ее найду, — проинформировал смотритель, указав мне на кушетку.

Я покорно присела, оглядываясь по сторонам. Ничего не изменилось, все те же шкафы с медикаментами, аппаратура, идеальная чистота, ширмы. Странно, что меня ославили здесь одну. Вдруг я нагло таюсь колес в своем состоянии, или порежу руки скальпелем? Последняя мысль напомнила об Альфии, и я замотала головой, прогоняя совсем не нужные сейчас мысли.

Я должна собраться. И очень хорошо, что меня привели сюда, под капельницу, которая восстановит силы. Возможно, ещё не поздно. И как бы мерзко мне ни было, я смогу все исправить. Надо прийти в себя, включить мозг и понять, как именно. Позади путь, которой мало кто прошел бы и не поехал крышей. Сейчас необдуманная выходка отбросила меня на значительный отрезок назад, но лежать посреди руин и ручьев кипящей лавы — не лучший вариант. Надо встать с колен и собрать вою в кулак. На горизонте серые тучи, но я вижу за ними полосу света...

За стеной раздался стук, затем звук, похожий на всплеск. Когда-то в детстве мы с пацанами со двора так играли: забирались на крышу, наполняли воздушные шары водой и

кидали с высоты. Ни один прохожий особо не пострадал, нас никогда не ловили на месте преступления. Во сейчас это было очень похоже на разрыв пакета с жидкостью при падении.

Я встала и подошла к двери. Кажется, там была лаборатория Марии, или комната ее отдыха. Странно, почему смотритель не догадался поискать ее там?

— Проблемы, я сказала. Ничего, в следующий раз объем будет увеличен! — раздался за дверью раздражённый голос докторши.

Не думая, я открыла двери... и тут е ахнула от неожиданности.

Именно от неожиданности, потому что крови я не боялась. А после шоу с питбультерьерами и вовсе не должна была реагировать, но...

Я уставилась на пол, залитый красной жидкостью, которую трубно было перепутать с чем-либо еще. Запах тоже не оставлял в этом каких-либо сомнений.

Кровь. Кровь на стерильной белой плитке, пролившаяся из разорванного пакета — одного из тех, что лежали на хирургическом столе. Кровь на белых стенах и светлых брюках Марии. На белых простынях лежанок и пластике аппаратуры. Возле моих ног, медленно надвигающаяся. Я отшатнулась в сторону.

Мария отбросила в сторону телефон, глядя на меня с подозрением и фальшивым дружелюбием.

— О, Викочка... Небольшая авария, это донорская кровь... мы иногда предоставляем банку крови свои... шкафы с температурным режимом. Один случайно ногтем проколола, ты ложись иди. Сейчас, у меня все для тебя готово...

Я захлопнула дверь, скривившись от брезгливого омерзения. «Кровавая Мэри», — мелькнула неуместная мысль. Дошла до кушетки и легла, а разум уже свел дважды два, только пока что шадил мою психику и не давал полной картины происходящего. Это что же? Чем занимается Мария в своей гребаной лаборатории? Откуда столько крови?!

— Виктория, — Мария подошла к стойке для капельниц, и меня замутило от ее фальшивой улыбки. — Ты это, мысли позитивно. Осенняя депрессия? Сейчас, прокапаем витамины и успокоительное. С нашей жизнью иначе никак, согласна? Сама себе регулярно ставлю такие капельницы...

Она поджала губы, пока закрепляла емкости с физрасствором и лекарствами на штативе. Эта мимика явно выдала ее злость, раздражение и агрессию, что только подтвердило мои опасения. Я закрыла глаза, ойкнула, когда игла вошла в вену.

— Ну-ну, это же не больно. Правда? Полчаса. Постарайся не уснуть, у меня дела сейчас я постараюсь не пропустить, когда капельница закончится. Но мало ли что, поэтому просто позови. Потом витамины поставим. А сейчас закрывай глаза и ни о чем плохом не думай...

Меня тошнило от ее «Викочка». Я уже тогда понимала, что увидела не просто кровь на полу. Я увидела то, что скоро перевернет вверх дном мою жизнь. Уже совсем скоро...

Кап, кап, кап... в капельнице падения капель не слышать, но я их последних сил отрицала вопли подсознания, концентрировалась на чем-то другом. Счет убаюкивал, уносил в приятную дрему, а по венам разливались тепло и умиротворение — препарат начал действовать. Я все-таки уснула, забыв о том, что сама доктор может попросту не успеть перекрыть подачу лекарства. Но от этой смерти мой извращённый ангел меня все-таки решил уберечь. Потому что я не видела еще самого страшного.

Открыла глаза, потянулась, забыв о катетере. Первые несколько секунд недоуменно наблюдала за пузырьками воздуха в прозрачной силиконовой трубке, затем, похолодев от страха, перекрыла затвор. Злость на тупорылую Марию застила глаза. Какие, мать твою, дела

у нее нашлись? Или... или я больше ничего не значу для Лукаса, и с надоевшей игрушкой можно не церемониться?

— Мария, мать твою! — не стала стесняться в выражениях лишь потому, что боялась развить промелькнувшую мысль до критических масштабов.

В ответ — тишина. Скривившись, вырвала иглу катетера, поразившись, как быстро вспышку злости нейтрализовала приятная истома. Мелькнули фоном события прошедшей ночи... и не оставили никакого горького послевкуся.

Я спрыгнула с кушетки, прислушалась. В медкорпусе тишина, лишь за окном гул голосов и рокот моторов. Один из голосов принадлежал Марии.

Я не хотела орать на нее при посторонних, обвиняя в том, чего, слава богу, не случилось. От введённого препарата было пофиг. Просто во всем теле была легкая слабость, а мне обещали еще и витаминно-энергетическую капельницу. Я не знала, что меня теперь жлет, но к предстоящему разговору намеревалась подготовиться, как следует.

Вышла на крыльцо. Дверь открыта, пусто. На плитке след окровавленной женской подошвы, охраны нет, гул голосов, шум мотора и металлический скрип — с торца здания.

Их было трое. Трое незнакомых мужчин, погружающих пакеты с кровью в недра небольшого автомобиля. Мария находилась рядом, отдавала указания. Мое появление заставило незваных гостей сначала насторожиться, потом присвистнуть, а один даже сделал похабное движение бедрами, гадко ухмыляясь. Еще бы, наверняка знал, что происходит за высоким забором территории. Похоже, на помощь этой троицы рассчитывать не стоит.

Мария повернулась ко мне, и меня едва не отбросило в сторону ударной волной ее красноречивого взгляда. «Откуда ты, мать твою, взялась?» — читалось в ее глазах, а сжатые в кулаки пальцы побелели. Увы, я даже не задумалась о причине такой реакции.

— Капельница. И я едва не уснула. Это же седативный, а не кофеин! — в крови плескался препарат, и я произнесла это мягко, без претензии, просто констатируя факт. — Мге ждать, или я потом...

Мужчина в синем комбинезоне обошел каталку, пока его напарник закреплял скат, чтобы спокойно ввезти в ее в недра микробуса, толкнул вперед. Наверное, я бы и не обратила на все это внимания, если бы не очертания тела, накрытого с головой черной простыней.

— Подсоби! — гаркнул он, когда колеса попали в стык тротуарной плитки и заполненной щебнем прогалины, вследствие чего каталку перетрясло, и край темного полотна сдвинулся. А там...

...У нее были прекрасные волосы. С таким даром красоты рождаются и прилагают максимум усилий, чтобы приумножить его великолепию: дорогостоящий уход, масла, шампуни, другие ухищрения. А еще они пахли восточными пряностями, совсем чуть-чуть, неуловимо. Я-то знала. Я вдыхала этот волшебный аромат чёрного шелка, когда она совсем недавно рыдала на моем плече... внутренне маялась завистью и восхищением, потому что ни у кого из моих знакомых не было таких красивых длинных волос...

— Виктория! Да держите же ее!

Я сбросила руку Марии, чувствуя, как в горле образуется каменный ком, а все тело леденеет от ужаса и боли. Крик застрял в скованной холодом гортани. Я не знала, что меня сейчас со скоростью света убивает изнутри: страх за собственную жизнь, или боль осознания, что Альфии больше нет среди живых.

«Это ошибка! Раскройте ее лицо, она же сейчас задохнется! Разбудите ее, она может

идти сама! Мария, ты доктор, сделай же что-нибудь! Массаж сердца, укол в вену... просто теплое слово, ей же так редко их говорили!..»

— Вика! — это голос зрителя. — Я прошу вас, пойдите со мной, подождем внутри... Да что вы стали, не могли увезти ее незаметно, дебилы?!

Ноги не держали, силы стремительно таяли. Но я все равно рвалась прочь из рук зрителя, перекрывшего собой происходящее. Слезы превратили его лицо в размытое пятно. Внутри меня образовалась пустота. Чёрная воронка, стремительно засасывающая в свои крутящиеся сети...

— Уложите ее на кушетку! — это Мария. — Вас где носило?

— У меня был твердый приказ не препятствовать, если..

Игла входит в вену. Щиплет, чувство давления жидкости противное, мерзкое. От этого поток моих слез усиливается. Голоса начинают звучать все тише и тише. Кажется, эти двое ругаются. В голосе доктора равнодушие и даже что-то сродни насмешке.

— Убью! — хриплю в пустоту, чувствуя, как наваливается свинцовая тяжесть и такая же темнота, тщетно стараюсь их прогнать.

— Викочка, это более сильный транквилизатор. Ты отдохнёшь, и все, — ее фальшь и торжество разрывают мне душу. Настолько, что я практически вынырываю из свинцовой могилы.

— Совсем скоро я убью тебя, Мария. Убью, сука...

Голоса стихают. А меня начинает выгибать в приступе горьких и отчаянных рыданий, несмотря на сильнодействующее успокоительное. Я помню. А память не стереть бикакими уколами.

Помню, как она так же отчаянно рыдала у меня на плече. Заблудившаяся девчонка, утратившая надежду. Преданная тем, кому доверяла так сильно. Не смирившаяся со своей участью, но не нашедшая в себе сил бороться.

Ее волосы пахли восточными благовониями. Ее кожа была тёплой и бархатной на ощупь. Ее боль — самой искренней, непридуманной, настоящей. И ее путь не должен был прерваться именно так. Она достаточно настрадалась, чтобы ступить на белую полосу. Сначала родные, затем муж, который, как я поняла, не только не явился спасти ее, а отдал тому, кто хотел ее заполучить, еще когда они были вместе. Чем она заслужила все это?!

За окном лил дождь, такой же неистовый, как и мои слезы. Я сопротивлялась транквилизатору. Я оплакивала ту, кто мне стала так близка за короткий промежуток времени. Мы с ней даже не успели стать подругами.

Кто о ней заплачет? Бывший муж, сбавивший надоевшую жену ради новой? Кто-то из девчонок, включая Настю, которую она от отчаяния ранила ножом? Вэл, ненавидящая ее, как богатую избалованную выскочку, мешавшую снимать мерки и наносить макияж, и не попытавшаяся понять, что же у нее внутри, какая пропасть? Лукас? Да, разве что за упущенными деньгами. Если кто это и сделает, только ребята охраны, согласившиеся помочь попытавшиеся унять ее ситуацию. Плакать не будут. Помянут и забудут. У них семьи и им надо на что-то жить.

Непринятая никем. Незамеченная. Ушедшая. И даже так ее не хотели отпускать. Кровь. Хоть что-то, правда?!..

Свинцовая воронка одолела, спутав мысли и взорвав их одним уверенным движением. Я закрыла глаза. «Приди... просто попрощаемся... как тогда! Обнимемся... пожелаю тебе хорошего пути, не сбиться и не заблудиться. И ты сразу в рай, а вот я вряд ли. Прощаться,

потому что мы никогда не встретимся»...

Но она не пришла. И, проваливаясь в свой затяжной кошмар, я поняла, почему. Я за баррикадой. Я на светлой стороне ада. Заранее отверженная и отброшенная. Просто сама еще не понимаю и поэтому плачу, как ни за кем и никогда ранее.

Я закрыла глаза.

А открыв их вечером спустя почти двое чуток, поняла, что после всего произошедшего жить мне больше не хочется...

Глава 17

Я провела в медблоке три дня.

Три дня, которые слились в сплошной отрезок времени без дня и ночи. Пробуждение-слезы-боль-воспоминания-истерика-уколы. Не было сил даже стащить из шкафчика пузырек лекарств и наглотаться от души.

Несколько раз приходил Лукас. А может быть, мне все это приснилось. Каждый раз я собиралась с силами, чтобы задать ему вопрос, почему так, за что он убил девчонку, единственная вина которой в том, что она не смогла справиться с навалившимися обстоятельствами? Но мысли путались, злость и ненависть гасли под дозой транквилизаторов, и я закрывала глаза. Не было сил даже осознать, в руках какого дьявола я оказалась. А ведь раньше я находила в нем что-то хорошее. То, что не давало сойти с ума.

А затем капельницы прекратились. Но они не возродили во мне жажду жить. Они сделали меня пассивным и апатичным овощем.

В тот же вечер Лукас вновь пришел ко мне.

— Хватит, — устало выдохнул, пытаюсь взять за руку. Но я убрала ее, словно отмахиваясь от надоедливой мушкетерши. — Я думал, ты покрепче. Острова тебя вылечат.

Я присмотрела на него, тщетно пытаюсь увидеть на лице сожаление о содеянном. Ничего. Холодные, словно лед, глаза беспощадного убийцы, поставившего себя выше всех. Даже тот факт, что он не злится на меня за сорванный аукцион, не успокоил. Мне было все равно. Я бы даже обрадовалась, попробуй бы он задушить меня, как в ту ночь.

— Поедешь по магазинам. Выберешь себе купальник и все остальное. Виктория, я с тобой разговариваю!

Он мог с таким же успехом говорить с собственным отражением, или стеной. В тот момент я впервые пожалела, что во время наших игр в пентхаусе не прибила его к чертям. Тогда бы Аля выжила. А что бы сделали со мной, меня мало интересовало.

— Похоже, ты забыла, где находишься. Девочка, здесь игры в депрессию не прокатывают, запомни. Сама видела, чем это заканчивается!

Конечно же, он знал. Более того, хотел, чтобы я увидела, что сделали с Альфией. Убил этим двух зайцев сразу: показал, что бывает со слабыми и непокорными, и заставил меня испытывать вину за собственные опрометчивые действия.

Я думала, этого мужчину невозможно ненавидеть сильнее. Я ошибалась.

— Молчишь? Похоже, мне опять придется все брать в свои руки. Сегодня вечером ты ужинаешь со мной в ресторане. Подотри сопли и соберись. Вэл тебя научила, как выглядеть на все сто. В десять вечера чтобы была готова.

Я обняла колени, стараясь закрыться от его давящей неумолимой энергетикой. Одинокая слеза скатилась по щеке.

— Отправь меня в бордель! Отдай своим гребаным покупателям! Я не хочу более быть рядом!

— А вот это не тебе решать! — повысил голос Лукас, и лед в его глазах сменился холодным огнем. — Но если будешь продолжать строить из себя отмороженную, я, так и быть, исполню твое желание!

Я застыла, не ожидая подобной реакции. Даже не поняла, что мне удалось вывести его

из себя. Отвернулась, пытаясь прогнать слезы и сфокусироваться на происходящем.

Мне не хотелось быть с ним. Не хотелось надевать красивое платье, драгоценности и смаковать деликатесы. Даже видеть его не хотелось. Я утратила волю к жизни. Все, чего я желала — уснуть и не просыпаться. Какие острова? Я их просто не замечу, неужели он не понимает?

Михаил понимал. В его мире все было предельно просто: никаких сантиментов. А я...

Закрыла глаза, обреченно кивая.

— Я... буду готова.

«Сегодня я умру. Его жестокий мир сломал меня. Много смерти, много боли. Слишком много всего того, с чем мне уже не справиться. Перегорела, обессилила. Обескровлена, как несчастная Альфия, только эмоционально...»

Лукас не стал дожидаться ответа, успокаивать, подбадривать и обещать то, что вряд ли сможет мне дать. Молча встал и покинул палату, оставив меня наедине с окончательно оккупировавшими сознание мыслями о смерти. По сути, я уже была мертва. Осталась лишь оболочка.

В обед меня проводили в мою комнату. В ней мало что изменилось, не считая новой детали интерьера — мигающей красным камерой на потолке. В ванной обнаружилась точно такая же.

Никто не даст мне уйти из жизни в этих стенах. Лукас все просчитал. Прекрасно понял, что я на грани... но не сделал даже попытки что-то изменить обычным человеческим подходом. Мне хватило бы слов и нежности, чтобы я задумалась. Увы, этот мир подобного не знал и никогда не узнает.

Я вымыла голову, сделала укладку и макияж. Отражение в зеркале не вызвало никаких эмоций: этой красивой девчонке уж не было места в брэнном мире. Дело времени.

Красное платье-футляр, белый пиджак, бежевые туфли-лодочки. Неуместная надежда — вдруг Михаил меня отговорит, пробьёт броню моего персонального ада, вернет волю к жизни... может, здесь он остерегается потерять авторитет проявлением человечности, поэтому выбрал ресторан... черт, в глубине души я хотела, чтобы он это сделал! Надежда умирает последней.

Виктория, ты просто оттягиваешь время.

А затем уже знакомый мне Александр проводил к автомобилю и отвез на ужин в ресторан. В тот самый, в котором мы недавно были. Если он и заметил, в каком я состоянии, то виду не подал. Правда, пытался шутить и рассказывать анекдоты, но у меня не было ни сил, ни желания улыбаться в ответ.

Мегаполис жил своей жизнью. Яркой, дорогой, насыщенной. Жил и не знал, что происходит за его пределами, в периметре отдельно взятого особняка, на территории которого вершится ад...

Александр открыл дверцу автомобиля, подал мне руку. Я хотела ее проигнорировать. Бодигард быстро огляделся по сторонам, нахмурился и наклонился ближе.

— Даже не думай, Вика. Просто пошли все к черту. Лукас подобного не прощает.

Я поняла, что он имел в виду. Мне надо было взять себя в руки и стереть с лица кислую мину. Улыбаться, делать вид, что все хорошо, шутить, смеяться, не вспоминать прошлое. Притвориться, что ничего ужасного не случилось. Но как, вашу мать, я буду это делать, если у меня одно-единственное желание — рвануть на шоссе род колеса автомобилей, и тем самым избавить себя от пожирающей изнутри боли? Даже рука неосознанно тянется к его

бедрам, потому что где-то там кобура с пистолетом...

Я сжала зубы до скрипа, до мелкой эмалевой крошки, и вложила свою ладонь в протянутую руку. Вокруг все сияло, а меня как будто окружал кокон из серой мглы. И он двигался вместе со мной, пока я поднималась по ступеням ресторана, рисовала на губах беспечную улыбку, обменивалась приветствием с метрдотелем и шеф-поваром, стараясь скрыть ненависть и отвращение при виде Лукаса.

Он поднялся мне навстречу. В пустом ресторане царил полумрак, усиленный моей персональной темнотой, горели свечи и точечные потолочные светильники, превращая свод помещения в звездное небо. Со стороны все выглядело так, будто двое устроили себе randevu, полное романтики. И никто даже представить себе не мог, как все обстояло на самом деле.

— Виктория, ты великолепна, — искренне восхитился Лукас, касаясь губами моих холодных пальцев. — Я рад, что тебе стало лучше. Надеюсь, мы вместе проведём прекрасный вечер.

Я досчитала до пяти, стараясь пробудить в себе хоть крупицу интереса, предвкушения и чего-то еще. Серая мгла отступила, но никуда не исчезла. Просто затаилась в ожидании.

Метрдотель наполнил бокалы красным вином. А меня едва не стошнило от недавней ассоциации. Понимая, что близка к потере контроля, я поспешно осушила терпкое бордо, а улыбка застыла на губах, неестественная, надрывная. Я не знала, насколько меня хватит.

— Ты даже не дала мне озвучить тост, — тепло пожурил Лукас, и бокалы вновь наполнили. — Я хочу выпить за сильную женщину. Ту, что заставила меня увидеть мир в ином разрезе. За женщину, которая каждый раз меня восхищает и понимает. За тебя, Виктория.

Эти слова могли бы исцелить — они были искренними. Но я так и не смогла отделаться от мысли, что пью за одним столом с убийцей. С мужчиной, в сердце которого хочется всадить столовый нож и наконец-то посмеяться от счастья.

Подали блюдо. Я только покачала головой, увидев ярко-красного омара с огромными клешнями. Как примитивно, господа.

— На островах множество рыбных ресторанчиков. Там омаров вылавливают из моря и почти сразу готовят, чтобы подать к столу. Ты заслужила отдых, и совсем скоро мы улетим в настоящий рай.

«Я даже раньше, чем ты себе думаешь. Только вот благодаря тебе мне, наверное, уготована прямая дорога в ад», — подумала я и горько улыбнулась подобной мыслеформе. Кусок не лез в горло, и деликатес показался мне безвкусным. Но я ела, ловко орудуя столовыми приборами, и лишь улыбалась на рассказ Михаила о предстоящем отдыхе. Он уже успел побывать там, и не единожды. Наверняка с семьей, с женой и сыном, идеальный муж и отец, на досуге похищающий девушек и продающий их в рабство. Интересно, супруга хоть раз задумывалась о том, насколько эти деньги омыты кровью и слезами невинных жертв? Скорее всего, нет. В ее довольной и сытой жизни не было места неприятным размышлениям. А сын... художники не от мира сего. Он бы и не заметил, проходи подобный аукцион у него под носом.

— О чем задумалась, Вика?

Меня едва не разобрал истерический смех. Я отложила вилку.

— Я просто никак не могу решить, какой купальник выбрать. А Вэл мне не поможет?

— Вэл отдыхает. Она заслужила. Я подарил ей тур на Ибицу, а также в Мюнхен, на

концерт «Раммштайн».

— Класс, — я сделала глоток вина. Значит, я с ней не смогу попрощаться. Надеюсь только, она не станет долго плакать. Жаль, что я не смогу зайти в церковь и поставить свечи за упокой души Альфии. Может, однажды кто-то это сделает для нас двоих.

Вино не пьянило. Попросить что-то покрепче я так и не решилась. А тем временем боли нарастала, рвала изнутри, предвещая скорую агонию. Беседа и ужин превратились в фарс, еще больше убедивший меня в том, что пора решаться. В особняке у меня такой возможности не будет. Лучше сейчас, одним махом...

Лукас повернул голову, призывая метрдотеля, и я поспешно спрятала столовый нож в карман пиджака. Это заняло не больше секунды.

— Пора переходить к десерту. Я заказал для тебя нечто особенное.

Я промокнула губы салфеткой. Оставаться здесь становилось опасно. Еще немного, и я сорвусь. Разрыдаюсь или кинусь на Лукаса, а может быть, тьма поглотит, убив рассудок.

— Я пойду попудрю носик.

Михаил кивнул.

— Не задерживайся.

И я встала, окинув прощальным взглядом огромный зал. Смотрела так, словно хотела запомнить малейшую деталь. Какая ирония — это последнее, что мне предстоит увидеть.

В санузле был не менее роскошный интерьер. Я закрыла за собой двери и подошла к огромному зеркалу в гранитной раме.

Вот и все. Надо только с первого раза надавит так, чтобы прорезать кожу и вену. Можно сразу в сердце, но я не решилась. Наверное, я подсознательно ждала, что меня спасут, остановят...

Прощай, мама. Надеюсь, ты никогда не узнаешь, кем едва не стала твоя дочь. Так лучше, поверь. Знала бы правду, ты бы мною не гордилась. Таким, как я, не место на земле...

Росчерк. Кожу обожгло огнем. Я посмотрела на руку и застонала от бессилия. Тупой нож лишь оцарапал запястье.

«Сейчас. Собраться с силами, и... и я смогу... сейчас... боже, почему это так трудно?!»

Второй раз я не решилась. Все мое желание прекратить страдания одним движением руки начало стремительно таять. Это было страшно. Инстинкт самосохранения вопил во всю глотку, сделав руки ватными и безвольными.

— Соберись, тряпка! — прорычала я своему бледному отражению и вновь подняла нож. Возможно, если его воткнуть, повезет больше...

Я не заметила, как открылись двери. Для меня вообще не существовало сейчас ничего вокруг. И лишь когда в зеркале отразился силуэт Александра, охнула. Нож с глухим стуком упал на плитку.

— Не дури! — спокойно произнес мужчина, подходя ближе и носком ботинка отфутболивая несостоявшееся орудие смерти в сторону.

Кровь прилила к моему лицу. Я попятилась, словно преступник, пойманный с поличным.

— Не понимаю, о чем ты.

Бодигард Лукаса скрестил руки на груди, припечатав меня тяжёлым взглядом.

— Все ты понимаешь, идиотка. Что, сломалась? Сдохла?

— Тебе какое дело?!

— Понимаешь ли ты, соплячка, что гонишь, и не по-детски? — вдруг яростно выпалил

Александр, и шрам на его виске побелел. — Я прошел войну, Вика. Я смотрел изо дня в день, как свинцовыми маслинами, мать твою, косит всех без разбору! Тех, кому бы жить и жить! Я видел, как людей рвет гранатами на куски, как они сгорают заживо, и не дай бог тебе хоть раз услышать их предсмертные крики! А ты здесь, наакалась коллекционным вином и сожрала омара стоимостью в две твоих зарплаты, и пытаешься себя порешить? Да что у тебя в голове происходит вообще?!

— Ты... ты не знаешь... — пролепетала я, отступая, вжимаясь в стену.

— Все я знаю, дура. Когда-нибудь ты поймешь. А теперь вернулась в зал, и продолжай улыбаться и пить, как ни в чем не бывало... как бы тебе ни хотелось повеситься внутри. И тогда Сам не узнает о том, что ты тут вытворяла.

— Выслуживаешься? — сплюнула я.

— Ты все-таки дура. Как Лукас рассмотрел в тебе преемницу? У тебя же кишка тонка! А насчет «выслуживаешься» — я на дур не обижаюсь. Пройдет время, ты благодарить меня за сегодняшний день будешь. Каждый раз, как увидишь, будешь. Ты уж мне поверь. А теперь вернулась в зал и выкинула эту хрень из головы!

— Я не...

Александр быстро подошёл ко мне, задрал рукав пиджака, осматривая руку. Увы, ссадина даже не кровоточила.

— Возвращайся, Вика. Я все знаю и понимаю. Просто поверь: не надо этого.

— Чего? — прошептала я, непроизвольно отводя взгляд при виде моего бледного лица в отражении.

— Не надо думать, что это выход. Лучше постарайся сделать чью-то жизнь лучше, раз ты уже с ним. И сама знаешь, через что всем этим девчонкам придется пройти!

Его слова пустят свои ростки в моем сердце намного позже. Сейчас я им не вняла, потому что мне было все равно. Я сама не хотела такой жизни.

...Я сумела взять себя в руки и вернуться к Лукасу довольно быстро. Как раз вовремя, чтобы полюбоваться пылающим кремом фламбе, нашим сегодняшним десертом. Метрдотель поспешил отодвинуть мне стул, но Лукас его опередил.

— Спасибо. Я сам сегодня поухаживаю за своей дамой. Вика, все хорошо? Ты чем-то расстроена?

— Все хорошо. Цвет купальника не дает мне покоя, — легко соврала я, приступая к десерту.

Слова Александра пристыдили меня. Представляю, как я выглядела в его глазах после всех тех ужасов войны, о которых он мне поведал. Точно зажавшаяся дура. Все его эпитеты были справедливыми.

Но это не значило, что я передумала. Я поняла, что в следующий раз подготовлюсь, и никто не сможет мне помешать. Я сделаю все аккуратно, и возможно, даже чужими руками. На тех же островах, просто заплыву далеко, и...

— Спасибо за чудесный вечер, — сказал Лукас, когда десерт был съеден, а вино выпито. — Я рад, что ты взяла себя в руки. Мне жаль, что так произошло, но это часть моего мира, Виктория. Просто прими это.

— Я так и сделаю, — пообещала я, не сопротивляясь, когда мужчина меня поцеловал. Глубоко, страстно, умело. Предательские проблески ответного желания не заставили себя ждать, но когда поцелуй прервался, мне хотелось стукнуть себя чем-то тяжелым. Мы вышли в яркую ночь мегаполиса, сели в автомобиль. Я закрыла глаза, умоляя себя найти силы

пережить эту ночь.

Мы уже были за чертой города, когда у Лукаса зазвонил телефон. Я подскочила от резкого звонка, а он успокаивающе погладил меня по руке. Но, вероятно, звонивший поведал ему такое, от чего мужчина вышел из себя.

— Твою мать! — выругался он. — Какого хрена они поперлись на эту стрелу?!

Выслушав ответ, начал звонить куда-то, не обращая на меня внимания.

— Киселев, мать ивою! Что твои шавки о себе возомнили?.. Алло?!

Александр сбросил скорость, оглянулся.

— Саша, в Замеринку, пулей. Дорогу знаешь! Поднимай своих, вы все мне нужны там!

От тревоги, повисшей в салоне, я вжалась в сидение. Паника передалась и мне.

— А с ней что делать? — кивнул в мою сторону бодигард.

— Что, что... нет времени! С нами едет! Гони, твою мать!

Александр ударил по газам, параллельно набирая номер и требуя кого-то явиться на пустырь Замеринки с оружием. Лукас со злости ударил кулаком о стекло.

— Виктория, не вздумай высовываться. Ляжешь на пол, поняла меня? И не писка!

Я была слишком напугана, чтобы возражать или проявлять любопытство.

— М...мы... не поедем домой?..

Страх в моем голосе подействовал на Михаила привычным образом. Он тепло улыбнулся, погладив меня по руке.

— Поедем, моя девочка. Но сначала я разберусь с борзыми ментами. наших партнёров заманили в ловушку...

— Лично же передали конверт Киселеву и Барановскому! — процедил сквозь зубы Сашка. — Босс, они охренели?

— По-видимому, — мрачно отозвался Лукас. — Настолько, что не могут удержать своих борзых оперов в узде. Мочи всех, это несанкционированный наезд. Никто за мусорскую шкурку с тебя не спросит. Их там не должно быть, поэтому вам не предъявят.

Автомобиль летел в ночь, подрезая одинокие машины. Меня буквально вдавило в сиденье. Я смутно понимала, что произошло нечто страшное, а поэтому сидела ни жива ни мертва, не шевелясь. Если ранее стрелки были подконтрольны Лукасу, чтобы показать мне часть его жизни, то сейчас ситуация явно вышла из-под контроля.

Поля, ухабистая дорога, грязь в стекло. Ветки хлещут по остову автомобиля. Я думала, страшнее быть уже не может, но как же я ошибалась! Просто оцепенела, когда машина, сделав разворот, ворвалась на пустырь, перепаханное поле, и моим глазам открылась картина происходящего...

Суматоха, паника. Зловещие беснующиеся тени в свете холодных фар, выхваченные, словно стробоскопом, из темноты. Я не сразу поняла, что такой эффект дают милицейские мигалки. Потому что следом за этим я услышала хлопки выстрелов, и ужас взял свое.

Не пришлось повторять дважды. Я зажала руками голову и сползла на пол автомобиля. Александр уже покинул салон, но Лукас задержался. Достал пистолет и передернул затвор, снимая его с предохранителя.

Непонятно, что произошло. Я с отчаянием вцепилась в ткань его брюк, движимая одной целью — не пускать в эту кровавую мясорубку. Если его убьют, я пожалею, что не покончила с собой. Партнерам и преемникам плевать, что мертвый босс как-то ко мне благоволил...

— Я вернусь, Виктория, — сквозь зубы прошипел Лукас, притянув мою голову хваткой

за волосы и запечатав на лбу жаркий поцелуй. — Смерть-падла сама меня боится.

Хлопок двери потонул в новом грохоте перестрелки. Я зажала руками уши, вжимаясь в шершавый пол салона. Купная дрожь сотрясала тело, не позволяя занять удобное положение, на коже выступил холодный пот. Всего лишь в нескольких метрах от меня развернулись самые настоящие военные действия! Это не было эффектно, как в кино. Это было мерзко и ужасно. В таких кровавых банях вряд ли выживают.

Дрожь ужаса свела мышцы судорогой на самом пике... и внезапно отхлынула, подобно приливной волне, с шипением и рокотом, смывая оцепенение.

И в тот момент на меня снизошло озарение.

В ушах нарастал гул — звенящий, отдающийся эхом, перекрывший звуки выстрелов и крики людей. Я оперлась на вытянутые ладони, словно кошка, стряхнула с колен невидимые песчинки и села на пассажирское сиденье, закрыв глаза.

Выход зачастую там, где его не ждёшь. И самые яркие звезды — у края обрыва в бездну. Самое верное решение — спонтанное, когда разум не в силах перекрыть ему пути доводами рассудка. Чтобы обрести спасение, иногда надо просто избавиться от страха и шагнуть навстречу своей судьбе.

Что я и сделала.

...Я иду. Глухо хлопает дверца за спиной. Каблуки светлых лодочек вязнут в сыром чернозёме вспаханного поля, каждый шаг — словно маленькое препятствие. Иду прямо в эпицентр мечущихся теней, навстречу выстрелам. Звенящий гул в висках превращает их в хлопки, которые кажутся безобидными, совсем не страшными. Ослепительный синий свет режет глаза, а может, все дело не в этом. Я просто не моргаю, когда смотрю прямо перед собой. Вижу знакомую фигуру человека, которого так и не смогу уничтожить, потому что у меня не осталось никаких сил этого ждать. Возможно, он будет огорчён и подавлен, когда меня не станет. Может быть, этим воспользуются те, кто давно хотел занять его место на троне. Я никогда это не узнаю.

Лодыжка подворачивается на коме земли. И фанатичная решимость на миг уступает злости на саму себя: я специально замедляю шаг, чтобы оттянуть неизбежное! Агонизирующий инстинкт самосохранения не желает сдаваться. Но что его предсмертный хрип для той, кто уже приняла единственно правильное решение? Это шанс. Шанс наконец-то избавиться от окружающего кошмара.

Гул в ушах отступает так же быстро, как и дрожь. И я понимаю, что все, состояние аффекта идет на спад. Сейчас накроет ужас и делание выжить. Я не могу себе этого позволить!

Выстрелы оглушают. Кажется, я слышу свое имя, но не пойму, кто это кричит: Александр или Лукас. Слабость выстреливает по коленям — инстинкт выживания сделал финальный контрудар.

Краем глаза вижу фигуру мужчины в бронежилете, с пистолетом, направленным в мою сторону. Поборов желание развернуться назад и спастись, я все же бегу...

Только вперед, расставив руки, словно птица.

Ночь неожиданно ласкова и тепла. А свобода так близко. Еще шаг, еще один лишь шаг... и даже нет препятствий в виде неровного грунта и высоких каблуков!

— Вика!.. — ненавистный мне голос отчего-то звучит за спиной. Но я уже ничего не хочу слышать и анализировать.

Удар. Что-то бьёт меня в грудь справа. Так сильно, что перехватывает дыхание, и это

препятствие вызывает возмущение. Почему меня останавливает таким грубым ударом? Над головой мелькает осколок неба с ослепительно яркими звездами, и вслед за этим в груди разливается острая пламенная боль.

Она не дает дышать. Она опрокидывает меня навзничь, усиливается при ударе о землю. У меня каким-то чудом хватает сил перевернуться на бок, свернувшись калачиком, уткнуться щекой в рыхлую землю.

Так пахнет освобождение. Запахом нагретой солнцем земли и сухой травы. Нотой металлического привкуса на губах. Болью, которая в этот раз иная, желанная. Она освобождает.

Я закрываю глаза. Тело слабеет, но легкость настолько восхитительная, что я перестаю замечать боль. Кажется, даже улыбаюсь.

И чувствую, как все мое естество становится поразительно легким и воздушным, и стремится вырваться прочь из тела...

Эпилог

Он никогда не чувствовал себя настолько правым и настолько победителем. Никогда еще решение, принятое спонтанно, в его глазах не выглядело таким верным и единственно возможным. Он сыграл ва-банк и наконец-то смог подобраться к Работорговцу настолько близко, чтобы захватить его врасплох.

Улик теперь было предостаточно. Не голословных заявлений и просто подозрений, именно улики, железобетонных, неоспоримых, способных упечь гниду Михаила Милевского за решётку до конца жизни.

Единственное, о чем в тот момент жалел майор Максим Каменский, — что Милевский, проходящий в министерских файлах как «Работорговец», сумел скрыться с места проведения несанкционированной спецоперации.

Это было нелегко. Проникнуть в структуру крупнейшей сети торговли живым товаром удалось лишь с пятого раза. Но сотрудник министерства сумел раздобыть необходимые сведения. И вот теперь в руках Каменского оказались неопровержимые улики.

Мужчина залпом допил растворимый кофе, окинув взглядом прокуренный зал придорожной забегаловки. Пышногрудая барменша, которая не столь давно помогала ему отмыть с лица чужую кровь, выбежала из-за стойки, призывно улыбаясь.

— Еще кофе. Коньяка добавь, — сухо распорядился Каменский, бросив быстрый взгляд на часы.

Улики были доставлены в министерство сразу. Нельзя было допустить, чтобы они потерялись в архивах после личной просьбы Работорговца. В этот раз ему не удастся откупиться.

Напарник по спецоперации, капитан Величко, совсем не разделял приподнятой эйфории Максима. Все же он оставался по большей части работником штаба, и участие в кровавой перестрелке стало для него выходом из зоны комфорта. Каменский толкнул его в плечо.

— Выше нос. Теперь маятник точно запущен. Поверь, он сядет, и надолго.

Промелькнуло перед глазами испуганное лицо Людочки, дочери его погибшего сослуживца. Лицо девочки, которую он тогда так и не смог вытащить из этого ада. Ради нее он готов был на все.

Тогда ему впаяли выговор и отстранили от службы. Величко не дал своему товарищу скатиться в депрессию и забухать, вытащил, внушил веру в то, что однажды они отомстят за ее смерть. И вот теперь этот момент, похоже, настал.

— Иногда мне кажется, что ты живешь в своем придуманном мире, — внезапно сказал капитан, и на его хмуром лице промелькнула тень сомнения. — Сколько раз Милевский откупался от всего этого?

— Тогда не было достаточных улик, чтобы закрыть его всерьез и надолго. Теперь все, больше этот урод не станет топтать землю и уничтожать девчонок. Кончилась его безнаказанность. А ты выше нос, вечером будем гудеть в ресторане.

Величко отхлебнул из чашки с кофе, который принесла хозяйка бара. Выбил из пачки сигарету щелчком пальца, покрутил фильтр между большим и указательным, глядя прямо перед собой.

— Тебя не удивляет, что совещание собрали в такую рань, и оно длится уже больше часа? И что нам велели ждать вызова к Киселеву, а не участвовать напрямую?

— Мы свою работу сделали, — оптимистично отозвался Каменский, отпивая кофе с хорошей дозой коньяка. — Теперь у них просто нет другого выхода. Улики неопровержимы.

— Тебе припомнят несанкционированную операцию.

— Победителей не судят, Гера.

Величко подкурил, все так же задумчиво глядя в стену.

— Кто была эта женщина, в которую ты случайно выстрелил?

На лицо Максима легла тень.

— Мне плевать, кто это такая. Она закрыла своим телом эту гниду. Этого достаточно.

Каменский зря опасался, что его вызовут к начальству сразу же после совещания. Но все равно не мог заснуть, мерил шагами свою холостяцкую квартиру, выпивая одну за одной чашки кофе, а внутри все бурлило от предвкушения.

Он победил. И куда приятнее вероятного продвижения по службе и, чего греха таить, скорой звёздочки на погонах был тот факт, что справедливость восторжествует. Милевский сядет, а уж сам Максим постарается, чтобы у преступника «случайно» остановилось сердце еще в СИЗО.

К трем часам пополудни Каменскому наконец велели явиться в министерство. Что он и сделал, приведя себя в порядок, выгладив форму, на которой не было ни пылинки, ни складки. Впервые за долгое время мужчина чувствовал, что сделал самый верный шаг в своей жизни. Это было сродни эйфории, и он не допускал даже мысли, что кто-то может думать иначе.

Такси доставило его к зданию министерства за четверть часа до назначенной аудиенции. Формальные процедуры пропускной службы, длинный коридор со строгими дверями ведомственных кабинетов, занятые работники.

Сегодня ему хотелось улыбаться всем: и молодым девушкам-практиканткам, и знакомой — следователю по особо важным делам, и еще совсем зеленым сотрудникам, смотревшим на него, как на некую легенду. Казалось, что зло побеждено, и мир стал светлее. Осталось совсем немного, и бизнес главного мафиози лопнет, как уродливый нарыв на теле погрязшего в преступлениях города.

— Лариса, потрясающе выглядишь. Завидую Сережке, — обратился Каменский к эффектной девушке в форме, перебирающей папки с документами. Положил на стол плитку шоколада, подмигнув. — Что там, лед тронулся? Без жертв?

Лариса выронила папку и спрятала растерянный взгляд в рассыпавшихся по полу документах. Кивнула, не глядя на товарища своего мужа, но собрать белые листы бумаги не спешила.

Каменского укололо нехорошим предчувствием. К тому же, фигура Ларисы в пиджаке и юбке напомнила ему фигуру женщины, которая совсем недавно бросилась под пули, закрывая своим телом Работорговца. Максим знал: долго отрицать тот факт, что он в нее выстрелил, не получится. Как и не говорить себе, что это могла быть жертва страшных игр Милевского, а вовсе не его супруга либо любовница. Чтобы усыпить совесть и болезненные аллегории, проще было думать, что та женщина была по уши замешана в грязных делах Работорговца. А то, что она будто специально искала смерти, ему только показалось.

Фонящий зумм селекторной связи заставил Ларису нервно выпрямиться, едва не выронив папку снрва.

— Каменский где?! — грубо рывкнул полковник Харченко. Его манера говорить, в частности, интонация, иногда напоминали блатную феню.

Лариса сглотнула. Ее голос дрожал.

— Он здесь. Я...

— Какого он там? Быстро в кабинет!

Максиму стал неприятно оттого, в каком тоне глава министерства говорит с женщиной. Подумал даже, что после чествований и задушевного разговора осторожно намекнет ему на офицерскую честь. Крутой нрав полковника был известен многим, и Серега уже жалел, что устроил свою жену на столь нервную должность.

— Кушай шоколадку, — улыбнулся расстроенной девушке. — Все образуется.

Вошел в кабинет, все еще пребывая в приподнятом настроении. Наконец-то настал его звёздный час. Сейчас ему, конечно, попеняют для профилактики на самоуправство и нарушение субординации, но затем... Похоже на своем автомобиле, предусмотрительно припаркованном на ведомственной стоянке ещё вчера, уехать не удастся. Новые звезды на погонах принято обмывать коньяком до состояния полного нестояния.

Максим не стал ожидать на пороге кабинета. Пошел прямо к столу, пряча торжество за добродушной улыбкой. А ведь не ошибся же! Харченко стоит у бара с бутылкой марочного коньяка в руках, на столе — два бокала.

Каменский отдал честь, не удивившись, когда его приветствие проигнорировали. Сесть ему тоже не предложили, но согласно торжественному моменту, лучше было стоять.

— Рассказывай, — устало махнул рукой Харченко, наполнив бокал коньяком. Сел, залпом осушил его и расстегнул верхнюю пуговицу кителя, не глядя на визитёра.

— Господин полковник, да рассказывать, собственно, нечего. Все материалы приобщены к делу. Наконец-то у нас есть все основания взять Работоторговца за жабры, и...

Кулак Харченко с такой силой опустил на столешницу, что, показалось на миг, зазвенели оконные стекла, и пустой бокал опрокинулся, с глухим звоном покатился по лаковой столешнице. К подобному Каменский оказался не готов.

Как и к дальнейшему.

— Послушай, ты, гнида! — поджав губы и растягивая слова, произнес Харченко. — Ты совсем страх потерял? Ты что, мудака, охренел? Что ты сделал, ты понимаешь?

Выдержка — главное оружие мужчины, особенно майора милиции. Именно поэтому Максим не запнулся, переваривая услышанное, и не начал лепетать оправдания. Только выпрямил спину, глядя прямо в глаза полковника — несгибаемый, храбрый, уверенный в собственной правоте.

— Я отдаю себе отчет в том, что действовал не по уставу. Но когда мы его соблюдали? В этом случае наша раскрываемость была бы равна нулю...

— Ты, щенок, меня учить вздумал?

Харченко внезапно вскочил с места, опрокинув тяжелое кресло. Его круглое лицо побагровело, а выпученные глаза метали молнии.

— Это не просто залет, майор. Ты допрыгался. Да ты...

Каменский не отступил назад и не попытался остановить полковника, когда тот, пошатываясь и неосознанно держась за сердце, подошел к нему. Только напряг все мышцы тела, готовясь даже принять удар. Понятно было, что за самоуправство ему вставят по первое число, но реакция, мягко говоря, была чрезмерной.

— Ты организовал налет на того, на кого не мел права даже вкаты! Сфабриковал улики

и думаешь, тебе с рук сойдет?! Ты ничего не попутал, debil?

— Улики, — повторил Каменский, не изменившись в лиц.

Даже тогда, когда пришло осознание. Шокирующее своей несправедливостью, болезненное... поглощающее.

— Какие улики? Моли бога, гнида, за то, что я отмазал тебя от следствия и суда! Зато, что ты просто сейчас летишь на хер из рядов доблестной милиции... и что я не грохнул тебя прямо здесь, как неадекват, посмевшегося устроить покушение на Михаила Милевского!..

Тяжёлая, потная ладонь Харченко вцепилась в плечо Макса. Рывок, и планка погона оторванная, полетела на пол. В следующие несколько секунд та же участь постигла вторую.

Харченко вновь схватился за сердце и отошел к столу, уперся в него ладонью.

Милевский перевел взгляд на майорские пионы, валяющиеся на зеленом ковровом покрытии. Смотрел, стараясь не позволить огромной чёрной дыре внутри поглотить его прямо здесь и сейчас.

— Сколько? — не замечая побелевшего лица полковника, его хриплого дыхания, спросил, не надеясь на ответ. — Сколько это тварь вам всем заплатила, чтобы выйти сухим из воды?! Чтобы вы уничтожили улики и того, кто знает правду?

— Вон! — заорал Харченко, вновь ударяя кулаком по столу. — Вон, пока я не пустил тебе пулю в лоб за попытку нападения!

Каменский вышел прочь. Выдержка спасла его на этот раз. Ровно настолько, чтобы выйти, подмигнуть Ларисе, которую тут же вызвали в кабинет, пройти в большой коридор министерства...

— Максим Игоревич, вы немедленно должны сдать табельное оружие и подписать бумаги... с сегодняшнего дня вы не являетесь более сотрудником правоохранительных органов, — преградили ему дорогу двое министерских служащих.

Максим криво усмехнулся. Проигравший, дошедший до края пропасти, он ни за что не собирался им показывать, какой переворот только что произошел у него внутри.

— Конечно. Уладим эти формальности.

Тьма завертелась, поглощая, стирая все, что ранее казалось правильным, неоспоримым. Подменяя понятия и запуская в сознании мужчины отравленные черные побеги.

Я проиграл системе.

Теперь моя цель — выжить. Потому что никому не нужен такой опасный свидетель. И надо начинать выживать уже прямо сейчас...

...Молния прошла темный свод беспамятства, осветив все вокруг призрачным светом.

Он не погас, и я открыла глаза. Не понимая, где нахожусь, заплакав от боли в правом плече и легком. Руки и ноги с трудом слушались меня.

И тут в мою спасительную темноту ворвались звуки. Писк аппаратуры, топот ног, чьи-то крики. Я испуганно оглянулась, пытаюсь сфокусироваться.

Несколько белых халатов. Щупают пульс на шее, пытаются посветить фонариком в глаза, удерживают, не позволяя встать.

— Всем хорошо, милая, — тепло говорит доктор, похожий на книжного Айболита. — Вы родились в рубашке! Пуля не задела жизненно важных органов...

— Где я? — пытаюсь сказать, но закашливаюсь, и тело разрывается болью. Но она быстро проходит, видимо, меня накачали ядреным обезболивающим.

— Все хорошо, вы в больнице. Ранение и потеря крови, но операция прошла успешно.

Теперь вам нужно поправляться.

Кто-то что-то говорит на ухо доктору. Он теряет, но все же кивает.

— Конечно. Но не более десяти минут, ей нужен покой!..

Они уходят, доктор напоследок улыбается улыбкой, от которой хочется жить. Но я боюсь улыбаться в ответ, потому что каждое движение причиняет боль. Я слаба, как никогда прежде. Даже после того, как меня откачивали от истязаний горилл в подвале, был гораздо больше сил...

— Виктория! Девочка моя!

Мир замирает... а затем падает вместе со мной в бездну. И тело сковывает пронзительным холодом.

Я знаю этот голос. Это мой ад. Мой кошмар, от которого я пыталась сбежать, но так и не сумела. Меня спасли для того, чтобы снова отдать в руки этому монстру!

Лукас садится на край моей постели. Я смотрю в его лицо, светлые глаза, в которых больше нет холодного льда непримиримости и жестокости. В них то, что видеть никому и никогда не приходилось. Восхищение, растроганность, благодарность... и то, что я там видеть не хочу.

Видеть следы вируса суки под названием Любовь.

Он сжимает мою руку. Это причиняет боль, но я ее не замечаю. Я в шаге от того, чтобы взвыть. Я не смогла сбежать. Я снова проиграла.

— Золотая моя... ты... ты спасла мне жизнь... ты закрыла меня собой... Виктория, моя неуязвимая и смелая... Моя Алмазная Грань!

Господи, о чем он? Кого я закрыла собой? Что он говорит? Это злая шутка? Так не бывает, так просто не может быть!

— Никто бы не сделал этого для меня... ты и Сашка, единственные. Он немного не успел... но ты, моя храбрая Грань, ты ради меня...

Силы тают. Чтобы не повалиться в беспамятство, я непроизвольно сжимаю его пальцы в ответ. И тут же волна чужих эмоций вливается в мою кровь и бежит по венам, не зная преград.

— Я теперь все для тебя сделаю. Что хочешь, проси. Все тебе отдам! Я не ошибся в тебе! Все, слышишь?! Моя любимая... ты ради меня едва не убила!

Сознание пытается убежать от этой экспрессии. Я сжимаю руку Лукаса сильнее. И чувствую, как будто все его силы перетекают ко мне. Энергия глуши боль, бьет ключом, заполняет, и это безумно хорошо.

Я как вампир. Только я пью не кровь, а его жизненные силы. Пью жадными глотками захлеб.

— Ты... — его голос начинает дрожать. — Ты сделала это для меня? Потому, что я тоже тебе дорог?

Поднимаю руку с тентаклями капельниц, и больше не замечаю боли. Первый шок схлынул. И теперь в моей крови бурлит что-то незнакомое, темное, бездушное, похожее на холодный расчет. Ничего удивительного, если знать, у кого я отбираю силы в одно касание!

Кладу ладонь на его щеку, ощущаю легкую щетину. И понимаю, что каким-то образом обрела способность говорить, не вздрагивая от боли.

— Конечно, Михаил, — ложь слетает с моих губ легко, словно вдох и выдох. — Я просто не знала, как буду жить без тебя...

Мое тело и сознание буквально колотит от мощнейшего антидота чужих обнаженных

чувств. Таких лакомых и уязвимых, пей до забвения, и никогда не будет много. Голос Лукаса все тише. А я ощущаю, что у меня хватит сил сейчас свернуть горы, только бы источник этой энергии находился рядом и продолжал держать меня за руку.

Он говорит о том, что откроет мне весь мир. Что теперь у него никаких сомнений в моей преданности и чувствах. Что он хочет видеть меня партнером и супругой. Что едва не погиб, когда понял, что в меня выстрелили — от мысли, что я могу умереть.

Эти чувства искренние. Фальшь никогда не насытит кровь энергией жизни. А я ощущаю, как внутри просыпается темное, злорадное естество.

Сжимаю его ладонь еще сильнее и, открыв рот, пью. Пью его силы из бокала обнажённой души жадными глотками. Не надо никаких лекарств. Я выпью того, кто сейчас так беззащитно отдан мне на растерзание.

Лукас меняется в лице. Подносит руку ко рту и заходится в приступе кашля. Пытается отнять руку, но я держу ее, словно канат, сброшенный с борта корабля в открытом море...

Его ладонь в крови. А мне стоит огромных усилий не улыбнуться.

— Спать... — имитирую слабость в голосе и закрываю глаза. Только тогда разжимаю пальцы, чтобы не убить ненароком своего персонального донора.

Но он сам идет в свою западню. Целует мои руки, шепчет, задыхаясь от нежности и надрыва, вздрагивая от переполняющих чувств.

А я упиваюсь собственной победой. И обещаю себе в этот момент взыскать сполна все, что мой персональный монстр, ставший ручным чудовищем, еще сможет мне дать...

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net